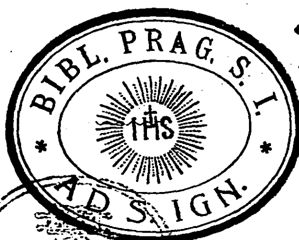
AVEDEEV

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА

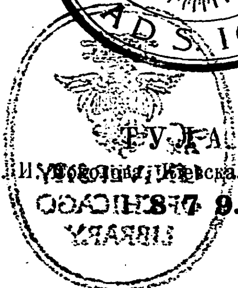
отъ XVII вѣка до настоящаго времени.

СОСТАВИЛЪ

П. Заведеевъ, преподаватель Тульской Духовной Семинаріи.

ТУЛА.
Типографія Н. И. Соколова, Кіевская улица, домъ Козловыхъ.
1879.

От Московскаго Комитета для цензуры духовных книг печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, февраля 22 дня 1879 года.

Цензор Священник Михаил Боголюбскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашего изданія состоитъ собственно въ томъ, чтобы восполнить пробѣлъ Исторіи Русскаго Проповѣдничества новаго періода, котораго не достаетъ въ имѣющихся у насъ разныхъ изданіяхъ по Исторіи Русскаго Проповѣдничества. Но я долженъ объяснить, почему начинаю свое изданіе не прямо съ третьяго періода, а съ XVII вѣка, то есть съ эпохи вліянія южно-русскаго проповѣдничества на сѣверно-русское.

Схоластическій періодъ дѣлится на двѣ эпохи: на эпоху юго-западнаго схоластическаго проповѣдничества и на эпоху сѣверно-русскаго проповѣдничества, которое находилось подъ вліяніемъ перваго. Но если вникнуть во внутренній и даже внѣшній характеръ проповѣдей обѣихъ эпохъ, то между ними окажется большое различіе. Проповѣдники юго-западнаго схоластическаго направленія создали для проповѣди одну внѣшнюю форму, проповѣдники же сѣверно-русскіе вложили въ эту форму жизнь. Они внесли въ сѣверную Россію просвѣщеніе и положили начало русской самостоятельной проповѣди. Хотя въ ихъ проповѣди и замѣтны слѣды ихъ прежняго воспитанія въ католическихъ школахъ, но эти слѣды были какъ капля въ морѣ. Жизнь русскаго общества, его стремленія освободиться отъ оковъ вѣковаго невѣжества, съ другой стороны разные недостатки простаго народа заставили просвѣтителей, прибывшихъ съ юга на сѣверъ отказаться отъ традицій схоластической гомилетики и внести въ свою проповѣдь элементъ жизненный, касавшійся интересовъ времени. Поэтому, если проповѣди сѣверно-русскихъ проповѣдниковъ по нѣкоторымъ пріемамъ и можно отнести къ періоду схоластическому, то по

внутреннему характеру и содержанію своему онѣ больше принадлежатъ къ новому періоду проповѣди самостоятельной, и многія изъ нихъ представляютъ въ этомъ отношеніи образцы, достойные подражанія. Они приготовили и проповѣдниковъ такъ называемаго новаго періода, которые хотя и избѣгали схоластическихъ пріемовъ и даже порицали своихъ предшественниковъ за употребленіе ихъ въ проповѣди(*); но вмѣстѣ съ тѣмъ они и подражали имъ, проповѣдуя сообразно съ обстоятельствами и потребностями времени; а нѣкоторые изъ проповѣдниковъ новаго времени не ускользнули и отъ схоластическаго вліянія проповѣди по тону и характеру своей рѣчи. Таковы напр. проповѣдники Елизаветинскаго періода. Значитъ между эпохой XVII вѣка и новымъ періодомъ есть связь, и многія явленія въ исторіи новаго періода не могли бы быть объяснены безъ изложенія эпохи предшествующей, которую, поэтому, правильнѣе назвать эпохою „переходною“, отразившеюся и на хорошей и на дурной сторонѣ русской проповѣди 18-го вѣка. Вотъ почему мы начинаемъ свое изданіе съ этой эпохи.

Статьи наши были помѣщаемы въ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1878 году.

(*) Феофанъ Прокоповичъ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА ОТЪ XVII ВѢКА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Эпоха вліянія южно-русскаго проповѣдничества на сѣверно-русское.

Стремленіе къ просвѣщенію на сѣверѣ Россіи; потребность въ книгахъ и образованныхъ людяхъ. Переходъ югозападной образованности въ Москву вмѣстѣ съ проповѣдничествомъ. Представители юго-западнаго схоластическаго проповѣдничества на сѣверѣ Россіи.

Въ половинѣ XVII вѣка, въ Москвѣ, особенно въ высшихъ слояхъ общества, замѣтно стало обнаруживаться стремленіе къ просвѣщенію, которому уже не могли удовлетворить туземные грамотники. На зовъ этого стремленія переходили съ юга въ Москву разныя книги, пріѣзжали ученые люди, которымъ поручалось устройство училищъ, переводъ и печатаніе книгъ. Въ числѣ первыхъ книгъ, перешедшихъ въ Москву еще въ началѣ XVII в. были: „Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона и Катихизисъ Лаврентія Зизанія. Первымъ вызовомъ ученыхъ изъ Кіева былъ вызовъ, сдѣланный Алексѣемъ Михаиловичемъ, по желанію боярина Ртищева въ 1649 г. для заведеннаго имъ училища въ андреевскомъ монастырѣ. Прибывшіе по этому вызову иноки составили ученое братство, которое трудилось не только въ училищѣ, но и при исправленіи богослужебныхъ книгъ, а также переводѣ и печатаніи отеческихъ сочиненій. Съ этого времени кіевскіе ученые составляютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, около котораго преимущественно сосредоточивается образованіе и литературная дѣятельность. Вмѣстѣ съ другими явленіями науки и образованности перешла въ Москву изъ юго-западной Россіи и проповѣдь. Собственной проповѣди въ Москвѣ давно уже не было. При совершенномъ упадкѣ просвѣщенія въ духовенствѣ, не только не было людей способныхъ учить народъ живымъ словомъ, но даже образовалось въ XVII в. странное мнѣніе, что проповѣдь ведетъ къ ереси. Когда одинъ священникъ города Орла пермской губерніи вздумалъ говорить проповѣди сво-

его сочиненія, то встрѣтилъ сильное противодѣйствіе во многихъ изъ своей паствы, которые говорили, „что онъ вводитъ новость, что-то странное, чего прежде не было“.

Вмѣсто проповѣдей, читались въ церквахъ избранныя слова изъ отцевъ церкви. Съ приходомъ съ Москву юго-западныхъ ученыхъ, явилась самостоятельная проповѣдь, которая вначалѣ малымъ чѣмъ отличалась отъ проповѣдей схоластическихъ; но впослѣдствіи времени, подъ вліяніемъ практическаго русскаго духа и разныхъ обстоятельствъ жизни русскаго общества и государства, она приняла болѣе практическое направленіе и сдѣлалась руководительницею русскаго общества. Представителями южно-русскаго направленія въ проповѣди XVII вѣка были въ сѣверной Россіи: Епифаній Славинецкій; менѣе его слѣдовалъ пріемамъ юго-западной проповѣди Симеонъ Полоцкій и еще менѣе— одинъ Орловскій священникъ, неизвѣстный по имени, который, сознавъ непригодность южно-русскихъ проповѣдей, какъ образцовъ для проповѣди невѣжественному народу, много и усердно трудился надъ измѣненіемъ пріемовъ, рекомендуемыхъ этими проповѣдями. Св. Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій внесли также много жизненнаго элемента въ свои проповѣди; но, какъ получившіе образованіе въ юго-западныхъ и заграничныхъ польскихъ школахъ, они не могли совершенно отрѣшиться отъ преданій южно-русской гомилетики и часто пользовались въ своихъ проповѣдяхъ тѣми пріемами, которые она рекомендовала. Новый совершенно практическій характеръ получаетъ проповѣдь съ Өеофана Прокоповича, начавшаго свою просвѣщенную дѣятельность при Петрѣ Великомъ.

Епифаній Славинецкій.

Его образованіе; вызовъ въ Москву. Литературныя работы; дѣятельность проповѣдническая. Слова къ священникамъ и монахамъ,—противъ раскольниковъ и о милосердіи. Внѣшняя сторона проповѣдей Славинецкаго.

Въ числѣ мужей, вызванныхъ съ юга Россіи просвѣщать сѣверное царство выдается своимъ значеніемъ, ученостію и трудолюбіемъ Епифаній Славинецкій. Получивъ образованіе въ кіево-могилянской коллегіи, онъ ѣздилъ учиться за границу и, по возвращеніи оттуда, сдѣланъ былъ учителемъ въ

кіевскомъ братскомъ училищѣ. Отсюда, вмѣстѣ съ другими учеными монахами, онъ вызванъ былъ въ 1649 г. въ Москву и для обученія русскаго народа свободнымъ наукамъ и для перевода греческихъ книгъ“. По прибытіи въ Москву, Епифаній сдѣлался начальникомъ патріаршаго училища въ Чудовомъ монастырѣ и главнымъ справщикомъ книгъ. Трудился онъ въ Москвѣ для образованія общества около 26 лѣтъ.

Литературная дѣятельность Епифанія была обширна, разнообразна и плодовита: онъ занимался переводомъ отеческихъ греческихъ книгъ и исправленіемъ книгъ богослужебныхъ; кромѣ того онъ выпросилъ себѣ позволеніе исправить славянскій текстъ Библіи и хотѣлъ знакомить русское общество своими переводами съ разными сочиненіями по части свѣтской науки. Самостоятельное авторство Епифанія было дополненіемъ къ этой работѣ и обнаруживалось въ составленіи разныхъ теоретико — богословскихъ трактатовъ, историческихъ сочиненій и даже церковныхъ службъ. Епифаній былъ человѣкъ науки, а не жизни. Между тѣмъ патріархъ Никонъ сдѣлалъ его оффиціальнымъ проповѣдникомъ въ соборахъ, согласно существовавшему тогда обычаю на югѣ Россіи, и Епифаній долженъ былъ взять на себя эту обязанность, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ сочувствовалъ ей.

Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произношенія съ каѳедры, а какъ образцы для общаго употребленія и руководства; таковы напр. три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. Слова эти признаются лучшими за ихъ сравнительно болѣе практическое направленіе.

На проповѣдяхъ Славинецкаго вполнѣ отразился его личный характеръ. Какъ самъ онъ былъ не практическимъ дѣятелемъ, а ученымъ, въ тиши монашеской кельи занимавшимся переводомъ и исправленіемъ книгъ, такъ и его проповѣди имѣютъ не практическій, а созерцательный характеръ, исключая словъ упомянутыхъ выше, которыя были написаны не для прознесенія съ церковной каѳедры и въ которыхъ представлялся Славинецкому случай говорить о тѣхъ занятіяхъ, которымъ онъ былъ преданъ.

Слова общеназидательныя, произнесенныя съ церковной каѳедры, содержатъ въ себѣ объясненія догматовъ православной вѣры, правилъ христіанской нравственности, раскрытіе разныхъ текстовъ Библіи и похвалу въ честь святыхъ. На первомъ планѣ во всѣхъ проповѣдяхъ этого рода стояла истина, а потомъ народъ, которому онъ говорилъ; и въ народѣ этомъ обращали на себя вниманіе проповѣдника потребности общехристіанскія, а не временныя нужды. По этому, на основаніи словъ Епифанія, нельзя составить характеристики времени и мѣста, въ которомъ онъ обращался при своей жизни. Почти всѣ его слова можно было произносить въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Общій предметъ теоретической мысли или признанное всѣми правило христіанской нравственности,—вотъ общая тема проповѣдей Епифанія. Въ словахъ историческихъ и похвальныхъ проповѣдникъ рисуетъ въ общихъ чертахъ добродѣтели и славу похваляемыхъ лицъ. Нравственныя приложенія къ слушателямъ у Епифанія есть почти въ каждой проповѣди, но эти приложенія, за не многими исключеніями, характера общаго. Въ заключеніи слова на „страсть Христову“ проповѣдникъ говоритъ: „раздеремъ жестокое сердецъ нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетасму... и злосмрадныя душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержимъ страсти, а отъ смерти грѣховныя освободимся, и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителемъ смерти побѣдоноснымъ, Ему же слава“. Въ заключеніи слова, сказаннаго при освященіи храма изъ текста: „быша же обновленія въ Іерусалимѣ, и зима бѣ“—Славинецкій говоритъ: „обновленіе сего храма празднующе, аще хощемъ новыя благодати Божія виномъ души наши напоити, не будемъ мѣхи ветхіи, извержимъ изъ сердецъ нашихъ смертоносную грѣхопаденій ветхость, облецемся въ новыя правды ризы, не прилагаимъ къ тѣмъ ветхаго неправды прилога, обновимся обновленіемъ добродѣтельныя жизни, отложимъ ветхаго человѣка, тлѣемаго по похотямъ лести, облецемся въ новаго человѣка, по Богу созданнаго, въ правдѣ преподобіи и истины, будемъ новіи мѣхи, да новымъ благодати Божія виномъ напоимъ души наша“...

Другой элементъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго составляютъ таинственныя и символическія толкованія. Склон-

ный къ отысканію во всемъ таинственнаго или преобразовательнаго смысла, Епифаній является тонкимъ совопросникомъ. Явленіямъ природы, событіямъ исторіи и тексту Библіи онъ даетъ вездѣ духовный, символическій высшій смыслъ. Символическія толкованія Епифанія часто занимательны и интересны и могутъ возбуждать человѣка къ благочестивымъ размышленіямъ, но никогда не имѣютъ въ виду никакихъ практическихъ примѣненій къ жизни христіанской. Въ словѣ изъ текста: „благословиши вѣнецъ благости твоея“ проповѣдникъ предлагаетъ вопросъ: „что есть вѣнецъ благословенный“? и отвѣчаетъ: „благословенный и многоцѣнными одушевленными камнями удобренный Христа нашего вѣнецъ есть единая святая каѳолическая церковь, якоже Григорій Нисскій учительствуетъ“. Другая проповѣдь представляетъ Христову церковь въ лицѣ „благообразной Рахили, которая пасла овецъ отца своего Лавана и украла его идоловъ“.

При такомъ направленіи мысли Епифанія, его проповѣдь удовлетворяетъ больше пытливости христіанской, чѣмъ нравственной назидательности. Не рѣдко говоритъ проповѣдникъ въ своихъ поученіяхъ противъ такихъ лжеучителей, которые существовали во времена давно прошедшія и которые не смущали ни его совѣсти, ни совѣсти его слушателей. Онъ упоминаетъ о гностикахъ, манихеяхъ новатіанахъ и т. п. Въ такихъ проповѣдяхъ было больше интереса ученаго, историческаго, чѣмъ живаго назидательнаго.

Южно-русская проповѣдь часто для разъясненія извѣстныхъ священныхъ истинъ дѣлала указанія на лица и событія языческой исторіи. Въ словахъ Епифанія Славинецкаго постоянно встрѣчаются указанія на событія и лица языческой исторіи, изреченія мудрецовъ неизвѣстныхъ христіанству. Разительные факты изъ языческой и гражданской исторіи могутъ быть приводимы съ пользою въ церковномъ словѣ, если они нужны для болѣе нагляднаго подтвержденія какой нибудь истины; но если проповѣдникъ безъ нужды прибѣгаетъ къ истинамъ, не слышнымъ въ церкви, изъ желанія щегольнуть своею ученостію, то онъ можетъ повредить только впечатлѣнію. Для людей незнакомыхъ съ свѣтскою мудростію гораздо понятнѣе слова св. апостоловъ и отцовъ, чѣмъ мудрецовъ языческихъ. Между тѣмъ Епифаній на равнѣ—съ писаніями, принятыми и уважаемыми цер-

ковію, цитуетъ, напр. Одиссею. Въ словѣ о постѣ выставляется мнѣніе Епиктета, который говорилъ, что весь кругъ земной опустошаютъ двѣ тягчайшія злобы нетерпѣніе и невоздержаніе, и потому положилъ двѣ главныя заповѣди для человѣка: „терпи и воздержись: Онъ приводитъ свидѣтельства изъ Плутарха и другихъ языческихъ историковъ и философовъ, напр. Демокрита. Въ одномъ словѣ, убѣждая христіанъ заботиться о созиданіи и благолѣпіи храмовъ, онъ описываетъ храмъ, воздвигнутый въ Ефесѣ Артемидѣ и примѣромъ идолослужителей хочетъ пробудить христіанъ къ этому дѣлу.

Несравненно большій интересъ имѣютъ тѣ слова Епифанія Славинецкаго, которыя написаны были имъ по нуждамъ своего времени, но которыя по самому назначенію своему не могли всѣ произноситься съ церковной каѳедры. Таковы три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, одно противъ раскольниковъ и три слова о милосердіи. Эти проповѣди чужды отвлеченнаго характера и полны жизни. Три слова Епифанія къ священникамъ раскрываютъ ихъ пастырскія обязанности. При патріархѣ Никонѣ невѣжественный, до неразумія привязанный къ богослужебному обряду и къ книжной церковной буквѣ раскольническій духъ весьма сильно волновалъ русскій народъ и возобладалъ надъ многими малограмотными священниками, которые не хотѣли повиноваться разумно-дѣйствующей высшей церковной власти. Вотъ почему Славинецкій въ первомъ и третьемъ словѣ къ священникамъ съ новымъ ревніемъ учитъ ихъ благопокорливости и благопослужливости въ отношеніи къ архіереямъ богоизбраннымъ, бдящимъ о душахъ ихъ, совѣтуетъ пастырямъ церкви „иныя вяжуще, связать самихъ себя благоплетенною узою любви Божія, иныя рѣшающе, рѣшать злоплетенную пленицу своихъ грѣхопаденій“. Всеобщее невѣжество народа было одною изъ главныхъ причинъ раскола. Епифаній, какъ ученѣйшій мужъ своего времени, болѣе другихъ сознавалъ это; и онъ убѣждаетъ священниковъ внушать на исповѣди духовнымъ дѣтямъ заботу объ устроеніи училищъ. „Пецыйся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душею елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія еже устроити училища вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши остав-

леніе". Во второмъ словѣ Епифаній говоритъ о необходимости для церковнаго пастыря вести чистую непорочную жизнь.

Слово къ монахамъ требуетъ, чтобы монахъ въ своей жизни вполнѣ соотвѣтствовалъ идеалу подвижника. Постоянный плачъ о грѣхахъ, смиреніе и воздержаніе—вотъ добродѣтели, которыя должны украшать истиннаго монаха. «Ибо, спрашиваетъ Епифаній, кому подобны тѣ монахи, которые пренебрегши душеполезнымъ воздержаніемъ, наполняютъ чрево свое вкусными явствами, и которые презрѣвши приличную для монаховъ нестяжательность, стремятся къ пріобрѣтенію тлѣнныхъ богатствъ, одеждъ и другихъ подобныхъ мірскихъ вещей для своего удовольствія,—кому подобны сіи?... Далѣе онъ совѣтуетъ монахамъ чуждаться мірскаго общества и пребывать въ безстрастіи и послушаніи.

Три слова противъ раскольниковъ написаны съ цѣлію вразумить и направить на истинный путь тѣхъ ревнителей старины, которые шли противъ исправленія богослужебныхъ книгъ и которые по этому случаю стремились отдѣлиться отъ истинной православной церкви. Въ одномъ изъ этихъ словъ проповѣдникъ, послѣ раскрытія мысли о вѣчной враждѣ діавола противъ благодатнаго царства, при изъясненіи двухъ знаменій апокалипсиса о женѣ и о зміѣ, говоритъ, что жена—святая Божія церковь, а змій діаволъ. На семи главахъ змія было 7 вѣнцовъ, которые означаютъ «седмь главныхъ еретиковъ» (Арія, Македонія, Аполлинарія, Несторія и другихъ). Къ нимъ относятся раскольники и мятежники настоящаго вѣка, сами отторгающіеся отъ церкви Христовой и другихъ отторгающіе. Въ этомъ же словѣ проповѣдникъ развиваетъ мысль о значеніи и важности архіереевъ и священниковъ и убѣждаетъ повиноваться имъ; потомъ исторіею защищаетъ дѣло исправленія книгъ, указывая, между прочимъ на то, что самая божественная литургія нѣсколько разъ сокращалась и исправлялась.

Гораздо интереснѣе другихъ 3-е слово противъ раскола «на непокорники церкви отъ лица тоя», гдѣ сама церковь говоритъ своимъ возлюбленнымъ чадамъ увѣщательное слово: «До нынѣ я терпѣла лживоглаголющихъ, народно не говорила о нихъ; но молчала, ожидая ихъ обращенія и покаянія, но нынѣ зрю ихъ необращающихся, а лающихъ на

святыя таинства, и смущающихъ паству, и не терплю прочее, видя овчата восхищаема». Раскольники хотятъ казаться изряднѣйшими богословами и искусными сказателями сокровенныхъ таинствъ въ божественныхъ писаніяхъ, а на дѣлѣ они слѣпые невѣжды, едва письмена слагати навыкшіи, грамматическія же хитрости (не помяну риторскія философскія и богословскія, ими же все состоится божественное писаніе) ниже начеипіи вкушати. И такіе люди дерзаютъ, по своему невѣжеству, божественныя писанія толковати, паче же развращати, облуждати и осуждати богоискусныхъ мужей славенска и греческа языка... Не хотятъ видѣть они, что не вѣра въ догматахъ исправляется, а только нѣкоторыя рѣченія, измѣненныя то неудомѣніемъ и описками невѣжествующихъ писцовъ, то не призрѣніемъ и невѣжествомъ правителей типографіи, то потому, что не было у типографскаго правленія древнихъ рукописныхъ книгъ. И нынѣ такія погрѣшности по возможности исправляются въ древнихъ книгахъ... И такъ православно-россійскій народъ, не сомнися, обрѣтая въ новопечатныхъ книгахъ нѣкія перемѣны; то не суть превращанія, ниже развращенія, или ереси. Вѣруй мнѣ, матери своей... я не дамъ вамъ камня, вмѣсто хлѣба, не подамъ змію и скарпію вмѣсто рыбы“. Это говоритъ человѣкъ, защищающій отъ невѣжественныхъ людей дѣло исправленія книгъ, которое составляло существенную потребность времени, и которому онъ самъ былъ преданъ всецѣло.

Весьма также интересно слово Епифанія о милосердіи, представляющее обширное изслѣдованіе объ этой добродѣтели, въ которомъ много глубокихъ и свѣтлыхъ мыслей. Слово раздѣляется на три бесѣды. Въ первой бесѣдѣ показывается важность и великое значеніе милосердія, во второй говорится о лицахъ, которымъ прежде всего надобно благотворить, въ третьей о необходимости учрежденія „братства, или общества милосердія“. „Милость, говоритъ Епифаній въ первомъ словѣ, есть сердечное и умное движеніе, сочувствіе нуждѣ человѣческой, выражающееся или однимъ желаніемъ помочь человѣку, или дѣятельною помощію“. Вторая бесѣда научаетъ благоразумному подаянію милостыни, а не безъ разбора. „Если ты видишь просителя здороваго и не состарѣвшагося и даешь ему милостыню, то самъ дѣлаешься общникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ

скитающіеся гуляки, обманщики, какъ много таскается по улицамъ здоровыхъ женщинъ съ малыми дѣтьми, а еще болѣе дѣвицъ. Иные за деньги нанимаютъ малыхъ дѣтей и чрезъ нихъ собираютъ милостыню, а ночи проводятъ во всякомъ безчинствѣ". Проповѣдникъ совѣтуетъ прежде всего помогать тѣмъ бѣднымъ, которые, хотя сидятъ дома и не ходятъ по улицамъ за милостынею, но которые переносятъ такую великую нужду, какой нельзя встрѣтить на улицахъ. Къ такимъ онъ относитъ іереевъ и діаконовъ, служащихъ душамъ человѣческимъ, между тѣмъ не имѣющихъ никакихъ доходовъ или имѣющихъ малыя и скудныя,—вдовъ и сиротъ, странниковъ и пришельцевъ, разорившихся отъ болѣзни, пожара, кражи и наконецъ уже просителей народныхъ. Югозападныя «братства» внушили Славинецкому мысль для призрѣнія бѣдныхъ и для устраненія безчинства составить братство или общество милосердія. Эту мысль онъ высказываетъ въ третьей части своего слова. „Дѣло милости, говоритъ онъ, тогда будетъ имѣть хорошій успѣхъ, когда многіе совокупными усиліями будутъ стараться достигать одной цѣли... Кто будетъ давать деньги, а кто помогать своимъ трудомъ. Каждое воскресенье будутъ братья сходиться для разсужденія между собою и выберутъ изъ среды своей десять распорядителей. Постоянные посѣтители будутъ приходить и извѣщать братію о человѣческихъ нуждахъ. Братія будетъ обсуждать: кому, чѣмъ и сколько помочь, смотря по надобности: инымъ бѣднымъ можно давать временное пособіе, другимъ постоянное—до самой смерти. Женщины могутъ составить свое общество милосердія и, собравши пожертвованія могутъ еженедѣльно отсылать въ главное всепріятилище". Наконецъ Епифаній предлагаетъ устроить кассу и давать изъ нея бѣднымъ взаймы, а если много будетъ денегъ въ кассѣ, то можно давать и имущимъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ лихвы.

Внѣшній характеръ изложенія въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго соотвѣтствуетъ внутреннему характеру его мысли. Епифаній любилъ символизмъ,—подъ внѣшнимъ подразумѣвалъ внутреннее; поэтому и рѣчь его была полна метафорами, не для всякаго доступными, а съ другой стороны вычурными и натянутыми. Онъ постоянно рисуетъ образы, подбираетъ метафору къ метафорѣ и въ одномъ, напр. сло-

вѣ приглашаетъ слушателей „изсѣчь душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердецъ пагубоносный волчецъ лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украсить благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей“. Языкъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго — чистый славянскій(*).

Симеонъ Полоцкій.

Происхожденіе и образованіе Симеона Полоцкаго. Его значеніе при царскомъ дворѣ. Характеръ его литературной дѣятельности вообще. Проповѣдническая дѣятельность Симеона. Сборники его поученій. Практическое направленіе его проповѣди. Языкъ. Слѣды вліянія схоластической гомилетики на проповѣдь Полоцкаго.

Послѣ Епифанія Славинецкаго самымъ виднымъ представителемъ югозападнаго образованія въ Москвѣ былъ Симеонъ Полоцкій. Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситіановичъ Полоцкій родился въ апрѣлѣ 1629 года, въ Бѣлоруссіи. Образованіе получилъ въ знаменитой кіевской коллегіи и довершилъ его въ польскихъ католическихъ школахъ. Монашество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Симеона онъ принялъ въ Полоцкомъ Богоявленскомъ братскомъ училищѣ. Съ способностями живыми, съ словомъ легкимъ и свободнымъ, съ образованіемъ, удовлетворявшимъ широтѣ тогдашнихъ требованій, ему не трудно было пріобрѣсти себѣ славу много свѣдущаго человѣка и блестящаго оратора. Такому человѣку тѣсно было въ сферѣ провинціальной, въ партіи угнетенной, постоянно долженствовавшей отстаивать свои права отъ нападенія поляковъ. Когда Алексѣй Михайловичъ, во время похода въ Лифляндію (1656) былъ въ Полоцкѣ, Симеонъ постарался обратить на себя его вниманіе искусно и

(*) О Епифаніѣ Славинецкомъ см. Тр. К. Д. Акад. 1861 г. т. 2 и 3. Опис. рук. синод. библ. отд. 11 ч. 3, № 247, стр. 199—206. Ист. р. слов. Порфирьева, стр. 551.

складно сказанною похвалою ему, какъ побѣдителю. Увѣрившись въ покровительствѣ царя, Симеонъ отправился въ Москву искать счастія и надежда не обманула его. Въ Москвѣ Полоцкій является наставникомъ царскаго наслѣдника Θеодора Алексѣевича, воспитателемъ и собесѣдникомъ другихъ членовъ семейства Алексѣя Михайловича и пріобрѣтаетъ такую силу, какою могли располагать самые приближенные придворные. Онъ пользуется особенными милостями государя по устройству своего внѣшняго положенія, пріобрѣтаетъ вліяніе на дѣла церковныя, не занимая высшихъ іерархическихъ степеней, и впослѣдствіи, когда Θеодоръ Алексѣевичъ сдѣлался царемъ, пользуется такимъ почтительнымъ уваженіемъ послѣдняго, какимъ обыкновенно пользуется вліятельный учитель у своего послушнаго ученика. Такому значенію при дворѣ Полоцкій былъ обязанъ сколько своимъ личнымъ заслугамъ для двора, по воспитанію царевича Θеодора, столько своему тонкому, изворотливому уму, благодаря которому, онъ всегда умѣлъ найдтись, чтобы сказать кстати, подѣйствовать на нужнаго человѣка, раздѣлить съ нимъ пріятное и полезное: онъ услаждалъ своими бесѣдами Θеодора Алексѣевича и самаго Алексѣя Михаиловича; отъ него много узнала Софія Алексѣевна, и съ нею онъ устроялъ во дворцѣ драматическія представленія своего собственнаго сочиненія. Въ скучный древній теремъ его вліяніе вносило жизнь, разнообразное и скромное, возможное тогда, развлеченіе. Неудивительно, что къ нему привязались наши цари и царевны. Значенію Симеона много также содѣйствовала его обширная литературная дѣятельность, касавшаяся интересовавшихъ тогдашнее общество вопросовъ.

Литературная дѣятельность Полоцкаго представляетъ его не столько человѣкомъ сосредоточенной мысли, сколько даровитымъ общественнымъ писателемъ. Въ этомъ отношеніи замѣтно явное различіе между Епифаніемъ Славинецкимъ и Симеономъ Полоцкимъ. Симеонъ Полоцкій больше ораторъ, чѣмъ ученый, больше литераторъ, чѣмъ мыслитель. Онъ пишетъ много, и пишетъ скоро, почти по всѣмъ отдѣламъ литературы; но въ самыхъ ученыхъ его работахъ (Вѣнцѣ вѣры) мы видимъ готовые результаты, не добытые имъ самимъ, а занятые имъ изъ чужихъ трудовъ. Основаніемъ для «Вѣнца Вѣры», гдѣ онъ представилъ христіанамъ полную догмати-

ку, послужили тѣ уроки, какіе преподавалъ онъ своему питомцу Θеодору Алексѣевичу. Здѣсь много познаній, много начитанности, большое знакомство съ чужими мнѣніями, но нѣтъ оцѣнки и критики ихъ. Въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ раскольниковъ «Жезлѣ духовномъ» онъ является опять таки скорѣе общественнымъ писателемъ, нежели ученымъ изыскателемъ, человѣкомъ не науки, а жизни. Онъ былъ глашатаемъ новыхъ идей, передовымъ общественнымъ дѣятелемъ своего времени. Онъ стоялъ за образованіе и старался сломить тѣ препятствія, въ которыхъ цѣпенѣла тогда русская мысль. Поэтому литературный талантъ его могъ развернуться во всей силѣ своей только въ сочиненіяхъ общественныхъ, къ какимъ принадлежитъ и церковная проповѣдь.

И дѣйствительно главною литературною дѣятельностію Полоцкаго была дѣятельность проповѣдническая. Плоды этой дѣятельности составили содержаніе двухъ сборниковъ: «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной», въ которыхъ собраны слова на воскресные и праздничные дни и на дни многихъ святыхъ. Къ послѣднему сборнику присовокуплено нѣсколько словъ на особенные случаи, напр.: на погребеніе частнаго человѣка, на погребеніе человѣка военнаго, сановитаго, благоговѣйнаго архіерея и т. д.; а также нѣсколько словъ, говоренныхъ по особеннымъ временнымъ побужденіямъ, напримѣръ: противъ народныхъ суевѣрій, о божественномъ писаніи, о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ и слушаніи литургіи „о взысканіи мудрости", отъ лица восточныхъ патріарховъ. «Обѣдъ душевный» вышелъ въ свѣтъ въ октябрѣ 1681 года; а «Вечеря» явилась въ началѣ 1683 года, послѣ смерти Полоцкаго. Названіе свое эти два сборника получили отъ того, что они изъясняютъ слово Божіе, которое есть пища для ума и сердца.

Общая мысль всѣхъ вообще проповѣдей Симеона Полоцкаго, находящихся въ первомъ сборникѣ,—это мысль о несоотвѣтствіи нашей жизни съ нравственнымъ закономъ, и о гибели, отсюда происходящей. Проникнутый ею, Полоцкій рѣдко остается въ области ученія; его направленіе нравственно практическое. Онъ старался проводить въ жизнь христіанскія правила и по возможности отвѣчать на ея запросы. Говоря, напримѣръ, о богоугодномъ освященіи воскреснаго

дня, онъ внушаетъ, между прочимъ, своимъ слушателямъ, что „не подобаетъ въ воскресные и праздничные дни прибытковъ искать куплями“, совѣтуетъ начальникамъ „во дни святые прогонять изъ торжищъ куплю дѣющихъ“, выставляетъ на видъ то, что не слѣдуетъ въ эти дни упиваться, „якоже обыкоша едва не всякихъ сановъ людіе въ праздники наипаче творити; не подобаетъ скакати и плясати, не подобаетъ и украшатися ризами паче обычая страны, выше званія своего и паче достойнаго, не подобаетъ и въ праздности тщетной въ день сей пребывати. Въ другой разъ, заговоривъ о храмѣ, онъ переходитъ къ мысли объ образѣ предстоянія въ немъ, нападаетъ на тѣхъ, которые въ церкви о купляхъ бесѣдуютъ и совѣщанія о нихъ дѣютъ, смѣхотворятъ, разглагольствуютъ и безчинствуютъ; касается безчинія женъ, уловляющихъ юношей вымышленіемъ суетныхъ ризъ и украшеній бѣлиломъ и червленіемъ и приводящихъ мужей своихъ въ обнищаніе. Практичность Полоцкаго видна не только въ выборѣ предметовъ для проповѣди, но и въ способѣ раскрытія ихъ. Говоря, напримѣръ, о милосердіи, Полоцкій разбираетъ тѣ извиненія, которыми оправдываютъ люди свое уклоненіе отъ христіанскаго долга.

„Вечеря душевная“ по преимуществу содержанія историческаго. Въ ней помѣщены проповѣди на дни святыхъ, на праздники Господни и Богородичны, и, сверхъ сего, нѣсколько словъ, вызванныхъ особенными обстоятельствами времени. И здѣсь, какъ и въ „Обѣдѣ душевномъ“ проповѣдникъ преслѣдуетъ практическія задачи. Говоря слово въ день, посвященный памяти извѣстнаго святаго, Симеонъ Полоцкій повѣствуетъ о христіанскихъ добродѣтеляхъ празднуемаго святаго и не останавливается на одномъ разсказѣ, но старается связать его съ теченіемъ жизни. Такъ въ словѣ на день памяти св. митропол. Филиппа, изобразивъ пастырскія доблести воспоминаемаго святителя, проповѣдникъ указываетъ качества истиннаго пастыря; въ словѣ на день Николая чудотворца онъ учитъ подражать добродѣтелямъ сего святителя.

Одною изъ задушевныхъ мыслей Симеона Полоцкаго было народное образованіе. Въ Вечерѣ Душевной есть нѣсколько проповѣдей, посвященныхъ раскрытію мысли о необходимости образованія. Въ недѣлю о блудномъ сынѣ онъ

говоритъ: „блудному сыну подобни сынове и днесь у многихъ родителей, безчинству вдающіеся и многу печаль со скорбію имъ приносящіи". Въ словѣ проводится та мысль, что воспитываетъ дѣтей примѣръ, жизнь ихъ родителей и вообще среда окружающая. Поэтому родители и воспитатели должны быть чисты во всемъ: „отецъ долженъ быть въ дому, какъ солнце, мать какъ луна, а чада какъ звѣзды". Воспитывая примѣромъ собственной жизни, родители въ то же время должны учить дѣтей: нужно учить дѣтей молитвѣ Господней, символу вѣры, заповѣдямъ Божіимъ, заставлять ходить въ церковь къ службамъ, исповѣдываться и пріобщаться, молиться дома утромъ и вечеромъ. Въ то же время должно учить рукодѣлію, или какому нибудь честному занятію, чтобы оставаясь въ праздности, дѣти не привыкали къ худымъ дѣламъ: „праздность есть мать всѣхъ худыхъ дѣлъ". Въ другомъ словѣ на день св. Марѳы, къ примѣру собственной жизни, при воспитаніи дѣтей, онъ совѣтуетъ прилагать и наказаніе съ жезломъ: „снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши, не возмеши хлѣба и ядра, не пріимиши сытости и сладости, чадъ же аще не біеши, не сподобишися радости". Воспитаніе и ученіе дѣтей должно начинать съ малыхъ лѣтъ: „что будетъ написано жезломъ на молодыхъ деревьяхъ, говоритъ онъ въ первомъ словѣ на день чудотворца Николая, то яснѣе и сильнѣе обозначается въ старыхъ; такимъ деревьямъ подобны юноши: что примутъ въ себя, какъ сѣмя, въ юности, то покажутъ, какъ плодъ въ старости. Въ словѣ, составленномъ и говоренномъ имъ на день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, пріѣзжавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ, Симеонъ именемъ Божіей премудрости, рожденной въ Виѳлеемѣ, молитъ россіянъ изыскать научную премудрость, потому что она свѣтъ умныхъ очей и правило всему житію человѣческому, обращаясь отъ лица патріарховъ къ государю Алексѣю Михайловичу, онъ внушаетъ ему положить въ сердцѣ своемъ созидать греческія, славянскія и иныя училища, учениковъ умножить, своею милостію и вниманіемъ взыскать благоискусныхъ учителей, и всѣхъ поощрять на трудолюбіе(*). Въ

(*) Слово о взысканіи премудрости въ приб. къ Веч. 150—3.

словѣ на день Григорія Богослова онъ опредѣляетъ свойства истинной научной мудрости, которая состоитъ въ изученіи свободныхъ наукъ: грамматики, риторики, философіи и прочаго, что потребно въ гражданствѣ и способствуетъ достиженію духовной мудрости, и осуждаетъ ту мудрость, которая есть вражда на Бога и закону Божію не покоряется. Часто выхваляются въ „Вечерѣ“ святые, которые радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ или подавали примѣръ тщательнаго исканія мудрости.

Между поученіями, помѣщенными въ „прибавленіи къ Вечерѣ“ особеннаго вниманія заслуживаютъ слова: 1) о божественномъ писаніи; 2) поученіе отъ іереевъ къ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ и 3) слово о суевѣріи или суечестіи. Въ первомъ словѣ очень картинно обрисованъ духъ пытливости, господствовавшій въ его время и нашедшій себѣ крайній исходъ въ образованіи раскольническихъ сектъ. „Разглагольствуютъ нынѣ, говоритъ Полоцкій, о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроцы, препираются на торжищахъ и скотопродателіе. Напослѣдокъ и буія женище словопреніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе... учитися комуждо достоинъ — и монаху и мірскому. Чтеніе божественныхъ писаній всякому полезно и мужу и женѣ: но учити тому прилично, ему же дадеся ключь разумѣнія и власть ученія“(*). Второе и третье слово представляютъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи народныхъ обычаевъ и суевѣрій, которыя обличаются Полоцкимъ отъ имени просвѣщенія и религіи. «Поученіе отъ іереевъ къ паствѣ»(**) назначалось священникамъ для чтенія прихожанамъ. Оно увѣщеваетъ пребывать въ благочестіи, не подражая тѣмъ людямъ, которые устами исповѣдуютъ истиннаго Бога; а дѣлами своими отвергаютъ Его, и чуждымъ богамъ, или лучше, бѣсамъ покланяются. Это—люди, предающіеся богомерзкимъ скаканіямъ, плясаніямъ, играніямъ; это прибѣгающіе за помощію къ діаволу, чародѣйствуя сами, или довѣряясь чародѣямъ; это почитатели чуждыхъ боговъ, хранители языческихъ обычаевъ. Въ словѣ «о суевѣріи» проповѣдникъ вооружается противъ суевѣрныхъ способовъ вра-

---

(*) Прибавл. къ Веч. душ. л. 5—7.
(**) — — — л. 15—23.

чеванія, каковы напримѣръ, ношеніе дѣтей въ баню и мазаніе ихъ грязью для того, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза, ношеніе наузовъ (узловъ), записокъ съ заговорами, шептанія, дуновенія, произношенія непонятныхъ словъ и т. п. Онъ возстаетъ противъ гаданій, примѣтъ, противъ вѣры въ предвѣщательное значеніе встрѣчъ: волка, криваго или косаго человѣка, монаха, женщины и проч. Случится, говоритъ Полоцкій, человѣку обуваться и камлянуть, или, выходя изъ дому споткнуться, онъ возвращается и не дѣлаетъ своего дѣла. Съѣдятъ ли мыши платье, суевѣръ боится грядущей бѣды и заранѣе оплакиваетъ свою судьбу, не жалѣя дѣйствительнаго убытка, причиненнаго ему мышами. Здѣсь же Полоцкій нападаетъ сильно на качели, находя въ нихъ слѣды древняго языческаго обычая. «Есть обычай богомерзкій въ странахъ нашихъ россійскихъ во градѣхъ же, въ селѣхъ и въ весѣхъ, еже висѣлицы нѣкія поставляти, именуемыя прости *рѣли* (качели), на нихъ же маліи и велиціи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, а всегда со грѣхомъ: ибо то древле идолослужители въ честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы тажде содѣваемъ, аки боги ихъ знающе и чтуще». Возмущалъ Полоцкаго праздникъ „Купалы", совершаемый русскими на канунѣ Рождества Іоанна Предтечи, «когда разводили огонь и прыгали чрезъ него, называя это торжество «Купало»; язычники точно такимъ же образомъ чевствовали своихъ боговъ». „Всю эту ночь нѣкоторые невѣжи проводятъ безъ сна, и наблюдаютъ, какъ будетъ восходить солнце, которое будто послѣ этой ночи восходя играетъ, скачетъ изъ мѣста въ мѣсто и измѣняется въ различные цвѣта. «Оле безумія! Оле суевѣрія, восклицаетъ Полоцкій, откуда сіе играніе солнца пріяша"? Въ св. писаніи этого нѣтъ, въ преданіяхъ св. отцевъ тоже; философы звѣздословы не знаютъ того, а невѣжды слышатъ другъ отъ друга и видятъ собственными глазами. Что же видятъ?... Какъ одна вещь двоится и троится въ глазахъ пьяницы, такъ и этимъ солнце—зрителямъ отъ излишняго смотрѣнія на солнце, отъ великаго движенія лучей его, поражающихъ глаза, представляется, что оно прыгаетъ и мѣняется цвѣтомъ и объемомъ».

Въ тотъ же день многіе собираютъ разныя травы и гадаютъ по нимъ о судьбѣ своей; если они въ одну ночь распустятся въ цвѣты, то радуются, ожидая исполненія своихъ желаній, а если нѣтъ, то плачутъ и ожидаютъ злоключенія. Иногда и сбыться могутъ, по слову Симеона, подобныя гаданія демонимъ дѣйствомъ. Всѣ эти и многія другія суевѣрія Полоцкій поражаетъ словомъ своимъ во имя вѣры и разума, какъ неприличныя христіанину, разуму противныя, наносящія грѣхи и душу погубляющія.

Всю вину пороковъ современнаго ему общества Полоцкій слагаетъ на священниковъ; потому что „веліимъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о чадѣхъ духовныхъ, премнози несмысленные людіе, аки безсловесныя овцы отъ пути праваго житія заблудиша, и въ пропасть погибельныя жизни уклонишася... Мнози невѣгласи, никогда же и нигдѣ же учениками бывше, учители нарицатися дерзаютъ... Суть же воистину не учителіе, но мучителіе. Тѣмъ же убо излиха умножися въ людехъ злоба и преуспѣ лукавство, волхнованіе, чародѣяніе, разбой, татьба, убійства, пьянство и нелѣпая игранія, грабленія, хищенія и иная тѣмъ подобная, напослѣдокъ и на обладающихъ возстаніе. Симъ же всѣмъ есть виновно наипаче отцовъ духовныхъ неискуство и нерадѣніе: яко не поучаютъ и не наказуютъ чадъ своихъ духовныхъ“.... Такой іерей «есть и соль обуявшая, и солнце помраченное, и песъ нѣмый, не могущій лаяти, такіе іереи будутъ казнимы за беззаконія людей». Но болѣе всего возмущаетъ сердце Полоцкаго то, что въ его время въ православномъ государствѣ россійскомъ нашлись такіе беззаконные іереи, которые не только давали благословеніе измѣнникамъ на поднятіе оружія противъ благочестивѣйшаго самодержца, на убіеніе неповинныхъ, на мучительство и грабленіе, но и сами опорочили мечемъ и осквернили кровопролитіемъ свои освященныя руки, которыми держали тѣло и кровь Христову, сами назывались атаманами и были вождями убійцъ(*).

Въ предисловіи къ читателю въ „Обѣдѣ душевномъ“ Полоцкій говоритъ, что его «Обѣдъ» нѣсть добре украшенъ,

---

(*) Слово въ день сошеств. св. Духа. Прил. къ Обѣд. душ. л. 163—7.

яко иностранными зеліи, хитростьми витійскими. Не украсивъ же, ово за скудость ума моего, ово яко удобіе простое уразумѣваемо есть въ писаніи, неже красотами художественными покровенное". И дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи взглядъ Полоцкаго на свои проповѣди можетъ считаться вѣрнымъ даже съ точки зрѣнія настоящихъ понятій о простотѣ. Языкъ его проповѣдей (церковно-славянскій) простой, совершенно понятный и теперь; онъ не имѣетъ вычурной фигуральности. Рѣчь у него спокойная, близкая къ характеру собесѣдовательной рѣчи. Конструкція рѣчи естественная и удобопонятная. Мысль каждаго поученія высказывается въ приступѣ опредѣленно; нѣтъ безцѣльныхъ отступленій въ сторону, ни изысканныхъ примѣненій. Сухимъ отвлеченностямъ, обременительнымъ для вниманія, Полоцкій предпочитаетъ описанія и разсказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Симеонъ не былъ совершенно чуждъ вліянія южно-русской схоластической гомилетики. Это вліяніе замѣтно: какъ въ названіи сборниковъ вычурными именами, такъ и въ искусственной связи, которую онъ указываетъ между ними. Въ предисловіи къ «Вечерѣ душевной» такъ объясняется связь обоихъ сборниковъ: „Обычай есть странствующимъ въ мірѣ человѣкомъ общій, еже не точію обѣдомъ плоти своя учреждати, но къ тому и вечерями насыщати, дабы имъ чрезъ нощное поприще не прити во ослабленіе. И убо азъ въ предшедшее лѣто представивъ вамъ, православнымъ христіанамъ, обѣдъ душевный, судихъ въ настоящее лѣто предложити вечерю душевную". Полоцкій метафорически выражаетъ наставленіе, какъ пастыри и пасомые должны пользоваться его проповѣдническими сборниками: „яждь обѣдъ, взимая руками ума твоего, прежуй зубами разсужденія и поглощай въ устахъ памяти твоей". Въ сложныхъ словахъ, т. е. тѣхъ, которыя говорены были на дни, совмѣщающіе въ себѣ два или нѣсколько празднествъ, это вліяніе сказывается и въ построеніи рѣчи. Симеонъ въ словахъ на такіе дни старается не упустить изъ виду ни одного празднества и для этого совершенно искусственнымъ механическимъ образомъ соединяетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ предметовъ. Кромѣ этого въ проповѣдяхъ Полоцкаго попадаются и другіе схоластическіе пріемы: толкованіе

имени, метафоры и аллегоріи, примѣры изъ древней языческой исторіи, и миѳологіи. Въ словѣ на день пророка Іоны проповѣдникъ, объяснивъ значеніе имени Іона (голубица), отыскиваетъ сходство между свойствами голубя и дарами св. Духа, и прилагая то и другое къ Іонѣ, находитъ, что Іона причастенъ всѣмъ семи дарамъ св. Духа. Въ словѣ на день апостоловъ Петра и Павла, рѣшая вопросъ, въ какомъ смыслѣ ап. Петръ называется камнемъ, уподобляетъ его тремъ камнямъ: караллу, магниту и адаманту. Рядомъ съ отцами церкви Полоцкій ссылается и на языческихъ писателей—приводитъ изреченія и мнѣнія Платона, Аристотеля, Демосфена, Діодора Сицилійскаго и др. При всемъ томъ проповѣди Симеона Полоцкаго, по своимъ достоинствамъ, стоятъ гораздо выше проповѣдей современныхъ ему проповѣдниковъ; онѣ практичнѣе ихъ и обработаннѣе. Полоцкій не вымышлялъ предметовъ для своей рѣчи, а говорилъ о томъ, на что вызывали его дѣйствительныя потребности времени(*).

Орловскій Священникъ - проповѣдникъ XVII вѣка.

Происхожденіе проповѣдника и его первоначальныя занятія. Служеніе въ санѣ діакона и потомъ священника. Сборникъ проповѣдей его. Внутренній характеръ его проповѣдей; внѣшнія качества рѣчи и языка. Отношеніе слушателей къ его проповѣдямъ.

Въ то время, когда южные ученые поучали Москву своими краснорѣчивыми проповѣдями, въ далекой глуши Русскаго государства, въ городѣ Орлѣ пермской губерніи(**) одному приходскому священнику пришла въ голову мысль поучать своихъ прихожанъ живою, простою устною пропо-

---

(*) О Сим. Полоц. см. Древн. и Нов. Росс. 1875 г. № 9. Прав. Обозр. 1860 г. кн. 3. Ист. Р. Слов. Галахова т. 1. слов. писат. дух. чина, м. Евген. Обз. Р. Дух. Литер. Филарета.

(**) Нѣкоторые смѣшиваютъ городъ Орелъ пермской губерніи съ орловымъ вятской. Орелъ пермскій въ XVII в. былъ самостоятельнымъ горородомъ, занималъ мѣсто на правомъ берегу Камы, при самомъ впаденіи въ нее съ лѣва рѣки Яйвы, верстахъ въ 70 къ сѣверу отъ р. Чусовой. Въ этомъ городѣ былъ дворецъ знаменитаго пермскаго вотчинника Григор. Димитр. Строганова.—Кн. Бол. Черт. 150 стр.

вѣдію. Не много времени онъ проповѣдывалъ съ церковной каѳедры,— всего полтора года; но и въ это короткое время онъ успѣлъ произнести и записать болѣе 150 поученій, которыя вошли потомъ въ составъ его проповѣдническаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Статиръ“(*). Изъ двухъ предисловій къ „Статиру“, напечатанныхъ въ Дух. Бес. за 1858 г. т. 4, а также нѣкоторыхъ поученій изъ этого сборника, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ и за тотъ же годъ, можно составить довольно полное понятіе какъ о жизни этого замѣчательнаго священника, такъ и о его достойной подражанія дѣятельности. Къ сожалѣнію остается скрытымъ для насъ его имя.

Во второмъ предисловіи къ сборнику высказывается вся чистая, добрая и откровенная душа проповѣдника. Онъ говоритъ здѣсь о своемъ низкомъ происхожденіи, о способѣ какимъ онъ писалъ проповѣди, выражаетъ свой личный взглядъ на ихъ достоинства и не скрываетъ отношенія къ, нимъ нѣкоторыхъ изъ его собратій и слушателей. Поучительна жизнь этого, скрывшаго свое имя, служителя Божія въ XVII в.; поэтому мы передадимъ свѣдѣнія о ней нѣсколько подробнѣе, нежели передавали о жизни другихъ.

Онъ былъ поселянинъ и чернорабочій (навозогребъ). Родители его были правовѣрные, но люди самые простые, не происходившіе ни отъ священническаго, ни отъ какого либо знатнаго рода. Отецъ его былъ кожевникъ, дѣдъ портной, прадѣдъ пастухъ, а далѣе онъ не знаетъ. „Не въ поношеніе родившихъ меня, замѣчаетъ автобіографъ, говорю это, но свою худость изъявляю. Ибо они знали хотя какое нибудь ремесло и своими трудами зарабатывали хлѣбъ, а я и въ этомъ не сравнялся съ ними. Рубить дрова я слабъ, къ земледѣлію лѣнивъ, за соху взяться не умѣю, просить милостыню стыжусь. При такой неспособности моей и крайней грубости, я—поступилъ несмысленно— принялъ санъ діаконскій, и принялъ не съ тѣмъ, чтобы служить Богу, а для своего чрева и тунеядства, для прокормленія жены и дѣтей“... Пять лѣтъ онъ прожилъ въ санѣ діакона при пыскорскомъ

(*) Статиръ не былъ напечатанъ. Рукопись хранится въ Румянц. Музеѣ.

Спасопреображенскомъ монастырѣ(*), и тутъ попробовалъ читать священныя книги, не много узналъ законъ Божій(**) и «чуть чуть отсталъ отъ перваго скотомыслія». Начитавшись книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ способность и потребность учить другихъ и пожелалъ быть священникомъ. Вмѣстѣ съ этою потребностію у него соединялась и другая—выдти изъ послушанія и—повелѣвать самому. Но кажется, что первая цѣль у него преобладала надъ второю; потому что, когда онъ сдѣланъ былъ священникомъ при церкви Рождества Христова въ городѣ Соликамскѣ, то тотъ часъ же проникся сознаніемъ священныхъ обязанностей новаго пастырскаго служенія своего, въ особенности обязанности учить, наставлять; и чѣмъ глубже было сознаніе этой обязанности, тѣмъ труднѣе казалось выполненіе ея. Сознаніе трудности своей новой обязанности онъ высказалъ самъ въ своей автобіографіи. „Здѣсь (на должности священника) объяли меня бѣды, начали смущать помыслы и колебать бѣдную мою душу. Видя мою неспособность, я весьма раскаялся, зачѣмъ я вышелъ изъ обители Спасовой и повергъ себя въ затрудненіе. Самъ будучи убогъ, какъ подамъ другимъ слово утѣшенія? Самъ немощенъ и грѣхами разслабленъ, какъ буду врачевать недуги грѣховныя другихъ“?... Такое чувство всегда замѣчается у тѣхъ, кто искренно и усердно относится къ дѣлу своего служенія. Иначе, чѣмъ самъ священникъ, смотрѣли на него прихожане, оказывавшіе ему почтеніе, называвшіе его отцемъ духовнымъ, просившіе наставленія его въ духовныхъ нуждахъ. И тѣмъ замѣчательнѣе такое отношеніе прихожанъ къ своему пастырю, что онъ пробылъ у нихъ не болѣе двухъ лѣтъ. Въ это время онъ еще не проповѣдывалъ съ церковной каѳедры, а училъ и наставлялъ народъ въ частныхъ домашнихъ бесѣдахъ - формѣ учительства гораздо болѣе обыкновенной въ древней Руси и гораздо болѣе до-

---

(*) Этотъ монастырь стоялъ на правомъ берегу Камы въ 15 верст. отъ Соликамска, внизъ по Камѣ.—Кн. Бол. Черт. 150 стр. - Основателемъ монастыря считается знаменитый родоначальникъ фамиліи Строгановыхъ, Аникій Строгановъ, въ монашествѣ Іосифъ.—Тр. К. Д. Ак. 1861 г. т. 1, стр. 397. loco cit.

(**) Очень можетъ быть, что онъ сталъ засматриваться на этотъ источникъ уже въ санѣ діаконскомъ, такъ какъ предъ тѣмъ, по собственному признанію, думалъ только о прокормленіи себя, жены и дѣтей.

ступной для народа, чѣмъ проповѣдь. Однакожъ и это учительство такъ прославило священника, что самый знатный вотчинникъ Пермскій, Григорій Димитріевичъ Строгановъ приглашаетъ его къ новой своей церкви Похвалы Богородицы, принимаетъ его какъ отца, обезпечиваетъ въ матеріальномъ отношеніи, а главное поручаетъ ему «учить людей въ церкви Божіей». Повинуясь желанію своего покровителя, орловскій священникъ сталъ каждый воскресный и каждый праздничный день и на дни нѣкоторыхъ святыхъ говорить поучительныя бесѣды отъ священнаго писанія. Слышалъ онъ, что въ Россіи во многихъ городахъ умные священники говорятъ поученія наизустъ, а не по книгѣ читаютъ, и народъ весьма охотно слушаетъ ихъ,—рѣшился и самъ заучивать поученія на память, тѣмъ болѣе, что и Кириллъ Транквилліонъ, книгу котораго онъ читалъ съ особеннымъ усердіемъ, также хвалитъ въ книгѣ своей устное ученіе. Вначалѣ его проповѣдь имѣла мало самостоятельности; онъ произносилъ, большею частію, заученныя мѣста изъ поученій Кирилла Транквилліона и тѣмъ возбуждалъ неохоту къ слушанію въ своихъ прихожанахъ, изъ которыхъ многіе имѣли у себя эту книгу и читали дома. Первая неудавшаяся попытка не охладила ревности нашего проповѣдника къ дѣлу церковнаго учительства. Неограничиваясь первымъ пособіемъ и считая другое ходившее тогда по рукамъ пособіе—проповѣди Симеона Полоцкаго—невразумительнымъ для простыхъ людей, проповѣдникъ обращается къ древней отеческой письменности, особенно къ бесѣдамъ Златоуста и толкованіямъ Ѳеофилакта. Изъ нихъ онъ бралъ готовыя мысли, кратко излагалъ ихъ своими словами, располагая заимствованныя мѣста по своему, сообразно съ предметомъ и выражая приспособительно къ пониманію слушателей. Онъ сталъ относиться къ источникамъ болѣе свободно, нежели прежде, не буквально повторялъ заученныя мѣста изъ отеческихъ твореній, но произносилъ ихъ собственными выраженіями, съ прибавленіемъ иногда собственныхъ мыслей. Это, съ одной стороны, обусловливало живость и теплоту его слова, какъ увидимъ впослѣдствіи; съ другой—затрудняло для него дѣло церковнаго проповѣдничества. Не знала покоя душа моя, говоритъ онъ въ обращеніи къ читателю, пока я трудился въ написаніи книги сей; во время молитвы и священнослу-

женія рыскалъ умъ мой, сограждая рѣчи къ сочиненію поученій". При недостаткѣ научнаго образованія и приготовленности къ проповѣдничеству, священникъ взялъ на себя трудъ проповѣдывать во всѣ воскресные и праздничные дни и проповѣдывалъ полтора года, притомъ такъ, что свои проповѣди заучивалъ на память часто съ мыслями св. отцевъ для произнесенія въ церкви. Неудивительно, что во все это время поученія не сходили у него съ мысли, даже во время священнослуженія. Но кромѣ этой причины, затруднявшей священнику дѣло проповѣди, была и другая внутренняя причина, которую самъ проповѣдникъ изъяснялъ такъ: „Трудно было мнѣ. Хотя и написуется слово Божіе въ окаянной душѣ моей, но не вкореняется; потому что злохитра она и грѣхолюбива, возмущается отъ всякой страсти, сластолюбіемъ объята, бременемъ грѣховнымъ отягчена, потому и не можетъ она долго носить въ себѣ слова Божія, но, объятая смрадомъ грѣховнымъ, забываетъ его». Изъ приведенныхъ словъ проповѣдника видно, что онъ смотрѣлъ на проповѣдь не какъ на произведеніе отвлеченной мысли, а хотѣлъ, чтобы она была явленіемъ прочувствованнымъ, вылившимся прямо изъ сердца. Слово Божіе можетъ быть живо и дѣйственно для другихъ тогда только, когда оно живо и дѣйственно въ самомъ проповѣдникѣ; въ противномъ случаѣ какія бы истины не возвѣщалъ проповѣдникъ, онѣ останутся для слушателей безплодными, если самъ проповѣдникъ не будетъ сознавать ихъ жизненности и не согрѣетъ ихъ любовію сердца. Постигая нравственныя требованія въ проповѣдникѣ, орловскій священникъ сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти требованія еще не осуществились въ немъ; поэтому онъ, приступая къ составленію книги возлагаетъ все свое упованіе на „Смыслодавца Бога"... «И всесильная благодать не оставляетъ его и помогаетъ ему докончить книгу».

Такимъ образомъ орловскій священникъ имѣлъ всѣ главныя качества, потребныя для христіанскаго проповѣдника: живую искреннюю вѣру, пламенную ревность о просвѣщеніи и душевномъ спасеніи своей паствы, знаніе священнаго писанія и твореній отеческихъ, здравый умъ, живое воображеніе, теплое сердце. Познакомившись съ его проповѣдями, мы найдемъ въ нихъ и то благодатное одушевленіе, святое вдохновеніе, которое обозначаютъ словомъ помазаніе.

Книга, составленная орловскимъ священникомъ, называется «Статиръ». Самъ сочинитель, въ началѣ ея, объясняетъ, почему онъ далъ ей такое названіе. Основаніемъ ему послужило извѣстное евангельское событіе. Когда сборщики податей спросили учениковъ Іисуса Христа: не даетъ ли и Учитель ихъ дидрахмы, то Спаситель сказалъ Апостолу Петру: *шедъ на море, верзи удицу, и, юже прежде имешu рыбу, возми: и отверзъ уста ей, обрящеши статиръ: той веемъ даждь имъ за Мя и за ся* (Мѳ. 17, 27). Припоминая это событіе, сочинитель разсказываетъ, какъ онъ, будучи священникомъ, сначала мало зналъ законъ Божій, какъ тяготился сознаніемъ своего недостоинства. Но потомъ „рече ми Божія благодать: не унывай, человѣче! Что влаешися уныніемъ, яко безгласная рыба, въ мори непостояннаго вѣка? Верзи яко удицу ума твоего внутрь многомятежнаго смысла своего,—и обрящеши „Статиръ“‘ даждь его во славу имене Моего и въ свое спасеніе“....

Названіе сборника «Статиромъ» указываетъ на общій у насъ тогда обычай давать духовнымъ сочиненіямъ образныя метафорическія названія. (Напр. зерцало Богословія, перло многоцѣнное Кирилла Транквилліона, Новое Небо Голятовскаго, Мечъ духовный Лазаря Барановича, Обѣдъ и Вечеря Симеона Полоцкаго и друг.). Названіе «Статиръ«, данное орловскимъ проповѣдникомъ своему труду, выражаетъ ту мысль, что поступивъ въ духовный санъ почти безъ взякаго просвѣщенія, безъ мысли о его обязанностяхъ, съ цѣлію только прокормить себя и свое семейство, авторъ, по принятіи сана, нашелъ въ себѣ такой даръ,, какого нечаялъ самъ.

„Статиръ“ раздѣленъ на двѣ части. Въ первой части его 111 поученій со дня св. Пасхи до великой субботы. Во второй—44 поученія на годовые праздники и на разные случаи. Въ немъ есть поученія на всѣ воскресные и праздничные дни цѣлаго года, поученія общія для праздниковъ въ честь святыхъ: святителей, преподобныхъ, мучениковъ и проч., наконецъ поученія на такіе случаи, какъ освященіе храма, бракосочетаніе, погребеніе умершихъ и проч.

Каждое поученіе состоитъ также изъ двухъ частей. Въ первой части изъясняются евангельскія слова и „неизречен-

ныя преславныя благодѣянія, явленные Сыномъ Божіимъ роду человѣческому». Во второй части „предлагаются нравоученія, приличныя евангелію, съ цѣлію искоренить въ родѣ человѣческомъ грѣховныя страсти, обличить злые обычаи и наставить слушателя на путь спасенія.

Поученія орловскаго священника не состояли изъ общихъ и отвлеченныхъ разсужденій объ истинахъ вѣры и дѣятельности христіанской, а направлялись непосредственно къ жизни, въ которую онъ хочетъ провесть эти истины, замѣчая и преслѣдуя то, что было несообразнаго съ ними въ мнѣніяхъ, нравахъ и обычаяхъ современнаго общества. Сознавая достоинство духовныхъ учителей, онъ глубоко огорчается тѣмъ, что это достоинство уронено въ лицѣ многихъ собратій его—священниковъ. Поэтому въ своихъ поученіяхъ онъ напоминаетъ имъ о ихъ званіи и обязанностяхъ, высказываетъ имъ тяжкія обличенія, не исключая изъ числа обличаемыхъ и себя.—„Я скрываю данный мнѣ талантъ въ сердцѣ невѣдѣнія моего, зарываю его лѣностію и нерадѣніемъ, сномъ неумѣреннымъ, объяденіемъ и пьянствомъ, любленіемъ жены и чадъ и прочихъ мечтательныхъ прелестей міра сего многомятежнаго, злорастворённаго. Охъ, горе мнѣ! Какой отвѣтъ дамъ я страшному и праведному Судіѣ? Когда онъ спроситъ меня о данномъ мнѣ талантѣ, въ оный день, страшный и ужасный, предъ ангелами и архангелами и всею вселенною; тогда, если и праведникъ едва спасется, то я, грѣшный и нечестивый, гдѣ явлюся? И что скажу я въ свое оправданіе! Ничего не могу сказать, а если и скажу что, то это послужитъ къ моему осужденію и стыду. Когда небесный Царь спроситъ о погибшихъ овцахъ, то я долженъ буду сказать ему: я о женѣ попеченіе имѣлъ, дочерей наряжалъ, ходилъ на пиршества, чаши благословлялъ, на бракахъ веселился и первыя мѣста занималъ, друзья приходили ко мнѣ и я веселился съ ними. Въ это время разошлись овцы Твои по стремнинамъ и удоліямъ и тамо растерзаны были львами и расхищены волками. А я тогда покоился, упившись виномъ, сонъ одолѣлъ меня и погубилъ я таланты Твои(*).

(*) Поуч. въ нед. 16-ю по пятидесятницѣ. Дух. Бес. 1858 г. т. 3, стр. 284—285.

Нещадитъ проповѣдникъ въ своихъ поученіяхъ и людей начальныхъ, богатыхъ и сильныхъ, съ полною откровенностію выставляя черты современнаго ему русскаго барства: „ты день и ночь проводишь въ увеселеніяхъ съ подобными тебѣ пьяницами и сластолюбцами, смотришь на сатанинскія зрѣлища скомороховъ, слушаешь шумъ трубъ и гуденія, служеніе бѣсовское, и всѣмъ этимъ наслаждаешься и распутствомъ упиваешься. Или опять: ты сидишь въ высокихъ палатахъ, въ роскошныхъ одеждахъ; а нищіе и бѣдные повержены на гноищѣ у воротъ твоихъ,—и ты не подаешь имъ даже разорваннаго рубища. Ты во всегдашнемъ веселіи и ѣшь роскошную пищу; а нищіе въ послѣднемъ издыханіи, умираютъ отъ голода и жажды; а ты ни одного куска, оставшагося отъ трапезы твоей, не подашь имъ. Собаки имѣютъ у тебя помѣщенія закрытыя, лошадей золотомъ украшаешь, а члены Христовы умираютъ съ голода; безстыднымъ женщинамъ платишь тысячи, ласкателямъ даешь полъимѣнія, а убогому и рубля жалѣешь. О, человѣкъ, какая тебѣ изъ всего этого польза? Ты собралъ много, обогатился всякою неправдою, свободныхъ людей заставилъ работать на тебя, проливалъ кровь невинныхъ, у тебя множество слугъ, тунеядцевъ и ласкателей безъ числа, домъ твой наполненъ золотыми вещами, драгоцѣнными камнями и роскошными одеждами, разными припасами и напитками“(*). Обличаетъ проповѣдникъ и тѣхъ, которые, „имѣя отъ природы острый умъ, ясный голосъ и даръ слова, не пользуются данными имъ талантами, а устремляются на прелести міра сего: на барышничество, сутяжничество, подъячество, или на другія злобныя дѣянія: на лихоимство, разбой, кровопролитіе, на гуденія и пляски“. «Увы, восклицаетъ проповѣдникъ, о такомъ человѣкѣ надобно плакать». Вообще проповѣдникъ даетъ очень много практическихъ наставленій своимъ слушателямъ, убѣждая ихъ быть внимательными и къ самимъ себѣ и къ своимъ ближнимъ(**).

Рѣчь орловскаго священника проста. Правда встрѣчаются иногда въ его поученіяхъ образы и метафоры, но эти образы и метафоры просты и естественны. Онъ любитъ только

(*) Поуч. въ нед. 26 по пятидесятницѣ.

(**) См. поученіе въ недѣлю 16-ю по пятидесятницѣ.

сравненія, примѣры, діалогизмъ, что встрѣчается въ библіи и у отцевъ церкви, особенно у Іоанна Златоустаго. Нѣкоторыя сравненія и картины обличаютъ въ проповѣдникѣ вкусъ и живую впечатлительную фантазію. Такъ, напримѣръ, въ словѣ на Вознесеніе прекрасно начертана имъ картина обновляющейся весною природы, какъ символъ обновленія міра христіанствомъ, хотя картина эта имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ мѣстомъ въ проповѣди Кирилла Туровскаго въ недѣлю по Пасхѣ.

Языкъ орловскаго священника простой, церковно-славянскій, понятный для его современниковъ.

Теплое и назидательное слово орловскаго священника не у всѣхъ людей находило себѣ похвалу. Лучшіе люди по достоинству цѣнили его проповѣдь. Таковъ, напримѣръ, былъ бояринъ Строгановъ,—покровитель и благодѣтель составителя «Статира»,—который „весьма любилъ поученія отъ божественнаго закона; слаще меда и сота всякой сладости чувственной любилъ онъ внимать святому ученію“. Напротивъ большая часть людей темныхъ въ вѣрѣ и слабыхъ въ благочестіи порицали и ненавидѣли проповѣдника за его проповѣдь. Причиною ненависти прежде всего было то обстоятельство, что „жители той страны исполнены были крайняго невѣжества“. Они не считали нужными для себя чьихъ либо наставленій, особенно такихъ, въ которыхъ требуется отъ нихъ что либо новое, совершенно чуждое ихъ прежнимъ понятіямъ и привычкамъ. Поставляя сущность христіанской жизни въ наружныхъ дѣйствіяхъ, обрядовой набожности и измѣряя достоинство этой жизни днями поста, числомъ поклоновъ, мѣрою приношеній во храмъ, слушатели орловскаго священника очевидно не могли мириться съ проповѣдникомъ, когда онъ началъ говорить имъ о высшихъ и разнообразныхъ истинахъ вѣры и жизни христіанской и давалъ имъ чувствовать ихъ глубокое невѣжество въ этихъ предметахъ, научая ихъ и обличая за то, что видѣлъ дурнаго въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ жизни. Такой проповѣдникъ не могъ нравиться своимъ слушателямъ, тѣмъ болѣе, что другіе священники, бывшіе прежде нашего проповѣдника въ орловскомъ приходѣ и современники его, поступавшіе въ священство изъ холопей, крестьянъ, сельскихъ невѣждъ, поступавшіе большею частію, ради льготной жизни, портили

народъ, прилаживались къ его обычаямъ и вкусамъ и были спокойными и довольными. «Были у насъ, говорили современники, и прежде священники добрые и честные, а такъ не дѣлали, жили по просту, и мы были въ изобиліи. А этотъ откуда вводитъ странное»? Не нравилось слушателямъ орловскаго проповѣдника, что этотъ бывшій мужикъ, является теперь учителемъ и обличителемъ ихъ.

И такъ главная причина досады на проповѣдь орловскаго священника заключалась не въ лицѣ проповѣдника, а въ характерѣ и духѣ его проповѣди, не мирившейся съ воззрѣніемъ слушателей. Послѣдніе имѣли такой взглядъ на священника, по которому въ „служителѣ Бога Вышняго они хотѣли видѣть покорнѣйшаго раба предъ ними до того, чтобы онъ самые церковные уставы, утреннія и вечернія службы согласовалъ съ ихъ грубыми обычаями“(*).

Св. Димитрій Ростовскій.

Его происхожденіе и первоначальное воспитаніе; обученіе въ кіево-братскомъ училищѣ; дальнѣйшая жизнь и дѣятельность. Характеристика ростовской паствы времени св. Димитрія. Содержаніе поучительныхъ его проповѣдей. Характеръ проповѣдей къ слушателямъ образованнымъ и необразованнымъ. Изображеніе пороковъ современнаго ему общества. Тонъ обличенія. Обличеніе лютеранъ и раскольниковъ. Схоластическій элементъ въ его проповѣдяхъ.

Самымъ лучшимъ проповѣдникомъ въ XVII вѣкѣ былъ св. Димитрій Ростовскій. Проникнутое духомъ любви христіанской, проповѣдничество Ростовскаго, по внутреннимъ свойствамъ своимъ, можетъ служить образцемъ и руководствомъ для всякаго проповѣдника,—хотя оно и носитъ въ себѣ еще видные слѣды проповѣдничества схоластическаго.

Св. Димитрій родился въ 1651 году близъ Кіева въ мѣстечкѣ Макаровѣ отъ полковаго сотника Саввы Григорьевича Тупталы. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ отъ матери и трехъ старшихъ своихъ сестеръ, умственному вліянію которыхъ обязанъ тѣми мягкими и нѣжными чувствами,

---

(*) Объ орл. свящ. См. Тр. К. Д. Акад. 1861 г. т. 1,—Дух. Бес. 1858 г. т. 3 и 4.

той благочестивой, святой настроенностію, какими отличался святитель во всю свою жизнь. Десяти лѣтъ онъ отданъ былъ въ кіево-братское училище для образованія, но не окончилъ здѣсь полнаго курса, потому что училище было закрыто вслѣдствіе смутъ, происходившихъ тогда въ Малороссіи. По выходѣ изъ училища на 18 году своей жизни Димитрій принялъ монашество, на 25 году былъ посвященъ въ іеромонаха. Въ 1675 году онъ опредѣленъ былъ оффиціальнымъ проповѣдникомъ при черниговской каѳедрѣ и съ этихъ поръ начинается его славная проповѣдническая дѣятельность. Молодой проповѣдникъ скоро привлекъ къ себѣ всѣ сердца и умы и пріобрѣлъ себѣ еще въ Малороссіи своимъ проповѣдническимъ талантомъ такую славу, что цѣлые города стали спорить о счастіи слышать знаменитаго церковнаго витію. Послѣ Чернигова онъ съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ слово Божіе въ Вильнѣ, Слуцкѣ, Батуринѣ, Кіево-печерской лаврѣ, въ монастыряхъ Глуховскомъ и Елецкомъ. Слава его, какъ проповѣдника, и какъ составителя четіи—миней дошла и до Москвы, такъ что когда онъ, сопровождая гетмана, былъ въ Москвѣ, то милостиво и съ честію былъ принятъ патріархомъ Іоакимомъ и царями Петромъ и Іоанномъ. Въ 1701 году г. указомъ Петра былъ вызванъ въ Москву, гдѣ сказалъ краснорѣчивую привѣтственную рѣчь Петру Великому. Проповѣдуя въ церквахъ московскихъ св. Димитрій заслужилъ благоволеніе Петра Великаго и въ 1707 году назначенъ былъ митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, а въ слѣдующемъ году сдѣланъ былъ Ростовскимъ митрополитомъ. Въ первомъ словѣ, при вступленіи на ростовскую каѳедру, онъ говорилъ о мирѣ и любви, о томъ, что пришелъ къ паствѣ, какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ братъ къ братьямъ, какъ другъ къ любезнымъ друзьямъ,—и далѣе словами полными сочувствія и кротости опредѣлилъ взаимныя отношенія пастыря и пасомыхъ. По вступленіи на каѳедру, святитель прежде всего обратилъ вниманіе на небрежное и невѣжественное духовенство; для поученія и исправленія его невѣжества онъ издалъ нѣсколько поученій къ іереямъ и устроилъ въ Ростовѣ училище для приготовленія священно-служителей. Въ то время въ ростовской епархіи сильно распространился расколъ, и св. Димитрій много потрудился къ искорененію его какъ личными убѣжденіями и

увѣщаніями, такъ и учеными трактатами. Но посреди всѣхъ занятій проповѣдь онъ считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. „Моему сану, говорилъ онъ, надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пишущею рукою; то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность"(*). И дѣйствительно проповѣдническая дѣятельность его въ санѣ митрополита была весьма обильна; очень рѣдко церковная служба проходила у него безъ поученія и назиданія. Знаніе латинскаго, греческаго, еврейскаго и польскаго языковъ давало ему возможность заниматься и литературными трудами, по тому времени замѣчательными. Онъ составлялъ духовныя драмы, которыя представлялись въ ростовскомъ училищѣ: „Рождество Христово", „Воскресеніе Христово", „грѣшникъ кающійся" и др. Интереснѣе всѣхъ комедія на Рождество Христово. Но недолго великій мужъ церкви управлялъ ростовской паствой: изнуренный трудами, молитвой и постомъ, святитель скончался 28 октября 1709 года. Впослѣдствіи церковь причислила его къ лику святыхъ и мощи его были открыты 21 сентября 1752 года.

Проповѣди Димитрія Ростовскаго изданы въ трехъ томахъ, гдѣ помѣщено 120 словъ; но это далеко не все, что произнесено имъ съ церковной каѳедры. Сохранились только проповѣди, писанныя въ великой Россіи; а тѣ, которыя были произнесены имъ въ Малороссіи, за исключеніемъ не многихъ, утрачены(**).

Св. Димитрій жилъ среди грубой паствы, неученыхъ священниковъ, закоренѣлыхъ раскольниковъ и лжемыслящихъ лютеранъ. Нужно было научить и обличить однихъ, показать имъ уклоненіе ихъ отъ высокихъ требованій христіанскаго идеала и вести борьбу съ другими, — врагами православной вѣры и церкви, чтобы предохранить вѣрныхъ отъ увлеченія ихъ ученіемъ. Св. Димитрій хорошо понялъ свою задачу и въ своихъ поученіяхъ, то назидаетъ своихъ пасомыхъ, обличая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ уклоненіе отъ истинъ вѣры и доброй нравственности, то ведетъ строгую полемику съ еретиками и раскольниками, говоритъ похвальныя слова свя-

(*) Св. Дим. Ростовскій Горскаго стр. 63.
(** Житіе св. Д. Рост. при 1 т. его сочиненій, стр. 5, изд 1848 г.

тымъ и надгробныя рѣчи, изображая добродѣтели и заслуги героевъ и возбуждая слушателей къ подражанію этимъ добродѣтелямъ. Поэтому всѣ бесѣды Димитрія м. Ростовскаго могутъ быть раздѣлены: на нраво—обличительныя, на догматико-полемическія и на историко-похвальныя.

Раскрывая предметы, относящіеся къ христіанской дѣятельности, проповѣдникъ не ограничивался изложеніемъ однихъ общихъ христіанскихъ обязанностей, но старался возвести слушателей до истиннаго пониманія духа и характера христіанскаго благочестія. Побужденіями любить добродѣтель и ненавидѣть грѣхъ онъ представлялъ не одни внѣшнія благопріятныя и неблагопріятныя послѣдствія, но и чистую любовь къ Богу и Его святому закону и указывалъ на внутреннее безобразіе грѣха. Вѣра въ Спасителя и любовь къ Нему, любовь къ ближнимъ, даже ко врагамъ, умерщвленіе страстей и обновленіе духа при помощи благодати Божіей,—вотъ главные предметы, которые раскрывалъ св. Димитрій въ своихъ бесѣдахъ. При раскрытіи этихъ истинъ проповѣдникъ, большею частію, стоитъ въ отвлеченной сферѣ, на высотѣ пониманія ихъ высшаго смысла и мало говоритъ о примѣненіи ихъ къ жизни. Общность содержанія говоритъ о томъ, что проповѣди его не назначались для одного мѣста и времени, а могли быть произнесены при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи св. Димитрій имѣлъ двоякую цѣль: назидать слушателей и дать пищу читающимъ; значитъ, кромѣ нуждъ паствы, онъ имѣлъ въ виду общую нужду всѣхъ христіанъ. И въ этомъ состоитъ величайшая заслуга святителя. Во время его жизни и дѣятельности невѣжество священниковъ было общее, проповѣдей собственнаго составленія они не произносили, а изрѣдка читали своимъ пасомымъ прологи и житія святыхъ. Проповѣди же св. Димитрія, благодаря общему характеру, произносились въ церквахъ и читались въ домахъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ множество изданій ихъ и значительное количество рукописей. Но при всемъ томъ проповѣдникъ хорошо понималъ, что высокія богословскія истины, представленныя при томъ въ формѣ не привычной для его слушателей, не могутъ быть понятны для большинства; поэтому онъ иногда въ одномъ и томъ же словѣ употреблялъ двоякій способъ назиданія: одинъ для „книжныхъ“, а

другой для „не книжныхъ“ людей. Такъ въ словѣ на свѣтлый понедѣльникъ и вмѣстѣ день Благовѣщенія, въ первой части, назначенной для книжныхъ слушателей, проповѣдникъ занимается приведеніемъ въ согласіе обоихъ праздниковъ. Согласіе дѣлается, однако, очень искусственно, тогда какъ вторая часть слова содержитъ краткое простое наставленіе. Проводя пареллель между двумя праздниками, проповѣдникъ двоякое празднество называетъ поясомъ, которымъ опоясывается невѣста Христова, Церковь. «Какъ поясъ имѣетъ два конца, далеко другъ отъ друга отстоящіе и когда кто имъ опояшется, оба конца сходятся во едино мѣсто и во единъ союзъ связуются; такъ и въ таинствѣ спасенія нашего суть яко два конца, два тыи праздника—благовѣщеніе и воскресеніе. Въ благовѣщеніи бо спасеніе наше начатся, яко же чтется въ тропари ономъ: *днесь спасенія нашего начатокъ*; въ воскресеніи же спасеніе наше конецъ свой благополучный получи, рекше на крестѣ Христу: «*совершишася*». (Іоанн. 19, 30). За тѣмъ указываются черты сходства въ этихъ двухъ праздникахъ. «Какъ въ благовѣщеніи воплощеніе Бога Слова, такъ и воскресеніе Христово произошли по благословенію Бога Отца, по дѣйствію святаго Духа и по соизволенію самаго Христа. Служителемъ чуда въ благовѣщеніи былъ ангелъ Гавріилъ... И воскресеніе Христово было не безъ ангельской службы: ангелъ Господень отвалилъ камень отъ гроба. Въ благовѣщеніи Пресвятая Дѣва изъявила свою цѣломудренную неповинность и мужеви непричастность: «како будетъ сіе, понеже мужа не знаю; въ Господнемъ прежде воскресенія страданіи Пилатъ свидѣтельствовалъ о неповинности Іисусовой» и т. д.(*).

Сознавая что такія разсужденія не принесутъ никакой пользы большинству слушателей, проповѣдникъ, послѣ замысловатыхъ сближеній говоритъ: «но еще не аминь, еще нѣчто къ простѣйшимъ реку, пользы ради; то бо, еже глаголахъ, глаголахъ книжныхъ ради, не хощу же и безкнижныхъ отпустити не попользовавъ». И потомъ онъ объясняетъ этимъ безкнижнымъ, чему поучаютъ оба праздника

(*) Т. 11 стр. 142—155.

благовѣщеніе и воскресеніе; это объясненіе составляетъ другую половину слова. Подобнымъ образомъ въ словѣ въ честь Донскія иконы пресв. Богородицы, послѣ аллегорическаго объясненія, почему Богоматерь называется взбранной воеводой, онъ для простыхъ слушателей прибавляетъ поученіе о томъ, чѣмъ можно заслужить ходатайство пресв. Дѣвы(*). Въ словѣ на пятую субботу великаго поста, указавъ, въ какомъ смыслѣ пресв. Богородица подобна царству небесному, онъ даетъ простое и краткое наставленіе о покаяніи людямъ некнижнымъ(**). Есть у него цѣлое слово, посвященное исключительно „препростому ростовскому народу". Слово это объясняетъ текстъ: „изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя"…. (Лук. VIII, ст. 5). Слово это замѣчательно, какъ характеристика религіознаго состоянія ростовской паствы, въ которой не было не только доброй почвы для посѣва сѣмени; но даже и самыхъ сѣятелей добраго сѣмени; а были сѣятели злые, Брынскіе учители.

Вообще св. Димитрій Ростовскій очень хорошо понималъ, что его манера проповѣдать въ духѣ югозападныхъ проповѣдниковъ, пускаться въ область отвлеченную, облекать мысль свою въ формы затѣйливыя вовсе не годится для его ростовцевъ и всячески старался избавиться отъ оковъ, наложенныхъ на него югозападною школою, чтобы быть полезнымъ своей паствѣ. Для этой цѣли, кромѣ упрощенія рѣчи, онъ прибѣгалъ къ примѣрамъ, подобіямъ, сравненіямъ и образамъ: «всякія вещи, говоритъ онъ, лучше разумѣются отъ образца, нежели отъ словесъ». Его примѣры заимствованы, по большей части, изъ св. писанія и житія святыхъ, они просты и безъискусственны, придаютъ проповѣди живость и удобопонятность. Обширное знакомство его съ жизнію святыхъ давало ему возможность не только постоянно приводить ихъ въ примѣръ богоугодной жизни, подтверждать случаями изъ ихъ жизни многія нравственныя истины, но и раскрывать всю ихъ жизнь, какъ образецъ благочестивой христіанской дѣятельности. Таковы почти всѣ его бесѣды на дни святыхъ, таковы же и надгробныя рѣчи.

(*) Т. III, стр. 159—172.
(**) Т. II, стр. 78—91.

Назидая свою паству въ истинахъ вѣры и нравственности, проповѣдникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обличалъ слушателей въ тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, какіе преимущественно въ нихъ замѣчались. Въ этомъ отношеніи многія слова св. Димитрія служатъ историческою картиною духовно-нравственнаго состоянія его ростовской паствы. Таково напр. слово въ недѣлю Мироносицъ, въ которомъ проповѣдникъ, отыскивая Христа въ разныхъ званіяхъ и состояніяхъ людей, обличаетъ пороки и заблужденія, свойственные тому или иному классу общества, именно нѣкоторыя раскольническія заблужденія, воровство, ханженство и лицемѣріе, честолюбіе и корыстолюбіе людей духовнаго сословія, высокомѣріе высшихъ сословій, лихоимство судей и т. под. Сначала Димитрій въ этомъ словѣ замѣчаетъ, что, при исканіи Христа, надо имѣть осторожность, чтобы вмѣсто истиннаго Христа не найдти ложнаго, какъ это случилось съ раскольниками, которые, „ища Христа и правой вѣры, оставляютъ свои дома и бѣжатъ въ лѣса брынскіе, будто бы Христосъ и яже вѣра въ Него сѣдитъ нѣгдѣ въ лѣсу за колодою". Затѣмъ, ища Христа, проповѣдникъ останавливается прежде всего на храмѣ. Храмъ и созидается для Христа, но христіане часто дѣлаютъ изъ него вертепъ разбойниковъ. „Соберутся люди въ церковь будто бы на молитву, а между собою молвятъ и празднословятъ о внѣшнихъ, или о куплѣ, или о бранехъ, или о пиршествахъ, или кого осуждаютъ, или ругаются кому и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ, и творятъ храмъ Божій не храмъ Божій, но вертепъ разбойникомъ"... Не находя Христа въ рукотворенныхъ храмахъ, проповѣдникъ ищетъ его потомъ въ храмахъ нерукотворенныхъ, т. е. въ душахъ христіанскихъ. „Но мнози суть крещеніемъ и правовѣріемъ просвѣщенніи, но мало тѣхъ, въ нихъ же бы Христосъ, яко въ истомъ своемъ обиталъ храмѣ; и воръ крещенъ, и тать, и разбойникъ, и прелюбодѣй, и кійждо злодѣй правовѣріемъ просвѣщенъ, но Христа въ немъ не спрашивай: „нѣсть здѣ". „Поищемъ Христа въ чину духовномъ; но и въ тѣхъ мало Христа найдешь; ибо въ тѣхъ всякъ своихъ си ищетъ, себѣ добра желаетъ, а не людемъ; себе пасетъ, а не стадо Христово.... Пошли быхомъ въ монастыри искать Христа, но и въ тѣхъ нынѣ все попортилося: ничего не стало... Поищемъ ли Христа въ народѣ, но

гдѣ больше воровства, аще не въ народѣ?... Развѣ въ людехъ великихъ, въ болярѣхъ и судіяхъ? Въ тѣхъ насилу когда и бывалъ Христосъ: понеже нынѣшнихъ временъ злыхъ и они злы сотворилися, и правда въ нихъ скудна, и милосердія ни мало.. Гдѣ убо Господа нашего обрящемъ"? спрашиваетъ проповѣдникъ въ концѣ слова. „Въ тѣхъ бѣдныхъ людяхъ, о которыхъ упомянулъ пророкъ Михей, съ которыхъ отъ неправедныхъ судей кожа содрана, кости истолчены и плоть раздроблена"... О, человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіе! Въ васъ Христосъ нынѣ яко въ членахъ своихъ обитаетъ, аще только съ благодареніемъ терпите(*). Въ поученіи на память св. великомученика Евстаѳія Плакиды, объясняя слова Евангелія: *подобно есть царство небесное сокровищу, сокровенну на селѣ* (Мѳ. 13, 44) св. Димитрій изображаетъ царствіе Божіе странствующимъ и ищущимъ себѣ мѣста въ мірѣ. Оно заходитъ въ палаты князей и бояръ и прочихъ могучихъ людей, потомъ въ ряды, гдѣ премногіе драгоцѣнные товары, въ приказы и ратуши, гдѣ судьи правду творить поставлены, заходитъ въ палаты вельможъ, но нигдѣ не находитъ себѣ мѣста. Встрѣтилъ его царь и пророкъ Давидъ и спросилъ: откуда ты царство небесное грядеши и камо идеши? Царство небесное сказало ему, что оно нигдѣ не находитъ для себя мѣста и намѣрено отправиться къ простому народу. „Не изыщеши мѣста и въ простомъ народѣ, сказалъ Давидъ; *ибо вси уклонишася, вкупѣ не потребни быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго.* (Пс. 52, 4). Не находя себѣ мѣста въ городѣ, даже въ храмѣ, царство небесное ушло изъ города въ село. При этомъ путешествіи царства небеснаго опять изображаются, чрезвычайно характеристично, картины жизни разнаго рода людей. „Пошло царство небесное, говоритъ проповѣдникъ, въ ряды, идѣже торговыхъ людей премногіе драгоцѣнные купеческіе товары, и помыслило въ себѣ: здѣ всякъ отъ своего труда имать, еже иматъ, нѣсть здѣ грабленія и обидъ; здѣ убо вселюся. Смотритъ царство небесное, какъ дѣлается продажа и купля; и се видитъ великую обману, и слышитъ многія ложныя чудеса, другъ друга обманываетъ, другъ другу лжетъ, худое вмѣсто

(*) Т. II. стр. 172—191. изд. 1833 г.

лучшаго продая, и большую паче подобающія цѣны уставляя, другъ другу клянется, ротится въ неправдѣ: не мѣшкая убо тамо, царство небесное прочь оттуда исходитъ(*).

Эти картины, въ которыхъ изображается исканіе Христа и путешествіе царства небеснаго, напоминаютъ стиль юго-западной проповѣди; но они являются вполнѣ умѣстными въ поученіяхъ св. Димитрія. Онѣ взяты не изъ греческой и римской миѳологіи и исторіи, какъ картины и разсказы юго-западныхъ проповѣдниковъ, но изъ современной повседневной жизни самихъ слушателей и рисуютъ эту жизнь самымъ нагляднымъ образомъ; онѣ употреблены св. Димитріемъ не для простаго ораторскаго еффекта; но для упрощенія высокихъ понятій, для болѣе яснаго представленія истинъ вѣры и благочестія.

Во всѣхъ проповѣдяхъ Димитрія Ростовскаго, обращенныхъ къ народу, мы замѣчаемъ выраженіе личныхъ свойствъ души проповѣдника. Имѣя отъ природы нѣжное сердце, кроткій нравъ, и воспитавъ въ себѣ эти качества подвижническою жизнію, св. Димитрій и проповѣдь свою запечатлѣлъ духомъ любви къ Богу и ближнему особенною искреннею простотою и сердечностію. Глубокая любовь къ Богу и ближнему выражается тономъ умиленія и духовной радости, когда проповѣдникъ обращаетъ свои мысли къ искупителю и тономъ кроткаго сожалѣнія и глубокой скорби, когда говоритъ о грѣхахъ и неправдахъ людей. Любовь къ Богу и ближнимъ заставляла говорить святителя языкомъ простымъ, языкомъ сердца и любви, который и дѣйствовалъ на сердца человѣческія. Таковъ характеръ проповѣдей, которыя говорилъ святитель Ростовскій для религіозно-нравственнаго просвѣщенія своей паствы, погрѣшавшей невинно, отъ недѣятельности и невѣжества своихъ пастырей.

Совершенно другой характеръ имѣютъ слова св. Димитрія, направленныя противъ лютеранъ и раскольниковъ. Для заклятыхъ враговъ церкви Божіей и христіанскаго благочестія недостаточно было одного сердечнаго пастырскаго увѣщанія; оно вызвало бы съ ихъ стороны однѣ только насмѣшки и глумленія и дало бы имъ, пожалуй, въ глазахъ неопытной паствы перевѣсъ надъ истиною. Нужно было об-

(*) Проп. Д. Рост. т. III, стр. 286 и др. изд. 1833 г.

стоятельно разоблачить всю фальшь ученія этихъ враговъ православія и потрясти ихъ упорство грознымъ обличительнымъ словомъ. Такъ и поступалъ святитель Ростовскій, когда ему приходилось говорить противъ открытыхъ враговъ церкви. Въ этомъ отношеніи замѣчательны „поученіе о поклоненіи святымъ иконамъ", направленное противъ лютеранъ, непочитающихъ иконы, и „поученіе о четвероконечномъ крестѣ" противъ раскольниковъ. Лютеране называли православныхъ идолопоклонниками, а иконы святыя идолами. Св. Дим. Ростовскій въ поученіи „о поклоненіи святымъ иконамъ" доказываетъ, что велико различіе между иконою и идоломъ; иконы служатъ изображеніемъ истинныхъ вещей, а идолъ есть изображеніе прелести, лжи, обмана; указываетъ на древность изображенія иконъ и опровергаетъ неправильное пониманіе лютеранами заповѣди: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія". Обличая заблужденіе лютеранъ, св. Димитрій называетъ ихъ „седмоглавыми зміями", „порожденіемъ ехидновымъ", „мерзкими, гноеименитыми копронимчиками" и въ заключеніи поученія трижды съ святымъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ говоритъ имъ: „анаѳема!"

Такой же учено-полемическій и обличительный характеръ имѣетъ поученіе св. Димитрія „о четвероконечномъ крестѣ", гдѣ онъ говоритъ противъ раскольниковъ, хулящихъ четвероконечный крестъ и принимающихъ осмиконечный. Въ поученіи въ недѣлю 21 по святомъ Дусѣ(*) изъ текста: *изыде сѣяй сѣяти* сѣмена своя, *ово паде при пути, ово на камени, ово въ терніи,* проповѣдникъ обличаетъ раскольниковъ за то, что они въ своихъ брынскихъ скитахъ, въ бѣсовскихъ гнѣздахъ завели себѣ общихъ женъ, не вмѣняя это дѣло во грѣхъ блуда, но въ любовь Христову.

Онъ сравниваетъ ихъ съ николаитами и валаамитами(**), упоминаемыми въ апокалипсисѣ (гл. 1 ст. 16. 2 гл. 12 и слѣд. ст.) и грозитъ имъ сильнымъ гнѣвомъ Божіимъ, призывая вмѣстѣ съ тѣмъ къ покаянію, и совѣтуя православнымъ христіанамъ беречься прелестныхъ бѣсовскихъ птицъ, отъ брынскаго гнѣзда излетающихъ и доброе сѣмя позобаю-

---

(*) Пр. т. II, стр. 591 и др.
(**) Эти еретики отличались блудною жизнію и также имѣли общихъ женъ.

щихъ. Проповѣдникъ скорбитъ духомъ и о томъ, что въ тверской епархіи нѣтъ людей, которые могли бы сѣять доброе сѣмя.

Значитъ и въ этихъ грозныхъ обличительныхъ поученіяхъ св. Димитрій руководился не личною враждою противъ еретиковъ и раскольниковъ, не завистію противъ ихъ довольно видныхъ успѣховъ въ его паствѣ, а единственно ревностію по славѣ Божіей, любовію къ православной вѣрѣ и церкви и заботою о своихъ пасомыхъ, которые гибли, не имѣя у себя умныхъ руководителей. Его терпимость и доброе сердце сказались даже въ томъ, что онъ не лишаетъ раскольниковъ покаянія. Это былъ истинный образецъ пастыря церкви.

Не смотря на то, что св. Димитрій любилъ свое дѣло и свою паству, и эта любовь подсказывала ему, какою духовною пищею нужно питать ввѣренное ему стадо, однако онъ не могъ совершенно освободиться отъ оковъ схоластики, наложенныхъ на него югозападными школами. Правда схоластика оказала на него самое незначительное вліяніе, покрайней мѣрѣ меньше чѣмъ на другихъ его сотоварищей, прибывшихъ съ юга на сѣверъ Россіи; и мы вовсе не думаемъ причислять къ схоластическимъ проповѣдямъ тѣхъ поученій, гдѣ онъ путешествуетъ въ садъ божественныхъ писаній для того, чтобы найдти тамъ три полѣнца, или когда онъ путешествуетъ по разнымъ странамъ для того, чтобы доказать своимъ слушателямъ необходимость „помнить послѣдняя". Нельзя согласиться и съ тѣми, которые называютъ схоластическими словами тѣ слова, гдѣ проповѣдникъ ищетъ Христа въ разныхъ сословіяхъ и не находитъ, или гдѣ царство Божіе, путешествуетъ по разнымъ мѣстамъ и также нигдѣ не находитъ себѣ мѣста, кромѣ села, гдѣ и останавливается между страждущими, угнетенными и бѣдными. Если этотъ пріемъ и взятъ изъ югозападныхъ проповѣдей, то значитъ и тамъ были хорошія стороны; а съ другой стороны у св. Димитрія Ростовскаго этотъ пріемъ является въ формахъ болѣе приличныхъ, смягченныхъ, нежели въ проповѣдяхъ юго-западныхъ,- такимъ пріемомъ, который дѣлалъ проповѣдь интересною и облегчалъ слушателямъ усвоеніе высокихъ истинъ, возвѣщаемыхъ проповѣдникомъ. Но тѣмъ не менѣе у него замѣчаются въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ и слѣды его воспитанія въ югозападныхъ школахъ. Особенно это замѣтно въ словахъ, говоренныхъ имъ въ Малороссіи. Къ такимъ словамъ

можно отнести слово на св. Троицу, сказанное въ Батуринѣ въ 1698(*). Все слово имѣетъ символическій характеръ и наполнено разными сближеніями новозавѣтныхъ писаній съ ветхозавѣтными, духовныхъ предметовъ съ предметами вещественными. Такой же характеръ имѣетъ слово на Благовѣщеніе въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы, какъ мы уже видѣли это. Въ поученіи въ недѣлю сыропустную изъ словъ пророка Давида: *пепелъ, яко хлѣбъ ядяхъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ* (Пс. 101, 10) св. Димитрій готовящимся къ посту приготовляетъ трапезу. „Пожалуйте, говоритъ онъ, извольте кушать пепелъ, яко хлѣбъ и питіе съ плачемъ. Речете: не вкусно то трапезованіе. Отвѣщаю: не вкусно, но здорово". Потомъ онъ проводитъ параллель между покаяніемъ и пепломъ и находитъ между ими большое сходство(**). Итакъ символизмъ, аллегорія и искусственное сближеніе предметовъ были не чужды бесѣдъ св. Димитрія Ростовскаго. Есть въ проповѣдяхъ Димитрія затѣйливые вопросы и не менѣе затѣйливые отвѣты. Такъ, въ поученіи въ день чуда св. Архистратига Михаила, проповѣдникъ даетъ нѣсколько вопросовъ въ разрѣшеніе недоумѣнія, за что священное писаніе называетъ безгрѣшными и праведными Авраама, Исаака и Іакова (2 Парал. 36 гл.) „рекли быхомъ, яко созидоваху храмы Божія и украшаху та; но тогда еще храмовъ Божіихъ не бывало. Рекли быхомъ, яко умерщвляху тѣло пощеніемъ, всенощнымъ бдѣніемъ, многими поклонами; но того о нихъ не чтемъ. Рекли быхомъ, яко вся заповѣди Господни соблюдоша, но еще тогда законъ на скрижалѣхъ не данъ бѣ, ниже законодавецъ Моисей родился. Ниже дѣвство свое соблюдоша, ни міра отвергошася, ни на муки за Христа вдашася. Чимъ убо толь угодиша Богу, яко и покаяніе имъ, яко безгрѣшнымъ не положено; *не положилъ еси покаяніе праведнымъ твоимъ*, Аврааму и Исааку и Іакову, не согрѣшимъ предъ Тобою(***)?

При объясненіи св. писанія, св. Димитрій пользовался также симфоніями и конкорданціями, которыя указываютъ иногда на сходство въ одномъ только словѣ; а онъ объеди-

(*) Сочин. св. Дим. т. 2, стр. 279—302 изд. 1833.
(**) Соч. т. 2, стр. 26—39.
(***) Соч. Дим. т. 3, стр. 215—216.

нялъ ихъ и по мысли, влагая очевидно въ нихъ свой собственный произвольный смыслъ. Такъ напр. въ словѣ на день Покрова Богоматери изъ текста: *азъ стѣна и сосца моя, яко столпъ* (Пѣсн. пѣсн. 8, 10), проповѣдникъ говоритъ о семи столпахъ, упоминаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ св. писанія и прилагаетъ ихъ къ разнымъ частямъ тѣла Богородицы и ея добродѣтелямъ(*).

Примѣры берутся имъ больше изъ исторіи; но часто приводятся и басни. „Воспомяну здѣ Еллинскую нѣкую баснь, говоритъ проповѣдникъ въ „поученіи на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи“ и потомъ расказываетъ о собраніи еллинскихъ боговъ въ одно сонмище съ тѣмъ, чтобы похвалиться каждому своей силою и своимъ значеніемъ. Купидонъ всѣхъ побѣдилъ. То видяще друзіи извнѣ стоящіи, кликнуша: любви плотстѣй ничто же есть не преодолѣнно(**)“.

Эти недостатки ставятъ проповѣди Димитрія Ростовскаго на рубежѣ между двумя другъ другу противоположными направленіями.

Митроп. Стефанъ Яворскій.

Происхожденіе и образованіе Стефана Яворскаго; принятіе монашества; проповѣдническая и учебная дѣятельность его въ Кіевѣ. Случай, доставившій ему знакомство съ Петромъ Великимъ. Счастливая эпоха жизни Стефана, подъ покровительствомъ Петра. Измѣненіе отношеній Петра къ Стефану Яворскому; причины этого. Историческое значеніе Стефана Яворскаго. Характеристика его проповѣднической дѣятельности.

Митрополитъ Стефанъ, въ мірѣ Симеонъ, родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ православныхъ родителей, не богатыхъ дворянъ. Испытывая, вмѣстѣ съ другими своими единовѣрцами, притѣсненіе отъ поляковъ за свое православіе, родители его переселились въ черноморскую область, недалеко отъ Нѣжина. Это новое мѣсто жительства, сдѣлавшись какъ бы новою родиною для Симеона, оставило въ немъ, по его отроческимъ воспоминаніямъ, глубокое впечатлѣніе, такъ что въ послѣдствіи онъ основалъ здѣсь собственнымъ иждиви-

---

(*) Соч. Дим. т. 3, стр. 293 и др.
(**) Соч. Дим. т. 3, стр. 201—202.

веніемъ Благовѣщенскій монастырь, въ пользу котораго при своей кончинѣ отказалъ всю свою библіотеку.

Симеонъ началъ свое образованіе еще въ Галиціи, гдѣ, по словамъ біографіи при „Камнѣ вѣры", „онъ вданъ бысть въ наученіе книжное, въ немъ же и преспѣваше добрѣ, паче сверстникъ своихъ". По переселеніи въ Нѣжинъ, онъ отправился въ Кіевъ, который былъ центромъ южно-русской образованности и поступилъ въ тамошнюю могилянскую коллегію. Какъ во время пребыванія своего въ кіевской коллегіи, такъ и въ дальнѣйшей судьбѣ Яворскій находился подъ особеннымъ вліяніемъ Варлаама Ясинскаго, іеромонаха и проповѣдника Печерскаго монастыря, потомъ архимандрита и наконецъ митрополита кіевскаго. Слѣдя за ходомъ образованія Симеона въ академіи, Варлаамъ, еще до окончанія имъ полнаго курса наукъ, отправилъ его для дальнѣйшаго и окончательнаго образованія за границу, гдѣ Яворскій прослушалъ философію (въ львовской и люблинской школахъ) и богословіе въ познанской и виленской. Въ этихъ школахъ учителями и главными правителями были іезуиты, извѣстные своею ревностію къ папизму, которые соглашались допускать православныхъ къ слушанію высшихъ наукъ не иначе, какъ по отреченіи ихъ отъ православія и по взятіи съ нихъ клятвы въ вѣрности римскому престолу. Поэтому Яворскій, увлекаемый жаждою высшаго знанія и побуждаемый необходимостію, подобно всѣмъ другимъ кіевскимъ ученымъ, слушавшимъ науки въ заграничныхъ іезуитскихъ школахъ, принялъ на время католичество съ именемъ Станислава Симона и далъ притворную клятву въ послушаніи папѣ. Въ этихъ то школахъ Стефанъ Яворскій усвоилъ тѣ средневѣковыя воззрѣнія на природу, которыя онъ высказывалъ потомъ въ своихъ проповѣдяхъ и обогатилъ себя многими фактическими и діалектическими данными, которыми онъ воспользовался потомъ въ своей проповѣднической дѣятельности и вѣроисповѣдной полемикѣ.

По окончаніи своего образованія и по возвращеніи изъ за границы, Яворскій, по убѣжденію своего благодѣтеля Варлаама Ясинскаго, принялъ монашество, и имъ же постриженъ былъ въ кіево-печерской обители съ именемъ Стефана. Вмѣстѣ съ иноческимъ званіемъ Варлаамъ возложилъ на него должность публичнаго проповѣдника слова Божія въ Кіево-

Печерской лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ, которую онъ проходилъ „съ великою пользою и услажденіемъ слышащихъ“. Обладая блестящимъ талантомъ и глубокимъ богословскимъ образованіемъ, Стефанъ вскорѣ составилъ себѣ репутацію замѣчательнаго проповѣдника. Онъ обыкновенно говорилъ проповѣди наизусть, владѣлъ прекраснымъ выразительнымъ голосомъ и для усиленія впечатлѣнія, употреблялъ эффектныя манеры, заимствованныя имъ у иностранныхъ католическихъ проповѣдниковъ. Вскорѣ Варлаамъ Ясинскій назначилъ Стефана учителемъ въ кіево-могилянской коллегіи съ оставленіемъ за нимъ и должности проповѣдника. Учебная дѣятельность Стефана при коллегіи продолжалась 6 лѣтъ—сначала въ званіи учителя риторики и витійства, потомъ префекта и профессора философіи и наконецъ богословія.

Въ 1697 г. Стефанъ былъ назначенъ игуменомъ монастыря Свято-Никольскаго и вскорѣ затѣмъ оставилъ учительскія занятія при коллегіи.

Еще будучи префектомъ коллегіи, Стефанъ исполнялъ большею частію церковно-административныя порученія, возлагаемыя не него начальствомъ. Когда онъ былъ сдѣланъ игуменомъ, число этихъ порученій увеличилось; онъ былъ посылаемъ митрополитомъ за многими дѣлами къ разнымъ лицамъ не только въ епархіи кіевской и въ малой Россіи, но и въ Москву; отношенія іерархическаго подчиненія кіевскаго митрополита московскому патріарху требовали въ то время частыхъ сношеній и умныхъ посредниковъ. Въ генварѣ 1700 г. митрополитъ отправилъ Стефана вмѣстѣ съ другимъ игуменомъ въ Москву для церковныхъ дѣлъ и послалъ съ нимъ къ патріарху Адріану письмо, въ которомъ онъ просилъ дозволить открыть переяславскую епархію, съ назначеніемъ въ переяславскіе епископы, въ помощь престарѣлому и немощному митрополиту одного изъ двухъ присланныхъ... Въ ту пору скончался въ Москвѣ знаменитый военачальникъ бояринъ А. С. Шейнъ. Государь пожелалъ почтить покойнаго торжественнымъ погребеніемъ. Неизвѣстно по чьей рекомендаціи, составленіе надгробнаго слова было поручено Стефану. Проповѣдь Стефана на погребеніе Шейна очень понравилась Государю, и онъ оставилъ его въ Москвѣ. Въ томъ же 1700 году 7 апрѣля Стефанъ былъ

посвященъ въ митрополита рязанскаго и муромскаго, а потомъ, по смерти патріарха Адріана, назначенъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Съ этого времени, до конца своей жизни въ 1722 году, Стефанъ Яворскій занималъ первенствующее положеніе въ русской церковной іерархіи. Одиннадцать лѣтъ (1701—1712) продолжалась для м. Стефана эпоха полной, ничѣмъ не возмущаемой благосклонности къ нему Государя; эти одиннадцать лѣтъ были временемъ самой обширной и многосторонней дѣятельности м. Стефана, когда онъ дѣйствовалъ свободно, не зная соперниковъ. Занимаясь дѣлами церковно-административными и научными, онъ постоянно проповѣдывалъ, возбуждая своими живыми и блестящими бесѣдами любовь и удивленіе народа, а также уваженіе Царя и другихъ, которые даже лично не были къ нему расположены.

Кромѣ чисто пастырскихъ цѣлей митр. Стефанъ вынуждаемъ былъ къ обширной проповѣднической дѣятельности и тогдашними обстоятельствами. Это съ одной стороны расколъ, съ другой ересь лютеранская и протестанская и наконецъ событія политическія. Относительно раскольниковъ и лютеранствующихъ м. Стефанъ говорилъ не много проповѣдей, а писалъ по этому случаю много сочиненій. Относительно же дѣлъ политическихъ онъ говорилъ много проповѣдей, въ которыхъ восхвалялъ Петра за его побѣды, за построеніе Петербурга и за нѣкоторыя реформы внутреннія. Среди многочисленныхъ трудовъ, заботъ и огорченій, которыя приходилось Стефану испытывать съ одной стороны отъ людей стараго направленія, видѣвшихъ въ кіевскихъ ученыхъ вообще людей не твердыхъ въ православіи и потому относившихся къ нимъ далеко неблагосклонно, а съ другой—отъ лицъ, завидовавшихъ его чести и возвышенію, онъ находилъ утѣшеніе въ постоянной милости къ себѣ Государя. „Отъ самаго великаго государя Петра Алексѣевича“, говоритъ самъ преосв. Стефанъ, „многажды воспріяхъ за побѣдительныя проповѣди различнымъ временемъ овогда 1000 златницъ, овогда же меньши; тожде рещи и о прочихъ членахъ царскаго дома; отъ нихъ же многія многажды щедроты за литургисаніе и проповѣди слова Божія бываху ми“. Пользуясь милостями государя, м. Стефанъ искренно уважалъ въ немъ лучшія черты его характера, хотя въ глубинѣ души,

конечно, не соглашался съ нѣкоторыми его нововведеніями, особенно касавшимися положенія церкви и духовенства. Исполняя долгое время обязанности мѣстоблюстителя патріаршаго престола, м. Стефанъ естественно считалъ свое положеніе переходнымъ и, если вѣрить преданію, желалъ патріаршества и дѣлалъ объ этомъ тонкіе намеки государю. Такъ однажды, при посѣщеніи государемъ московскаго Успенскаго собора, м. Стефанъ замѣтилъ, что за отсутствіемъ патріарха, патріаршее мѣсто въ соборѣ стоитъ напрасно и лучше его вынести. Государь отвѣчалъ: „мнѣ этого мѣста не ломать, а Яворскому на немъ не сидѣть". Въ слѣдующій періодъ Стефану было уже не до патріаршества.

Добрыя отношенія между государемъ и м. Стефаномъ не могли удержаться навсегда. Рано или поздно консервативныя стремленія одного должны были стать въ разрѣзъ съ преобразовательными планами другаго. Первый поводъ къ столкновенію между государемъ и м. Стефаномъ дало слово, произнесенное Стефаномъ въ Успенскомъ соборѣ во вторую недѣлю великаго поста, по случаю тезоименитства царевича Алексѣя (1712 г.). Стефанъ всегда былъ усерднымъ хвалителемъ царевича, между тѣмъ государь не имѣлъ расположенія къ своему сыну, за то что онъ не обладалъ никакими особенно великими качествами. Но Стефанъ не замѣчалъ этого и въ своей проповѣди, подвергнувъ строгой критикѣ недавнее учрежденіе фискаловъ и выразивъ свое недовольство современнымъ положеніемъ Россіи, пребываніе Алексѣя за границей сравнивалъ съ безпріютнымъ скитальческимъ житіемъ Алексѣя человѣка Божія, и называлъ царевича единою надеждою Россіи. Слушавшіе проповѣдь сенаторы нашли ее оскорбительною для царской чести, отобрали ее у митрополита и отправили государю; а Стефану запретили на будущее время проповѣдывать. Запрещеніе осталось до времени во всей силѣ.

Другое обстоятельство, послужившее къ столкновенію Стефана съ Петромъ I, было слѣдственное дѣло о московскихъ еретикахъ. Въ началѣ XVIII в. въ Москвѣ и ея окрестностяхъ появились еретики, пропитанные реформаціоннымъ, протестантскимъ духомъ; во главѣ ихъ стоялъ лекарь Димитрій Тверитиновъ. Со стороны гражданской власти еретики пользовались полною терпимостію, потому что Петръ I

держался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ принципа свободы совѣсти, да кромѣ того и. самъ былъ не чуждъ реформаціоннаго духа. Между тѣмъ духъ лютеранствующихъ еретиковъ, противный церковному преданію и церковному авторитету, былъ ненавистенъ для м. Стефана, строгаго блюстителя церковныхъ правъ и преданій и онъ поднялъ на нихъ слѣдственное дѣло въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Когда подсудимые были вызваны въ Петербургъ, Стефанъ писалъ государю, чтобы онъ „не попускалъ отъ малыхъ сихъ искръ большему возгнѣщатися жару, да не како малый сей ядъ великое убійство душъ вѣрному народу сотворитъ". Вопреки желанію Стефана государь отнесся къ еретикамъ снисходительно и возвратилъ ихъ въ Москву къ м. Стефану для торжественнаго и всенароднаго провозглашенія ихъ вѣрности православной церкви. Но Стефанъ нашелъ возможнымъ снова раздуть затихавшее дѣло о еретикахъ и они были осуждены гражданскою властію, а одинъ изъ нихъ даже былъ казненъ смертію. Государь былъ недоволенъ дѣйствіями Стефана противъ еретиковъ и чрезъ посредство сената заявилъ митрополиту, что онъ позволилъ себѣ въ этомъ случаѣ превышеніе власти. Государь понялъ, что Стефанъ не можетъ быть ему надежнымъ сотрудникомъ въ замышляемыхъ имъ преобразованіяхъ по духовному вѣдомству и оставлялъ Стефана при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ только потому, что не нашелъ ему еще преемника. Въ 1715 г. Петръ объявилъ рѣшительную волю объ уничтоженіи патріаршества. Это конечно не могло быть пріятно Стефану. Въ 1718 г. онъ вызванъ былъ государемъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ почти до самой кончины своей, считаясь представителемъ церковнаго правленія только номинально и не пользуясь тою властію, которою онъ пользовался въ Москвѣ. Жизнь Стефана, доселѣ переполненная трудами, стала переполняться горестями и непріятностями; онъ замѣшанъ былъ въ дѣло о царевичѣ Алексѣѣ, но оправданъ былъ Петромъ, не нашедшимъ въ немъ никакой вины; онъ взошелъ въ разладъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, съ которымъ, хотя послѣ и примирился, благодаря посредничеству государя, но много перенесъ непріятностей отъ будущаго своего преемника. Ѳеофанъ Прокоповичъ не переставалъ нападать на Яворскаго и въ сочиненіяхъ своихъ и въ своихъ проповѣдяхъ; вездѣ, гдѣ го-

ворится о „папежскомъ духѣ“, о „казнодѣишкахъ“ и проч. тамъ разумѣется Яворскій съ его проповѣдническими пріемами. Мало того, Прокоповичъ говорилъ также проповѣдь и о „фискалахъ“ прямо противъ Яворскаго, гдѣ онъ одобряетъ должность фискаловъ, говоря, что они нужны для того, чтобы „всякое злодѣяніе, яко въ земли эхидна, скрыться не могло“. Послѣднимъ ударомъ для Стефана было ослабленіе его іерархической власти учрежденіемъ 14 февраля 1721 г. Святѣйшаго Синода, гдѣ, хотя Стефанъ и былъ президентомъ, но онъ имѣлъ голосъ равный съ прочими членами, что для него было слишкомъ тяжело. Однакожъ онъ подчинился волѣ Петра и былъ президентомъ Синода до самой своей смерти, перенося разныя невзгоды, обвиненія и оскорбленія отъ враговъ своихъ. Въ ночь 24 ноября 1722 г. м. Стефанъ скончался въ Москвѣ на своемъ рязанскомъ подворьѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ мало занимался дѣлами литературными.

Историческая заслуга Стефана Яворскаго въ Петровскую эпоху состояла въ томъ, что онъ въ своемъ духовномъ строѣ совмѣщалъ начала, сродныя древне-русской и ново-европейской цивилизаціи. Его ученость сближала его съ западомъ; его уваженіе къ преданію и авторитету — съ древнею Русью. Народъ, запуганный реформами Петра и получившій нерасположеніе къ западной образованности, мирился съ нею, когда видѣлъ, что она въ лицѣ м. Стефана и людей, подобныхъ ему, не исключала ни благочестія, ни уваженія къ преданію, ни консерватизма. Великій реформаторъ, кажется, очень хорошо понималъ это; и потому предоставилъ высокое оффиціальное положеніе м. Стефану и людямъ одного съ нимъ направленія, не смотря на свое существенное съ ними разногласіе(*).

Достоинство проповѣдника состоитъ въ томъ, чтобы проповѣдь его была современна, согласовалась съ жизнію общества своего времени, отвѣчала на запросы современной среды, разнообразилась вмѣстѣ съ жизнію и освѣщала свѣтомъ вѣры текущія событія. Эпоха Петра 1-го, въ которую жилъ и проповѣдывалъ Стефанъ Яворскій, больше и лучше, чѣмъ

(*) Труды К. Д. Ак. 1864 г. т. 1 и 2-й.

всякая другая, могла дать проповѣднику возможность выполнить эту главную задачу проповѣди. Богатая событіями политическими, она представляетъ, въ то же время, сильное броженіе русскаго общества, броженіе умственное, нравственное и религіозное. Войны и побѣды Петра, его нововведенія, стремленія русскихъ къ европейской образованности, религіозныя и нравственныя колебанія въ обществѣ, ропотъ и неудовольствіе на распоряженія Государя, все это само собою должно было навязываться проповѣднику и давать богатый матеріалъ для его проповѣдей. Дурная и хорошая стороны реформы должны были вызывать проповѣдника на живое слово, порицать первую и защищать послѣднюю предъ людьми, непонимавшими ея пользы и значенія. Воспользовался ли Стефанъ Яворскій тѣмъ богатствомъ матеріала, которое представляла ему его эпоха и выразилъ ли онъ къ ней свое живое отношеніе?

Отвѣтъ на это мы найдемъ въ его проповѣдяхъ.

Въ сборникѣ проповѣдей Стефана Яворскаго помѣщено 36 словъ и бесѣдъ его, говоренныхъ имъ въ разное время на дни воскресные, праздники святыхъ и на разные случаи. Но въ 1867 году въ архивѣ Св. Синода найдено болѣе двухъ сотъ проповѣдей Стефана Яворскаго, хранившихся въ рукописи и до толѣ неизвѣстныхъ; они печатаются въ трудахъ К. Дух. Академіи.

Всѣ слова и бесѣды Стефана Яворскаго можно раздѣлить на три отдѣла: 1) догматическія; 2) нравственныя; 3) слова, говоренныя на разные случаи: похвальныя, торжественныя, благодарственныя и др.

Предметами догматическихъ словъ Стефана служатъ: о молитвѣ и ходатайствѣ за насъ святыхъ, о священномъ преданіи, какъ источникѣ Богооткровеннаго ученія, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о таинствахъ. Причина выбора такихъ предметовъ для проповѣди понятна. Тверитиновъ и его сообщники, хотя и были осуждены, но послѣдователей ихъ ученія оставалось много; лютеранское ученіе проникало во всѣ слои общества, особенно высшаго, гдѣ любили оправдывать вольную и разнузданную жизнь, проповѣдуемую протестантами. Какъ ревностный пастырь, Яворскій со всѣмъ усердіемъ и строгостію обратилъ свое вниманіе съ церковной каѳедры на религіозное состояніе тогдашняго общества

и открыто полемизировалъ противъ лютеранскаго ученія и особенно тѣхъ его пунктовъ, которые были распространены въ русскомъ обществѣ.

Двѣ его проповѣди въ недѣлю 7 по Пасхѣ и въ недѣлю 2 по святомъ Духѣ исключительно посвящены: первая опроверженію лютеранскаго ученія о почитаніи святыхъ и ихъ молитвахъ, о ходатайствѣ за насъ предъ Богомъ(*); вторая— о священномъ преданіи. Въ обѣихъ проповѣдяхъ Яворскій раскрываетъ эти догматы съ православной точки зрѣнія и говоритъ о преданіи, какъ источникѣ Богооткровеннаго ученія(**). Обращаясь къ православнымъ, проповѣдникъ убѣждаетъ ихъ не входить въ общеніе съ протестантскими пропагандистами въ Россіи, а отступниковъ увѣщеваетъ покаяться и вновь соединиться съ православною церковію; а въ противномъ случаѣ грозитъ имъ праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ. Направляя рѣчь свою противъ ученія Лютера и Кальвина и зараженныхъ ихъ вольномысліемъ русскихъ современниковъ своихъ, проповѣдникъ старается не столько разоблачить ложь своихъ противниковъ, сколько раскрыть положительное ученіе церкви православной о догматахъ, ими оспариваемыхъ. При раскрытіи догматовъ съ точки зрѣнія православной, онъ старается побѣждать противниковъ ихъ же оружіемъ св. писаніемъ, авторитетомъ котораго они только прикрывались въ своихъ заблужденіяхъ.

Послѣ догматовъ о почитаніи святыхъ и о священномъ преданіи видное мѣсто въ проповѣдяхъ Яворскаго занимаетъ православное ученіе о вѣрѣ съ добрыми дѣлами—вѣрѣ живой и дѣятельной. Давая широкое мѣсто этому догмату въ своихъ проповѣдяхъ, Яворскій, очевидно, имѣлъ въ виду противопоставить его протестантскому ученію о вѣрѣ, оправдывающей человѣка независимо отъ дѣлъ его. Слово въ недѣлю 24 по св. Духѣ(***) Яворскій исключительно посвящаетъ раскрытію этого догмата, касаясь его и въ другихъ словахъ.

(*) Проп. Стеф. Яворскаго, т. 1, стр. 138—162.
(**) — — — т. II, стр. 26—49.
(***) Т. II, стр. 195—221.

По частямъ, то въ той, то въ другой проповѣди Стефанъ Яворскій касается почти всѣхъ пунктовъ ихъ заблужденій, которые могли быть ему извѣстны изъ слѣдственнаго дѣла и тетрадей Тверитинова. Тверитиновъ и его ученики отвергали догматъ о преложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы въ таинствѣ Евхаристіи и вслѣдствіе этого не считали нужнымъ причащаться св. Таинъ. Яворскій, пользуясь случаемъ, въ нѣсколькихъ проповѣдяхъ говоритъ объ Евхаристіи, какъ таинствѣ, о св. тайнахъ, какъ тѣлѣ и крови Христовой, и указываетъ гибель, какую готовитъ себѣ человѣкъ, пренебрегая Божественною трапезою(*). Часто проповѣдникъ говоритъ въ своихъ словахъ о необходимости и пользѣ поста.

Западно-европейская протестантская цивилизація отразилась и въ области нравственной русскаго общества. Протестантская мораль преслѣдуетъ суевѣріе и ханжество и проповѣдуетъ общественныя и гражданскія добродѣтели; таковы же были и нравственныя идеи Петра Великаго, усердно проводимыя имъ въ русскомъ обществѣ. Петръ былъ суровый гонитель суевѣрій; онъ вмѣнялъ въ обязанность духовенству строго наблюдать, чтобы не было юродивыхъ, ложныхъ чудесъ, несвидѣтельствованныхъ мощей, ложно чудотворныхъ иконъ и всякаго, какъ онъ выражался, богопротивнаго чествованія, которое, хотя совершенно чуждо духу православной церкви, но по малой развитости нашихъ предковъ, имѣло мѣсто въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Доброе по своему принципу гоненіе противъ суевѣрій не рѣдко доходило до крайностей, смѣшивало иногда съ суевѣріями и добрыя проявленія благочестія. Въ разныхъ мѣстахъ велѣно разорять часовни, съ иконъ снимать привѣски, запрещались публичныя хожденія по улицамъ съ образами и святой водой, отмѣнены нѣкоторыя крестные ходы. Часть общества, приверженная къ старинѣ, встрѣтила эти и подобныя распоряженія съ оппозиціей и въ большинствѣ случаевъ продолжала еще оставаться въ прежнемъ меракѣ суевѣрій, за то нашлось не мало и такихъ, особенно изъ высшаго образованнаго класса, которые отнеслись къ такимъ

(*) Пропов. Явор. т. II стр. 10.

распоряженіямъ сочувственно. Но одна крайность вызвала другую: во многихъ явился индиферентизмъ къ религіознымъ и благочестивымъ обязанностямъ православнаго христіанства вообще.

Противъ этого порока, распространеннаго особенно между людьми высшаго круга, вооружился Стефанъ Яворскій, проповѣдуя о святой православной вѣрѣ, какъ источникѣ небесной мудрости, безъ которой земная мудрость не приноситъ человѣку никакой пользы и есть не что иное, какъ юродство(*).

Реформа Петра, направленная на всѣ отрасли государственнаго устройства, не оставила безъ вниманія и семейный бытъ русскаго общества. Такъ государь вооружался противъ затворничества женщинъ и старался о развитіи общественной жизни. Съ этою цѣлію въ столицѣ заведены ассамблеи, которыя состояли въ томъ, что вельможи и другіе зажиточные люди должны были зимой, въ назначенные дни, принимать у себя гостей обоего пола званныхъ и не званныхъ. Кромѣ того Петръ, по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ, устроивалъ маскарады и процессіи, въ которыхъ шуты играли главную роль. Придворныя торжества и спуски новыхъ кораблей праздновались обыкновенно веселыми попойками, на которыхъ никто не имѣлъ права отказываться отъ безпрерывныхъ тостовъ. Такія и подобныя учрежденія государя, имѣвшія цѣлію сблизить русское общество между собою и поставить его наравнѣ съ обществомъ европейскихъ державъ, перешли въ свою очередь въ крайность. Они пріучили русскихъ къ роскоши, развили любовь къ пиршествамъ и увеселеніямъ. Женщины, освобожденныя Петромъ изъ своего терема, въ особенности увлекались этою роскошью и дорогими нарядами. Въ обществѣ распространилась привычка жить сверхъ своего состоянія; поэтому люди, получающіе, въ сравненіи съ расходами, очень ограниченное отъ казны содержаніе, стали пользоваться взяточничествомъ и незаконными поборами, а отсюда само собою происходили различныя несправедливости въ судахъ и расправахъ, и богатый давилъ и притѣснялъ бѣднаго. Такъ русское общество относительно нравовъ и обычаевъ воспользовалось нововведеніями государя односторонне и во зло употребляло намѣренія великаго преобразователя.

(*) Т. III, стр. 8 и др.

Недовольный близкимъ знакомствомъ русскихъ съ западомъ и скептически относившійся ко многимъ нововведеніямъ Петра, Стефанъ Яворскій тѣмъ болѣе не могъ равнодушно видѣть разныя злоупотребленія этимъ знакомствомъ. Поэтому, считая себя обязаннымъ слѣдить за чистотою нравовъ своихъ пасомыхъ, онъ очень часто въ своихъ проповѣдяхъ выступаетъ съ сильнымъ словомъ обличенія недостатковъ современнаго общества. Яворскій перебираетъ всѣ слои общества и не находитъ ни одного, гдѣ бы не было растлѣнія нравовъ(*). Испорченность нравовъ тогдашняго общества, по взгляду проповѣдника, дошла до того, что онъ опасается за прочность Россіи и боится, какъ бы она не упала подобно столбу Силоамскому(**).

Кромѣ общихъ указаній на испорченность нравовъ мы встрѣчаемъ указаніе и на всѣ частные недуги, которыми страдали его современники.

Примѣръ Петра, разведшагося съ своею первою супругой, вѣроятно, нашелъ себѣ многихъ подражателей; поэтому Яворскій съ большою силою возстаетъ противъ этого вреднаго обычая, особенно разводовъ незаконныхъ, сопровождающихся очень часто насиліемъ со стороны мужей(***). Стефанъ вооружается противъ властолюбія и тщеславія(****), противъ честолюбія, роскоши, пировъ и мотовства, какъ пороковъ въ его время болѣе распространенныхъ среди русскаго общества(*****). Обманы, лесть, вѣроломство друзей, происки, особенно обманы и неправда въ судахъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ защищать правду, также находили сильное обличеніе въ проповѣдяхъ Яворскаго(******).

Съ особенною энергіею и особенно часто обличаетъ Стефанъ своихъ современниковъ за ихъ холодность и невниманіе къ Богослуженію. Въ этихъ обличеніяхъ онъ касается, во первыхъ пастырей, обязанныхъ проповѣдывать, но нерадѣющихъ о своей обязанности; во вторыхъ пасомыхъ, не

(*) Христ. чт. 1867 г. ч. 1, 228 стр.
(**) Тамъ же стр. 816.
(***) Тамъ же стр. 833.
(****) Проп. Яворск. т. II, стр. 78—89.
(*****) — — т. I, стр. 282—83.
(******) — — т. III, стр. 15—19.

любящихъ слушать слово Божіе вообще и проповѣдей церковныхъ въ особенности(*).

Причину всѣхъ бѣдствій и несчастій, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, которыя тогда испытывала Россія, проповѣдникъ видитъ единственно въ нечестіи и въ нравственномъ упадкѣ своихъ соотечественниковъ(**).

Такимъ образомъ Стефанъ Яворскій, ограждая церковь православную отъ протестантскихъ религіозныхъ воззрѣній, въ тоже время зорко слѣдилъ и за нравственною жизнію своихъ пасомыхъ.

Предметами остальной части словъ и бесѣдъ Стефана Яворскаго богословскаго характера служатъ общія истины вѣры и нравственности христіанской: о воскресеніи мертвыхъ, о значеніи для насъ страданій Христовыхъ, о милосердіи Божіемъ, о любви къ Богу, о суетности и ничтожности земныхъ благъ и т. п. Въ словахъ похвальныхъ святымъ онъ восхваляетъ добродѣтели ихъ и разсуждаетъ о самыхъ добродѣтеляхъ.

Торжественныя слова и рѣчи Стефана Яворскаго, говоренныя имъ по разнымъ случаямъ, имѣютъ по преимуществу характеръ панегирическій. Такими случаями были наприм. объявленіе войны, побѣды, открытіе государственной измѣны и другія важныя для государства событія. Въ своихъ торжественныхъ проповѣдяхъ онъ говорилъ о высокихъ личныхъ качествахъ Петра Великаго, о блескѣ его внѣшнихъ дѣлъ и благотворности внутреннихъ реформъ, обличая только современниковъ, которые, не понявъ значенія реформъ Петра, или порицали ихъ, или злоупотребляли ими.

Въ личности Петра 1-го были привлекательныя стороны, которыя могли мирить народъ съ его крутыми мѣропріятіями. На эти привлекательныя стороны, Стефанъ Яворскій указываетъ въ своихъ проповѣдяхъ. Необыкновенная даровитость Петра и неустанное, ко всему прилагаемое, трудолюбіе, соединенное съ простотою дѣловаго человѣка, заботящагося только о дѣлѣ, а не объ этикетѣ, по достоинству были

(*) Проп. т. III, стр. 269—1, 272—273.
(**) Т. II, стр. 126—127. Христ: чт. 1867 г. ч. 1, стр. 833.

восхвалены Стефаномъ(*). Онъ хвалитъ даже его высокій благолѣпный ростъ. „Станетъ между нами, яко солнце между звѣздами, яко кедръ Ливанскій между древесами, яко орелъ между птицами, не только властію и почестію, но и возрастомъ честнѣйшій. Кто бы не зналъ его быти царемъ, отъ самаго благолѣпнаго возраста можетъ познавати“(**).

Внѣшнія дѣла Петра состояли почти исключительно въ войнахъ съ Швеціею и Турціею. Проповѣдникъ восхваляетъ военные успѣхи и въ войнѣ съ Турціею видитъ религіозный характеръ. Побѣды надъ врагами представляются Стефану слѣдствіемъ трудовой жизни русскихъ воиновъ, жизнь которыхъ была тягостная и многобѣдственная(***).

Въ пользу внутреннихъ реформъ Петра Великаго въ проповѣдяхъ м. Стефана мало находимъ панегирическихъ отзывовъ. Это объясняется тѣмъ, что а) въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка, когда особенно процвѣтала проповѣдническая дѣятельность м. Стефана, Петръ, озабоченный шведскою войною, мало занимался внутренними реформами; б) тѣ реформы, какія успѣвалъ совершать Петръ, мало пользовались сочувствіемъ м. Стефана, слѣд. мало представляли пищи для панегирическихъ отзывовъ. Довольно обширный панегирикъ м. Стефанъ произнесъ въ похвалу новой столицы С.-Петербурга. Есть также двѣ обширныя проповѣди въ похвалу флота и арміи.

Что касается внѣшней стороны проповѣдей Стефана Яворскаго, ихъ плана, источниковъ, изъ которыхъ они заимствовали свое содержаніе, тона и различныхъ пріемовъ, то въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ знакомыя уже намъ типическія черты южно-русской проповѣди.

Искусственность въ составленіи плана у Стефана Яворскаго поразительна. Части проповѣди основываются не на содержаніи избраннаго предмета, а на какомъ нибудь аллегорическомъ разъясненіи и разложеніи одного слова изъ темы или текста, или въ какомъ нибудь искусственно поставленномъ вопросѣ. Такъ напр. въ словѣ: „Рука Христова, Петру

(*) Хр. Чтен. 1867 г. т. 1, стр. 114—115. Неизданн. проп. м. Стеф.
(**) Тамъ же, стр. 118. Неизд. проп. Ст. Явор.
(***) Тамъ же, стр. 110, 119, 123.

россійскому простираемая"...проповѣдникъ употребляетъ такой пріемъ для раздѣленія проповѣди своей на части. „Рука человѣческая имѣетъ пять перстовъ. Первый перстъ нарицается крѣпкимъ; потому что онъ крѣпче всѣхъ перстовъ, какъ это каждый знаетъ по опыту. Второй называется указательнымъ; потому что тѣмъ перстомъ что нибудь указываютъ. Третій называется среднимъ. Четвертый перстеносным; потому что на немъ перстни носятъ. Пятый, самый меньшій уховой; потому что имъ уши вычищаютъ"(*) Понятно отсюда, что проповѣдь будетъ состоять изъ пяти частей. Переводя представленіе о перстахъ руки Господней въ міръ отвлеченныхъ понятій, проповѣдникъ считаетъ эти персты символами крѣпости, вѣры, терпѣнія, любви къ ближнимъ и смиренія и раскрываетъ проявленія этихъ доблестей въ дѣятельности Петра 1-го и его сподвижниковъ. Другой пріемъ, употребительный при составленіи южно-русскихъ проповѣдей и состоявшій въ измышленіи затѣйливыхъ вопросовъ, также нашелъ себѣ мѣсто въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго. Такъ въ проповѣди на Срѣтеніе Стефанъ занимается такимъ вопросомъ: „о Іовѣ говорится въ самомъ началѣ его книги: бысть мужъ нѣкій именемъ Іовъ; а о Симеонѣ иначе сказуетъ евангеліе: бысть человѣкъ во Іерусалимѣ, ему же имя Симеонъ, а для чего такъ? Для чего Іова мужемъ, а Симеона человѣкомъ писаніе нарицаетъ?"(**)... Приводя слова Спасителя: поминайте жену Лотову, проповѣдникъ вопрошаетъ: „Какъ же ю, Спасителю мой, поминати? панихиду ли за ню пѣти? или въ эктеніяхъ ее поминати? не вѣдаемъ какъ ей имя"(***).

Источники, откуда бралъ Стефанъ содержаніе для своихъ проповѣдей, кромѣ Библіи и св. отцевъ, были и другіе, которыми пользовалась южно-русская проповѣдь.

Способъ пользованія Библіею состоялъ, большею частію, въ сопоставленіи разныхъ мѣстъ писанія по симфоніямъ и конкордаціямъ, такъ что выходила какая то мозаическая картина, которая ясно представляла то, что хочетъ сказать

(*) Р. д. с. паст. 1870 г. т. III, стр. 14.
(**) Пр. Ст. Яв. 1, 77.
(***) Хр. Чт. 1867 г. ч. 1, стр. 420.

проповѣдникъ, но чего тѣмъ не менѣе нѣтъ въ самой Библіи. Такъ напр. м. Стефанъ говоритъ проповѣдь въ Петербургѣ въ первое время послѣ его основанія и желаетъ похвалить приморское мѣстоположеніе города. Для этого проповѣдникъ пользуется всевозможными текстами писанія, которые по видимому подтверждаютъ его мысли о превосходствѣ низменныхъ мѣстъ и водной стихіи, но только по видимому(*). Проповѣдникъ обильно подтвердилъ библейскими текстами свою мысль о превосходствѣ и особенной близости къ Богу водной стихіи. Но для непропитаннаго схоластикою читателя ясно неправильное отношеніе проповѣдника къ св. писанію. Тексты подобраны до такой степени произвольно, что проповѣдникъ безъ труда могъ бы тѣмъ же способомъ хвалить огонь, воздухъ, горы и т. п. Другимъ источникомъ для проповѣдей м. Стефана служили творенія отцевъ церкви не только восточныхъ, но и западныхъ.

Исторія служила также любимымъ источникомъ, откуда онъ бралъ содержаніе своихъ проповѣдей. Примѣровъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительной исторіи, въ особенности изъ исторіи церковной и житій святыхъ очень мало; большею частію онъ беретъ ихъ или изъ миѳологіи или изъ искаженныхъ преданій; нерѣдко приводитъ басни древнихъ баснописцевъ или разсказы о звѣряхъ и птицахъ, приписывая имъ такія свойства, какихъ они никогда не имѣли(**). Не говоря уже о неумѣстности такихъ разсказовъ на церковной каѳедрѣ, по самому характеру ихъ, они не могли служить для слушателей и средствомъ для лучшаго пониманія, предлагаемаго проповѣдникомъ ученія; потому что большая часть ихъ, заимствованная изъ миѳологіи и темныхъ преданій языческой древности, очевидно не могла быть понятна для простаго мало или вовсе необразованнаго класса. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи лучше и естественнѣе примѣры, приводимые имъ изъ жизни обыденной.

Подобно католическимъ польскимъ проповѣдникамъ Стефанъ Яворскій иногда допускаетъ слишкомъ фамильярное

(*) Неизд. проп. Стеф. въ рукоп. Кіевск. Дух. Акад. № 7. л. 93—95. Рук. для сел. паст. 1870 г. ч. III, 24—27.

(**) Проп. Ст. Яв. т. II, стр. 100—102. Т. 1, 180. Т. II, стр. 216, 259, 260, 272, 143.

обращеніе съ святыми лицами и предметами. Чаще всего эта фамильярность проявляется въ выговорахъ и упрекахъ, которые дѣлаетъ священнымъ лицамъ по поводу тѣхъ или другихъ словъ ихъ или поступковъ. Вотъ какъ напр. Яворскій обращается въ одной проповѣди къ апостолу Петру: „Петре святый, прости мнѣ, что къ тебѣ стану глаголати: твое ли то дѣло творити сѣни? тебѣ ли подобаетъ съ топоромъ бѣгати коло такихъ вещей, которыя твоему дѣлу не приличны“(*). Апостола Павла называетъ „казначеемъ небеснымъ“(**), Іисуса Христа „кавалеромъ небеснымъ“(***). Подобныя фамильярныя обращенія съ святыми лицами оскорбляютъ религіозное чувство и чистый вкусъ христіанина. При употребленіи ихъ имѣлась въ виду цѣль сдѣлать проповѣдь занимательною, сообщить ей болѣе живости и остроумія и этимъ заинтересовать вниманіе слушателей.

Съ этою же цѣлію проповѣдникъ иногда пускаетъ въ ходъ шутки и каламбуры и старается ими разсмѣшить своихъ слушателей. Такъ напр. въ словѣ на текстъ: „пріимите Духъ святъ“, Стефанъ, предложивъ простымъ людямъ Духа святаго въ образѣ воды, обращается къ нимъ съ такими словами: „чаю речете: о! сами хотятъ воспріяти Духа святаго въ образѣ вина, а намъ его даютъ въ образѣ воды!“(****) Прежнее названіе Шлиссельбурга Орѣшкомъ даетъ проповѣднику поводъ къ слѣдующему каламбуру: „Орѣшекъ претвердый! добрые то были зубы, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ“(*****).

Тонъ рѣчи Стефана Яворскаго въ различныхъ мѣстахъ различный. Въ проповѣдяхъ обличительныхъ, противъ еретиковъ и пороковъ современнаго общества онъ строгъ и рѣзокъ. Лютера и Кальвина онъ называетъ „скверными, Христоненавистными, треклятыми адскими гидрами, окаянными ересіархами“. Въ проповѣдяхъ, говоренныхъ по случаю побѣдъ тонъ Стефана отличается особенною торжественностію. „Ра-

---

(*) Труды Кіевск. Д. Акад. 1866 г. стр. 116.
(**) Пропов. т. 1 стр. 42.
(***) Проп. т. III, стр. 148.
(****) Проп. т. I, стр. 177.
(*****) — т. III, стр. 169.

дуйтеся и веселитеся Христо-именитіи людіе, ликуй церковь Христова и православная великороссійская держава!“ Такъ начинаетъ онъ слово по случаю побѣды подъ Полтавою(*). Въ проповѣдяхъ поучительныхъ можно много находить мѣстъ очень трогательныхъ, проникнутыхъ живымъ и глубокимъ чувствомъ; таково напр. заключеніе слова его въ недѣлю всѣхъ святыхъ(**) и друг. Вообще Яворскій умѣлъ сообщать своей проповѣди тонъ, сообразный съ обстоятельствами и содержаніемъ слова.

По своей внѣшней сторонѣ рѣчь Стефана отличается фигуральностію, образностію, сближеніями и уподобленіями. Рядъ восклицаній, вопросовъ и отвѣтовъ часто прерываетъ простое теченіе рѣчи. Повѣствовательная форма рѣчи иногда замѣняется драматическою: проповѣдникъ или самъ ведетъ съ кѣмъ нибудь бесѣду, предлагаетъ вопросы и отвѣты, или же влагаетъ рѣчь въ уста выведенныхъ имъ въ проповѣди лицъ. Такъ напр. онъ въ одной проповѣди заставляетъ Іоанна Крестителя вести продолжительную бесѣду съ Иродомъ(***), въ другой самъ вступаетъ въ разговоръ съ ангеломъ, принесшимъ книгу на съѣденіе Іоанну Богослову(****).

Языкъ проповѣдей Яворскаго есть языкъ церковно-славянскій, хотя по мѣстамъ встрѣчается нѣкоторое стремленіе приблизить его къ языку народному. Конструкція—свойственная языку латинскому.

Изъ представленной характеристики проповѣдей Стефана Яворскаго мы видимъ съ одной стороны, что въ нихъ нашли себѣ мѣсто всѣ черты проповѣди католической, особенно проповѣди польскихъ іезутовъ XVII в., какъ болѣе ему знакомой. Но съ другой стороны своимъ содержаніемъ она совершенно отличалась отъ проповѣди схоластической, поставляя и развивая самые жизненные вопросы и рѣдко входя въ область отвлеченныхъ гаданій; поэтому-то исторія ставитъ Стефана Яворскаго на рубежѣ между двумя направленіями въ проповѣдничествѣ, старымъ схоластическимъ и новымъ жизненнымъ, начавшимся съ Ѳеофана Прокоповича.

(*) Проп. Ст. т. III, стр. 241.
(**) — т. I стр. 155—156.
(***) — т. II, стр. 138—139.
(****) — т. I, стр. 123.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Русская церковная проповѣдь съ характеромъ самостоятельности.

Эпоха публицистической проповѣди.

Петръ Великій хотѣлъ, чтобы церковная проповѣдь была средствомъ для примиренія народа съ его нововведеніями, значенія которыхъ большинство не понимало, и чтобы посредствомъ церковной проповѣди искоренялись и истреблялись тѣ предубѣжденія и темныя стороны русской жизни, которыя служили помѣхою его преобразовательнымъ планамъ. Знаменитые проповѣдники петровскаго царствованія Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій удовлетворяли требованіямъ Петра не вполнѣ; отчасти потому, что не всѣмъ дѣйствіямъ Петра сочувствовали, отчасти потому, что схоластическіе пріемы проповѣдей ихъ закрывали то содержаніе, которое требовалось отъ нея. Такъ митр. Стефанъ Яворскій, хотя и хвалилъ дѣла Петровскаго царствованія, но высказывалъ въ проповѣди также и взгляды, которые не могли нравиться Петру. Онъ осуждалъ, напр., брадобритіе, учрежденіе фискаловъ, разводъ Петра съ супругою Евдокіею, преслѣдовалъ протестантовъ и т. п. Точно также и св. Димитрій Ростовскій не одобрительно относился къ ослабленію поста въ войскѣ, къ запрещенію подавать милостыню, къ ассамблеямъ и высказывалъ это неодобреніе съ церковной каѳедры. При томъ и похвальныя проповѣди Стефана Яворскаго, какъ состоявшія изъ набора общихъ мѣстъ, мало могли выяснить сущность дѣла и поэтому не вполнѣ нравились Петру. Болѣе ревностнымъ исполнителемъ его воли явился Ѳеофанъ Прокоповичъ съ своими послѣдователями.

Өеофанъ Прокоповичъ.

Его первоначальное образованіе въ кіевскихъ школахъ, продолженіе образованія въ польскихъ и завершеніе образованія въ Римѣ. Возвращеніе въ Кіевъ, принятіе монашества и учительство въ кіевской академіи. Случай, познакомившій его съ Петромъ Великимъ, вызовъ въ Петербургъ для проповѣданія слова Божія. Направленіе проповѣдничества Өеофана и содержаніе его проповѣдей. Внѣшняя сторона проповѣдей. Послѣдователи Өеофана Прокоповича.

Өеофанъ родился въ Кіевѣ 7-го іюня 1681 г. До 18 лѣтняго возраста обучался онъ въ кіевскихъ школахъ и потомъ въ кіево-могилянской академіи, гдѣ поражалъ всѣхъ наставниковъ своими необыкновенными дарованіями, живымъ и острымъ умомъ и весьма привлекательною внѣшностію. Любознательность его, однако же, не могла удовлетвориться тѣмъ, что способна была доставить ему кіево-могилянская коллегія; и вотъ онъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ своего времени, отправляется за границу, въ польскія школы; а такъ какъ въ польскія школы не принимали никого изъ принадлежавшихъ къ восточному вѣроисповѣданію, то Өеофанъ вынужденъ былъ сдѣлаться уніатомъ. Достаточно уже образованный и твердый въ наукахъ, Өеофанъ и здѣсь оставался недолго, постоянно стремясь углубить и расширить кругъ своихъ свѣдѣній, и вскорѣ, чрезъ славянскія земли, чрезъ сѣверную Италію, пробрался въ отчизну искусствъ — въ Римъ. Здѣсь Өеофанъ поступилъ въ знаменитый коллегіумъ св. Аѳанасія, учрежденный папою Григоріемъ XIII съ тою спеціальною цѣлію, чтобы въ немъ могли получать образованіе молодые люди изъ грековъ и славянъ. Преподавателями тамъ были іезуиты, и Өеофанъ сдѣлался вскорѣ ихъ общимъ любимцемъ: его полюбили и за веселый, привлекательный характеръ и за способность къ наукамъ. Его отличали отъ всѣхъ товарищей его, открыли ему свободный доступъ во всѣ библіотеки, и Өеофанъ вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него древними классиками, съ которыми ему впервые удавалось въ ту пору познакомиться въ настоящихъ подлинникахъ, а не по школьнымъ, очищеннымъ и сглаженнымъ изданіямъ. Извѣстно, что іезуты дѣлали неоднократно Өеофану весьма выгодныя предложенія, обѣщая ему блестящую

карьеру въ будущемъ, въ томъ случаѣ, если бы онъ вступилъ въ ихъ семинарію, или въ духовное званіе. Но Өеофанъ ловко отклонилъ всѣ подобныя предложенія и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Римѣ только для того, чтобы съ любовію изучить безсмертныя сочиненія классиковъ и творенія отцевъ церкви римской и греческой. Здѣсь-то, въ Римѣ, центрѣ католическаго міра, запасшись громадною ученостію богословскою и окончательно усвоивъ себѣ блестящее классическое образованіе, Өеофанъ собралъ вмѣстѣ съ тѣмъ и драгоцѣннѣйшій матеріалъ для правдивой оцѣнки „папежскаго духа", проникавшаго къ намъ чрезъ польшу, и навѣки сдѣлался заклятымъ врагомъ Рима. Около 1702 года, претерпѣвъ множество разныхъ бѣдъ и лишеній на обратномъ пути своемъ въ Россію, Өеофанъ наконецъ возвратился въ Кіевъ, былъ разрѣшенъ отъ всякихъ связей своихъ съ уніей, постриженъ въ монахи и потомъ принятъ преподавателемъ въ кіевскую академію. Во время пребыванія императора Петра Великаго въ Кіевѣ въ 1706 году, Өеофанъ сказалъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой, не обращаясь ни къ какимъ библейскимъ или классическимъ сравненіямъ и „прикладамъ", ловко связалъ свой панегирикъ Петру съ воспоминаніями изъ отечественной исторіи о тѣхъ событіяхъ и лицахъ, для которыхъ кіевскіе памятники служили живою лѣтописью; въ концѣ рѣчи, еще болѣе ловко вставилъ Өеофанъ словечко и о неслыханной простотѣ жизни и одежды монарха, объ отвращеніи его къ пышности: „Пресвѣтлый монархо нашъ", такъ заключилъ Өеофанъ, „множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрости и удивленія достойныхъ дѣлахъ...".

Другое торжественное поздравительное слово сказано было Өеофаномъ Петру въ 1709 году, черезъ двѣ недѣли послѣ полтавской побѣды, и такъ понравилось Петру, что тогда же было напечатано, по его приказанію, на славянскомъ и латинскомъ языкахъ. Всѣмъ особенно понравилось въ этомъ словѣ сближеніе съ библейской исторіей, сдѣланное ораторомъ; онъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что битва происходила въ день св, Сампсона, который растерзалъ

льва: и назвалъ виновниковъ побѣды вторыми сампсонами, растерзавшими челюсти льва свейскаго. Съ этихъ поръ, и особенно послѣ того, какъ Ѳеофану пришлось сопровождать царя въ несчастливо окончившійся турецкій походъ 1711 года, Петръ уже видимо благоволилъ къ Ѳеофану, видѣлъ въ немъ человѣка надежнаго и пригоднаго, и рѣшился приблизить его къ себѣ въ виду тѣхъ обширныхъ реформъ по устройству Русской церкви, которыя онъ готовился со временемъ привести въ исполненіе. По возвращеніи изъ похода Петръ возводитъ Ѳеофана въ званіе ректора, а въ 1716 году вызываетъ въ Петербургъ для проповѣданія слова Божія. Хотя Ѳеофанъ и не засталъ въ Петербургѣ государя, находившагося въ то время за границей, однакоже онъ немедленно вступилъ на тотъ путь, которымъ ему суждено было идти до самой смерти Петра.

Ѳеофанъ въ отсутствіе Петра, усердно принялся за дѣятельность ораторскую, и проповѣди его имѣли такое важное значеніе по отношенію къ современности, что каждая изъ нихъ тотчасъ печаталась и пересылалась государю за границу. Ѳеофанъ въ этихъ проповѣдяхъ является скорѣе свѣтскимъ ораторомъ, нежели духовнымъ лицемъ, и въ основу своей проповѣди избираетъ обыкновенно не поученіе нравственное, не разъясненіе догматовъ, а изложеніе и разъясненіе современныхъ политическихъ событій, дѣйствій правительства и даже видовъ его на будущее время; все это было излагаемо и изъясняемо съ правительственной точки зрѣнія, вполнѣ согласно съ воззрѣніями самаго Петра. Съ восторженными похвалами отзывался онъ о каждомъ дѣйствіи Петра, указывалъ на пользу путешествій государя за границу, приглашалъ всѣхъ къ подражанію ему и старался оправдать каждое его распоряженіе, каждое нововведеніе.

По возвращеніи государя изъ-за границы, Ѳеофанъ былъ посвященъ въ епископа новгородскаго; не задолго передъ тѣмъ онъ сказалъ свою знаменитую проповѣдь „о власти и чести царской“, въ которой уже ясно видны намеки на подготовляемыя Петромъ важныя реформы въ церковномъ устройствѣ. Ѳеофанъ проводитъ въ этой проповѣди ту мысль, что всѣ сословія въ государствѣ должны быть подчинены и подсудны государю, и прибавляетъ: „многіе мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіе выклю-

чаются, именно же священство и монашество. Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ; священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, *а не иное государство*".

Это живое современное политическое направленіе проповѣдей Ѳеофана Прокоповича отличало его отъ проповѣдниковъ схоластическихъ, которые, не обращая вниманія на жизненные вопросы, витали, большею частію, въ области отвлеченныхъ идей и занимались разрѣшеніемъ безсодержательныхъ вопросовъ; отличается онъ и отъ ближайшихъ къ нему четырехъ русскихъ проповѣдниковъ: Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго и Димитрія Ростовскаго, проповѣдь которыхъ, хотя и касалась событій современной жизни, но по внѣшнимъ пріемамъ недалеко стояла отъ схоластики. Ѳеофанъ отвергнулъ всѣ преданія южно-русской Гомилетики. Въ статьѣ „Духовнаго Регламента" и въ отдѣльномъ сочиненіи о проповѣди: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовати долженъ", указываетъ на св. писаніе, какъ на главный источникъ проповѣди, изъ котораго проповѣдникъ долженъ почерпать основу ея, стараясь истолковать тексты св. писанія, самостоятельно, вникая въ глубокій смыслъ ихъ и принимая за образецъ духовнаго краснорѣчія слова Іоанна Златоустаго, а не тѣхъ „казнодѣишковъ, легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ". „Проповѣдывали бы проповѣдники, говоритъ Ѳеофанъ, твердо, съ доводовъ св. писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бъ суевѣріе, вкореняли бъ въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ рещи: испытывали бъ отъ св. писанія, что есть воля Божія, святая угодная и совершенная и то говорили бы".

Это—новый образецъ проповѣдей, которому Ѳеофанъ и самъ старался и другимъ совѣтовалъ слѣдовать. Московскихъ и кіевскихъ приверженцевъ прежняго направленія проповѣди Ѳеофанъ называлъ въ шутку *латинщиками* и весьма рѣзко осуждалъ то произвольное, натянутое развитіе темы, избранной для проповѣди, ту искусственность въ толкованіи текстовъ и то переполненіе проповѣди символическими и алле-

горическими прикрасами, которыя составляли главное характеристическое отличіе южно-русской проповѣди.

По содержанію проповѣди Ѳеофана Прокоповича могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на проповѣди похвальныя и обличительныя. Въ первыхъ онъ хвалитъ Петра и его реформы; во вторыхъ обличаетъ противниковъ петровой реформы и порицаетъ все то, чего Петръ не любилъ.

Такъ какъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ государственныхъ предпріятій Петровскаго царствованія была самодержавная воля Петра 1-го, то естественно Ѳеофанъ долженъ былъ восхвалить монархическій образъ правленія, и въ частности такого монарха, какимъ былъ Петръ 1-й. Въ словѣ на день рожденія царевича Петра Петровича Ѳеофанъ Прокоповичъ доказываетъ преимущество монархизма древностію и всеобщностію монархическаго образа правленія. Существовавшія и существующія республики не опровергаютъ его мысли о всеобщности монархическаго образа правленія; ихъ во первыхъ не много; онѣ составляютъ исключенія изъ общаго порядка государственнаго устройства; во вторыхъ, онѣ скорѣе доказываютъ нежели опровергаютъ превосходство монархическаго образа правленія предъ республиканскимъ. Возмемъ рѣчь посполитую польскую; „крѣпко это было государство, когда находилось въ строю монаршескомъ, когда жъ златыя оныя узы на себѣ растерзало, то начало оскудѣвати и утѣсняемо быти“; также и въ римской республикѣ „въ крайнихъ нуждахъ избираемы бывали диктаторы, власть всемощная и лютая, и паче монаршества страшнѣйшая“, а въ концѣ концовъ римская республика должна была обратиться въ монархію. Что же касается Венеціи, Генуи, Швейцаріи, Бельгіи, то благоденствіе этихъ государствъ, при республиканскомъ образѣ правленія, объясняется не обширностію этихъ политическихъ тѣлъ: „тутъ вкупѣ сенатъ, вкупѣ народъ, вкупѣ духъ, вкупѣ уды“. Доказавъ съ достаточною ученостію древность и почти всеобщность монархизма, проповѣдникъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе монархіи наслѣдственной предъ избирательною, потому что порфиродный государь съ малолѣтства изучаетъ науку царствовать, не надмѣвается царскимъ величіемъ, какъ уже привычнымъ и старается оставить государство въ добромъ порядкѣ своимъ наслѣдникамъ дѣтямъ. Избранные монархи не могутъ быть та-

ковы. Но самое страшное зло при избирательномъ образѣ правленія бываетъ тогда, когда умираетъ монархъ: тутъ вражда, интриги, подкупы, зависть, а иногда и оружіе начинаютъ играть самую видную роль, пока не появится на престолѣ новый монархъ.

Доказавъ превосходство монархизма историческими и политическими соображеніями, Ѳеофанъ подкрѣпляетъ свои выводы словомъ Божіимъ и въ проповѣди „о власти и чести царской" приводитъ изреченія ап. Павла о повиновеніи властямъ (Рим. 13, 1—6)(*). Онъ находитъ въ св. писаніи много примѣровъ въ подтвержденіе и того, что нужно повиноваться не только добрымъ государямъ, но и злымъ. Такъ Давидъ приказалъ умертвить убійцу Саула за то, что тотъ посягнулъ на помазаннаго. Господь повелѣваетъ Израилю у пророка Іереміи служить Навуходоносору, царю вавилонскому, апостолы Петръ и Павелъ учатъ служить Нерону за совѣсть(**).

Если священное писаніе повелѣваетъ повиноваться и дурнымъ государямъ, то тѣмъ болѣе подданные должны повиноваться такому безпримѣрному въ исторіи государю, каковъ Петръ 1-й. Ѳеофанъ хвалитъ Петра прежде всего за его личныя качества: за его необыкновенную даровитось, за остроту ума, силу разсужденія и остроту памяти(***), потомъ говоритъ о его религіозности, которая подвергалась сильнымъ сомнѣніямъ и нареканіямъ со стороны его подданныхъ. Въ доказательство религіозности Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ въ проповѣди на поминовеніе Петра представляетъ его законы и указы по отношенію къ раскольникамъ, суевѣрамъ, лицемѣрамъ, не причащающимся св. таинъ, относительно монашества, учрежденія Св. Синода и т. п., вообще всѣ тѣ законы и указы, которые подавали русскому большинству поводъ къ совершенно обратнымъ заключеніямъ о религіозности государя(****).

Изъ дѣлъ Петра 1-го останавливаютъ на себѣ вниманіе Ѳеофана какъ дѣла внѣшнія военныя, такъ и внутреннія

(*) Т. 1, 250.
(**) Т. 1, 255.
(***) Т. II, 159—162.
(****) Т. II, 154 стр: и слѣд.

преобразованія, дѣла гражданскія. Проповѣдникъ съ похвалою относится о тѣхъ и другихъ. Особенно долго останавливается ораторъ на Шведской войнѣ, которая тянулась 21 годъ, очень дорого стоила Россіи, взяла много силъ и денегъ, но которая все-таки была славная и полезная война. Въ похвальномъ словѣ Государю Петру Алексѣевичу, сказанномъ 1709 г. іюня 27 дня по случаю побѣды надъ „войсками свѣйскими", Ѳеофанъ отдаетъ честь въ этой побѣдѣ личнымъ доблестямъ Петра: твердости его характера, его храбрости, мужеству и неустрашимости. Король шведскій превосходилъ Петра своею силою, гордился и своею храбростію. При этомъ много было и внутреннихъ препятствій къ успѣшной борьбѣ съ Карломъ шведскимъ, въ особенности измѣна Мазепы. Но при всѣхъ этихъ „злоключеніяхъ" сердце Петра „не колебалось страхомъ, не унывало, не убоялось громовъ военныхъ". Онъ рѣшился сначала усмирить области запорожскія, возмущенныя Мазепой; а потомъ двинуть свои силы противъ главнаго врага, короля шведскаго. „Таковыя убо скорби и смущенія, таковые мятежи внутренніе со внутрь сущимъ супостатомъ связавшіеся! восклицаетъ проповѣдникъ. Кто исповѣсть, коликія труды и неудобства приложиша ко брани сей? Умъ воистинну смущается, помышляя толикая неудобства: обаче всѣмъ симъ и инымъ труднымъ дѣламъ и нуждамъ совершеннѣ удотворилъ еси премудрымъ твоимъ промысломъ и силою мужественнаго твоего воинства, Пресвѣтлѣйшій монархо".

Хвалитъ Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ за его храбрость и неустрашимость во время шведской войны, потому что онъ не только издавалъ повелѣнія и посылалъ полки на брань, но и самъ высокимъ лицемъ своимъ въ лице супостату противосталъ, самъ на первые мечи и копія и огни устремился. При этомъ онъ не былъ одѣтъ въ желѣзо, ни обложенъ твердою бронею, не имѣлъ ни щита, ни шлема мѣднаго, но „аки не рушимою стѣною и адамантовымъ забраломъ ограждено бяше царское лице не видимою силою Вышняго".... „Яко не иной ради вины попусти Господь видимой смерти приближитися ко главѣ твоей, но не коснутися: развѣ дабы извѣстно показалъ защищеніе свое, имъ же тебѣ и твое царство сохраняетъ"(*).

(*) Т. 1, стр. 21 и др.

Этими словами проповѣдникъ указываетъ на извѣстное обстоятельство, случившееся съ Петромъ во время битвы подъ Полтавою; на немъ была прострѣлена шляпа, а самаго его пуля не коснулась. Въ словѣ „о баталіи Полтавской" Ѳеофанъ указываетъ на этотъ случай, какъ на доказательство мужества Петра и его пренебреженія смертію и потомъ обращаясь къ шляпѣ восклицаетъ: «О шляпа драгоцѣнная! не дорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ, всѣхъ вѣнцовъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которые Россійское государство описуютъ, что ни на единомъ европейскомъ государствѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на монархѣ россійстѣмъ; но отселѣ уже не корону, а шляпу сію цареву разсуждайте и со удивленіемъ описуйте»(*).

Какъ бы въ дополненіе характеристики геройства и мужества Петра 1-го, Ѳеофанъ сравниваетъ его съ Сампсономъ, растерзавшимъ льва. „Яко убо иногда Сампсонъ въ растерзанномъ отъ себѣ львѣ обрѣтше пчелы и медъ, и усладився отъ него; подобно и тебѣ, Пресвѣтлѣйшій монархо, Божіимъ благословеніемъ случися. Растерзалъ еси, аки вторый Сампсонъ, растерзалъ если мужественнѣ льва свѣйскаго... *Отъ ядущаго ядомое изыде*; отъ того, иже пожерлъ бяше твоя отеческія земли, имѣеши ядомое, плѣнъ воинства и всѣ пребогатыя корысти; *отъ крѣпкаго изыде сладкое*; понеже крѣпкій сый и страшный, непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть; того ради сладчайшая есть торжественная радость".

Восхваляя воинскія доблести Петра и отдавая главную честь въ полтавской побѣдѣ лично ему, Ѳеофанъ Прокоповичъ не забываетъ и русскаго войска и по мѣстамъ приглашаетъ его радоваться и ликовать славѣ русскаго оружія „Красуйся и ликуй, говоритъ Ѳеофанъ въ первомъ словѣ(**), о мужественномъ твоемъ воинствѣ: се видиши въ немъ великій плодъ установленнаго тобою рыцарскаго ученія. Соиграйте и вы, о крѣпкіи столпы и адамантовы щиты отечества нашего и православія, премудріи военачальницы и воины не-

(*) Т. 1 стр. 159.
(**) Т. 1 стр. 47.

побѣдиміи: облетитъ всю подсолнечную громогласная слава, гласящая вашу и царя вашего храбрость, и рекутъ странныи роды: достоинъ царь таковаго воинства, и воинство таковаго царя". Впрочемъ и въ этой похвалѣ воинству на первомъ планѣ выступаетъ личность Петра.

Слава побѣдъ пріятна; но война кромѣ славы должна приносить и существенную пользу, чтобы вознаградить за тяжелыя жертвы, которыхъ требуетъ. Въ особенности это ожидалось отъ шведской войны, которая и предпринята была во имя государственной пользы и такъ долго истощала силы русскаго народа, что возбуждала противъ себя всеобщій ропотъ. Наконецъ миръ былъ заключенъ, и государь Петръ I указомъ своимъ 1721 года 22 октября, между прочимъ, повелѣлъ объяснять народу россійскому, какія въ этой войнѣ Богъ явилъ намъ милости свои и благословеннымъ миромъ заключилъ и запечатлѣлъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ не замедлилъ исполнить желаніе царя. Въ своемъ словѣ, сказанномъ, по случаю ништадскаго мира, 1722 г. 28 января(*), онъ прежде всего приглашаетъ всѣхъ, кто можетъ ясно сказать о богоданныхъ намъ въ прошедшей войнѣ успѣхахъ и благополучіяхъ,—и духовныхъ пастырей и мірскихъ начальниковъ и другихъ—бесѣдами, разговорами, проповѣдями, пѣніями и всякимъ образомъ толковать и изъяснять въ слухъ народа, что мы прежде войны сея были, и что нынѣ? Какова была Россія и какова есть? Приступая затѣмъ къ объясненію тѣхъ выгодъ, какія принесла намъ шведская война, Прокоповичъ говоритъ сначала о необходимости самой войны. Необходимость эту онъ доказываетъ прекраснымъ примѣромъ спящаго, невооруженнаго человѣка, не чающаго никакой бѣды и его врага сильнаго, яростнаго и вооруженнаго. Шведъ былъ силенъ и хорошо вооруженъ; военная дисциплина была въ его войскѣ совершенная, частые походы и тягости походной жизни закалили его, какъ желѣзо. Опасно было уподобляться спящему въ сосѣдствѣ съ такимъ могучимъ врагомъ. Съ другой стороны война была необходима и для того, чтобы „воинскіе совѣты помнились, искусство правителей не помрачалось и ученіе воинское не забывалось". Другихъ цѣлей не

(*) Т. II стр. 73 и др.

было: „богатствъ своихъ довольно, оружія и войска было также много, да притомъ войска единоземнаго, единовѣрнаго и единодушнаго, превосходящаго во всѣхъ отношеніяхъ войско наемное". Но какъ проповѣдникъ Христовой религіи, религіи мира, Ѳеофанъ чувствовалъ несостоятельность приведенныхъ доказательствъ необходимости войны; поэтому онъ въ другихъ своихъ словахъ о томъ же предметѣ, напр. въ похвальномъ словѣ о баталіи Полтавской говоритъ, что война шведская вызвана завистію шведовъ къ процвѣтанію Россіи и возвышенію ея могущества и разнаго рода съ ихъ стороны притѣсненіями(*). Но больше всего Ѳеофанъ останавливаетъ свое вниманіе на той пользѣ, какую принесла шведская война русскому государству. Война эта заставила хорошо обучить наше воинство, по образцу европейскому, устроить артиллерію и флотъ и доставила намъ водный путь къ пользѣ и славѣ нашего отечества.

Внутреннія преобразованія Петра тѣмъ болѣе требовали восхваленія и разъясненія ихъ пользы, чѣмъ болѣе возбуждали противъ себя въ народѣ недоразумѣній и ропота.

Восхвалялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ счисленіе новолѣтія съ 1-го генваря, а не съ 1-го сентября, введенное Петромъ «лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ трактатахъ и контрактахъ, такожъ и для порядку чиновъ государства своего, наипаче же для исчисленія лѣтъ отъ пришествія въ міръ Сына Божія, доказывая, что гораздо приличнѣе и отраднѣе начинать счетъ дней не съ сентябрскихъ календъ Константиновыхъ, служившихъ срокомъ взноса податей, а съ того времени, когда пришелъ въ міръ Избавитель человѣчества отъ всѣхъ даней, наложенныхъ грѣхомъ(**). Обращая вниманіе на административныя преобразованія Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ съ похвалою говорилъ „о новомъ сенаторовъ и губернаторовъ санѣ, въ совѣтахъ высокомъ, въ правосудіи не умытномъ, страшномъ злодѣяніямъ"(***). Восхвалялъ Прокоповичъ и плоды западноевропейской цивилизаціи, пересаживаемые Петромъ на русскую почву и вы-

---

(*) Т. 1, стр. 145 и др.
(**) Т. II, 116 стр. и друг.
(***) Т I, стр. 110.

ражалъ радость, что „уже и свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имяху“(*).

Съ большимъ вниманіемъ останавливался Ѳеофанъ Прокоповичъ на заведеніи Петромъ флота и устроеніи новой столицы. Онъ объясняетъ значеніе флота(**), пользу и преимущества новой столицы: красоту ея положенія, удобство для внѣшней торговли и стратегическую важность(***).

Обличеніе въ проповѣдяхъ Ѳеофана Прокоповича было направлено противъ враговъ петровой реформы и тѣхъ сторонъ народной жизни, которыя несоотвѣтствовали нравственнымъ идеаламъ Преобразователя. Онъ обличаетъ раскольниковъ за ихъ недовольство перенесеніемъ новолѣтія съ 1-го сентября на 1-е января, за ихъ жалкое и смѣшное богословствованіе „что любо, и что не любо Богу, и что хранити надобно къ счастію, и что къ сбереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому и кія къ другому дѣлу угодные и которые псалмы или молитвы сильнѣйшія“(****). Обличаетъ и православныхъ: духовныхъ и мірянъ; первыхъ за то, что многіе изъ нихъ роптали на учрежденіе монастырскаго приказа и другія стѣснительныя для нихъ распоряженія по дѣламъ церковнаго управленія; вторыхъ за то, что они роптали на тягости, не разлучныя съ реформою(*****).

Обличалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и тѣ пороки, которые были распространены въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, которые не любилъ Петръ и которые были противны христіанству. Онъ обличалъ лицемѣріе, которое ненавидѣлъ Петръ особенно въ жизни религіозной, порицалъ ханжей и ложно юродивыхъ, а также и невѣжество общества, которое эксплуатируется этими хитрецами(******).

Обличенія Ѳеофана Прокоповича не могли, конечно, нравиться тѣмъ, противъ кого они направлялись. Еще при жизни Петра составилась противъ Ѳеофана партія не довольныхъ, которая, послѣ смерти Петра Великаго, покровителя

(*) Т. 1, стр. III.
(**) Т. II, 52 стр. и слѣд.
(***) Т. I, стр. 112—113.
(****) Т. II, стр. 114—115 и 245—246.
(*****) Т. I, 262—263, 241—242, 257—260.
(******) Т. I, 217. 11, 16, 66.

Өеофана, едва не погубила его; и только благодаря обширности и изворотливости ума своего онъ остался цѣлъ и невредимъ. Къ чести его нужно сказать, что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, не перемѣнилъ своихъ убѣжденій: при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ онъ былъ тотъ же, что и при Петрѣ I, и нельзя не признать, что только благодаря своему широкому гибкому и изворотливому уму, Өеофанъ сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь нашу, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Өеофанъ Прокоповичъ положилъ своими проповѣдями начало новаго направленія, создалъ новую эпоху въ исторіи русскаго проповѣдничества. Построеніемъ своимъ проповѣди его существенно разнятся отъ проповѣдей югозападныхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ католическихъ образцевъ, хотя нѣкоторыми чертами и напоминаютъ прежнюю школу. Развитіе выбраннаго текста состоитъ у Өеофана въ указаніи его прямаго смысла. Раздѣленіе слова на части условлено самимъ содержаніемъ; каждая часть наполнена матеріаломъ, дѣйствительно ей принадлежащимъ. Ораторъ не отбивается отъ своей задачи въ сторону, не дѣлаетъ никакихъ курьезныхъ вопросовъ, не прибѣгаетъ къ аллегоріямъ, и ни на минуту не теряетъ изъ виду предположенной цѣли: отсюда единство взгляда, и представленіе предмета ему свойственными чертами. Доказательства заимствуются преимущественно изъ св. писанія, а также изъ исторіи церковной и гражданской; нѣтъ обстановки слова астрономическими свѣдѣніями и описаніями естественныхъ предметовъ, столь частыми въ проповѣди югозападной. Художественный элементъ въ словахъ Өеофана мало развитъ: образовъ, фигуръ не много; драматизма почти вовсе нѣтъ. Преобладаніе разсудка надъ чувствомъ и фантазіей, стремленіе къ анализу, къ критикѣ мысли были причиною, что изложеніе проповѣдника отличается правильностію и логичностію постройки, связью началъ съ выводами и простотою внѣшней формы. Тонъ его рѣчи ровный; сильныхъ ораторскихъ движеній мало.

Но значеніе Өеофана неограничивается только реформою прежней методы проповѣданія. Проповѣди его не похожи на югозападныя и по своему содержанію; они имѣли самое

живое отношеніе къ своему времени. Ѳеофанъ не просто проповѣдникъ, а проповѣдникъ Петрова времени. Онъ служитъ дѣлу реформы, возбуждая къ ней сочувствіе, утверждая сознаніе ея необходимости и пользы. Этою цѣлію обусловлено содержаніе его словъ: они или подготовляютъ слушателей къ мѣрамъ преобразованія, объясняя ту выгоду, какую онѣ имѣютъ принести отечеству, или оправдываютъ мѣры, указывая выгоды, уже принесенныя ими. Въ томъ и другомъ случаѣ, исходнымъ пунктомъ своихъ доводовъ Ѳеофанъ выбираетъ вѣроученіе. Какъ пастырь церкви, онъ имѣлъ обязанностію прежде всего утвердить согласіе дѣлъ Петровыхъ съ духомъ священнаго писанія и съ тѣмъ, что есть непремѣннаго въ уставахъ церкви. Это согласіе было существеннымъ и для самой паствы, которая въ новыхъ явленіяхъ боялась видѣть измѣну Закону Божію. Очистивъ правительственныя мѣры отъ всякаго противорѣчія религіозному чувству, Ѳеофанъ раскрывалъ затѣмъ ихъ общественную и частную пользу. Здѣсь выступали практическіе результаты реформы, наиболѣе способные помирить съ нею недовольныхъ.

Другіе проповѣдники времени Петра Великаго слѣдовали направленію, указанному Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Таковы были: Симонъ Кохановскій и Гавріилъ Бужинскій. Слово въ день Благовѣщенія, произнесенное Симономъ Кохановскимъ въ Ревелѣ (1720), замѣчательно силою полемики. Оно осуждаетъ ханжество, лицемѣріе и наружное благочестіе тѣхъ, которые «отъ честнаго гражданскаго сожительства» бѣгутъ въ лѣса и пустыни не ради душевнаго спасенія, возможнаго и въ мірѣ, а ради только того, чтобы избыть служебныхъ трудовъ. Затѣмъ проповѣдникъ ратуетъ противъ раскола съ его „мужицкой богословіей“, противъ суевѣрія или злочестія, причисляя къ нему сказки бездѣльныя.

Гавріилъ Бужинскій, епископъ рязанскій (1731) былъ также «глашатаемъ дѣлъ Петровыхъ. Служа оберъ-іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя государю въ походахъ, Бужинскій большею частію говорилъ слова на событія изъ эпохи преобразованія, напр.: на побѣды при Полтавѣ и Гангудѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы.

Замѣчательные проповѣдники въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны.

Направленіе ихъ проповѣди; тонъ и характеръ.

Послѣ смерти Петра Великаго настало смутное время для государства русскаго и для церкви православной. При дворѣ стала усиливаться нѣмецкая партія, которая заботилась исключительно о своихъ матеріальныхъ и религіозныхъ интересахъ въ ущербъ благоденствію Россіи; особенно эта партія сдѣлалась господствующею въ царствованіе Анны Іоанновны: Биронъ, Минихъ, Остерманъ дѣлали все, чтобы уничтожить православіе и русскую народность: они послѣдовательно уменьшали духовное сословіе, оставляли храмы безъ причтовъ, православную паству безъ всякихъ средствъ къ религіозно-нравственному воспитанію и удовлетворенію духовныхъ нуждъ. Храмы пустѣли и закрывались, училища оставлялись безъ поддержки и уничтожались; книги, составленныя въ защиту православія, запрещались и отбирались; поборники православія подъ ничтожными предлогами лишались мѣстъ и даже жизни.

При такихъ условіяхъ, естественно, не могла процвѣтать церковная проповѣдь. И дѣйствительно, ея почти не было. Одинъ Ѳеофанъ Прокоповичъ продолжалъ хвалить правительство; но едва ли эти похвалы были убѣдительны.

Въ 1741 году, въ ночь съ 24 на 25 ноября совершился переворотъ, возведшій на русскій тронъ Елизавету Петровну и устранившій отъ дѣлъ правленія всѣхъ враговъ православія и народности: Бирона, Миниха, Остермана и графа Головкина. Простое, очень естественное чувство ненависти къ иновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки значительную часть управленія, имѣвшимъ вліяніе даже на церковныя дѣла; наконецъ раздраженіе, вызванное полемикой съ католическимъ и лютеранскимъ ученіями: все это не мало содѣйствовало тому, что перемѣна правительствующаго лица, обѣщавшаго положить конецъ прежнему порядку вещей, встрѣчена была расположеніемъ со стороны духовенства. И дѣйствительно, въ большей части проповѣдей, произнесенныхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, не трудно замѣтить подъ торжественнымъ, оффиціальнымъ покровомъ церковнаго красно-

рѣчія радостное чувство побѣды. Духовные ораторы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать это чувство, а нерѣдко и требованія, внушаемыя имъ: проходитъ пять, шесть, десять лѣтъ послѣ 25 ноября 1741 года, и не смотря на такое разстояніе, въ годину переворота, или въ день коронованія императрицы, ея имянинъ и рожденія, проповѣдникъ считаетъ своею обязанностію возвратиться воспоминаніемъ къ столь счастливому, по его мнѣнію, событію, указать на его общественное значеніе. Съ своей стороны Елизавета Петровна не остается равнодушною слушательницею такихъ панегириковъ: въ ея правленіе мы видимъ цѣлый рядъ указовъ, обнаруживающихъ особенную заботливость и попечительность правительства о церкви, ея служителяхъ, монастыряхъ, о распространеніи православія среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири.

Сочувствіе Елизаветы къ самому дѣлу проповѣдничества выразилось въ томъ, что она въ первый годъ своего царствованія Высочайшимъ указомъ Св. Синоду повелѣла: „въ придворной Ея Императорскаго Величества церкви по вся воскресные дни духовнымъ персонамъ чинить Слова Божія проповѣдь“. Иногда Императрица сама назначала проповѣдника на извѣстный день. Во все продолженіе царствованія Елизаветы мы видимъ цѣлый рядъ лицъ, назначенныхъ для придворной проповѣди. Кромѣ того при дворѣ говорили проповѣди при разныхъ случаяхъ многіе епископы и архимандриты, вызывавшіеся для того въ С.-Петербургъ или Москву, а въ знатнѣйшіе торжественные праздники сами синодальные члены. Въ то же время епархіальнымъ архіереямъ предписано было, чтобы въ высокоторжественные дни проповѣди сказываемы были непремѣнно учеными лицами въ каѳедральныхъ соборахъ и монастыряхъ. Изъ ряда многочисленныхъ проповѣдниковъ временъ Елизаветы Петровны выдавались: Димитрій Сѣченовъ, митрополитъ новгородскій, Симонъ епископъ псковскій, Амвросій Юшкевичъ, арх. новгородскій, Кириллъ Флоринскій, ректоръ московской академіи, другой Амвросій архіепископъ новгородскій, занявшій каѳедру оставшуюся свободною по смерти Ѳеофана Прокоповича и любимый проповѣдникъ Елизаветы Гедеонъ Криновскій.

Вступленіе на престолъ Елизаветы привѣтствуется проповѣдниками съ живѣйшимъ восторгомъ. Они видятъ въ ней

продолжательницу дѣлъ Петровыхъ и олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей, изъ которыхъ съ особенною подробностію описываютъ ея мужество, смиреніе и терпѣніе, глубокую религіозность и точное соблюденіе всѣхъ церковныхъ обрядовъ и установленій. Въ день рожденія императрицы Елизаветы 18 декабря, спустя три недѣли послѣ ноябрьскаго переворота, Кириллъ Флоринскій, московскій проповѣдникъ, сказалъ слово изъ текста: „сильно на землѣ будетъ сѣмя его“. Въ этомъ словѣ онъ объясняетъ права Елизаветы на престолъ, называетъ ее законною наслѣдницею престола отеческаго и правовѣрною хранительницею благочестія. Желая видѣть въ ней продолжательницу дѣлъ Петровыхъ, онъ заставляетъ императрицу припомнить эти дѣла и разсказать исторію ихъ: „не мой ли отецъ?... не отецъ ли мой?“ Такими словами начинается каждое новое исчисленіе заслугъ Петра. Проповѣдникъ даже увѣренъ, что царствованіе Елизаветы, какъ сѣмени Петра, будетъ для всѣхъ отрадно и благодѣтельно; винитъ себя и другихъ за то, что прежде не обратили вниманія на созрѣвшее сѣмя Петрово. „Всѣ мы чрезъ десятилѣтіе и болѣе нечувственная древеса бѣхомъ, не примѣчая, какое созрѣвше сильное сѣмя Петрово; запамятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣше насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, одебѣлу, ожелтѣлу, не отесану, ни на каково дѣло неудобну, своими руками коль въ красные статуи передѣлалъ, да еще и не бездушные. Почто же мы отъ кончины блаженнаго мужа Петра Великаго, Екатерины и Петра втораго, очи смежа, дремлюще ходихомъ? Почто на Петрово сѣмя, еже въ крайнемъ уничтоженіи, озлобленіи и смиреніи бяше, ни воззрѣхомъ, ни подъ сѣнію витахомъ? О пречудная вещь! возрасте сѣмя Петрово, подобно зерну горушну евангельскому, подъ его же вѣтвями намъ, россіянамъ, отраду и прохлажденіе давно надлежало пріяти; но мы.... дремлюще, благосѣнно-лиственнаго сего не видѣхомъ древа“.

Выражая надежду, что Елизавета, какъ сѣмя Петрово будетъ продолжать и дѣла Петровы, проповѣдники любили останавливаться на ея личныхъ качествахъ, которыя также служили залогомъ ея будущихъ дѣлъ. „Видимъ въ душѣ дѣвической дивная дѣла Божія, говорилъ Амвросій Юшкевичъ въ молитвѣ предъ началомъ литургіи 25 апрѣля, въ

день коронованія Елизаветы, обращаясь къ Богу отъ лица всего народа; видимъ непобѣдимое мужество, сердце героическое, премудрость высокую, храбрость неустрашимую, любовь и милосердіе къ отечеству безприкладное (безпримѣрное). И кое жъ большее можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе, не пожалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, идти грудью противъ непріятеля и, сѣдящихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго, нощныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить, и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать, и сыновъ россійскихъ изъ неволи высвободить". Въ тожо самое время, какъ въ Москвѣ совершался обрядъ коронованія, въ петербургской придворной церкви говорилъ проповѣдь священникъ петропавловскаго собора Петръ Гребневскій. Называя враговъ Елизаветы гробами повапленымп, лисами прехитрыми, ковчегами позлащенными, квасъ фарисейскій въ себѣ содержащими, о самой Елизаветѣ выражается въ такихъ словахъ: „она едина аки солнце, которое темными облаками окружаемо бываетъ, но не помрачается. Она едина, аки корабль, который волнами обуреваемъ бываетъ, но не погружается; а паче отъ всѣхъ возносится, она едина, аки кедръ ливанскій....."

Выставляя геройство и храбрость Елизаветы, проповѣдники хвалили ее за ея смиреніе и терпѣніе, которое она высказала во время владычества ея враговъ, „когда она многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости претерпѣвала, когда отъ всезлобныхъ людей въ монастырь побуждаема была: что ѣстъ, что пьетъ, что дѣлаетъ, куда ѣздитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпіонами назираема, не унывала, не изнемогала, не малодушествовала"(*).

Придворная проповѣдь отзывалась благодарностію на указы, запрещающіе народные разговоры въ церквахъ во время

(*) Изъ слова Стефана Калиновскаго на новый годъ 1742 г.

службы. Такъ Евставій Могилянскій говорилъ, что „въ церквахъ не голуби торжниковъ, но словесные разговоры продающихъ и купующихъ указами монаршими очищаются“. Димитрій Сѣченовъ благодаритъ Императрицу за всегдашнее желаніе слышать проповѣдниковъ; ибо примѣръ ея дѣйствуетъ на другихъ(*).

Тоже говорили проповѣдники Троицкой Лавры о путешествіи Елизаветы въ ихъ монастырь(**).

Вообще проповѣдники приписывали Елизаветѣ Петровнѣ всевозможныя качества: природное остроуміе, проницательность, разсудительность, милость, неописанную кротость, непреоборимое великодушіе. Но болѣе всего проповѣдники старались выставить, что новая Императрица—дочь Петра; поэтому дѣла великаго преобразователя постоянно служили предметомъ ихъ краснорѣчія.

Восхваляя монархиню за благочестіе, за освобожденіе Россіи „отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ“, т. е. отъ нѣмецкой партіи, проповѣдники вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминаютъ замыслы протестантизма и скорбь, нанесенную имъ православію и его служителямъ. „Нынѣ совершилось наше спасеніе!“ говоритъ одна изъ рѣчей на коронованіе: „низложенъ сатана и всѣ его аггелы!“....„Ты принесла намъ въ гостинецъ истинную, православную, каѳолическую церковь!“ Общія причины недовольства церкви указаны Димитріемъ Сѣченовымъ, митрополитомъ новгородскимъ въ его словѣ изъ текста: „благовѣствуй, земле, радость велію“. „Было то не благополучное время, когда враги наши до того вознесли свою главу, что дерзнули порочить догматы святой вѣры“.... Догматы христіанскіе, отъ которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ: Ходатаицу нашего спасенія на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменемъ креста святаго гнушались; преданія апостоловъ и святыхъ отцевъ отвергали; добрыя дѣла, которыми снискывается вѣчная мзда, отметали; въ святые посты пожирали мясо, а объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, надъ поминовеніемъ усопшихъ смѣялись; существованію геенны не вѣрили“.

(*) Слово 8 іюня 1742 г.
(**) Слово 5 іюля 1744 г.

Отъ лютеранскихъ притязаній на русскую церковь проповѣдники часто переходятъ ко вреду, причиненному иностранцами Россіи вообще: религіозная ревность находила новую пищу въ патріотизмѣ. Слово Юшкевича въ день рожденія Елизаветы (1741) раскрываетъ эту „ухищренную политику пришлецевъ, губителей отечественнаго счастія. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитекторъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвести и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитекторъ, что ученикъ Петра Великаго... Всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали... Только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали“. Проповѣдь Кирилла Флоринскаго, ректора московской академіи, произнесенная по тому же поводу, въ разсказѣ о прошедшихъ событіяхъ идетъ дальше: она указываетъ прямо на лица, называя ихъ собственными именами—Остерманомъ, Минихомъ. „Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и изъ кореня истребятъ“.

Кромѣ общихъ причинъ недовольства, проповѣди воспоминаютъ частныя, собственно къ духовному чину относившіяся въ то „желѣзное время, когда неправда царствовала, а

правда за карауломъ сидѣла". „Коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей!" восклицаетъ Сѣченовъ: „архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому то благодать мученичества посылается".

Почти всѣ проповѣдники сходились въ своихъ требованіяхъ мести людямъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государствомъ до 25 ноября 1740 года, всѣ предлагали наказать измѣнившихъ прародительскимъ, стариннымъ нравамъ и преданіямъ. Такъ Маркеллъ Радышевскій обращался къ Елизаветѣ съ совѣтами такого рода: „утоли языки скверные ихъ, гробы ихъ гортани затвори, уста съ языкомъ хульнымъ заключи; а снять ихъ съ мѣста не худо", и просилъ казни жесточайшей и непослабной иновѣрцамъ, распространяющимъ свое ученіе. Иннокентій Паскевичъ прямо выразилъ мысль, что „нейтралитета Христосъ нашъ не любитъ"(*).

Такимъ образомъ обычай проповѣди, объясняющей современность, развившійся при Петрѣ, но забытый при его преемникахъ, возникъ съ новой силой съ первыхъ дней царствованія Елизаветы Петровны. Скоро онъ сдѣлался какъ бы оффиціальною принадлежностію придворной жизни, и каждое воскресенье, каждый праздникъ слышалось во дворцѣ слово какого нибудь новаго оратора. Въ этомъ отношеніи слова проповѣдниковъ временъ Елизаветы Петровны могутъ быть сравнены съ словами Θеофана Прокоповича: тоже живое отношеніе къ современности, та же яркая картина текущихъ или недавно протекшихъ событій. Что же касается тона рѣчи въ проповѣдяхъ, постройки и пріемовъ, то въ этомъ отношеніи они не похожи на проповѣди Θеофана, а скорѣе напоминаютъ проповѣдь схоластическую. Стоя за общерусское дѣло и кромѣ того вовлеченный въ него личными побужденіями, пастырь церкви всенародно изливалъ ропотъ,

(*) Слова 4 и 11 іюля 1749 года.

который долго таился въ его душѣ и въ душѣ его слушателей и не скупился на крупные эпитеты врагамъ. Остерманъ и Минихъ называются „дьявольскими эмиссарами, влѣзшими съ своимъ сонмищемъ въ Россію"; «человѣкоядными птицами, начавшими бить и терзать сѣннолиственное древо, что возрасло изъ Петрова сѣмени»; „златыми кумирами, которымъ ихъ кліенты не устыдились покланяться, какъ болванамъ"; „скудельными идолами ихъ же сокрушилъ Господь"; „образами и жрецами ваала"; „чадами и наслѣдниками геены"; „душепагубными министрами беззаконія". Особенно возбуждалъ негодованіе проповѣдниковъ Остерманъ „за злодѣйское укрывательство тестамента Екатерины 1-й"; проповѣдники уподобляютъ его „Хрисаноію евнуху, еретику хитрокозненному, окаянному Симону волхву, хромому душею, совѣстію и ногами" (намекъ на подагру Остермана). Такія рѣзкія обличенія и суровыя фразы напоминаютъ намъ времена западнаго схоластическаго проповѣдничества, стиль проповѣдей, въ постройкѣ и пріемахъ, южно-русскій: тоже смѣшеніе наивнаго съ серьезнымъ, возвышеннаго съ тривіальнымъ. Схоластическая теорія духовнаго ораторства наложила печать свою даже на частности, каковы, напримѣръ, распространеніе проповѣди чрезъ толкованіе именъ, чрезъ сближеніе временъ событій. Развивая мысль, что „Богъ еще въ рожденіи Елизаветы опредѣлилъ ей державу", Юшкевичъ основываетъ одинъ изъ аргументовъ на томъ, что въ этотъ день (18 декабря) церковь празднуетъ память св мученика Севастіана, „а это греческое имя толкуется на нашемъ языкѣ: „достоинъ чести". Слово Флоринскаго находитъ знаменательнымъ день воцаренія „Петровой" дочери (25 ноября), когда церковь совершаетъ память священномученика Петра Александрійскаго. Встрѣчается также безразборчивое употребленіе иностранныхъ словъ вмѣсто русскихъ или церковно-славянскихъ. Сѣченовъ назвалъ Іоанна Дамаскина „философіи и богословія прехрабрымъ кавалеромъ, монашескихъ ликовъ генераломъ".

Изъ политическихъ событій обращали на себя вниманіе проповѣдей: война и примиреніе съ Швеціей, льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ южную Россію Сербовъ и Хорватовъ. „Мироломные Свеи, иконоборные супостаты, злобный левъ свейскій" обвиняемы были съ каѳедры придвор-

ной церкви въ нарушеніи мирныхъ условій; пересчитаны были пріобрѣтенія, которыя сдѣлала Россія вслѣдствіе войны съ ними; потомъ оцѣнены были благопріятныя послѣдствія отъ родственныхъ отношеній наслѣдника русскаго престола съ шведскимъ домомъ.

Была и другаго рода связь тогдашней проповѣди съ современною ей эпохою. Сюда относятся тѣ случаи, когда проповѣдники, оставляя политическую сторону жизни, говорили объ общественномъ бытѣ, когда слово ихъ облекалось въ форму обличительной рѣчи. Такъ Димитрій Сѣченовъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ словъ. „Осмотримся же какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у мене въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запанки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы тайны крашенинныи покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь ничего не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и нощь легко, не скучно....иные за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ. Вся наша любовь къ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанные репетиціи: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ—хотя бы и на свѣтѣ не было... Люблю ближняго; а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи̂ бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитить правду; сего и не мыслитъ и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ. Правосудіе ли тамъ присмотрится: въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра приди, больше не жди; милости ли сыскать, съ ногъ до головы обдерутъ, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то

и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь“. Въ другомъ поученіи Сѣченовъ описываетъ безпечность христіанъ о душѣ и ихъ заботливость о тѣлѣ: „Поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ; а мы за чарку винца, за ласкательство, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ“.

Проповѣдники елизаветинскаго времени, большею частію, достигали того, чего они или прямо или косвенно требовали въ своихъ проповѣдяхъ отъ императрицы Елизаветы. Они требовали полнаго удаленія той эпохи, когда, по выраженію Амвросія Юшкевича, „весь обще чинъ духовный равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единаго въ немъ посвященія и характеру пастырскаго не признавали. Когда монаховъ мучили, на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашей разстригали и въ солдаты отдавали“, и это требованіе было быстро исполнено: Остерманъ, Минихъ, Головкинъ, Левенвальдъ и другіе были осуждены особою комиссіею и отъ дѣлъ удалены. Слово Димитрія Сѣченова, обличающее недостатокъ въ людяхъ любви ко Христу, между прочимъ коснулось того, что „церкви Христовы безъ покрова погнили и снабжены самыми скудными принадлежностями“. Слово это было сказано 8 іюля 1742 года; а 9 октября изданъ указъ о дозволеніи помѣщикамъ строить церкви вмѣсто обветшалыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда они обяжутся снабдить оныя всѣми потребностями.

Въ какомъ отношеніи ко всѣмъ этимъ хвалебнымъ и поучительнымъ проповѣдямъ стояли современники, объ этомъ мало извѣстно. Извѣстно только, что больше всѣхъ пользовался уваженіемъ и любовію какъ самой императрицы, такъ и всего общества Гедеонъ Криновскій, котораго Сумароковъ называетъ „россійскимъ Флешьеромъ, мужемъ великаго во краснорѣчіи достоинства“. Благодаря всему этому мы имѣемъ полное изданіе словъ Гедеона Криновскаго.

Эпоха нравственно-практическаго направленія въ проповѣди во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Условія, благопріятствующія развитію проповѣди въ эту эпоху. Нравственно-практическое направленіе, какъ ея отличительная особенность со стороны внутренняго характера. Особенности во внѣшней формѣ проповѣди. Характеристическія черты религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества въ эту эпоху, какъ начала, опредѣляющія направленіе проповѣди: господство разума въ теоретической области вѣры и эгоизма—въ практической. Мистицизмъ, какъ реакція матеріализму; его теоретическое и практическое значеніе.

Съ конца царствованія Елизаветы Петровны до начала царствованія Александра Благословеннаго идетъ новая эпоха въ исторіи развитія русскаго проповѣдничества. Проповѣдь въ это время входитъ въ разрядъ обыкновенныхъ явленій и становится необходимою существенною принадлежностію богослуженія. Теперь стали говорить проповѣди не въ однихъ только придворныхъ церквахъ, но и въ монастыряхъ, соборныхъ и приходскихъ церквахъ, какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ. Что же касается селъ, то Св. Синодъ, имѣя въ виду доставить сельскимъ священникамъ возможность къ болѣе точному исполненію ихъ пастырской обязанности, въ 1775 году издалъ нарочно съ этою цѣлію „Сборникъ поученій различныхъ авторовъ на весь годъ". Такимъ образомъ и сельскія церкви стали оглашаться проповѣдію. Причины, способствовавшія развитію русской проповѣди, лежали, конечно прежде всего въ развившемся въ то время у насъ образованіи, которое получалось въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этому дѣлу много содѣйствовала любовь Высочайшихъ особъ къ проповѣди Слова Божія, а также ревность высокопоставленныхъ архипастырей, которые заставляли священниковъ и діаконовъ, получившихъ образованіе, говорить проповѣди.

Проповѣдь указанной эпохи не похожа, ни по содержанію своему, ни по характеру внутреннему и внѣшнему, на проповѣди предшествующаго времени: не событія политическія теперь занимаютъ ее, не интересы двора, а вопросы нравственно-практическіе. Такое направленіе отвѣчало требованію времени; потому, во первыхъ, что всѣ реформы Екатерины II имѣли въ виду не только развитіе холоднаго раз-

судка, но и развитіе сердца; онѣ направлялись не только къ увеличенію матеріальныхъ выгодъ государства, но вмѣстѣ и къ развитію нравственной личности; съ другой стороны наплывъ разныхъ неправославныхъ ученій къ намъ въ Россію, отвергавшихъ нѣкоторые догматы православной церкви и такимъ образомъ вредившихъ чистотѣ нравственности русскаго общества, а также появленіе разныхъ западныхъ ученій, большею частію, отрицавшихъ всякую вѣру, и проповѣдующихъ нравственную распущенность, требовали и отъ проповѣди элемента нравственно практическаго.

По внѣшней сторонѣ проповѣдь этой эпохи отличалась отъ проповѣди предшествующаго періода большею простотою и безъискусственностію.

Характеристическую черту разсматриваемой эпохи составляетъ философское направленіе. Деистическая и матеріалистическая философія запада, проникшая къ намъ въ Россію еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, съ теченіемъ времени пускала все болѣе и болѣе глубокіе корни въ нашемъ отечествѣ и наконецъ въ царствованіе Екатерины II, эта философія охватила почти всѣ слои русскаго общества, разрушила всѣ старыя вѣрованія и традиціи, ниспровергла религію и нравственныя воззрѣнія на личность человѣка, какъ на образъ и подобіе Божіе. Человѣкъ былъ сведенъ на одинаковую ступень со всѣмъ міромъ органическихъ существъ, руководимыхъ инстинктомъ и находящихъ свою цѣль въ наслажденіи чувственными благами. А при такомъ воззрѣніи на нравственную личность человѣка, конечно, не могло быть и рѣчи о тѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, которыя построяются на началахъ безкорыстной любви и самоотверженія въ пользу ближнихъ.

Такое ученіе, какъ уничтожающее все завѣтное и святое для человѣка, не могло, очевидно, долго держаться въ обществѣ, и въ сознаніи мыслящихъ людей явилось стремленіе къ противодѣйствію этому направленію, къ возстановленію нравственныхъ началъ, раздавленныхъ эпикурейской философіей. Наступаетъ эпоха реакціи, начинается борьба, которая имѣетъ свою длинную исторію. Германскій идеализмъ, занесенный въ Россію пріѣзжими профессорами, встрѣчаетъ ласковый пріемъ среди людей, не поддавшихся потоку эпикурейства, и полагаетъ начало новому направленію въ рус-

скомъ обществѣ, такъ называемому мистицизму, нашедшему свое выраженіе въ дѣятельности „дружескаго общества“ и учрежденіи „масонскихъ ложъ“.

Въ общихъ чертахъ мистицизмъ есть вѣра въ существованіе въ мірѣ таинственныхъ законовъ, доступныхъ пониманію однихъ избранныхъ, которымъ дано находить смыслъ и значеніе предметовъ, непостижимыхъ для простаго разсудка. Познаніе это основывается на возможности входить въ непосредственное отношеніе съ Божествомъ и получать отъ него озареніе. Ясно, что мистицизмъ становился прямо противъ философіи 18 в. Философія, во имя разума, отвергала все, несовмѣстимое съ его положеніями, и стремилась къ положительному и естественному, разумѣя подъ „тайною“ единственныя явленія, еще не поддавшіяся изслѣдованію науки или сужденію здраваго смысла. Мистицизмъ требовалъ цѣльнаго настроенія духа; онъ призывалъ для преслѣдованія истины совокупное дѣйствіе мысли и внутренняго чувства, иногда предоставляя послѣднему больше значенія и силы, тогда какъ энциклопедисты руководствовались исключительно разсудкомъ, устраняя чувство отъ всякаго участія въ сферѣ знанія и еще болѣе устраняя возможность какихъ либо таинственныхъ, недоступныхъ разсудку откровеній. Но идя противъ энциклопедистовъ и становясь въ этомъ отношеніи на сторонѣ духовенства, масонъ самъ далеко не былъ православнымъ. Онъ выходилъ не изъ началъ христіанской религіи, которая открыла все, что нужно и что можно знать человѣку, а изъ начала разума, изъ начала всемірныхъ, каждому народу присущихъ религіозныхъ вѣрованій. Масонъ вѣровалъ въ Бога и молился ему; но онъ былъ индифферентистъ: онъ одинаково молился и въ церкви католической и въ храмѣ протестантскомъ и у подножія алтарей греко-русскихъ; но ко всѣмъ этимъ вѣроисповѣданіямъ мистизмъ имѣлъ отрицательное отношеніе, такъ какъ его религіозное сознаніе не ограничивалось никакими формами, никакою догмою и уносилось въ область квіэтизма. Исканіе премудрости и божественнаго свѣта, все это дѣло фантазіи и отнюдь не вяжется съ истиннымъ духомъ христіанства, которое, хотя есть служеніе Богу въ духѣ, но тѣмъ не менѣе требуетъ и прославленія Бога внѣшнимъ образомъ. Въ мистицизмѣ заслуживаетъ уваженія только его нравственно-практическая сторона, тѣ симпатіи къ людямъ, которыми отличалось это общество.

Крайности философскихъ партій нашли достаточно сильную оппозицію въ современномъ имъ проповѣдничествѣ. Замѣчательными проповѣдниками этой эпохи были: Гедеонъ Криновскій, епископъ Псковскій, Георгій Конисскій, епископъ Бѣлорусскій, св. Тихонъ, еписк. Воронежскій, Платонъ, митрополитъ Московскій, Анастасій Братановскій. Въ проповѣдяхъ этихъ проповѣдниковъ, съ одной стороны, можно найдти всѣ главныя черты, которыми отмѣчена была эпоха второй половины минувшаго столѣтія. Съ другой стороны проповѣдь ихъ имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ; одно и тоже нравственно-практическое направленіе.

Въ противоположность отрицанію вѣры въ Бога, во Святую Троицу, въ воплощеніе Сына Божія, въ будущую блаженную жизнь, въ безсмертіе, въ промыслъ Божій и въ другіе догматы православной вѣры, проповѣдники доказывали вольнодумцамъ, что немыслимо совершенное невѣріе въ обществѣ, и раскрывали значеніе вѣры въ нашей настоящей жизни, какъ частной, такъ и общественной.

Въ параллель съ ходячими вопросами о морали и соціальныхъ отношеніяхъ проповѣдь ставитъ своей задачей уяснить идеалъ нравственности человѣка, подорвать ложныя основы эгоизма, который просвѣчивалъ въ мнимогуманныхъ цивилизаторскихъ стремленіяхъ коноводовъ общественнаго мнѣнія, и построить прочную, твердо обоснованную, систему соціальныхъ и гражданскихъ отношеній, пробудить ревность къ самопожертвованію, къ безкорыстному служенію цѣлямъ общества и государства. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, проповѣдниковъ была и другая связь съ жизнію того общества и народа, среди котораго они жили и дѣйствовали.

Гедеонъ Криновскій, епископъ Псковскій.

Жизнь Гедеона Криновскаго и его проповѣдническіе труды. Обстоятельства, опредѣляющія содержаніе и характеръ его проповѣдей. Борьба съ атеистами и деистами; борьба съ протестантами и кальвинистами. Тонъ обличеній. Наставленіе пасомыхъ въ истинахъ вѣры и доброй нравственности. Обличеніе ихъ за увлеченіе ложными ученіями, сказавшееся въ холодности вѣры и отсутствіи доброй нравственности. Побужденія къ покаянію и рѣшеніе вопросовъ, возбуждаемыхъ современниками Гедеона относительно нѣкоторыхъ догматовъ вѣры. Внѣшнія качества проповѣдей Гедеона.

Самымъ виднымъ проповѣдникомъ въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны былъ Гедеонъ Криновскій (1726--1763). Родился онъ въ Казани; учился въ тамошней семинаріи и, по окончаніи курса, сдѣланъ былъ въ ней учителемъ. Потомъ для окончанія богословскаго образованія онъ поступилъ въ московскую академію. Здѣсь, бывши студентомъ, онъ сказалъ однажды проповѣдь, которая привела всѣхъ въ такое умиленіе, что его съ тѣхъ поръ стали назначать для проповѣданія слова Божія чаще другихъ, не по очереди. Слава его, какъ проповѣдника, сдѣлалась извѣстною и за стѣнами академіи: въ воскресные и праздничные дни его приглашали для проповѣди разные монастыри и церкви приходскія. Эта слава дошла потомъ и до Петербурга. Въ бытность Двора въ Москвѣ, онъ потребованъ былъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и, по ея желанію, сказалъ въ придворной церкви такую замѣчательную проповѣдь, которая рѣшила его дальнѣйшую судьбу. Онъ заслужилъ этою проповѣдію благоволеніе императрицы и былъ опредѣленъ ко Двору проповѣдникомъ. Императрица любила слушать проповѣди Гедеона, хвалила и награждала его. Скоро онъ получилъ санъ архимандрита и сдѣланъ членомъ Св. Синода, потомъ былъ переведенъ въ Троицкую лавру, гдѣ пробывъ съ небольшимъ три года, былъ посвященъ въ епископа псковскаго и тамъ скончался въ 1763 году, къ общему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, имѣя отъ роду только 40 лѣтъ.

Проповѣди Гедеона Криновскаго изданы въ двухъ томахъ(*). Въ первомъ томѣ напечатано 66 поучительныхъ

(*) Первое изданіе сдѣлано въ 1759 г., а второе въ **1760 г.**

словъ на всѣ недѣли въ году; на нѣкоторыя недѣли есть по два, даже по три слова. Во второмъ томѣ находится 36 словъ, сказанныхъ на господскіе и нарочитыхъ святыхъ праздники, а также на высокоторжественные дни и другія времена о разныхъ матеріяхъ.

Содержаніе проповѣдей Гедеона Криновскаго опредѣляется различными религіозными заблужденіями и нравственными пороками, развившимися между современниками Гедеона, въ слѣдствіе ложнаго ученія протестантовъ и кальвинистовъ, проникшихъ въ Россію еще при Петрѣ I, и въ слѣдствіе распространенія между высшимъ русскимъ обществомъ модныхъ антирелигіозныхъ идей деизма, натурализма и масонства, появившихся въ Россіи, къ концу царствованія Елизаветы Петровны. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ направленій въ русскомъ обществѣ стало замѣчаться холодное отношеніе къ религіи, отрицаніе христіанскихъ основъ нравственной дѣятельности, склонность къ чувственности и пристрастіе ко всему земному, отсутствіе потребности въ высшихъ духовныхъ благахъ, грубый животный эгоизмъ, доходящій до отверженія добродѣтелей и даже издѣвательства надъ ними, отрицаніе необходимости борьбы съ своими пороками, гордость, зависть, стремленіе къ почестямъ и недобросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, различные грубые обычаи и пороки. Въ одномъ изъ своихъ поучительныхъ словъ проповѣдникъ прямо даетъ знать, что причина религіозно-нравственнаго паденія русскаго общества заключается не въ немъ самомъ, а въ постороннемъ вліяніи натуралистовъ и безбожниковъ. „Столько народа съ нами едва имя Христово знающихъ; столько о спасеніи своемъ нерадящихъ; столько натуралистовъ и фармазоновъ и ожесточенныхъ безбожниковъ со дня на день прозябаетъ; а мы спимъ и не чувствуемъ, какъ сіе вражіе сѣмя, какъ плевелы сатанинскіе въ земли корени свои распускаютъ, а пшеница, терніемъ столь многочисленныхъ ересей подавляема, мало по малу истребляема бываетъ(*)“.

Всѣ эти обстоятельства вызывали проповѣдника, съ одной стороны, на борьбу съ врагами православія и церкви, съ

(*) Поуч. слова іер. Гедеона т. 1, стр. 89—90.

другой—на увѣщанія, обличенія и угрозы паствы, увлекавшейся враждебными христіанству ученіями. Этими же обстоятельствами объясняется и различіе тона въ его поучительныхъ словахъ. Обличенія паствы проникнуты духомъ любви. Онъ часто грозитъ ей гнѣвомъ Божіимъ; но въ то время и смягчаетъ свои угрозы, призывая ее къ покаянію и возбуждая надежду на милость Божію. Въ борьбѣ же съ злонамѣренными врагами христіанства тонъ его рѣчи рѣзкій, строго обличительный, не допускающій даже возможности покаянія съ ихъ стороны.

Враги православія и вообще христіанства поднимали различные вопросы, касающіеся догматовъ православной вѣры и христіанской нравственности, и рѣшали ихъ по своему, не на основаніи откровенія, а на основаніи своего узкаго смысла. Ихъ рѣшеніями увлекалось и русское общество. Первый и самый трудный вопросъ для человѣческаго разума былъ вопросъ о существѣ Бога и троичности Лицъ. „Атеисты и матеріалисты, говоритъ Гедеонъ Криновскій, ничего не хотятъ принимать, чего не могутъ постигнуть своимъ разумомъ. Они спрашиваютъ, что такое Богъ, какая Его сила, какая премудрость, какъ Онъ одинъ можетъ управить вселенною, какъ Онъ родилъ Сына безъ жены?“ Отвѣчая на эти вопросы, проповѣдникъ прямо говоритъ, что ни умомъ понять, ни языкомъ исповѣдать существо Божіе не возможно. Но когда мы съ усердіемъ будемъ размышлять о Богѣ, то увидимъ, что нѣтъ ничего Его понятнѣе. Куда бы ни обратились, куда бы ни посмотрѣли, вездѣ увидимъ изображенными слѣды Божіи. Если взыдемъ съ Давидомъ на небо, Онъ есть. Ежели снидемъ во адъ, Онъ есть. Ежели возмемъ крилѣ нашн рано, и вселимся въ послѣднихъ моря, и тамо ощутимъ Его руку. Поэтому и не было ни одного народа, который бы не признавалъ въ мірѣ никакого божества. За тѣмъ проповѣдникъ описываетъ словами псалмопѣвца величіе Божіе, могущее возбуждать только удивленіе въ человѣкѣ, но не могущее быть познаннымъ и изглаголаннымъ(*). Разсуждая далѣе о трехъ ипостасяхъ Божіихъ, о предвѣчномъ рожденіи отъ Отца единороднаго Сына Божія и о во-

(*) Поучит. слова іером. Гедеона. Т. 1, стр. 281—293.

площеніи Его отъ Дѣвы во времени, а также о безначальномъ происхожденіи отъ нѣдръ отеческихъ Святаго Духа,—догматахъ, отвергаемыхъ деистами(*), Гедеонъ говоритъ, что „никакой умъ не можетъ вмѣстить, какъ три Лица едино существо имѣютъ, какъ едино и три богословствуются; или какъ два естества и два хотѣнія во единомъ лицѣ Христовомъ живописуются. Во истину во всѣхъ сихъ и подобныхъ вещахъ и премірный всякъ умъ, яко не умный является". Для подтвержденія своихъ мыслей проповѣдникъ ссылается на авторитетъ блаженнаго Августина и Амвросія Медіоланскаго. „Никто больше не написалъ книгъ о Троицѣ, какъ Августинъ, но и онъ отказывается объяснить тайну Святыя Троицы. Ты испытываешь, говоритъ онъ, меня, какъ однимъ именемъ три называются; не знаю и охотно исповѣдую мое незнаніе. Что Христосъ благоволилъ объявить, то знаю: въ томъ есмь христіанинъ, что единаго Бога въ Троицѣ признаю. Также и Амвросій въ первой своей книгѣ о вѣрѣ говоритъ: мнѣ невозможно таинство рожденія знать, мысль оскудѣваетъ, гласъ престаетъ, и не мой только, но и ангельскій; да и ты руку ко устамъ приложи: вышнихъ таинъ испытывать неудобно". „Видите ли, слушатели, продолжаетъ проповѣдникъ, какъ скуденъ и безсиленъ умъ человѣческій, чтобы познать Божественное естество и всѣ тайны Его. Что жъ тутъ сильно? Вѣра. Вѣра въ познаніи таинъ царствія Божія столько можетъ, сколько хочетъ. Она и невидимое существо Божіе видитъ, она и Троицу въ единицѣ исчисляетъ. Она Бога и во чревѣ дѣвичьемъ на земли, купно и на престолѣ на небеси ясно зритъ. Она и вся та благая, о которыхъ Павелъ не зналъ что сказать, удобно объемлетъ собою. Словомъ, чего всѣ ангельскіе и человѣческіе умы, во едино собранные, не могутъ, она едина все то постигнуть можетъ. И сея то ради причины утаилъ свои тайны Богъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, и выбралъ къ наученію своему, какъ Христосъ говоритъ, младенцевъ"... Въ заключеніе слова(**), проповѣдникъ на возраженіе совопросниковъ—„почему премудрость Божія, минувъ премудрыхъ

(*) Поуч. сл. іер. Гед. Т. 1, стр. 294—299, 322.
(**) Въ недѣлю пятидесятницы.

и разумныхъ, призывала къ себѣ неразумныхъ и младенцевъ; ежели ей нужна вѣра, то не лучше ли ея ученію могутъ вѣрить разумные, нежели неразумные и младенцы",—отвѣчаетъ, что „къ познанію премудрости призываются не младенчествующіе плотію, но младенцы духовные, то есть, тѣ люди, которые ничего о себѣ высокаго не помышляютъ, не надѣются на силы разума своего, но просятъ просвѣщенія отъ Бога, и что Онъ благоволитъ открыть имъ, всѣмъ сердцемъ послушаютъ и вѣруютъ Ему. Что же касается премудрыхъ и разумныхъ, то Богъ отвергаетъ не тѣхъ, которые похвальную имѣютъ въ себѣ мудрость, какъ-то философское, медицинское или механическое искусство, но мудрость вѣка сего, излишнюю и неподобающую въ вещахъ божественныхъ курьезность. Богъ утаилъ отъ такихъ мудрецовъ то, что открылъ младенцамъ, не потому, что не хотѣлъ принять ихъ къ себѣ; но потому, что они сами не хотѣли и, по огрубѣлости своего сердца, не могли уразумѣть тайнъ Божіихъ. Не умомъ, а чувствомъ можно только постигать Божественное."

Излагая православное ученіе о Богѣ, единомъ по существу, и троичномъ въ Лицахъ, Гедеонъ часто говоритъ объ отношеніи Бога къ міру,—о сотвореніи Имъ міра, управленіи міромъ и промышленіи о мірѣ. Философы энциклопедисты говорили, что міръ этотъ образовался изъ атомовъ, самъ собою и случайно, а не Богомъ сотворенъ. Криновскій предостерегаетъ своихъ слушателей отъ этого пагубнаго ученія и учитъ вѣровать, что Богъ есть премудрый Творецъ всего міра, всѣмъ управляетъ и все содержитъ въ порядкѣ. Онъ обращаетъ вниманіе слушателей на постоянное и неизмѣнное обращеніе міра, на ежегодное повтореніе астрономическихъ явленій и отсюда выводитъ заключеніе, что есть такое существо, которое всемъ этимъ управляетъ и во всемъ дѣйствуетъ, иначе не могло бы и существовать такого порядка(*).

Особеннымъ камнемъ претыканія для вольномыслящихъ философовъ былъ промыслъ Божій. „Между ними были такіе, которые, хотя вѣровали, что есть Богъ; но не могли слышать, что Богъ промышляетъ о мірѣ, что Его промысломъ

(*) Поуч. слова придворн. пропов. архим. Гедеона т. 2 стр. 5.

одни возвышаются, а другіе унижаются, что по Его повелѣнію иногда ведро стоитъ, а иногда безведріе, земля иногда изобильные плоды родитъ, а иногда пустые стебли, что Его помощію всякій грѣшникъ исправляется, и Его благодатію всякій праведникъ въ добродѣтели укрѣпляется и проч. Уподобляя міръ сей часамъ, заведеннымъ на нѣсколько времени или на цѣлый вѣкъ, вольнодумцы говорятъ, что Богъ теперь о насъ не промышляетъ; а какія дѣлаются въ насъ перемѣны, онѣ дѣлаются случайно. Когда же кто имъ укажетъ на евангельскія слова: „Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю", или на другія подобныя, то они отвѣчаютъ: „не всему можно вѣрить, что написано"(*). Атеисты оправдывали даже свое отрицаніе Бога тѣмъ, что они не видѣли Его дѣйствій въ мірѣ, Его промысла. „Если бы, говорили они, былъ Богъ, то промышлялъ бы о насъ; а если бы промышлялъ, то конечно бы злые люди не преимуществовали предъ добрыми. Но такъ какъ мы, большею частію, видимъ противное; то слѣдовательно нѣтъ промысла Божія въ мірѣ, а слѣдовательно и нѣтъ Бога"(**). Проповѣдникъ отвѣчаетъ атеистамъ, что „судьбы Божіи бездна многа" (Пс. 35), „кто изслѣдитъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть". „Довольно одно неизмѣняемое доселѣ теченіе звѣздъ небесныхъ, довольно постоянное расположеніе частей времени, довольно состояніе земнаго круга ни на чемъ висящаго, довольно самое зачатіе всѣхъ человѣкъ одинаковое во утробѣ матерней доказываетъ, что есть Богъ, есть промыслъ Его въ мірѣ. Если же многія намъ тайны Его не открыты, то уже ли ради этого намъ совсѣмъ нужно Его опровергать Не знаемъ, почему Богъ то и то дѣлаетъ; слѣдовательно нѣтъ Бога. Къ чему годны такіе аргументы. Дѣло не спорно, что часто здѣсь добрые люди бѣдствуютъ, а злые напротивъ живутъ благополучно. Но есть на то у Бога и резоны, хотя мы совершенно о нихъ не знаемъ. Впрочемъ, если разсуждать объ этомъ, то можно представить нѣсколько резоновъ. Во первыхъ Богъ безпримѣрно милосердъ есть и потому иног-

(*) Поуч. слова придв. проп. іером. Гедеона т. 1, стр. 322.
(**) Поуч. слова придв. пропов. архим. Гедеона т. 2, стр. 14.

да жалуетъ здѣсь и самыхъ злѣйшихъ людей: „дождитъ на праведныя и на неправедныя“ (Мат. 5). Во вторыхъ Богъ праведенъ и потому беззаконниковъ, недостойныхъ блаженной вѣчной жизни, за нѣкоторыя, можетъ быть, ихъ малыя добродѣтели награждаетъ временными благами; а праведниковъ, приготовляя ихъ къ вѣчной жизни, за ихъ также малые грѣхи, наказываетъ. Въ третьихъ, иногда Богъ посылаетъ несчастія праведникамъ, чтобы испытать ихъ постоянство въ добродѣтели; а грѣшникамъ подаетъ милость свою, чтобы привести ихъ въ чувство и обратить ихъ на путь истины“(*).

Догматъ воплощенія былъ также предметомъ отрицанія натуралистовъ и атеистовъ, а также предметомъ сомнѣній современныхъ Гедеону Криновскому христіанъ. Первые отрицали фактъ воплощенія потому, что онъ противорѣчитъ законамъ естества, и всѣ пророчества объ этомъ событіи и самое событіе, описанное въ евангеліи, считали баснями. Проповѣдникъ говоритъ, „что воплощеніе Сына Божія есть тайна, есть чудо; а всякое чудо выше разумѣнія человѣческаго. Если бъ мы могли понять, какъ исткалась во утробѣ дѣвической Божественная плоть Его безъ сѣмени мужескаго, или какъ соединились два существа неслитно во единой упостаси, то какая бы это была тайна, какое чудо?“ Противъ невѣрія противниковъ въ свидѣтельства св. писанія о воплощеніи Бога Слова проповѣдникъ ведетъ рѣчь объ истинности свидѣтельствъ Св. Писанія и искуснымъ вопросомъ: почему они вѣрятъ разнымъ языческимъ исторіямъ баснословнаго характера, а исторіямъ, описаннымъ въ св. писаніи не хотятъ вѣрить, даетъ особенную силу своимъ словамъ противъ отрицающихъ истину показанія евангельской исторіи. Обращаясь къ слушателямъ, проповѣдникъ разъясняетъ имъ, почему необходимо было воплощеніе Сына Божія. Во первыхъ потому, что нужно было удовлетворить разгнѣванной правдѣ Божіей за грѣхи людей; а этого никто не могъ сдѣлать, кромѣ самого Бога: обида была безконечная; поэтому и жертва должна быть безконечная, т. е. только безконечное существо могло удовлетворить этой правдѣ, соединившися съ человѣ-

(*) Тамъ же.

чествомъ. Во вторыхъ воплощенія Сына Божія требовала и милость Божія къ падшему человѣку, котораго нужно было вывести изъ бездны паденія и поставить на прямую дорогу. А этого никто не могъ сдѣлать кромѣ Самаго Бога; поэтому и пришелъ Іисусъ Христосъ, показалъ намъ истиннаго Бога, способъ, какъ Его почитать и тѣмъ животъ вѣчный наслѣдовать"(*).

Догматы о смерти и воскресеніи Іисуса Христа, о будущей жизни и воскресеніи всѣхъ умершихъ, о будущемъ судѣ, о наградахъ праведнымъ и о безконечномъ мученіи грѣшниковъ подвергались не только отрицанію со стороны невѣрующихъ, но даже порицанію и насмѣшкамъ. „Вольно кому было, говорили атеисты, выдумывать такія сказки; еще съ того свѣта никто сюда не приходилъ съ извѣстіемъ; почему же намъ знать, что тамъ дѣлается"(**). Они спрашивали также: гдѣ находится адъ и какимъ образомъ въ немъ вещественный огонь невещественный духъ палить можетъ, и гдѣ столько дровъ на вѣчную поддержку огня возмется(***). На первое возраженіе атеистовъ проповѣдникъ отвѣчаетъ словами Авраама, который на просьбу мучащагося во адѣ грѣшника послать Лазаря къ братьямъ его, чтобы объяснить, какія казни уготованы по смерти грѣшникамъ, сказалъ: „имутъ Моисеа и пророки: да послушаютъ ихъ. Онъ же рече: ни, отче Аврааме: но аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ, покаются. Рече же ему: аще Моисеа и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры (Лук. 16, 29—31). На другія возраженія отрицавшихъ будущую жизнь Гедеонъ Криновскій прежде всего говоритъ, что эти возраженія безполезны, хотя и можно дать на нихъ нѣкоторые отвѣты. „Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія можно примѣчать, что адъ въ самой нижайшей части, въ центрѣ земли учиненъ". Впрочемъ проповѣднику нравится мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что гдѣ восхощетъ Богъ грѣшника вѣчной предать казни, на землѣ, на воздухѣ, въ огнѣ, или въ водѣ, тутъ и адъ ему будетъ. На второй вопросъ, то есть, какимъ образомъ огонь вещественный демо-

(*) Поуч. слова архим. Гед. Крин. т. 2, стр. 73—77.
(**) Поуч. слова Гед. Крин. т. 1, стр. 480.
(***) Тамъ же стр. 503.

новъ и осужденныя души палить будетъ, проповѣдникъ отвѣчаетъ уклончиво, давая съ своей стороны противникамъ множество неразрѣшимыхъ вопросовъ и заканчивая свою рѣчь указаніемъ на всемогущество Господа, который все можетъ сдѣлать. Отвѣчая на третій вопросъ, нроповѣдникъ говоритъ, что огнь геенскій не требуетъ, чтобъ его поджигали; онъ самъ по себѣ не угасимый; а если это не хочешь принять, прими въ отвѣтъ сіе, что вмѣсто дровъ самыя тѣла осужденныхъ ему будутъ поддержкою. На вопросъ, какъ можетъ статься, чтобы мягкая плоть горѣла и не сгарала, проповѣдникъ опять ссылается на всемогущество Божіе и указываетъ на легендарное сказаніе о Саламандрѣ, которая въ огнѣ живетъ, на „купину огнемъ горящу, но не сгарающу“(*).

Ревность проповѣдника въ борьбѣ съ атеистами и другими хулителями Бога доходитъ до того, что онъ приглашаетъ православныхъ христіанъ, властей и пастырей возстать на защиту православія и наказать безбожниковъ. Онъ указываетъ въ примѣръ язычниковъ, которые за непризнаніе нѣкоторыхъ боговъ ссылали въ ссылку, изгоняли изъ городовъ, а за совершенное отрицаніе боговъ казнили смертію. Обличаетъ хладнокровіе къ вѣрѣ христіанъ, которые въ этомъ случаѣ хуже язычниковъ. „Кто бъ пожелалъ вооружиться ножемъ Иліинымъ противъ нынѣшнихъ жрецовъ Ваала; дадите, дадите, или признайте со мною веліе въ семъ случаѣ снисхожденіе властей, несмѣлость пастырей и наше общее всѣхъ нерадѣніе. Но худо, и паки говорю, худо снисходить властямъ, гдѣ Богъ безчествуется. Милость похвальна, но не вездѣ. Худо не смѣть пастухамъ поднимать жезла своего, когда волки являются внутрь ихъ стада. Худо и весьма не прилично не радѣть о такой вещи, для которой мы всѣ сотворены. Встанемъ убо, о христіане! встанемъ и ополчимся, колико можемъ, противу ополчающихся на величество и славу Бога нашего, да возможемъ непостыдно говорить предъ нимъ съ Давидомъ: „Не ненавидящія ли тя Господи возненавидѣхъ, и о вразѣхъ твоихъ истаяхъ; совершенною ненавистію возненавидѣхъ я; во враги быша ми“ (Пс. 138). Особенно власти, которымъ Богъ вручилъ мечъ,

(*) Поуч. сл. іер. Гед. Т. 1, стр. 481 и 503—504.

не на что другое, какъ на защищеніе славы Вручившаго имъ, должны обращать свой мечъ. Не должны также дремать и тѣ, которымъ Господь сказалъ: „Елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ“(*).

Такіе то плевелы посѣяло племя сатанинское; среди православнаго русскаго общества. Православному проповѣднику предстоялъ трудъ исторгнуть эти плевелы, насадить и возрасти въ сердцахъ россіянъ доброе сѣмя православнаго ученія и обличить ихъ за ихъ отступленіе отъ древняго православія и за увлеченіе неразумнымъ новшествомъ. Гедеонъ Криновскій прежде всего старается оживить въ сердцахъ своихъ современниковъ правую вѣру и добрую нравственность, помраченную и искаженную въ нихъ разными безбожными ученіями. Онъ отличаетъ ихъ отъ атеистовъ, которые не имѣли никакой вѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ и въ нихъ истинной вѣры, соединенной съ добрыми дѣлами. „Есть люди, которые не имѣютъ никакой вѣры, ни зрительной, ни дѣятельной; таковы атеисты; но есть и такіе, которые хотя вѣруютъ во Христа; но не послѣдуютъ самымъ дѣломъ Ему, или что нибудь противное Ему дѣлаютъ. Истинными же христіанами могутъ назваться только такіе, у которыхъ вѣра зрительная соединена съ дѣятельною. Разсмотримъ же, слушатели, есть ли въ насъ такая вѣра? Боюсь сказать, что нѣтъ. Самое знаменіе креста святаго, которое мы на себѣ изображаемъ, самое имя христіанское, которымъ души наши запечатлѣны, самое наконецъ исповѣданіе вѣры православной, которое повседневно у насъ читается, даетъ всякому ясное свидѣтельство, что мы отъ числа вѣрующихъ. И если бы не мѣшали евангельскія слова: „не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное“; то бы кажется и довольно было сего показать, что мы прямые и совершенные христіане, но такъ какъ на дѣлѣ мы видимъ противное, то не поскучайте, возлюбленные слушатели, когда я вамъ предложу вопросы. Ежели въ насъ есть вѣра; то откуда въ насъ многіе невѣрные, развѣ только пристойные, взошли обычаи; ежели въ насъ есть вѣра, то почто язычески,

(*) Поуч. слова іером. Гедеона т. 1, стр. 327—328.

а не христіански жительствуемъ; ежели есть вѣра, то откуда свары, раздоры, клеветы, зависти, осужденія, неправды, студодѣянія; да и ближае приступлю: ежели вѣруемъ мы, что Богъ истиненъ есть по существу своему, то какъ смѣемъ въ словахъ Его, то есть священномъ писаніи, многія находить сумнительства и неисправности; ежели подлинно содержимъ мы, что Богъ всемогущъ есть, то почто мимо Бога къ Ваалу, къ подобострастнымъ намъ людямъ и другимъ слабымъ защищеніямъ во время нуждъ и бѣдъ нашихъ прибѣгаемъ; если не сомнѣнно, что Богъ милосердъ есть, то откуда уныніе и отчаяніе происходитъ; если вѣримъ, что Онъ праведенъ, то для чего ропщемъ, когда Онъ посылаетъ намъ несчастія; если не за баснь у насъ ставится, что есть блаженство вѣчное по смерти святымъ пріуготовано и геенна огненная грѣшникамъ не кающимся, то почто святыхъ слѣдамъ не подражаемъ, почто безъ покаянія во грѣхахъ нашихъ чрезъ всю жизнь валяемся, если вѣришь ты, христіанино, что въ святѣйшей евхаристіи самое есть пречистое тѣло и кровь Христа Господа твоего, то какже ты, не примирившись съ братомъ твоимъ, не омывши теплыми слезами скверну души твоей, дерзаешь приступать причащатися страшной тайны сей; или какъ ты, причастившись ея и сдѣлавшись какъ бы во едину плоть со Христомъ, смѣешь творить уды Христовы блудными, растлѣвать храмъ Божій и всякихъ нечистотъ новымъ быть вмѣстилищемъ. Все сіе и подобное весьма малую вѣру въ насъ доказываютъ"(*).

Изъ этихъ словъ Гедеона Криновскаго видно, что если въ современникахъ его и была вѣра, то вѣра эта была сухая, холодная, чуждая любви къ Богу и ближнимъ; поэтому почти во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ онъ внушаетъ слушателямъ любовь къ Богу и не разрывную съ этою любовью любовь къ ближнимъ. Побужденіемъ любить Бога онъ представляетъ во первыхъ то, что Богъ есть высшая красота, благо и истина. „Мы любимъ обыкновенныя вещи за ихъ красоту и доброту. Какъ же не любить Бога, который есть пресовершенная красота и доброта, которою во всю вѣчность нельзя

(*) Поуч. слова іер. Гедеона т. 1, стр. 85—90.

насытиться?“ Во вторыхъ, мы должны любить Бога за Его къ намъ благодѣянія. Здѣсь проповѣдникъ картинно изображаетъ благодѣянія Божіи къ человѣку, явленныя въ твореніи міра, въ дарованіи бытія человѣку, въ попеченіи о немъ и въ искупленіи его отъ грѣха и смерти. Въ третьихъ, мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ, а не частію его, то есть любя Бога, мы не должны любить въ то же время міръ; потому что любовь къ міру не соединима съ любовію къ Богу. Для болѣе сильнаго возбужденія такой горячей любви къ Богу, Гедеонъ приводитъ теплыя и задушевныя слова, обращенныя къ Богу блаженнымъ Августиномъ: „О, огню, всегда горящій и никогда не угасающій! О, любы, всегда палящая и никогда въ пламени своемъ не ослабѣвающая! воспламени меня и воспламенюсь: воспламенюсь, да весь возлюблю Тебе единаго... Не любитъ тотъ Бога, кто съ Нимъ другое что любитъ“(*).

Мысль о любви къ единому Богу, о постоянномъ стремленіи къ Нему и вѣчному блаженству, о презрѣніи благъ настоящей жизни и даже самой жизни развивается проповѣдникомъ во многихъ его поучительныхъ словахъ. Вездѣ онъ старается убѣдить своихъ слушателей, что блага настоящей жизни не могутъ доставить человѣку полнаго счастія и радости, и только чистая непорочная совѣсть наша предъ Богомъ можетъ доставить намъ радость и покой души. Во 2-мъ словѣ въ недѣлю 10 по сошествіи Св. Духа(**), проповѣдникъ доходитъ до того въ порицаніи благъ міра сего, что хвалитъ обычай древнихъ жителей Ѳракіи плакать, когда у нихъ рождался младенецъ, и радоваться, когда онъ умиралъ. „Не могу я теперь безъ похвалы обойти, говоритъ проповѣдникъ, разумный нѣкоторыхъ Ѳракійскихъ жителей обычай. Они, когда младенецъ у нихъ родился, обсѣдше кругомъ его плакали, приводя себѣ во умъ, на коликія бѣды, скорби и печали пришелъ въ міръ человѣкъ той. А когда умиралъ кто, съ сапѣльми и гудками на погребеніе его относили, радуясь о томъ, что толикихъ золъ свободенъ онъ явился“.

(*) Поуч. слова іером. Гедеона т. 1, стр. 405—412.
(**) Т. 1, стр. 360. См. также слово въ недѣлю о Самарянинѣ. Т. 1, стр. 250 и др.

Чѣмъ же можетъ человѣкъ выразить свою любовь къ Богу? Совершеннымъ самоотреченіемъ, преданіемъ себя волѣ Божіей, дѣланіемъ того, чего Богъ требуетъ и возможнымъ для человѣка подражаніемъ высочайшимъ свойствамъ Божіимъ. „Богъ милосердъ и постоянно посылаетъ намъ свои благодѣянія, не смотря на оскорбленія Ему съ нашей стороны, и мы должны быть милостивы ко всѣмъ безъ исключенія. Милосердіе есть величайшая изъ всѣхъ добродѣтелей. Самъ Богъ не гнушается принимать Себѣ титулъ этой добродѣтели: въ священномъ писаніи Онъ называется Отцемъ щедротъ, Богомъ милости и человѣколюбія. Поэтому если бы кто изъ васъ, слушатели, захотѣлъ найдти средство, чрезъ которое можно бы уподобиться Богу, то это средство есть милосердіе. Оно не только именованіе Богу даетъ, но и насъ дѣлаетъ Ему подобными. Не мнѣ вѣрьте, вѣрьте единородному Сыну Его, который возбуждая насъ къ милости, говоритъ: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть“ (Лук. 6, 36). Изображая далѣе плоды, которые приноситъ милосердіе человѣку въ сей жизни и будущей, проповѣдникъ говоритъ, что милость можетъ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать никакая хитрость человѣческая, ни оружіе воинское, ни сила и крѣпость царская. Она можетъ сдѣлать врага другомъ и пріятелемъ тебѣ. Подними на врага оружіе, устреми мечи и копія, употреби противъ его всѣ силы твои, ничего не успѣешь, развѣ еще болѣе подвигнешь его на ярость и сопротивленіе тебѣ: обратись къ тому жъ врагу милостію, яви ему любовь твою, покажи, сколько можешь благодѣяній: увидишь, какъ онъ скоро весь твой сдѣлается“. Особенно онъ убѣждаетъ начальствующихъ и тѣхъ, которые стоятъ близко къ начальствующимъ, въ рукахъ которыхъ и законъ можетъ быть волею, но иногда и волю свою они могутъ обратить въ законъ—быть милосердыми. Соблюдая правду, они должны быть и милостивыми, помня, что будетъ „судъ безъ милости не сотворившему милости“ (Іак. 2, 13)(*). Въ другомъ словѣ, говоря о той же добродѣтели, проповѣдникъ внушаетъ своимъ слушателямъ быть милостивыми не только къ добрымъ людямъ, но и злымъ,

---

(*) Поуч. сл. іер. Гед. т. 1, стр. 330—336.

указывая на слова Евангелія (Мат. 5, 45), что „Богъ дождитъ на праведныя и неправедныя, сіяетъ солнце свое на благія и злыя", и на то, что Онъ не пощадилъ возлюбленнаго Сына Своего, который пострадалъ и умеръ не за однихъ праведниковъ, но и за грѣшниковъ. Богъ возлюбилъ человѣка, такъ что изъ любви и состраданія къ нему не пожалѣлъ Своего возлюбленнаго Сына. И мы должны любить ближнихъ нашихъ, изъ любви къ Богу и изъ подражанія Ему, не различая ни чина, ни званія, лишь бы только человѣкъ былъ одной съ нами вѣры и одного крещенія(*).

Вообще Гедеонъ Криновскій старается облагородить сердце своихъ слушателей внушеніемъ имъ христіанской кротости, смиренія, терпѣнія, чистоты сердца. Въ словѣ изъ текста: „радуйся зѣло дщи сіоня, проповѣдуй дщи іерусалимля: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ" проповѣдникъ примѣромъ дщерей іерусалимскихъ внушаетъ своимъ слушателямъ уготовить путь Господень въ сердца наши уничтоженіемъ горъ и холмовъ превознесенной гордыни, болотъ сластолюбія и другихъ препятствій, какія мѣшаютъ вшествію гостя въ сердце христіанское. А главное, чтобы мы не мѣшали Царю кроткому войдти въ наши сердца своимъ безчеловѣчіемъ и жестокостію, не имѣли бы свары, междоусобныя брани, но были бы мирны и кротки другъ съ другомъ. Особенное внушеніе дѣлаетъ проповѣдникъ начальникамъ относительно кротости. „Верховный всѣхъ Господинъ и управитель кротокъ и смиренъ сердцемъ: стыдно вамъ низшимъ властямъ не быть таковыми(**). Въ словѣ 1-мъ въ недѣлю третью великаго поста онъ приглашаетъ слушателей къ терпѣнію, къ безропотному несенію креста, который данъ Богомъ. „Какой же крестъ взять христіанину приказывается? Крестъ страданій за Христа, крестъ умерщвленія плоти, крестъ всѣхъ золъ приключающихся въ сей жизни крѣпкаго и непоколебимаго терпѣнія... Напримѣръ, обидѣлъ ли кто тебя, стерпи ты сію обиду безъ отмщенія. Поругалъ ли кто имя твое, ты его имя напротивъ благословляй вездѣ; труды тебѣ тяжки наложены отъ церкви и отечества, неси ихъ безропотно.... и ты возмешь крестъ свой"(***).

(*) Тамъ же стр. 415 на обор.
(**) Поуч. слова архим. Гедеона. Т. 2, стр. 58 - 59.
(***) Поуч. слова іером. Гедеона. Т. 1, стр. 121.

Раскрывая истины христіанской вѣры и нравственности, рисуя идеалъ истиннаго христіанина, проповѣдникъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обличаетъ своихъ слушателей за ихъ уклоненіе отъ этого идеала и за увлеченіе ложными ученіями. Прежде всего онъ обличаетъ ихъ за ихъ неправильные взгляды на вѣру, которая будто можетъ спасти человѣка и безъ добрыхъ дѣлъ, и указываетъ на нѣкоторыя мѣста свящ. писанія (Мат. 7, 21. Іак. 2, 14), которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что однимъ исповѣданіемъ Господа безъ добрыхъ дѣлъ нельзя спастись. Но зараженные лютеранскимъ и кальвинскимъ ученіемъ отвѣчали ему, что дѣла не имѣютъ никакого отношенія до вѣры, и свидѣтельство книги Іакова объ этомъ предметѣ не имѣетъ никакого значенія; потому что книга эта — апокрифъ. Въ подтвержденіе своихъ лжеученій зараженные протестантизмомъ ссылались на слова апостола Павла къ Евреямъ (11, 1), гдѣ онъ говоритъ, что „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, обличеніе вещей невидимыхъ“, а также къ Галатамъ, гдѣ онъ проповѣдуетъ, что «не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона, но только вѣрою Іисусъ Христовою» (гл. 2, ст. 16). Къ чему же дѣла, когда одна вѣра оправдаетъ человѣка. На первое доказательство проповѣдникъ отвѣчаетъ, что если вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, то чтожъ это такое уповаемое? Развѣ не воскресеніе мертвыхъ, не судъ послѣдній, не жизнь вѣчная и мука безконечная. А развѣ для всего этого не нужны добрыя дѣла? Самъ Христосъ сказалъ, что изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда“ (Іоан. 5, 29), слѣдовательно кто желаетъ получить блаженную жизнь, тотъ долженъ жить добродѣтельно. На второе доказательство Гедеонъ отвѣчаетъ, что апостолъ подъ дѣлами закона разумѣетъ не дѣла любви, но церемоніи, жертвы, обрѣзаніе и прочее въ законѣ Моисея завѣщанное(*). Чтобы придать еще болѣе силы своимъ доказательствамъ и вывести своихъ слушателей изъ самообольщенія, будто они спасутся одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, безъ любви къ ближнимъ, проповѣдникъ говоритъ, что хотя бы они исполняли всѣ церковные

(*) Поуч. слова іер. Гед. т. 1, стр. 312 313.

обряды и постановленія, хотя бы были усердными посѣтителями храма Божія и усердствователями ѳиміама, свѣчей и другихъ вещей въ церковь, хотя бы они усердно молились и исполняли строго всѣ посты, ничто не спасетъ ихъ, если они не будутъ любить ближнихъ. Между тѣмъ въ числѣ современниковъ Гедеона были такіе, у которыхъ имѣніе моль поѣдала; деньги въ сундукахъ и кладовыхъ ржавѣли, хлѣбъ въ житницахъ мыши поѣдали; но которые, не смотря на это, не хотѣли, чтобъ добромъ ихъ ближній пользовался(*). Особенно живо и картинно изображаетъ проповѣдникъ равнодушное отношеніе богачей къ положенію бѣдныхъ и разныхъ властей къ своимъ подчиненнымъ въ словѣ въ недѣлю блуднаго сына: „Я бы охотно умолчалъ о семъ (объ исполненіи долга любви къ ближнимъ); я бы и самъ радъ былъ прикрыть такой стыдъ нашъ; но бѣдные просители никакого удовольствія отъ властей своихъ не получающіе, но нищіе, помилованія нималѣйшаго отъ изобилующихъ во всемъ не имѣющіи, но народъ во тмѣ невѣжества заблуждающій и должнаго просвѣщенія ко спасенію отъ своихъ пастырей не находящій, не молчатъ объ этомъ. Тѣ говорятъ, что намъ прибыли во властяхъ нашихъ, когда они слезъ нашихъ не отираютъ, воздыханій не слушаютъ, прошеній не пріемлютъ. Другіе вопіютъ: увы намъ Господи! Кому Ты повѣрилъ имѣніе Твое, кому поручилъ снабдѣвать нашу бѣдность. Воззри на сотрясаемые отъ лютаго мраза уды наши, воззри на изсушенныя гладомъ и жаждою кости наши, воззри на терзаемую на правежахъ плоть нашу. Третьи, болѣзненно воздыхая, жестоко, противъ своихъ приставниковъ душевныхъ протестуютъ, что никакого почти попеченія о душахъ ихъ не имѣютъ: ни учатъ ихъ, ни посѣщаютъ, ни въ страданіяхъ утѣшаютъ, ни въ благополучіи утверждаютъ; но оставляютъ ихъ блудить по расколамъ и ересямъ.“(**)

(*) Поуч. слова іером. Гедеона т. 1, 312—315 стр. снес. стр. 358 на обор., гдѣ проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ за лучшаго постника почелъ бы того, который хотя рыбою, да не до удовольствія своего аппетита, насыщается, нежели того, который капустою или подобнымъ чѣмъ по скотски пресыщается.

(**) Поуч. слова іер. Гедеона т. 1, стр. 50—51.

Примѣромъ скорбной жизни Спасителя, лежавшаго въ ясляхъ, висѣвшаго на крестѣ, пившаго желчь и оцетъ проповѣдникъ обличаетъ роскошную жизнь своихъ современниковъ, покоившихся на мягкихъ одрахъ, наслаждавшихся всѣми благами міра сего, одѣвавшихся въ богатыя одежды и не желающихъ съ терпѣніемъ переносить никакихъ несчастій, не оставляющихъ безъ отмщенія малѣйшихъ оскорбленій(*). Обличаетъ онъ также ихъ за страсть къ разнымъ шумнымъ удовольствіямъ не христіанскимъ, совершавшимся при томъ въ непристойное для этого время. Говоря о страшномъ судѣ въ словѣ въ недѣлю мясопустную, проповѣдникъ замѣчаетъ: „Подлинно не знаю, какимъ сердцемъ вы примете вѣсть о страшномъ судѣ... Кажется матерь наша церковь не въ весьма пристойное время напоминать намъ о такой вещи опредѣлила, то есть, когда маскарады, когда театральныя увеселительныя представленія, когда конскія ристанія, когда пиршества и другія, какъ публичныя, такъ и приватныя забавы ежегодно, съ особенною отмѣною отправляются у насъ. Когда Бахусу и Венерѣ, то есть бѣсамъ пьянства и несытнаго плотоугодія, толь многіе жертвенники пріуготовлены стоятъ.“(**)

Гордость, зависть и злословіе, какъ необходимыя спутницы эгоизма, также весьма часто обличаются въ проповѣдяхъ Гедеона Криновскаго. Первая называется проповѣдникомъ самымъ неразумнымъ порокомъ души человѣческой(***). О второй же говоритъ, что „она всѣмъ добродѣтелямъ врагъ и всякому добру... Тяжестенъ очамъ ея высокій, честію почтенный человѣкъ, не сносенъ богатый; рвется сердцемъ, когда разумнѣйшій ея кто показывается; таетъ удами, когда, хотя мало благополучна кого видитъ“(****). Съ завистію идетъ рука объ руку и злословіе ближнихъ, а при этомъ хитрость и лицемѣріе, чтобы скрыть свои дѣйствительныя чувства и не показать себя вреднымъ, зложелательнымъ. „Умѣютъ они, говоритъ Гедеонъ о людяхъ злоязычныхъ, добродѣтели дѣ-

---

(*) Ів. стр. 187.
(**) Поуч. слова Гедеона т. 1, стр. 61—62.
(***) Ів. т. 1, стр. 28.
(****) Поуч. сл. Гед. Т. 1, стр. 102.

лать пороками, а пороки добродѣтелями. Напр. кто даетъ многую милостыню они хвастовству его приписываютъ; кто кротокъ душей, или часто въ церковь ходитъ, ханжею зовутъ; кто должность свою исправляетъ ревностно, они говорятъ, что не отъ усердія къ славѣ Божіей, или къ пользѣ ближняго то дѣлаетъ, но изъ желанія чрезъ то знатный чинъ себѣ достать."(*)

Обличая современниковъ за разные пороки, Гедеонъ Криновскій постоянно приглашаетъ ихъ къ покаянію, къ борьбѣ со страстями, къ самоотверженію и преданію себя волѣ Божіей, и по мѣстамъ касается кальвинскихъ взглядовъ на исповѣдь. „Мню бо, говоритъ проповѣдникъ во второмъ словѣ въ первую недѣлю великаго поста, что иные теперь помышляютъ, что ежели восхощетъ Богъ, отпуститъ имъ грѣхи и безъ исповѣди, по милости Своей. Но если больной не хочетъ лѣчиться и не признаетъ въ себѣ никакого недуга, то могутъ ли что съ нимъ сдѣлать даже самые знаменитые врачи. Такимъ же образомъ и грѣшникъ, хотя бъ учители церковные ясно въ немъ болѣзнь его доказали, и Богъ бы Самъ облегченія отъ той болѣзни ему всячески хотѣлъ, выздоровѣть, то есть получить отпущеніе грѣхамъ своимъ отъ Него не можетъ, ежели самъ не исповѣдуетъ себя быти грѣшника"(**). Обличаетъ проповѣдникъ и тѣхъ, которые, хотя не отрицали необходимости покаянія, но отлагали его до старости. „Молоды еще; зачѣмъ же цвѣтъ юности нашей воздержаніемъ помрачать; зачѣмъ имѣнія наши на нищихъ расточать; самимъ жить надо. Придетъ старость, покаемся: о грѣхахъ поболимъ, имѣнія вдовицамъ раздадимъ... Такую безпечность проповѣдникъ обличаетъ грознымъ словомъ Господа, сказаннымъ скупому богачу: „Безумне въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже собралъ еси кому будутъ."(***)

Чтобы призвать всѣхъ къ истинному покаянію, Гедеонъ указываетъ своимъ современникамъ, кромѣ мученій въ будущей жизни и на несчастія въ здѣшней жизни, какъ на слѣдствія гнѣва Божія за наши грѣхи. Замѣчательное слово,

(*) Поуч. слова Гед. ч. 1, стр. 23 на обор.
(**) Поуч. сл. іер. Гед. т. 1, стр. 96—97.
(***) Поуч. слова іером. Гедеона. Т. 1, стр. 222.

въ которомъ раскрывается эта мысль, было произнесено по случаю лиссабонскаго землетрясенія въ 1755 году. Оно также направлено противъ деистическихъ взглядовъ на это событіе. Вольтеръ написалъ по случаю землятресенія, бывшаго въ 1755 году въ Африкѣ и Испаніи поэму, въ которой провелъ ту мысль, что источникомъ всѣхъ явленій въ мірѣ, равно какъ и этого, служатъ непреложные законы, естество. Проповѣдникъ слова Божія взглянулъ на ужасы природы въ духѣ религіознаго ученія. Различныя бѣдствія, равно какъ и всѣ другія явленія въ жизни человѣка и вещественнаго міра имѣютъ источникомъ не естество, а противохристіанское поведеніе наше. Такова тема слова. Гедеонъ, подобно Златоусту, объятъ страхомъ не ради землетрясенія, а ради вины землетрясенія; онъ боится не того, что разрушаются города и гибнутъ люди, а того, что Богъ гнѣвается на землю: ибо вина землетрясенія есть гнѣвъ Божій, а вина гнѣва Божія наши грѣхи. «Не надобно, говоритъ онъ, совсѣмъ отвергать естественныхъ силъ. Но почему жъ не прежде; а въ это самое время, не въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура. Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ. Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли.... Нѣтъ, слушатели, не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло, по писанію, главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною.» (*) Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ переходитъ къ мысли о страшномъ судѣ, которому они служатъ какъ бы предвѣстниками.

Гедеону приходилось отвѣчать въ своихъ проповѣдяхъ на нѣкоторыя, по видимому ходячія въ то время, возраженія противъ христіанской морали. Такъ, нѣкоторые говорили, что священное писаніе налагаетъ на человѣка иго неудобоносимое и что законъ Божій, проповѣдуемый служителями алтаря, невозможно исполнить человѣку, живя въ мірѣ; чтобы исполнить его, нужно прекратить всякую связь съ міромъ и идти въ монастырь.(**) Другіе же, основываясь на лож-

(*) Поуч. слова архим. Гедеона, т. 2, стр. 215.
(**) Поуч. слова іером. Гед. т. 1, стр. 119—125.

номъ пониманіи ученія о предопредѣленіи, говорили, что напрасно и безполезно человѣку предпринимать что нибудь для своего спасенія; потому что предопредѣленіе Божіе не можетъ быть измѣнено никакими человѣческими усиліями; что Богъ каждому предопредѣлилъ, то и будетъ.(*) Противъ первыхъ проповѣдникъ вооружается сильнымъ словомъ своимъ, называетъ ихъ клеветниками на Бога; потому что если бы Богъ приказывалъ намъ дѣлать невозможное да еще бъ и наказывалъ за то, то Онъ былъ бы жесточайшій и неправеднѣйшій всякаго тирана; а мыслить такъ о благости Божіей ужасно. Что же касается того, будто можно исполнить волю Божію только монаху и отшельнику, проповѣдникъ говоритъ на это слѣдующее; „ап. Павелъ считаетъ послѣдователями Христовыми (Гал. 5 гл.) людей не по званію, или одеждѣ, или мѣсту, но по отверженію страстей и похотей. Ежели кто, хотя обрѣзалъ волосы (монахъ), а не обрѣзалъ воли своей, тотъ еще не отвергся себя. Напротивъ у кого, хотя и не обрѣзаны волосы, да обрѣзано сердце, тотъ, какого бы онъ званія ни былъ, прямой есть ученикъ и послѣдователь Христовъ. Напр. когда царь, ради покоя своихъ подданныхъ, презираетъ свой покой, — отвергся онъ себе самаго, и есть истинный послѣдователь Христовъ. Когда судья, ради любви Божіей, не беретъ взятковъ, не дѣлаетъ обидъ и всякихъ неправдъ,—отвергся онъ себе. Когда купецъ имѣетъ случай обманывать, но не обманываетъ приходящихъ къ нему для торгу, а безгрѣшные прибытки дѣлитъ съ бѣдными,—отвергся онъ себе и есть истинный послѣдователь Христовъ. Стало быть, во всякомъ званіи можно исполнять законъ Христовъ, а не въ одномъ только монашескомъ.“(**) Противъ вторыхъ проповѣдникъ доказываетъ и развиваетъ ту мысль, что предвѣдѣніе и предопредѣленіе Божіе не уничтожаетъ свободы воли человѣческой.(***)

Назидая самъ свою паству въ истинахъ православной вѣры и нравственности и обличая ее за уклоненіе отъ христіанскаго долга, Гедеонъ Криновскій приглашаетъ къ тому же

(*) Т. 1, стр. 230.
(**) Т. 1, стр. 120—121.
(***) Т. 1, стр. 231—240.

дѣлу пастырей церкви и совѣтуетъ имъ чаще говорить народу проповѣди; онъ укоряетъ ихъ за холодность и безжизненность ихъ проповѣдей, не рѣдко—за отсутствіе въ нихъ правды изъ боязни, или лести ради; убѣждаетъ ихъ защищать правду, безъ всякаго опасенія, потому что правда въ порфирѣ намъ предходитъ; потому что мы имѣемъ такую монархиню, желаніе которой видѣть и слышать въ своихъ подданныхъ одно добро.(*)

Онъ обращается къ родителямъ и воспитателямъ и внушаетъ имъ, чтобы они заботились о насажденіи добрыхъ началъ въ своихъ питомцахъ съ ихъ младенчества; потому что „привычка въ естество премѣняется.“ Кому внушены были добрыя правила съ дѣтства, тотъ останется съ ними на всю жизнь. Но людямъ времени Гедеона, кажется, неизвѣстна была сила этого закона. „Многіе родители не только отвращали своихъ дѣтей отъ праздности, дающей поводъ къ грѣхамъ, и отъ дурныхъ забавъ; но даже совѣтовали имъ это, чтобъ цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увядалъ. Другіе, хотя и отдавали своихъ дѣтей въ науки, да въ какія? Въ такія, что и стыдно понимать о нихъ. Не евангеліе, не законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втирали. Не правдѣ и благочестію; но ябедамъ и обманамъ учили. И чего жъ ожидать, говоритъ проповѣдникъ, отъ такихъ дѣтей? Волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, псковъ невоздержныхъ, либо какихъ другихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ.“(**)

Красота слога, ясность рѣчи, живость воображенія и счастливый даръ произношенія составляютъ характеристическія черты проповѣднической дѣятельности Гедеона Криновскаго. Чтобы сдѣлать мысль свою понятною для всѣхъ и живо напечатлѣть ее въ сердцахъ своихъ слушателей, онъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ, сравненіямъ и картиннымъ изображеніямъ. Примѣры заимствуются имъ и изъ св. исторіи, и изъ исторіи гражданской, и изъ религіи языческой, и изъ исторіи естественной (***) Онъ не пренебрегалъ никакими средст-

---

[*] Т. 1, стр. 225–227.
(**] Т. 1, стр. 140—145.
(***) См. т. 1, стр. 97—98.

вами, дозволенными церковному оратору чтобы сдѣлать мысль свою ясною и убѣдительною для слушателей. О произношеніи его свидѣтельствуетъ митрополитъ Платонъ: „Гедеонъ такъ пріятно и сладостно произносилъ слова свои, что всѣ слушатели бывали какъ бы внѣ себя и боялись, чтобъ онъ не пересталъ говорить. Свойства онъ былъ горячаго, сердца открытаго, говорилъ всегда свободно, обличалъ смѣло, чѣмъ и нажилъ себѣ недоброжелателей и подвергъ себя многимъ бѣдствіямъ. Истинною похвалою ему служитъ то обстоятельство, что даже тѣ, которые не любили его за свободу словъ, хвалили его за добросердечіе."

Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій.

Жизнь Георгія Конисскаго; его историческое значеніе. Содержаніе и характеръ его проповѣдей: а) догматико-полемическихъ; б) нраво-обличительныхъ и в] политическихъ съ рѣчами привѣтственными. Языкъ и рѣчь его проповѣдей.

Георгій Конисскій родился въ 1717 году 20 ноября въ городѣ Нѣжинѣ. Родители его принадлежали къ старинной дворянской фамиліи. При крещеніи онъ названъ былъ Григоріемъ. Лѣта дѣтства онъ провелъ въ домѣ своихъ родителей, и получивъ отъ нихъ первоначальныя познанія въ наукахъ, на одиннадцатомъ году отъ рожденія былъ отправленъ въ кіевскую академію, при Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Здѣсь въ продолженіи пятнадцати лѣтняго курса ученія, Конисскій оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ богословскихъ и философскихъ, въ краснорѣчіи и стихотворствѣ, также въ исторіи и физикѣ. Кромѣ латинскаго языка, онъ изучилъ основательно языки: греческій, еврейскій и нѣмецкій. Окончивъ ученіе съ успѣхомъ, Конисскій, на 27 году отъ рожденія, рѣшился поступить въ иноческое званіе; и въ 1744 г. 11 августа, постриженъ въ монахи и нареченъ Георгіемъ, по собственному его желанію, въ память того, что св. Георгій побѣдоносецъ почитаемъ былъ покровителемъ его родины. Въ 1745 г. Георгій былъ опредѣленъ учителемъ поэзіи въ кіевской академіи. Наставляя учениковъ своихъ

въ правилахъ стихотворства, онъ самъ въ часы досуга, упражнялся въ сочиненіи стиховъ, какъ на русско-славянскомъ языкѣ, такъ и на латинскомъ и польскомъ; писалъ драмы, сюжетомъ которыхъ были догматы православной вѣры, и давалъ ихъ для представленія ученикамъ академіи. Такъ, будучи уже іеромонахомъ, онъ въ 1747 г. написалъ драму: "Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, пострадавшимъ неповинно въ вѣцѣ семъ, блаженно; а обидящимъ гибельно," въ пяти дѣйствіяхъ, въ пользу чающимъ онаго. Вскорѣ онъ сдѣланъ былъ профессоромъ философіи и префектомъ академіи; въ это время онъ написалъ полную систему науки философіи на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ Георгій возводится въ санъ архимандрита кіевскаго Богоявленскаго братскаго монастыря, назначается ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Трудясь для пользы науки, Георгій Конисскій говорилъ иногда въ Кіевѣ проповѣди, хотя и рѣдко, на дни и случаи, большею частію, пиршественные. Изъ проповѣдей, говоренныхъ Конисскимъ въ Кіевѣ, извѣстны: одна на св. Пасху (1749 г.), двѣ въ пятокъ страстной седмицы, и одно надгробное слово, при погребеніи кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго (1747 г.), въ которомъ онъ трогательно описалъ добродѣтели этого святителя. Въ 1754 г. скончался могилевскій епископъ Іеронимъ Волчанскій, и на его мѣсто въ 1755 г. 20 августа произведенъ былъ Георгій Конисскій. Не смотря на запрещеніе папы и интриги Полоцкаго архіепископа, клонившіяся къ устраненію „схизматика“ отъ могилевской каѳедры, Георгій получилъ отъ польскаго короля Августа III, еще прежде посвященія своего въ санъ епископа, подтвердительную грамату на бѣлорусскую епископію, со всѣми принадлежащими къ ней вотчинами и угодьями, что служило знакомъ особеннаго благоволенія къ нему короля. Принимая святительскій жезлъ, Георгій конечно зналъ, какіе великіе труды, опасности, гоненія предстояли ему на новомъ поприщѣ, въ краю чужомъ, отъ враговъ православія, сильныхъ числомъ, могуществомъ и ожесточеніемъ. Но, будучи одаренъ проницательнымъ умомъ, характеромъ рѣшительнымъ и осторожнымъ, ревнуя по вѣрѣ и твердо уповая на всесильный Промыслъ, защищающій правоту, Георгій смѣло вступилъ на подвигъ служенія воинствующей бѣлорусской церкви.

Въ то время православная бѣлорусская церковь, состоя подъ владычествомъ короля польскаго и рѣчи Посполитой, испытывала самое жалкое положеніе. Римское и уніатское духовенство, опираясь на силу и своевольство гордыхъ магнатовъ, польскихъ и литовскихъ, стѣсняло православныхъ подданныхъ польскаго королевства до послѣдней крайности. Тысячи православныхъ жителей бѣлорусскихъ всѣхъ сословій принимали унію, будучи вынуждаемы къ тому разными обольстительными обѣщаніями, насиліемъ и даже мученіемъ. Православные храмы запрещено было возобновлять. Православнымъ епископамъ безъ одобренія вотчинниковъ и безъ согласія короля не дозволялось никого рукополагать во священники; а такъ какъ одобреніе давалось только тѣмъ, которые рѣшались быть уніатами, то, понятно, послѣдніе принимали рукоположеніе отъ полоцкаго уніатскаго архіерея. Пастыри, твердые въ вѣрѣ, изгонялись изъ приходовъ и домовъ своихъ, лишались всего имущества и принуждены были скитаться съ семействами, безъ крова и пропитанія. «Молчу, говоритъ преосвященный Георгій, о пастыряхъ бѣдныхъ, священствѣ нашемъ. Сколь многіе изъ нихъ изгнаны изъ домовъ, сколь многіе въ тюрьмахъ, въ ямахъ глубокихъ, въ псарняхъ вмѣстѣ со псами заперты были, гладомъ и жаждою моримы, сѣномъ кормлены; сколь многіе биты и изувѣчены, а нѣкоторые и до смерти убиты!» Стѣсняемые въ религіозномъ отношеніи, православные бѣлоруссы стѣсняемы были и въ ихъ гражданскихъ правахъ, хотя, по силѣ конституціи 1569 года, они должны были пользоваться всѣми правами свободныхъ подданныхъ. Вотъ въ какихъ разительныхъ чертахъ представляетъ Георгій безправное состояніе православныхъ бѣлоруссовъ: „Дворянству прегражденъ путь къ чинамъ и достоинствамъ; отняты у него вотчины, которыя были пожалованы ему за службу. Граждане изъ уряду гражданскаго выключены; излишними податями и другими тягостями не равно обременены; за тѣмъ всѣ вообще до послѣдней нищеты пришли. Духовные, властію и силою мірскою укрѣпляяся, гонятъ православный народъ, какъ овецъ не имущихъ пастыря, или до костеловъ, или до уніатскихъ церквей, гонятъ не точію изъ домовъ, но изъ самыхъ церквей нашихъ. И если поселяне или граждане слушать ихъ ученія и отъ вѣры своей отступить не хотятъ, тутъ они чинятъ ужасныя

угроженія и страхованія: ставятъ висѣлицы, вкапываютъ столбы, возгнѣщаютъ костры, розги, тернія и другія мучительныя орудія представляютъ. Многіе разореніе домовъ и побои мучительные, другіе самую смерть претерпѣли." Среди такихъ опасностей Георгій принялъ управленіе Бѣлорусскою епархіею. Вступленіе свое онъ ознаменовалъ мудрыми пастырскими распоряженіями. Онъ нашелъ большую часть духовныхъ на весьма низкой степени просвѣщенія и зная, что просвѣщеніе духовенства всегда было вѣрною подпорою церкви, онъ обратилъ прежде всего свое вниманіе на устройство въ Могилевѣ семинаріи съ низшими классами; испросилъ для этого у русскаго правительства пособіе для содержанія наставниковъ и питомцевъ по 400 р. въ годъ, которое и производилось до того времени, когда устроилась настоящая семинарія. Для наученія и наставленія самихъ священниковъ, Георгій Конисскій напечаталъ „Катихизисъ или Сокращенное Христіанское ученіе" Θеофана Прокоповича съ своими дополненіями, и книжку эту разослалъ во всѣ православныя церкви своей епархіи при окружной граматѣ. Въ этомъ пастырскомъ наставленіи онъ весьма трогательно убѣждаетъ духовенство поучать народъ истинамъ вѣры христіанской и вести жизнь богоугодную. Преосвященный старался всѣми мѣрами сохранить и церковныя имущества отъ похищенія врагами и корыстолюбивыми гонителями православія. Католики и уніаты, обращая православныя церкви въ католическія, первымъ долгомъ своимъ считали захватить письменные документы на церковныя угодья, чтобы гонимые не могли потомъ помышлять о возвращеніи отнятаго. Георгій Конисскій устроилъ при архіерейской каѳедрѣ особый архивъ и собралъ въ него значительное число разныхъ старинныхъ актовъ въ подлинникахъ и спискахъ. Такимъ образомъ онъ сберегъ ихъ отъ похищенія и потери,—сберегъ и интересы православныхъ церквей.

Между тѣмъ, какъ преосвященный Георгій прилагалъ такія попеченія объ устройствѣ и охраненіи своей паствы, враги православія не переставали дѣлать насилія и гоненія бѣлоруссамъ. Нужно бдло положить конецъ этому насилію и Георгій рѣшился прибѣгнуть къ заступленію могущественнаго двора Россійскаго. Онъ обращался нѣсколько разъ съ просьбою о помощи къ Елисаветѣ Петровнѣ и Петру III,

и они своими рескриптами и чрезъ посланниковъ внушали польскому двору, чтобы онъ не нарушалъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ народа бѣлорусскаго, и грозили такими мѣрами, которыя могутъ быть для поляковъ тягостны. Но Провидѣніе предоставило Великой Екатеринѣ совершить великое, спасительное дѣло освобожденія единовѣрныхъ, гонимыхъ въ Польской державѣ и положить конецъ страданіямъ ихъ. Въ 1772 году сентября 18 дня былъ подписанъ первый раздѣлъ Польши между Россіею, Пруссіею и Австріею, и Бѣлоруссія, въ которой было семь провинцій съ 1,360,000 жителей, присоединена была къ Россіи. Такимъ образомъ судьбы Всевышняго положили предѣлъ терпѣнію и страданіямъ православныхъ жителей Бѣлоруссіи, и Георгій, ревностный пастырь, мужественный подвижникъ Христовой церкви, окончивъ тяжкую, продолжительную борьбу «съ волками», сталъ отдыхать спокойно съ «овцами».

Но въ это время отдохновенія Георгій не переставалъ заботиться объ устройствѣ своей епархіи; а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ сочинилъ вмѣстѣ съ смоленскимъ преосвященнымъ Парѳеніемъ книгу „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,“ которая, по изданіи въ свѣтъ, признана классическою, занимался также исторіею Малой Россіи и Бѣлоруссіи. И къ этимъ занятіямъ постоянно присоединялъ ревностное проповѣданіе слова Божія. Среди заботъ и попеченій о благосостояніи паствы своей, преосвященный не переставалъ заботиться и о просвѣщеніи духовнаго юношества. Въ 1780 году онъ построилъ новое огромное зданіе для семинаріи и открылъ въ ней каѳедры для наукъ философскихъ и богословскихъ, а также для языковъ еврейскаго и греческаго. За двадцати восьми лѣтніе труды въ пользу бѣлорусской церкви Георгій въ 1783 г. пожалованъ Императрицею въ архіепископы и члены Св. Синода. Въ 1787 году, во время путешествія Императрицы Екатерины въ Тавриду, онъ привѣтствовалъ ее прекрасною, неподражаемою рѣчью: „Оставимъ астрономамъ доказывать....“ за что получилъ отъ нея 2300 р. на устройство могилевскаго православнаго собора, монастыря и архіерейскаго дома. Послѣ этого онъ не видалъ больше Высочайшую покровительницу его паствы и доживалъ мирно дни свои, ведя простую и однообразную жизнь, соблюдая строгую умѣрен-

ность въ пищѣ и питіи и дѣлая ежедневныя уединенныя прогулки. Проживъ въ святительскомъ санѣ 40 лѣтъ, послѣ тяжкой продолжительной болѣзни, преосвященный Георгій скончался 1795 года февраля 13 дня.

Такимъ образомъ жизнь и дѣянія Георгія Конисскаго занимаютъ видное мѣсто въ исторіи русской церковной іерархіи. Его неусыпной пастырской ревности обязана Бѣлоруссія не только сохраненіемъ своей православной вѣры, но и освобожденіемъ ея отъ тяжелаго польскаго ига. Ему также принадлежитъ начало того великаго дѣла, которое недавно такъ счастливо кончилось для церкви,— разумѣемъ возвращеніе въ лоно православной церкви насильно отторгнутыхъ въ унію членовъ ея. Но не этимъ только Конисскій снискалъ себѣ историческую извѣстность и признательность потомства. Славный своимъ умомъ, извѣстный своею ученостію, онъ въ тоже время пріобрѣлъ себѣ и славу знаменитаго церковнаго оратора, восхищавшаго слушателей своими умными и трогательными проповѣдями и удивлявшаго иногда своимъ краснорѣчіемъ даже иностранцевъ.(*)

Содержаніе и характеръ проповѣдей Георгія Конисскаго опредѣляется временемъ, въ которое онъ жилъ, а также и особенными обстоятельствами, среди которыхъ жило въ его время бѣлорусское общество. Духъ невѣрія, проникшій съ запада въ такъ называемое образованное общество нашихъ столичныхъ городовъ, успѣлъ заразить и образованное общество бѣлорусское, которое, охотно подчиняясь вліянію антирелигіозныхъ идей модной философіи, проводило въ жизнь новыя начала, несогласныя съ ученіемъ христіанскимъ. Съ другой стороны религія народа подвергалась опасности быть уничтоженною хитростію, интригами и насиліемъ іезуитовъ и уніатовъ. Тому же подвергалась честь, свобода и жизнь народа. Всѣ эти событія и явленія, совершавшіяся вокругъ Георгія Конисскаго, чутко отзывались въ душѣ его и находили для себя то или другое сужденіе въ его проповѣдномъ словѣ.

Сообразно съ предметами, которыхъ касался Георгій Ко-

(*) Смотр. приложеніе къ 1 ч. поучительныхъ словъ архіепископа Георгія Конисскаго.

нисскій въ своихъ проповѣдяхъ, послѣднія могутъ быть раздѣлены на три категоріи: а) на слова догматико-полемическія; б) нраво-обличительныя слова и в) рѣчи политическія и рѣчи привѣтственныя.

Распространеніе невѣрія и вольнодумства въ тогдашнемъ бѣлорусскомъ образованномъ обществѣ сильно поражало Конисскаго. Онъ скорбѣлъ объ этомъ и своимъ проповѣднымъ словомъ старался содѣйствовать охраненію вѣры и противодѣйствовать разливу новаго невѣрующаго направленія. Но онъ, подобно Гедеону Криновскому, не пускался въ полемику съ ложными воззрѣніями, а довольствовался простымъ, удобопонятнымъ раскрытіемъ евангельской истины и тѣмъ побѣждалъ умы, возносящіеся на разумъ Божій. Всѣ почти догматы христіанскіе подвергались сомнѣнію или отрицанію со стороны вольнодумцевъ. Промыслъ Божій, тайна искупленія, безсмертіе души, вѣчныя награды и наказанія, и другіе догматы, какъ непонятные для человѣческаго ума, отвергались и ниспровергались раціоналистами; особенно камнемъ претыканія былъ для тогдашнихъ вольнодумцевъ догматъ объ искупленіи міра смертію Сына Божія. Георгій возвышалъ свой голосъ истины противъ криковъ неправды. Въ словѣ въ день св. апостоловъ Петра и Павла, выходя изъ текста: „кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго“ (Мат. 16, 13), проповѣдникъ такъ начинаетъ свою проповѣдь: „Не вопрошай нынѣ, Христе Спасителю, кого тебе быти глаголютъ нынѣшняго вѣка человѣцы. Конечно, на такой вопросъ худшій получишь отвѣтъ, нежели отъ Твоихъ апостоловъ. До того мы, христіане, дожили, что въ самый полдень свѣта не видимъ... Когда свѣтъ ученія Христова началъ только, какъ заря утренняя, показываться, и тогда человѣцы называли Христа—одни Іоанномъ Крестителемъ, другіе Иліею, третіе Іереміею, иные однимъ изъ пророкъ (Мѳ. 16, 14). Теперь же, облиставшей проповѣди евангельской во весь міръ, изшедшу вѣщанію апостольскому во всю землю и во всѣ концы вселенныя глаголамъ ихъ, растлѣнные вѣка сего человѣцы, среди христіанства родившіеся и млекомъ матери—церкви православныя отдоенные, богохульными устами своими дерзаютъ нарицать Христа единымъ не отъ пророкъ, но отъ лжепророкъ, и научившись отъ христоубійцъ іудеевъ, часто вмѣстѣ съ ними приговари-

ваютъ: „сей аще не бы былъ злодѣй, не бы былъ преданъ Пилату на смерть“ (Іоанн. 18, 30).(*) Основанія, на которыхъ опирались вольнодумцы изъ паствы Георгія Конисскаго для отверженія Іисуса Христа, какъ Сына Божія, были тѣже самыя, что и въ петербургскомъ столичномъ обществѣ, которое обличалъ Гедеонъ Криновскій: отверженіе подлинности ветхаго и новаго завѣта, непризнаніе событій чудесныхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ напр., воплощенія Сына Божія, Его чудесъ и воскресенія Его изъ мертвыхъ; а также перехода израильтянъ чрезъ чермное море, изведенія воды изъ камня и т. п. Проповѣдникъ говоритъ, что новозавѣтная проповѣдь апостольская убѣдила весь міръ вѣровать во Христа ни чѣмъ другимъ, а чудесами. За отверженіе подлинности ветхаго и новаго Завѣта онъ называетъ вольнодумцевъ «невѣждами.»(**) Не признавая въ лицѣ Іисуса Христа Божественнаго посланника, вольнодумцы отрицали самую нужду искупленія на томъ основаніи, что будто Богъ, по своему безконечному милосердію, можетъ и безъ того простить согрѣшившихъ. Но Конисскій доказываетъ имъ, что совершенства Божіи всѣ равны между собою,—ни милость не больше правды, ни всемугущество не выше премудрости, что всѣ онѣ согласуются между собою во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. „Въ противномъ бо случаѣ, милость Божія, безъ правды разсуждаемая, представитъ тебѣ не Бога истиннаго, но потатчика беззаконія; напротивъ, правда безъ милости вообразитъ тебѣ тирана вмѣсто Бога.“(***)

Обличаетъ Георгій Конисскій изъ своихъ современниковъ тѣхъ, которые держались протестантскаго мнѣнія, что спасеніе предопредѣлено и благовѣствуется не для всѣхъ людей, а только для избранныхъ Божіихъ. Также направляетъ свое слово противъ современнаго ему іудейства, съ его обрядами и обычаями, и противъ магометанъ. Въ словѣ на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы Конисскій изъясняетъ многіе тексты св. писанія, доказывающіе всеобщность спасенія, кратко излагаетъ исторію благовѣстія отъ Адама до апостоловъ, прошедшихъ съ проповѣдію Евангелія весь міръ и указы-

(*) Поучит. слова Георг. Конисск. т. 1, 224—226 стр. Изд. 1835 г.
(**) Собр. соч. ч. 1, стр. 100, 223.
(***) Ч. 1 стр. 59.

ваетъ многія мѣста въ Азіи и Африкѣ и разные острова, гдѣ была проповѣдуема вѣра христіанская послѣ апостоловъ и гдѣ теперь проповѣдуется европейскими миссіонерами.(*) Іудействующихъ современниковъ проповѣдникъ обличаетъ за то, что они приносятъ въ очищеніе грѣховъ своихъ жертву, подобно іудеямъ. „На праздникъ, бываемый у нихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, они покупаютъ пѣтуховъ, индѣ бѣлыхъ, а здѣ у насъ черныхъ, и оборотивъ ихъ около головы съ нашептываніемъ грѣховъ своихъ, варятъ оные и ѣдятъ.“ Изрядная жертва!—говоритъ проповѣдникъ; стоитъ предложена быть правдѣ Божіей, огнемъ на грѣшники взирающей! Сами пѣтухи оные, когда бъ могли заимствовать гласа человѣческаго, какъ ослина Валаамова, сказали бъ предъ судомъ Божіимъ: да они жъ, Господи, нашептавъ на насъ грѣхи, съ грѣхами своими и поѣли насъ.“ За тѣмъ проповѣдникъ приводитъ на судъ магометанъ и показываетъ тщетную надежду ихъ на пророка Магомета.(**)

Кромѣ вольнодумства и невѣрія, господствовавшаго преимущественно въ образованномъ кругу бѣлорусскаго общества, была еще опасность для православной церкви со стороны католичества. Католическая пропаганда употребляла всевозможныя усилія, какъ мы видѣли въ обозрѣніи жизни Конисскаго, чтобы подавить православіе въ могилевской епархіи, которая одна только въ областяхъ подвластныхъ Польшѣ оставалась вѣрною древнему благочестію. Георгій не велъ нарочитой полемики съ католичествомъ, считая лучшимъ не раздражать жестокихъ враговъ православія рѣзкимъ словомъ обличенія; но для предохраненія своихъ пасомыхъ слегка указывалъ на несостоятельность нѣкоторыхъ пунктовъ ученія римской церкви. Такъ онъ говоритъ объ уклоненіи католиковъ отъ никейскаго символа въ прибавленіи и „отъ Сына,“ противъ главенства папы и т. п.(***) Вообще же въ своихъ обличеніяхъ католиковъ Конисскій сдержанъ и остороженъ, тогда какъ въ обличеніяхъ противъ вольнодумцевъ бранчивъ и рѣзокъ; послѣднихъ онъ называетъ «скотскими философами», „студомъ и мерзостію рода человѣческаго,“ „хви-

(*) Ч. 1 стр. 135—137.
(**) Рук. д. с. паст. 1871 г. т. 2, стр. 307 (изъ рукоп. кіевск. акад.).
(***) Собр. соч. Кон. ч. 2, стр. 102.

лозопами" (невѣждами), «безмозглыми мудрецами» и т. п. (*)

Нравственныя проповѣди Георгія Конисскаго проникнуты такимъ же обличительнымъ характеромъ, какъ и догматическія его проповѣди. Жизнь современнаго ему общества почти на каждомъ шагу указывала большіе недостатки и рѣзкія отступленія отъ требованій истиннаго христіанскаго долга и требовала исправленія. Послабляющая мораль модной философіи XVIII в. много содѣйствовала ослабленію добрыхъ привычекъ и усиленію безнравственности въ обществѣ. Современники Георгія мечтали, что безъ исполненія Божественнаго закона можно быть высоконравственнымъ человѣкомъ, повинуясь одному голосу совѣсти и требованію духовной природы,—и вотъ естественная честность и благородство сдѣлались главными руководительными началами человѣческой жизни и дѣятельности. Предписанія положительнаго закона уступили мѣсто понятію чести и приличія; но это понятіе, слишкомъ неопредѣленное само по себѣ, въ жизни вело къ жалкимъ результатамъ.

Основной мотивъ нравственныхъ проповѣдей Георгія Конисскаго,—общій съ другими проповѣдниками нравственнаго направленія. Мотивъ этотъ можно выразить такъ: все, что здѣсь насъ занимаетъ и за чѣмъ мы гоняемся, все это—одна тѣнь, которая не можетъ удовлетворить нашего духа; наше истинное бытіе на небесѣхъ, и та дѣйствительность, которою болѣе всего мы должны интересоваться—это будущія награды и наказанія. Поэтому проповѣдникъ, то грустить, когда видитъ, что слушатели гоняются за суетою міра, то обличаетъ и угрожаетъ страшнымъ судомъ, когда замѣчаетъ въ нихъ пороки.

Сильно оскорбляла благочестивое чувство пастыря «застарѣлая язва» лихоимства и неправды въ судахъ. Не говоря уже о томъ времени, когда Бѣлоруссія находилась въ угнетеніи подъ властію польскаго правительства, когда бѣдному человѣку искать судебнаго удовлетворенія значило искать того, чего нельзя найдти; но и послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи и послѣ водворенія къ ней лучшаго порядка, по прежнему «олтари святые Божіи», т. е. судеб-

(*) Рук. д. с. Пост. 1871 г. т. 2, стр. 311 (изъ рук. Кіев. Акад.).

ныя мѣста, говоритъ Конисскій,—„въ пещеры разбойниковъ“ превращаются, мѣсто самаго Бога лихоимцы засѣли; вопіетъ разоренный неправедно, а разоритель пляшетъ. Не смѣетъ вдовица, не смѣетъ церковникъ обиженный приступити къ „язвинамъ симъ разбойническимъ,“ и обиду свою не инако, какъ на судъ Божій возлагаетъ.“(*) Георгій обличаетъ въ лихоимствѣ не только мелкихъ взяточниковъ, но безбоязненно обращаетъ слово свое и къ лицамъ высокопоставленнымъ, которые „гремятъ указами“ о храненіи государственнаго, а при томъ имѣютъ „искустныхъ кондукторовъ, которыми сіи громы и молніи низводятся, но не въ воду, а въ карманы ихъ, и тамъ непримѣтно изчезаютъ.“(**)

Конисскій не могъ равнодушно смотрѣть также на чрезмѣрную роскошь аристократіи и крайнюю бѣдность и униженіе простаго народа, страдавшаго преимущественно отъ тяжести крѣпостнаго рабства. Помѣщики считали себя вправѣ распоряжаться самовластно, не только собственностію своихъ крестьянъ, но даже и жизнію ихъ, и потому обращались съ ними какъ хотѣли. Конисскій, желая облегчить участь своего народа, часто направлялъ свое сильное слово противъ жестокаго обращенія господъ съ своими подданными. Въ проповѣди на Рождество Христово онъ сравниваетъ бѣлорусскій народъ съ младенцами виѳлеемскими, отъ Ирода избіенными; «о вопляхъ этого народа можно смѣло сказать оное евангельское и пророческое слово, что и въ нашихъ селахъ, какъ древле въ Виѳлеемѣ, слышится плачь и рыданіе и вопль многъ. Рахиль—нація наша, плачущися чадъ своихъ, отъ глада, отъ притѣсненія и нужды тысячами умирающихъ, не хощетъ утѣшитися, яко не суть.“(***)

Болѣе всего оскорбляло благочестивую душу Георгія нарушеніе святости брака и пренебреженіе къ требованіямъ цѣломудрія; потому что этотъ порокъ болѣе другихъ былъ распространенъ въ современномъ ему бѣлорусскомъ обществѣ. Люди, преимущественно высшаго класса, такъ свыклись съ этимъ порокомъ, что уже не стыдились; а готовы были, пожалуй, хвалиться имъ. „Гдѣ нынѣ сыскать цѣломудріе,—го-

---

[*] Собр. соч. Кон. ч. II, стр. 107—119.
[**] Ч. 2, стр. 168.
[***) Рукоп. кіевск. акад. слово 21.

воритъ Конисскій въ проповѣди на день св. великом. Екатерины, —гдѣ сыскать сего феникса, сію птицу прерѣдкую, и какъ бы лебедя чернаго и ворона бѣлаго, въ нашемъ вѣкѣ среди самаго христіанства? Не одно-ль перье златозарное видится на насъ?(*)

Въ особенности невыгодно смотритъ Конисскій на нравственность большихъ городовъ, которые представляются ему главными притонами и разсадниками разврата. „Подлинно, нѣтъ мѣры, нѣтъ числа и конца студодѣяніямъ нашимъ! Теперь и у насъ стало, что улица—то блудница, что домъ—то Содомъ, что дворъ—то Гоморръ.(**) „О св. Давиде! ты въ свое время, обходя города, видѣлъ въ нихъ беззаконіе и пререканіе (ис. 54, 11). Когда бъ ты въ нашъ Могилевъ зашелъ, ты удесятирилъ бы жалобную пѣснь твою; ты сказалъ бы, что въ городѣ нѣтъ уголка, въ коемъ не было бы блуда, насилія и неправды, лихоимства и обмана.“(***)

Жизнь простыхъ сельскихъ людей, вдали отъ большихъ городовъ, представлялась ему гораздо чище, чѣмъ жизнь горожанъ. „Въ селахъ совсѣмъ другое,—говоритъ онъ. Блудъ тутъ тайный и рѣдкій; а когда сіе случится, то бракоокрадованную невѣсту, послѣ брака, не священникъ руками священными украшаетъ „наметкою“ (головная повязка замужнихъ женщинъ), но послѣдній изъ громады вилами навозными знакъ бракоокраденія на нее накидаетъ,“(****) (обычай, существовавшій въ Бѣлоруссіи). Торговыя и хозяйственныя сношенія сельскихъ жителей съ городскими давали возможность первымъ знакомиться съ дурными привычками послѣднихъ. „Привозятъ поселяне въ городъ пшеницу,—говоритъ Конисскій,—а отвозятъ отъ насъ въ свои домы мерзостные примѣры необузданнаго разврата.... И такъ, о Давиде! хотя бы ты въ нынѣшнія времена(*****) пристроилъ себѣ и крилѣ голубинѣ, и захотѣлъ вылетѣть изъ города, то и въ селахъ не найдешь себѣ покоя. И села уже беззаконіями начинаютъ превращаться въ города, и земля прежде благо-

---

(*) Ч. II, стр. 95.
[**] Ч. 1, стр. 249.
(***) Ч. 1, стр. 172.
(****) Ч. 1, стр. 173.
(*****) 1810 г.

плодная, вмѣсто пшеницы, приноситъ нынѣ терніе и волчецъ."(*)

Не щадилъ Георгій Конисскій и священниковъ, когда замѣчалъ отступленіе и неправильность въ отправленіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей. Прежде всего онъ замѣтилъ, что большая часть священниковъ пренебрегаютъ обязанностію церковнаго учительства, никогда не проповѣдуютъ народу слова Божія, главнымъ образомъ потому, что сами были крайними невѣжами въ предметахъ вѣры и «ни членовъ вѣры христіанской не знали, ни силы закона Божія не разумѣли.»(**) Крайнее невѣжество священниковъ побудило Георгія позаботиться объ образованіи ихъ. Съ этою цѣлію онъ напечаталъ катихизисъ Ѳ. Прокоповича со многими собственными дополненіями, и разослалъ эту книгу во всѣ православныя церкви своей епархіи, при особомъ пастырскомъ наставленіи, въ которомъ, какъ мы уже замѣчали, весьма трогательно убѣждаетъ духовенство поучать народъ истинамъ вѣры христіанской и по вѣрѣ вести жизнь благоугодную. Кромѣ невѣжества Георгій обличаетъ въ священникахъ страсть къ корыстолюбію; въ словѣ на текстъ: «и овцы своя глашаетъ по имени (Іоанн. 3, 2), онъ спрашиваетъ: «знаемъ-ли, о братія—пастыри, по имени овецъ, намъ порученныхъ? Знаемъ, конечно, хотя не всѣхъ. А для чего не всѣхъ? И по коимъ примѣтамъ однѣхъ знаемъ, а другихъ знати не хотимъ? Удобный отвѣтъ: «знаемъ жирнѣйшую, молоко дающую и волну приносящую, знаемъ, говорю, прихожанина не скудно живущаго и попу отъ имѣнія своего удѣляющаго, «но нищетнаго», съ коего ни волны, ни молока добиться нельзя, такого и знати не хотимъ.»(***) Обличалъ Георгій Конисскій пастырей и за небрежность ихъ въ отправленіи самаго Богослуженія.(****)

Изъ историческихъ рѣчей Георгія Конисскаго извѣстны тѣ, которыя онъ говорилъ предъ высочайшими особами, изображалъ бѣдственное положеніе бѣлорусскаго народа и просилъ у нихъ защиты этому народу. Такъ 22-го сентяб-

(*) Ч. 1, стр. 176.
(**) Ч. II, стр. 132.
(***) Рук. Кіев. акад. слов. 53.
(****) Собр. соч. Кон. ч. 1, стр. 202.

ря 1762 г., присутствуя въ Москвѣ при короновапіи Импер. Екатерины, Георгій Конисскій сказалъ рѣчь предъ трономъ Императрицы. Въ этой рѣчи онъ изобразилъ бѣдствія своей паствы и, умоляя ее о защитѣ, какъ бы пророческимъ духомъ предвѣщалъ близкую отраду и избавленіе.(*) Екатерина милостиво внимала жалобамъ Георгія и, одушевляемая благочестивою ревностію по вѣрѣ, твердо рѣшилась принять гонимыхъ подъ свою защиту. Другая замѣчательная рѣчь въ защиту бѣлоруссовъ сказана Георгіемъ предъ Станиславомъ Понятовскимъ, вступившимъ на польскій престолъ послѣ смерти Августа III. Рѣчь эта сказана на латинскомъ языкѣ.(**) Станиславъ, тронутый разительнымъ изображеніемъ страданія своихъ подданныхъ, хотѣлъ помочь несчастнымъ, но его намѣреніе встрѣчено было на сеймѣ сильнымъ негодованіемъ и сопротивленіемъ со стороны католическаго духовенства и католической шляхты: жестокости и насилія продолжались по прежнему. Тогда Екатерина велѣла войскамъ двинуться въ польскія области. Русскіе полки прошли Варшаву и заставили смириться непокорныхъ магнатовъ, которые на сеймѣ положили возвратить диссидентамъ всѣ прежнія права и обезпечить неприкосновенность этихъ правъ особыми постановленіями. Всѣ православные исполнились радостною, надеждою скораго избавленія и благодарностію къ своей покровительницѣ. Эти чувства нашли себѣ выраженіе въ церковномъ словѣ Конисскаго, произнесенномъ въ день рожденія Императр. Екатерины II (21 апр. 1767 г.) изъ текста: «благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ» (Лук. 1, 68). Въ этомъ словѣ, онъ, по обычаю, изображаетъ полуторастовѣковое страданіе бѣлоруссцевъ подъ властію поляковъ; изображеніемъ дѣлъ Екатерины и похвалою ей оканчиваетъ свое замѣчательное историческое слово. Въ 1772 году, когда, по первому раздѣлу Польши, Бѣлоруссія возвращена была Россіи и страданія православныхъ прекратились, Конисскій отправился въ Петербургъ и сказалъ предъ лицемъ Екатерины прекрасную рѣчь, въ которой каждая мысль, каждое слово дышало чувствованіями благоговѣнія и благодарности.(***)

(*) Ч. 1, стр. 286—289.
(**) Ч. II, стр. 120—130.
(***) Ч. 1, стр. 290—294.

Кромѣ дѣла освобожденія бѣлоруссовъ, Екатерина совершила много другихъ дѣлъ, не менѣе важныхъ означеннаго, Но у Конисскаго мы не находимъ похвалъ Екатеринѣ за каждое ея учрежденіе и дѣйствіе. Въ своихъ привѣтственныхъ рѣчахъ онъ хвалитъ величіе ея характера и необыкновенныя качества ея души и сердца.

Преосвященный Тихонъ, епископъ Воронежскій и Елецкій.

Происхожденіе Тихона. Первоначальное воспитаніе его въ домѣ отца. Печальная судьба Тихона до поступленія въ школу. Первоначальное пребываніе въ школѣ; поступленіе на казенное содержаніе. Успѣхи его въ школѣ. Преподаваніе риторики по окончаніи курса въ новгородской семинаріи. Принятіе монашества. Архимандритство и ректорство въ тверской семинаріи. Тихонъ—епископъ Ладожскій, потомъ Воронежскій и Елецкій. Заслуги его по устройству воронежской епархіи и по религіозному просвѣщенію ея. Дѣятельность Тихона на покоѣ въ задонскомъ монастырѣ. Любовь его къ бѣднымъ и другимъ несчастнымъ. Смерть Тихона. Значеніе жизни Св. Тихона; любовь къ нему паствы. Проповѣдническая дѣятельность преосв. Тихона. Содержаніе, внѣшнія и внутреннія качества проповѣдей Тихона.

Преосвященный Тихонъ родился въ 1724 г. въ новгородской губерніи, валдайскаго уѣзда отъ дьячка Саввы Кириллова и при крещеніи названъ былъ Тимоѳеемъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родительскомъ, гдѣ оставался до 14 лѣтъ; потому что отецъ его былъ бѣденъ и не могъ отдать его въ училище. Между тѣмъ въ 1737 году послѣдовалъ указъ Императрицы Анны Іоанновны, которымъ повелѣвалось сдѣлать церковно-служительскимъ дѣтямъ разборъ, и лишнихъ, особенно не учащихся, отдать въ военную службу. Это обстоятельство заставило тогда церковно-служителей на послѣднія свои крохи отдавать своихъ дѣтей въ бывшую тогда при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ духовную славянскую школу; потому что полной семинаріи въ Новгородѣ еще не было. Но мать Тимоѳеева, (отецъ его умеръ) по бѣдности своей, не могла этого сдѣлать и чтобы сбыть его съ рукъ, для облегченія собственнаго пропитанія, привезла его въ Новгородъ на разсмотрѣніе начальства, которое назначило его къ исключенію изъ духовнаго званія и къ опредѣленію въ военную ариѳмети-

ческую школу. Но провидѣнію угодно было направить его на другой путь. Старшій братъ Тимоѳея, бывшій тогда дьячкомъ въ Новгородѣ, сжалясь надъ участію своего младшаго брата, при всей своей бѣдности, употребилъ всѣ средства, чтобы опредѣлить его въ духовное училище, куда Тимофей и поступилъ 11 декабря 1738 г. Тимоѳей, учась въ школѣ, упражнялся и дома подъ надзоромъ брата въ чтеніи полезныхъ книгъ, а въ свободные часы пріобрѣталъ самъ себѣ пропитаніе, нанимаясь у огородниковъ копать гряды. Въ 1740 г., когда въ Новгородъ переведенъ былъ вологодскій епископъ Амвросій Юшкевичъ, начала устроиваться семинарія и приводиться въ порядокъ всѣ школы. Всѣхъ учениковъ въ школѣ при архіерейскомъ дворѣ было до тысячи. По устройствѣ семинаріи въ нее взяты были только надежные; а лучшіе изъ нихъ 200 человѣкъ получили казенное содержаніе. Въ томъ числѣ былъ и Тимоѳей Соколовъ. Въ семинаріи Тимофей Соколовъ обучался синтаксису, поэзіи, риторикѣ, греческому языку, философіи и богословію; былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ и пріобрѣталъ любовь и уваженіе какъ семинарскихъ начальниковъ и наставниковъ, такъ и архипастыря, которымъ тогда былъ Стефанъ Калиновскій. Въ 1750 году ему, еще бывшему въ богословскомъ классѣ, поручено было преподавать греческій языкъ въ семинаріи, и онъ велъ это дѣло четыре года (тогда богословскій курсъ былъ четырегодичный) съ полнымъ успѣхомъ. По окончаніи курса, онъ опредѣленъ былъ учителемъ риторики. Еще на школьной скамьѣ Тимоѳей Соколовъ почувствовалъ склонность къ монашеству; но разныя обстоятельства мѣшали ему нѣкоторое время привести въ исполненіе свое желаніе; съ одной стороны родные не желали, чтобы онъ былъ монахомъ, съ другой въ то время новгородская паства не имѣла епископа и была безъ пастыря четыре года. Въ 1757 году назначенъ былъ въ Новгородъ архіепископомъ рязанскій епископъ Димитрій Сѣченовъ и Тимоѳей немедленно заявилъ ему о своемъ давнемъ желаніи принять монашество. Желаніе его было исполнено: въ 1758 году онъ былъ постриженъ въ монахи и нареченъ Тихономъ. Въ томъ же году онъ получилъ степень іеродіакона, а потомъ іеромонаха. Въ слѣдующемъ году онъ переводится въ Тверь въ помощники преосвященному Аѳанасію и возводится въ санъ архимандрита съ опре-

дѣленіемъ на должность ректора тверской семинаріи и учителя богословія. Въ 1761 году былъ хиротонисанъ во епископа ладожскаго съ тѣмъ, чтобы быть викаріемъ новгородскаго архіепископа Димитрія Сѣченова, который, находясь постоянно въ Петербургѣ, не могъ самъ заниматься дѣлами епархіи. Такимъ образомъ на 37 году своей жизни Тихонъ получилъ жезлъ пастырства и началъ пасти словесное стадо Христовыхъ овецъ наставленіемъ и примѣромъ. Въ 1762 г., когда Св. Синодъ для совершенія коронованія Императрицы Екатерины II отправился изъ С.-Петербурга въ Москву, преосвященному Тихону Высочайше повелѣно было предсѣдательствовать въ этой конторѣ и поэтому онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Отсюда въ 1763 году, по смерти воронежскаго епископа Іоанникія, Тихонъ былъ назначенъ епископомъ воронежскимъ и елецкимъ.

Какъ воронежская паства тогдашняго времени была совершенно непросвѣщенная, не знакомая съ самыми первоначальными истинами православной вѣры и всецѣло преданная старымъ языческимъ обычаямъ и привычкамъ, такъ и пастыри ея не многимъ чѣмъ отличались отъ своего народа по всѣмъ означеннымъ свойствамъ. Въ Воронежѣ въ то время еще не было семинаріи и священниками дѣлались часто самоучки, плохо бредущіе по церковнымъ книгамъ; даже предшественникъ Тихона преосвященный Іоанникій былъ самъ изъ неучившихся въ школѣ. Трудно было ожидать отъ такихъ сѣятелей какого нибудь добраго сѣмени. Почва была совершенно непочатая и преосв. Тихону предстоялъ не человѣческій трудъ, чтобы поднять эту почву и посѣять въ ней доброе сѣмя. Онъ взялся за это дѣло, и неусыпно работалъ надъ нимъ до самой своей смерти, даже и тогда, когда былъ на покоѣ. Первымъ дѣломъ преосвященнаго Тихона было приготовить для паствы хорошихъ священниковъ. Поэтому онъ поспѣшилъ устроить семинарію, хотя это ему стоило большихъ хлопотъ и трудовъ; потому что на содержаніе семинаріи не полагалось тогда никакихъ штатовъ; и только въ 1765 году, когда воронежская семинарія снабжена была по штатамъ годовымъ жалованьемъ въ 653 р. 55 к., преосв. могъ привести дѣло устройства семинаріи къ окончанію. Онъ вызвалъ хорошихъ учителей изъ кіевской академіи и харьковскаго коллегіума для семинаріи и неусыпно

заботился объ устройствѣ въ ней порядка преподаванія. Для просвѣщенія народа и семинаристовъ онъ учредилъ съ 1765 года „катихизическія поученія“ въ соборѣ по воскреснымъ днямъ. Дѣло это было поручено діакону собора, бывшему студенту московской академіи. Кромѣ этого онъ писалъ и разсылалъ какъ священникамъ, такъ и народу разныя наставленія: первымъ относительно ихъ нравственныхъ и пастырскихъ обязанностей; вторымъ о ихъ христіанскихъ обязанностяхъ. Въ 1765 году, напримѣръ, имъ издано было «наставленіе священнослужителямъ, предостерегающее ихъ отъ пьянства, увѣщаніе къ непразднословію, къ братолюбію и прощенію обидъ, къ достойному пріуготовленію себя на священнослуженіе, къ надлежащему продолженію онаго, къ внимательному чтенію Евангелія и посланій, къ прилежному исповѣданію грѣшныхъ, къ утѣшенію въ болѣзни лежащихъ и т. п.“ Въ руководство духовныхъ правленій онъ сочинилъ увѣщаніе о сохраненіи правосудія и присяги. Наставленія, написанныя для народа, онъ приказалъ священникамъ чаще прочитывать въ церквахъ и напоминать о написанномъ въ нихъ при всякомъ случаѣ. Кромѣ общихъ наставленій, разсылаемыхъ народу, неусыпный пастырь не рѣдко посылалъ по церквамъ поученія и по какимъ нибудь случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ зорко слѣдилъ онъ за своею паствою. Поучая свою паству чрезъ проповѣдническія посланія, преосвященный Тихонъ въ то же время поучалъ собственно воронежскую паству проповѣдями съ церковной каѳедры. Къ сожалѣнію здѣсь онъ говорилъ больше импровизаціи и записанныхъ проповѣдей изъ сказанныхъ имъ на церковной каѳедрѣ воронежскаго каѳедральнаго собора дошло до насъ только 10.

Между тѣмъ здоровье преосвященнаго Тихона отъ такихъ трудовъ и ревности къ исправленію своей паствы начинало слабѣть. Онъ отъ природы былъ чувствительнаго сердца и дѣятельнаго духа. Неутомимость его простирались до того, что онъ часто проводилъ цѣлыя ночи безъ сна и не могъ успокоиться, пока не окончитъ своего дѣла. Вмѣсто отдыха онъ занимался чтеніемъ святыхъ отцевъ, въ особенности, Златоуста, который былъ самымъ любимѣйшимъ его учителемъ. Поэтому-то Златоустовъ духъ и слогъ повсюду отзываются во всѣхъ его сочиненіяхъ. Для собесѣдованія

съ пріѣзжающими къ нему меньше всего употреблялъ онъ времени. Самыя свои собесѣдованія съ ними онъ наполнялъ больше благочестивыми и нравоучительными разсужденіями. Но людямъ бѣднымъ и нищимъ былъ всегда къ нему свободный доступъ. Чувствительное сердце его никакимъ предметомъ столь страстно не занималось, какъ вспоможеніемъ бѣдности и утѣшеніемъ скорби. Не довольствуясь частымъ приниманіемъ нищихъ въ своемъ домѣ, онъ имѣлъ еще обыкновеніе каждый праздникъ Пасхи, Рождества Христова и въ иные нѣкоторые случаи разсылать по нѣсколько денегъ въ богадѣльни, въ острогъ и къ другимъ заключенникамъ на милостыню. Иногда даже самъ, переодѣвшись въ простое монашеское платье, по вечерамъ въ помянутые дни пріѣзжалъ въ жилища ихъ, и, подавая милостыню, дѣлалъ имъ наставленія къ терпѣнію, увѣщанія и утѣшенія.

Съ такимъ настроеніемъ сердца, при пастырскихъ трудахъ и подвигахъ и многихъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ съ разныхъ сторонъ въ исполненіи имъ своихъ намѣреній и начинаній, преосв. Тихонъ получилъ расположеніе къ нервнымъ болѣзнямъ и впалъ въ совершенную ипохондрію. Частая безсонница и тревоги начали останавливать дѣла его, такъ что онъ рѣшился лучше не занимать мѣста пастыря, чѣмъ упускать свои обязанности. Въ половинѣ 1767 года онъ послалъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности и о дозволеніи для покоя избрать себѣ монастырь въ той же епархіи. Его желаніе было исполнено и онъ получилъ увольненіе съ пенсіею по 500 р. въ годъ. Такимъ образомъ воронежская паства пользовалась примѣромъ и ученіемъ этого пастыря только 4 года и 7 мѣсяцевъ и разлучилась съ нимъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1767 года.

По оставленіи епархіи, онъ поселился сначала въ заштатномъ Толшевскомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ Воронежа верстъ на 40. Монастырь этотъ стоитъ одиноко, не окруженъ никакими селеніями. Съ восточной стороны этого монастыря протекаетъ р. Усмань, которая въ то время была окружена непроходимыми лѣсами. Въ это-то мѣсто и удалился преосв. Тихонъ, надѣясь въ безмолвіи и отъ вліянія природы получить облегченіе въ своихъ немощахъ. Но онъ ошибся: избытокъ сырости отъ густоты лѣсовъ, болота, иловатость р. Усма-

ни еще больше разстроили его здоровье и усилили нервные припадки. Поэтому въ 1769 году онъ выпросилъ себѣ мѣсто для пребыванія въ Задонскомъ монастырѣ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ близъ рѣки Дона и при подошвѣ своей изобилующемъ чистыми ключами. Здѣсь онъ поправился не много своимъ здоровьемъ и, наскучивъ праздною жизнію, снова взялся за просвѣщеніе народа и за благотворительность. Здѣсь онъ написалъ систему нравственнаго богословія подъ заглавіемъ: «о Истинномъ христіанствѣ», «Сокровище духовное отъ міра собираемое», писалъ краткія «нравоучительныя слова» для братіи монастырской и собиравшагося въ церковь народа и заставлялъ ихъ прочитывать въ монастырской церкви по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Случаевъ благотворительности его, во время пребыванія въ Задонскомъ монастырѣ, перечислить невозможно; онъ считалъ потеряннымъ тотъ день, когда ему не приходилось сдѣлать какого нибудь добраго дѣла. Благотворительность его имѣла самые широкіе размѣры: онъ помогалъ бѣднымъ, нищимъ, защищалъ угнетенныхъ и невинныхъ, ходатайствовалъ за неправильно обвиненныхъ и наказанныхъ, утѣшалъ страждущихъ; словомъ онъ былъ отецъ, защитникъ и помощникъ всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся около Задонска. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ велъ больше келейную жизнь, потому что выѣзды разстроивали его, когда онъ, опровергая въ бесѣдахъ съ своими друзьями и знакомыми какіе нибудь ихъ неправильные взгляды, затрогивалъ только ихъ самолюбіе, а исправленія не достигалъ. За три года до своей смерти онъ пересталъ даже выходить изъ своей кельи и посвятилъ весь остатокъ жизни своей уединенному богомыслію. Нищіе получали пособіе чрезъ его келейниковъ, а нуждающіеся въ совѣтахъ чрезъ письма. Силы его съ каждымъ днемъ слабѣли, нервные припадки, безсонница и обмороки усиливались. За годъ съ небольшимъ до смерти у него онѣмѣла лѣвая щека, лѣвая сторона языка и лѣвая нога. Достойнымъ образомъ, приготовившись къ смерти, преосв. Тихонъ 13 августа 1783 года въ 7 часовъ утра закрылъ глаза и тихо заснулъ вѣчнымъ сномъ праведника на 59 году жизни.

Мы не будемъ долго останавливаться на томъ впечатлѣніи, какое произвела смерть преосв. Тихона на всю воронежскую паству. Монастырь полонъ былъ стекшимся от-

всюду народомъ. Не слезы и плачь служили выраженіемъ народной любви къ почившему святителю, а вопль и крикъ отчаянія оставшихся безъ отца безпомощныхъ дѣтей. Но онъ и по смерти не хотѣлъ оставить своихъ дѣтей безъ утѣшенія. Предъ смертію онъ написалъ прекрасное духовное завѣщаніе, которое и было прочитано, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ тѣла на погребеніи, вслухъ всего народа іеродіакономъ Митрофаномъ. Въ этомъ завѣщаніи святитель славитъ и благодаритъ Бога за всѣ его милости и благодѣянія, которыми онъ пользовался отъ Него въ теченіе своей жизни; прощается съ своею паствою въ надеждѣ увидѣться съ нею въ обителяхъ Отца небеснаго, гдѣ люди сіяютъ, какъ солнце, гдѣ истинная жизнь, истинная честь и слава, истинная радость и веселіе, истинное блаженство, и все вѣчное безконечное. Онъ благодаритъ своихъ благодѣтелей, прощаетъ всѣмъ, которые его обидѣли чѣмъ нибудь; проситъ и себѣ прощенія. Во время чтенія этого завѣщанія и самъ читавшій и слушатели прерывали его рыданіемъ. Въ 1861 г. преосв. Тихонъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Такъ поучительна жизнь Воронежскаго святителя Тихона для тѣхъ, кто хочетъ быть истиннымъ пастыремъ своей паствы. Не менѣе того можетъ быть поучительна и его проповѣдническая дѣятельность.

Проповѣди его во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пастыря—проповѣдника. Онѣ въ ряду проповѣдей XVIII вѣка составляютъ явленіе выдающееся и выражаютъ святость души и чистое глубоко-христіанское чувство проповѣдника.

Въ собраніи сочиненій преосвященнаго Тихона (изд. 1825 г.) помѣщено 13 разныхъ проповѣдей, которыя говорены имъ были съ каѳедры воронежскаго каѳедральнаго собора, 27 краткихъ нравоучительныхъ словъ, которыя онъ писалъ въ Задонскѣ, и кромѣ этого „увѣщаніе жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго праздпества, называвшагося Ярило,“ а также „увѣщаніе жителямъ города Воронежа о хожденіи на катихизическое ученіе въ соборъ.“ Такимъ образомъ всѣхъ говоренныхъ и писанныхъ святителемъ для говоренія въ церкви словъ дошло до насъ 42. Но извѣстно, что святитель не всѣ свои проповѣди записывалъ и

часто говорилъ импровизаціи; поэтому естественно заключить, что не все то дошло до насъ, что онъ говорилъ съ церковной каѳедры. Общее содержаніе проповѣдей святителя Воронежскаго было полнымъ выраженіемъ его христіанскихъ убѣжденій и святой богоугодной жизни; на внѣшнемъ и внутреннемъ характерѣ проповѣдей отпечатлѣлась простая благочестивая душа и теплое, глубоко любящее сердце проповѣдника.

Жизнь и убѣжденія св. Тихона представляютъ совершенное исполненіе воли Божіей и заповѣдей Христовыхъ; онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ добродѣтели въ строгомъ единствѣ. Умъ его былъ постоянно обращенъ къ созерцанію предметовъ божественныхъ; воля къ дѣланію добра людямъ ради славы Божіей; сердце его жило и питалось любовію къ Богу. Онъ не имѣлъ привязанности къ этой суетной жизни и искалъ себѣ утѣшенія въ размышленіи о будущей жизни. Такое настроеніе святителя Тихона отразилось и въ содержаніи его проповѣдей, въ которыхъ онъ постоянно приглашаетъ своихъ слушателей полюбить блага вѣчныя и не привязываться къ жизни. Въ своихъ поученіяхъ онъ постоянно говоритъ о любви къ Богу и ближнему, объ испытаніи себя, о жизни духовной и о борьбѣ со страстями, о покаяніи, о соблюденіи всѣхъ обѣтовъ, данныхъ въ крещеніи, о смерти, о страшномъ судѣ, о вѣчности, о грѣхѣ. Словомъ онъ стремится возвести своихъ слушателей на ту высоту нравственнаго совершенства, на которой стоялъ самъ. Въ словѣ на Воздвиженіе Честнаго Креста(*) проповѣдникъ весьма опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на настоящую жизнь желая, чтобы и слушатели послѣдовали его взгляду. Говоря о мудрости плотской и духовной, проповѣдникъ слѣдующими чертами характеризуетъ духовную мудрость. „Духовная мудрость не гордится, не величается, но смиренномудрствуетъ; она пребываетъ въ нищетѣ, любитъ воздержаніе, постится и о грѣхахъ сѣтуетъ, любитъ враговъ, добро творитъ ненавидящимъ, раздаетъ свое другимъ, во всемъ слѣдуетъ волѣ Божіей и стремится къ вѣчнымъ благамъ, трудится къ расширенію славы Божіей и пользы ближняго, наградъ за свои

* Т. III стр. 60 и др.

труды чаетъ не въ здѣшнемъ мірѣ, но въ будущемъ... Плотскій человѣкъ опасается лишиться чести, богатства и изгнаннымъ быть; но духовный на вся сія съ охотою, или великодушіемъ показуетъ. Плотскій человѣкъ не хочетъ съ свѣтомъ симъ разстаться; но духовный съ радостію желаетъ разрѣшиться отъ тѣлесныхъ узъ" и т. д. Вотъ какихъ людей проповѣдникъ хотѣлъ видѣть между живущими въ мірѣ семъ; посему и питалъ постоянно души ихъ поученіями о смерти, о будущемъ судѣ, о покаяніи и т. п., направляя ихъ умъ и сердце къ вѣчному, божественному. Замѣтно, что слушателямъ святителя такія требованія казались не исполнимыми для живущихъ въ мірѣ; они говорили, что эти требованія можетъ выполнить только монахъ и пустынножитель, а не человѣкъ мірской, связанный многими семейными и другими обязанностями. Но проповѣдникъ настаиваетъ, что эти подвиги принадлежатъ всѣмъ христіанамъ; всѣмъ званіямъ и чинамъ, всѣмъ поламъ и всѣмъ возрастамъ—старымъ и младымъ. „Труденъ, признаюсь я, говоритъ проповѣдникъ, труденъ подвигъ сей, слышателю! Но славная побѣда."(*) Такой взглядъ на жизнь св. Тихонъ проводитъ во всѣхъ своихъ поученіяхъ и наставленіяхъ.

Всѣ проповѣди Тихона Воронежскаго можно раздѣлить на два рода: на слова нравоучительныя и проповѣди нравообличительныя.

Въ первыхъ онъ раскрываетъ своимъ слушателямъ положительное христіанское ученіе, поставляя его въ связь съ жизнію и заставляя слушателей самихъ вдумываться въ это ученіе. Такъ въ словѣ „о спасительномъ Божіемъ къ роду человѣческому смотрѣніи" проповѣдникъ знакомитъ прежде всего свою непросвѣщенную паству съ исторіею домостроительства нашего спасенія. Говоритъ о созданіи Богомъ Адама и Евы, о заповѣди, данной имъ отъ Бога; о первородномъ грѣхѣ, которому должно подвергнуться все человѣчество, о милости Бога къ людямъ, явленной въ обѣщаніи Его послать имъ избавленіе; о явленіи въ мірѣ избавителя. Проповѣдникъ знакомитъ своихъ слушателей, „Кто этотъ Избавитель", излагая кратко и просто ученіе церкви, извле-

---

(*) Т. Ш стр. 70—71.

ченное изъ Евангелія, о святой Троицѣ и выдѣляя лице Сына Божія, пришедшаго въ міръ для избавленія рода человѣческаго. За тѣмъ въ краткомъ очеркѣ онъ передаетъ всю исторію жизни Спасителя отъ дня Его рожденія до вознесенія на небо; говоритъ о посланіи Св. Духа на апостоловъ, „которымъ они укрѣпившеся, по всему міру разошлися, идолопоклонство, прелесть бѣсовскую упразднили и пришествіе Сына Божія въ міръ, страданіе, смерть и воскресеніе проповѣдали: и такъ научили всѣхъ, какъ ихъ самихъ научилъ Христосъ и Духъ Святый, въ нихъ живущій тогда наставлялъ, ученіе которыхъ церковь святая и до нынѣ содержитъ, и тѣмъ наставляема спасается.“ Задавши далѣе вопросъ: «кто же Избавитель нашъ, и какимъ образомъ избавилъ Онъ насъ» и давши на него краткій отвѣтъ, св. Тихонъ переходитъ къ назиданію своихъ слушателей такимъ образомъ: „что жъ намъ такъ милостивому избавителю, такъ чудному любителю воздать? Послушай, я тебѣ скажу... «Возлюби его всѣмъ сердцемъ твоимъ: не выпускай никогда благодѣянія Его изъ памяти твоей, воспоминай всегда имя Его пресвятое съ благодарными слезами, хвалися неизреченнымъ Его милосердіемъ и любовію, прославляй имя Его сладчайшее предъ всѣми. Ради Его имени люби враги твоя, добро твори ненавидящимъ тебе, благослови клянущія тя; ради Его имени просящему у тебя дай; ради Его имени алчущаго напитай, жаждущаго напой, нагаго одѣй, страннаго введи въ домъ, болящему послужи, въ темницѣ сѣдящаго посѣти, печальнаго утѣшь, страждущему сострадай; ради Его имени всякія бѣды съ охотою и благодарнымъ сердцемъ претерпи, да при томъ и берегись Его прогнѣвлять, но во всемъ тщися ему угождать: угождать будешь, когда заповѣди Его съ любовію будешь исполнять.“(*) Подобный же учительно—наставительный характеръ заключаютъ въ себѣ его «краткія нравоучительныя слова», которыя онъ писалъ въ Задонскѣ, но не произносилъ самъ съ церковной каѳедры. Только въ этихъ словахъ св. Тихонъ, раскрывая ученіе о какомъ нибудь предметѣ не самъ дѣлаетъ выводы, а приглашаетъ своихъ слушателей къ самоиспытанію, и заставляетъ

(*) Соч. преосв. Тихона т. III стр. 1—19. Изд. 1825 г.

ихъ самихъ вывести заключеніе изъ ученія вѣры. Въ словѣ „о испытаніи себе самаго“ св. Тихонъ указываетъ на главные догматы христіанской вѣры и объясняетъ, что только исповѣдующіе эти догматы могутъ назваться истинными христіанами. За тѣмъ обращается къ слушателямъ и приглашаетъ ихъ самихъ осмотрѣться и испытать себя, точно ли они христіане. Въ облегченіе слушателей онъ предлагаетъ нѣсколько частныхъ вопросовъ, на которые они должны дать отвѣтъ, чтобы рѣшить, истинные они христіане или нѣтъ. „Имѣемъ ли внутри себе истинное христіанство, творимъ ли дѣла сообразныя вѣрѣ, распяли ли плоть свою со страстьми и похотьми?.. Сія и прочая разсмотримъ и осмотримся, како живемъ, како обращаемся, како мыслимъ, како говоримъ, како дѣлаемъ, каковымъ сердцемъ предъ Богомъ вся видящимъ обращаемся, и каковымъ другъ съ другомъ обходимся, и тако разсмотрѣвше исправимъ себе, да не только именемъ, но и истинною будемъ христіане“.(*) Такимъ же путемъ ведетъ проповѣдникъ свою паству къ самопознанію и въ другихъ нравоучительныхъ словахъ. Говоритъ онъ, напр., о таинствѣ крещенія, его силѣ, дѣйствіи и плодахъ, совѣтуетъ слушателямъ осмотрѣться, „достойно ли они живутъ святаго крещенія, чтобы то самое крещеніе не было въ осужденіе въ день страшнаго суда Христова, гдѣ судится всякое дѣло и помышленіе законопреступное.... показываютъ ли они плоды новаго рожденія, живутъ ли такъ, какъ требуетъ новое рожденіе.“(**) Вотъ какимъ разумнымъ путемъ велъ св. Тихонъ своихъ слушателей къ нравственному усовершенствованію; онъ не сообщалъ имъ только требованій христіанства; но заставлялъ ихъ самихъ поразмыслить о значеніи этихъ требованій, облегчая самое размышленіе. Его безконечною любовію и снисходительностію къ своей слабой въ нравственномъ отношеніи и необразованной паствѣ объясняется и то, что онъ не рѣдко нравственныя правила раскрывалъ примѣнительно къ различнымъ сословіямъ и состояніямъ. Такъ въ словѣ на освѣщеніе храма во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ городѣ Воронежѣ, онъ такъ изла-

(*) Т. III стр. 171—173.
(**) Т. III стр. 176, 185.

гаетъ наставленія о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ: «мужичекъ пахарь! перестань думать о земледѣліи, выбрось изъ головы твоей сѣнокосъ, не броди мыслями по полямъ, по степямъ, по лѣсамъ, по хуторамъ; не на то ты мѣсто пришелъ: «мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть.» Купецъ! не торгуйся здѣ, не уговаривайся о цѣнѣ, не пекись о продажѣ, выбрось изъ головы твоей лавки, торгъ, товаръ; не купли мѣсто здѣ, здѣ ни купуютъ, ни продаютъ: «мѣсто бо на немъ же стоиши земля свята есть.» Воинъ! не помышляй о ружьѣ, о брани, о побѣдѣ здѣ, не приготовляй къ сраженію себе, не готовься на корабль; не брани мѣсто здѣ... Подъячій и секретарь! не пекися о дѣлѣ твоемъ, не слагай опредѣленій, не заготовляй промеморій, не пиши допросовъ; не тое мѣсто здѣ... А судія здѣсь не суди, ибо нечего здѣсь судить, нѣтъ здѣсь ссоръ, никто здѣсь не челобитчикъ; не судебное мѣсто сіе: «мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть.“(*) Въ словѣ о страшномъ судѣ проповѣдникъ также обращается къ разнымъ грѣшникамъ и должностнымъ лицамъ, не добросовѣстно исполнявшимъ свои обязанности, и картинно изображаетъ судъ Божій надъ каж-каждымъ изъ нихъ. „Блуднику и всякому сквернителю представятся на судѣ вси скверныя его мечтанія, слова, взоры и дѣла... Злобному представится, кого и чѣмъ повредилъ, когда и кому ядомъ растворенную чашу подалъ, кого и предъ кѣмъ клеветою обезславилъ. Беззаконному купцу покажется, какіе товары безсовѣстно продавалъ и людей обманывалъ, какія гнилыя вещи за здоровыя и дешевыя за дорогія продавалъ, сколько воды въ вино мѣшалъ. Лукавецъ и льстецъ увидитъ вси коварные свои замыслы предъ собою положенные, и обличится, когда, кого и чѣмъ обманывалъ и прельщалъ, и кому льстилъ языкомъ своимъ. Хульнику и ругателю представятся всѣ хулы его, которыя онъ на Бога своего Создателя, и на святыхъ угодниковъ Его отрыгалъ. Начальнику нечестивому представится нерадѣніе его о подначальныхъ, насилія, озлобленія людей, ему порученныхъ. Пастырю нерадивому покажется небреженіе его о стадѣ Христовомъ и прочіе его грѣхи. Судія мздоимецъ увидитъ клят-

---

Т. Ш стр. 309--310.

вы и присяги преступленіе и попраніе правды Суда Божія и прочія беззаконія, предъ собою положенныя. Родитель небрежливый увидитъ нерадѣніе свое о воспитаніи дѣтей своихъ. Господину беззаконному представятся всѣ его наглости, насилія и озлобленія, которыя онъ рабамъ своимъ показывалъ, и ихъ или безчеловѣчно мучилъ, или несносными работами обременялъ.... Представятся и вамъ, міролюбцы и прихотливцы, представятся вамъ банкеты ваши, оперы ваши, пиршества ваши, маскарады ваши, танцы ваши, картежныя игры ваши, собачья охота ваша, и прочія ваши забавы, яко вы отвратили сердце ваше отъ Бога, котораго исповѣдывали, и не къ Богу и царствію Его, но къ прелести міра желаніе свое обращали, и въ томъ утѣшеніе и веселіе свое находили. Картина поразительная. Здѣсь разобранъ каждый съ своими пороками и ни чье сердце не могло успокоиться мыслію, что это не меня разумѣютъ, а потому сердце каждаго должно было содрогнуться въ предчувствіи будущаго суда.

Обличительныя проповѣди Тихона Воронежскаго представляютъ намъ полную и живую картину религіозно-нравственнаго состоянія современнаго проповѣднику воронежскаго общества, какъ высшаго, такъ и низшаго. Всѣ пороки, которые проповѣдникъ обличаетъ преимущественно въ высшемъ и среднемъ обществѣ указаны въ приведенной выше картинѣ страшнаго суда. Здѣсь мы представимъ нѣкоторыя выдержки изъ его обличительныхъ проповѣдей только для того, чтобы видѣть самый характеръ его обличеній, его глубокую скорбь, теплоту и задушевность его слова. Въ словѣ изъ текста: „Блюдите, како опасно ходите."—Ефес. 5, 15, проповѣдникъ, высказавъ мысль, что Богъ наказываетъ даже друговъ своихъ за малое преступленіе, какъ, напр., наказалъ Моисея „за нѣкоторое преступленіе" и не допустилъ его до земли обѣтованной, обращается къ современникамъ съ слѣдующими словами: „Вы безстрашно и явно противу Божія закона дерзающіи, что думаете; вы, которые чуждаго ложа беззаконно касаетеся; вы, которые кровь братнюю проливаете; вы, которые кровавыя слезы вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ пьете; вы, которые хульными устами на небесномъ тронѣ сѣдящаго касаетеся, что вы о себѣ думаете; думаете

ли, что убѣжите праведнаго суда Божія?“(*) Въ словѣ о «хищеніи», проповѣдникъ обличаетъ картежниковъ, судей и приказныхъ. Онъ доказываетъ, что картежникъ такой же хищникъ, какъ и всякій другой. «Спроси всякаго картежника, ради чего онъ начинаетъ играть; не для того ли, чтобы чужимъ добромъ покорыстоваться, чтобъ ближняго добро присвоить; а когда такъ, то и занято сердце его страстію хищенія».(**) Въ словѣ на Введеніе Пресвятыя Богородицы, св. Тихонъ обличаетъ пьянство. „Скаредный и вредительнѣйшій порокъ есть пьянство, многихъ золъ тѣлесныхъ и душевныхъ виновное. Тѣло лишаетъ естественныя крѣпости и всякимъ болѣзнямъ подвергаетъ; душу ни что такъ, какъ пьянство, не погубляетъ. Отъ пьянства ссоры, драки, сквернословія, кличи безчинные, богомерзкія пѣсни, разженія плотская, студная плотоугодія и прочіе соблазны происходятъ.“(***) Въ рѣдкой проповѣди изъ говоренныхъ самимъ проповѣдникомъ воронежской паствѣ не касается онъ разныхъ пороковъ и заблужденій своей паствы. Но обличая пороки и угрожая за это гнѣвомъ Божіимъ, св. Тихонъ, какъ любвеобильный отецъ, не лишаетъ свою паству и надежды на помилованіе Божіе, подъ условіемъ исправленія. Какъ на средства для исправленія онъ указываетъ на покаяніе, на постоянное памятованіе о смерти и на страшный судъ, а также на добрыя дѣла. „Вотъ тебѣ средство и способъ, хищниче, которымъ ты отъ грозящаго тебѣ вѣчнаго несчастія избавленъ быть можешь. Разсѣки истиннымъ покаяніемъ узелъ грѣховъ твоихъ. Отдай всѣмъ все, у кого ты неправедно что присвоилъ. Лучше есть убогу и нищему въ царствіе небесное внити, нежели богату страдати въ пламени геенскомъ. Надобно будетъ всякому попрощаться съ вотчинами, которыя какимъ нибудь неправеднымъ способомъ себѣ присвоилъ; надобно оставить тѣ отягощенные сундуки, которые отъ слезъ братіи своей наполнилъ; надобно совлещись тѣхъ виссоновъ, которые изъ неправды сшилъ, едина только срачица, ради прикрытія наготы, единъ гробъ, едины три аршина земли нужны будутъ. О семъ всегда помыш-

(*) Т. III, стр. 75—76.
(**) — стр. 128.
(***) — стр. 138.

ляй, думай и старайся. А когда теперь о томъ не попечешься и не ускоришь, то будетъ время, когда и пожалѣешь, и сокрушишься, и восплачешь, да безъ пользы, то есть, когда время покаянію пройдетъ.“(*)

Изъ обличительныхъ словъ Тихона Воронежскаго, обращенныхъ къ народу, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія: „Увѣщаніе жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называвшагося «Ярило» и «о сырной седмицѣ». Въ Воронежѣ изстари праздновался языческій праздникъ, называвшійся „Ярило.“ Онъ начинался ежегодно въ среду или пятокъ по сошествіи Св. Духа и оканчивался въ понедѣльникъ Петрова поста. Въ эти дни весь городской, а также и сельскій окрестный народъ съѣзжался на прежде бывшую за старыми московскими воротами въ Воронежѣ площадь и составлялъ родъ ярмарки. На площади избирался міромъ человѣкъ, котораго обвязывали всякими цвѣтами и лентами и обвѣшивали колокольчиками. На голову надѣвали ему высокій бумажный, съ пѣтушинымъ султаномъ, колпакъ, который раскрашивался фантастическими изображеніями и обвязывался лентами; лице его чернили или наводили румянами, въ руки ему давали разныя побрякушки и колотушку.

Въ такомъ шутовскомъ нарядѣ онъ ходилъ и плясалъ, подъ именемъ Ярилы, на площади, въ сопровожденіи народа обоего пола. Онъ былъ средоточіемъ соблазнительныхъ игръ.(**) Въ 1765 году съ 25 мая началось такое же торжество на воронежской площади. Нѣкоторые благонравные граждане увѣдомили объ этомъ своего пастыря, святителя Тихона. Обезпокоенный такимъ извѣстіемъ святитель пять дней ничего не предпринималъ; но 30 мая, въ послѣдній и самый азартный день праздника преосв. Тихонъ пріѣхалъ на площадь и увидалъ „множество мужей и женъ, старыхъ и молодыхъ и малыхъ дѣтей. Одни изъ нихъ были безчувственно пьяны; другіе ссорились, иные дрались и между ними мно-

---

(*) Т. III, стр. 133.

(**) Думаютъ, что Ярило—представлялъ Перуна—бога громовника, какъ оплодотворителя природы. Корень яр совмѣщаетъ въ себѣ понятія, неразлучныя съ представленіемъ весны и ея грозовыхъ явленій—понятія свѣта, теплоты, юной стремительной силы, любовной страсти и плодородія.

го раненыхъ и окровавленныхъ; замѣтилъ онъ плясанія женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями“ и проч.

Онъ въѣхалъ въ средину безчинствующей толпы и началъ обличительно—трогательное слово къ народу. Одушевляемый пастырскою ревностію, онъ обличалъ, умолялъ, совѣтовалъ, и потомъ съ угрозою отлучить отъ церкви, приказалъ прекратить игрище. Многіе отъ стыда разбѣжались по домамъ, другіе сгорали отъ угрызеній совѣсти. Наконецъ, по его приказанію, разрушены были игрищные и торжищные палатки. На другой день онъ созвалъ къ себѣ въ загородный домъ все городское духовенство и лучшихъ гражданъ. Онъ доказывалъ имъ безобразіе праздника; умолялъ оставить его на всегда и получилъ отъ нихъ обѣщаніе. Въ слѣдующій воскресный день въ Благовѣщенскомъ соборѣ, при всеобщемъ собраніи народа, онъ сказалъ свое увѣщаніе противъ праздника Ярилы въ третій разъ. Здѣсь онъ описалъ безчинства праздника и прибавилъ, что христіанамъ неприлично праздновать такой праздникъ уже потому, что онъ соединенъ съ богомерзкими дѣлами: пьянствомъ, плясками, играми, безчинными играми, воплями богомерзкими, сквернословіемъ, ссорою, дракою и проч. Кромѣ того праздникъ этотъ есть праздникъ языческій и бѣсовскій; поэтому онъ христіанамъ неприличенъ. Чрезъ сравненіе съ плѣненіемъ израильскимъ, описаннымъ у Іереміи (Плач. 9 и 5), живо и съ глубокою скорбію описываетъ порабощеніе чрезъ этотъ праздникъ душъ христіанскихъ отъ діавола. Потомъ съ отеческимъ увѣщаніемъ обращается къ священникамъ, судіямъ, господамъ командующимъ, къ честнымъ отцамъ и матерямъ; господамъ вотчинникамъ, къ гражданамъ, украшеннымъ честною сѣдиною и непорочнымъ житіемъ и проситъ всѣхъ не допускать впередъ не христіанскихъ игрищъ. „Въ сей горести и болѣзни сердца обращаю мое слово ко всѣмъ живущимъ въ градѣ семъ, и съ плачемъ молю истребите зло сіе изъ среды васъ.“ Послѣ этого онъ опровергаетъ то извиненіе, что этотъ праздникъ не новый, а давно существующій у народа и въ заключеніе увѣщеваетъ предать этотъ праздникъ забвенію; «потому что имъ имя Христово хулится, вѣра порочится и безчестится, городъ обезславливается и терпитъ укоризну пастырь церкви». «Ахъ беззаконный праздникъ! о студное имя Ярило, мерзкое имя Ярило, гнустное

имя Ярило, слуха цѣломудреннаго недостойное имя Ярило! О, когда бы и не слыхивать имени того! Разрушьте, молю и прошу, разрушьте сонмище сіе; не попускайте впредь быть сему беззаконному собранію. Предайте забвенію праздники сіи; а за то, что благость Господа доселѣ беззаконными сими праздниками прогнѣвляли, покайтеся, жалѣйте и къ благоутробію Его съ сокрушеніемъ сердца и со слезами прибѣгните. Онъ, какъ Отецъ многомилостивый, кающихся пріиметъ васъ и грѣхи ваша вамъ оставитъ и помилуетъ по велицей Своей милости.(*)

Всѣ присутствующіе въ церкви рыдали и рыданіями заглушали слово святителя. Многіе изъ гражданъ потомъ приходили къ святителю Тихону и просили у него прощенія. Безчинный праздникъ на всегда оставленъ въ Воронежѣ. Такое же дѣйствіе имѣло, сказанное имъ въ томъ же году, слово о пресѣченіи безчинствъ, бывавшихъ «въ сырную седмицу». Въ этомъ словѣ онъ говоритъ сначала о своихъ обязанностяхъ обличать безпорядки въ христіанахъ; потомъ просто, но картинно описываетъ народное масляничное торжество: «варятъ пива, меды, покупаютъ вино. Украшаются въ лучшее платье; женщины портятъ свое лице различными красками; приготовляютъ богатое кушанье: пироги, конфекты и всякія закуски, которыми украшаютъ столы. Зовутъ другъ друга въ гости: тутъ слѣдуетъ испраздненіе бутылокъ, стаканы и бокалы никогда не изсыхаютъ. Не держится зло между стѣнами, не сокрывается въ людяхъ: выходитъ на публику, является по улицамъ, по стоганамъ, дорогамъ и бываетъ зло соблазнами. Тогда непрестанное на конехъ ристаніе; тутъ возносятся кличи, пѣсни, а индѣ кулачные бои произносятся, индѣ драки, брани, сквернословія слышатся». Объяснивъ, для чего установлена церковію сырная седмица, проповѣдникъ обличаетъ христіанъ, празднующихъ безчинно эту седмицу, сравниваетъ ихъ празднованіе съ языческими вакханаліями, въ честь бога Вакха (Діонисія) изобрѣтателя вина. Напоминаетъ читанное въ мясопустную недѣлю Евангеліе о страшномъ судѣ и разительнымъ образомъ описываетъ самый судъ; описываетъ паденіе праотцевъ и заклю-

(*] Т. III, стр. 322 и слѣд.

чаетъ слово отеческими увѣщаніями провождать сырную седмицу, сообразно уставамъ церкви.(*)

Проповѣди св. Тихона являются въ различныхъ формахъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ форму словъ, въ которыхъ предметъ раскрывается съ достаточною полнотою и мысли излагаются въ строгомъ порядкѣ. Такой характеръ имѣютъ проповѣди, произнесенныя воронежской паствѣ. Другія проповѣди, писанныя святителемъ Тихономъ въ Задонскѣ имѣютъ форму бесѣдъ и краткихъ наставленій. Нравоученія въ проповѣдяхъ Тихона краснорѣчивы, назидательны и трогательны. Слогъ простой и ясный. Иногда проповѣдникъ, чтобы сдѣлать свою рѣчь болѣе наглядною и осязательною, раскрываетъ истину примѣрами, сравненіями и сопоставленіями, употребляетъ такія доказательства, которыя могутъ быть убѣдительны даже для чувственныхъ сердецъ его слушателей. «Представьте человѣка, говоритъ св. отецъ Тихонъ въ словѣ изъ текста: «Блюдите, како опасно ходите». Еф. V, 15, который бы, возсѣдая на преукрашенномъ престолѣ, имѣя въ рукахъ всѣ удовольствія, въ то же время видѣлъ подъ собою пламенѣющій огонь, надъ головою простертый мечъ, повѣшенный на самой тончайшей ниткѣ, и со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ вооруженными врагами. Разсудите слушатели! Среди такихъ опасностей, среди ужаса, всѣ удовольствія и утѣхи доставятъ ли спокойствіе человѣку? Отвсюду грозитъ ему смерть: сверху смерть, снизу смерть, со всѣхъ сторонъ смерть! опасность и страхъ не подавятъ ли всякое чувство удовольствія?—Когда раскроемъ умственныя очи наши, слушатели, и внимательно всмотримся въ обстоятельства нашей жизни, то непремѣнно найдемъ близкое сходство съ состояніемъ вышеизображеннаго человѣка, и никакая красота міра сего не можетъ прельстить и увеселить насъ. Увидимъ надъ собою Бога, претящаго намъ мечемъ правды; увидимъ подъ собою ровъ адскій, уготованный грѣшникамъ; увидимъ созади грѣхи наши, непрестанно мучащіе насъ чрезъ совѣсть; увидимъ предъ собою смерть, непрестанно къ намъ приближающуюся; увидимъ по правую и по лѣвую сторону враговъ душъ нашихъ, которые строятъ намъ

[*] Т. III 46.

козни и ищутъ погибели».(*) Въ словѣ о любви къ Богу, св. Тихонъ говоритъ: „истинный другъ въ несчастіи познается. Тотъ намъ истинный другъ и любитель, который въ несчастіи насъ не оставляетъ. Такъ и истиннымъ любителемъ Христа можетъ назваться только тотъ, который и здѣсь въ мірѣ со Христомъ пребываетъ, Ему сердцемъ прилѣпляется, и Крестъ съ Нимъ безропотно претерпѣваетъ и съ Нимъ въ будущемъ вѣкѣ не разлучно быть желаетъ; а „иже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, говоритъ Спаситель, нѣсть Мене достоинъ. Мѳ. гл. 10, ст. 38.(**) Указывая на побужденія любить Бога, проповѣдникъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на такое, которое могло быть убѣдительнымъ даже для грубаго, чувственнаго сердца. «Какъ намъ не любить Бога? Богъ любитъ насъ и любовь Свою къ намъ выражаетъ въ различныхъ благодѣяніяхъ; должны и мы любить Его; потому что за любовь ничѣмъ инымъ, какъ любовію и благодарностію воздается."(***)

По внутреннимъ качествамъ слово святителя Тихона можетъ служить образцемъ глубоко-трогательнаго и убѣдительнаго краснорѣчія, предъ которымъ падали въ прахъ и разрушались такія исконныя суевѣрія и застарѣлые остатки языческихъ празднествъ и буйныхъ потѣхъ, каковъ былъ праздникъ въ честь Ярилы. Слова его запечатлѣны высокимъ даромъ благодатнаго помазанія и могутъ служить назидательнымъ и плодотворнымъ чтеніемъ для русскаго православнаго народа вообще и однимъ изъ лучшихъ пособій для служителей алтаря въ дѣлѣ проповѣди слова Божія въ разныхъ случаяхъ жизни, потому что это богатѣйшій источникъ нравственно-религіозныхъ уроковъ и душеполезныхъ наставленій, исходившихъ изъ глубоко любящаго и скорбящаго о своей паствѣ сердца пастыря.

(*) Т. Ш 75.
(**) Т. 10 стр. 275.
(***) Стр. 270.

Платонъ, митрополитъ Московскій.

Жизнь митр. Платона; его духовныя качества и стремленія. Проповѣдническіе труды Платона: а] катихизическія поученія; задача ихъ; б) поучительныя слова, ихъ направленіе, въ связи съ обстоятельствами тогдашняго времени; взглядъ Платона на воспитаніе; в) рѣчи привѣтственныя и надгробныя. Характеръ тѣхъ и другихъ.—Внѣшнія качества проповѣдей Платона и вліяніе ихъ на современниковъ.

Лучшимъ представителемъ нравственнаго направленія въ проповѣди былъ Платонъ, митрополитъ Московскій. Въ мірѣ имя его было Петръ. Родился онъ въ 1737 году, въ селѣ Чашниковѣ, что на большой петербургской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Отцемъ его былъ причетникъ, а воспріемникомъ—крестьянинъ. Родители его были люди благоразумные, разсудительные, набожные, а вмѣстѣ съ тѣмъ простосердечные и откровенные. Всѣ эти свойства родителей переданы были и сыну. Послѣ домашняго обученія, Петръ Даниловъ отданъ былъ въ коломенскую семинарію, а оттуда, по просьбѣ отца, который уже былъ московскимъ священникомъ, онъ переведенъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію, гдѣ принялъ фамилію Левшина. Кромѣ предметовъ обязательныхъ, входившихъ въ программу курса славяно-греко-латинской академіи, Левшинъ занимался и другими необязательными предметами: географіею, исторіею; много читалъ, а нѣкоторыхъ классиковъ даже выучивалъ наизустъ. За два года до окончанія четырехъ лѣтняго курса Богословія, Левшинъ, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, былъ сдѣланъ учителемъ піитическаго класса въ московской академіи. Въ духовной академіи, почти съ самаго основанія ея, былъ установленъ обычай говорить послѣ обѣдни одному изъ двухъ очередныхъ проповѣдниковъ катихизическое поученіе. На это поприще вступилъ и Левшинъ. Обладая внѣшними и внутренними качествами витіи, Левшинъ умѣлъ заслужить всеобщее удивленіе и любовь, и даже успѣлъ возбудить сочувствіе и восторгъ въ Москвѣ, гдѣ его называли: то *вторымъ Златоустомъ*, то *Московскимъ Апостоломъ*. Нѣкоторые изъ его слушателей приводили къ каѳедрѣ дѣтей своихъ съ тѣмъ, чтобъ они такого учителя слушали и помнили; многіе добивались его знакомства и почитали себѣ за счастіе посѣщеніе его, стараясь на перерывъ оказать ему свое усердіе и уваженіе. Это время жизни своей онъ всегда почи-

талъ счастливѣйшимъ. Уже оканчивался годъ толкованію Левшинымъ катихизиса, какъ неожиданно онъ получилъ изъ С.-Петербурга отъ придворнаго проповѣдника, знаменитаго Гедеона Криновскаго, архимандрита троицкія лавры, приглашеніе въ учители риторики въ троицкую семинарію, а вслѣдъ за тѣмъ и указъ Св. Синода, утверждающій его въ этой должности. Левшинъ долженъ былъ разстаться съ Москвою и отправиться въ троицко-сергіеву лавру 19-го іюня 1758 года. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Гедеона письмо, въ которомъ тотъ предлагаетъ ему принять „монашескій образъ.“ Несмотря на склонность и приготовленіе свое къ монашеству, Петръ Егоровичъ Левшинъ не могъ не поколебаться духомъ, взволнованнымъ мыслію о трудности и важности принимаемыхъ имъ на себя обѣтовъ. Всю ночь онъ провелъ въ борьбѣ съ самимъ собою, и наконецъ рѣшился принять образъ иноческій съ именемъ Платона.

Спокойный духомъ, довольный своимъ состояніемъ, юный инокъ жилъ въ любимомъ уединеніи, проходя учительскую и катихизаторскую должность. Пять лѣтъ своего учительства въ троицкой семинаріи Платонъ почиталъ счастливѣйшими въ своей жизни. Въ 1759 г. онъ былъ посвященъ въ іеромонаха и сдѣланъ префектомъ семинаріи, въ 1761 занялъ мѣсто ректора. Въ 1764 году 22 сентября, когда Императрица Екатерина, послѣ коронаціи своей, прибыла въ обитель преподобнаго Сергія, то Платонъ встрѣтилъ ее торжественнымъ словомъ, въ которомъ поздравлялъ и благодарилъ ее за посѣщеніе. Во время другаго посѣщенія Императрицею Троицкой Лавры, Платонъ, который былъ уже намѣстникомъ Лавры, снова привѣтствовалъ ее рѣчью; а на другой день, въ присутствіи Государыни, сказалъ проповѣдь „о пользѣ благочестія“ (*), представивъ самую Императрицу примѣромъ сей основы всѣхъ добродѣтелей. И проповѣдь и проповѣдникъ столько ей понравились, что послѣ она изъявила ему свое благоволеніе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; слово его тогда же велѣла напечатать, а его удостоила пригласить къ обѣденному столу своему, что обнаружило особенное вниманіе Государыни и высокую милость для под-

(*) Т. I. стр. 9. изд. 1780

даннаго монаха. Вскорѣ, послѣ этого обстоятельства, Платонъ былъ приглашенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ учители Богословія къ наслѣднику престола Павлу Петровичу; онъ оправдалъ свое высокое назначеніе. Занимаясь воспитаніемъ и обученіемъ своего питомца въ духѣ благочестія, Платонъ въ то же время постоянно проповѣдывалъ въ придворной церкви, удивляя всѣхъ талантомъ своего краснорѣчія и вызывая не рѣдко слезы умиленія въ самой Императрицѣ. Кромѣ этого на него возлагались и другія не легкія обязанности, которыя онъ исполнялъ всегда съ честію: онъ просматривалъ въ числѣ другихъ «Наказъ» для Коммиссіи Уложенія, составленный самою Императрицею; написалъ, по порученію Св. Синода, „Увѣщаніе раскольникамъ,“ которые въ самоубійствѣ искали мнимой славы мученичества и это увѣщаніе нашло себѣ доступъ къ сердцамъ многихъ, желавшихъ познать истину.

За успѣшное и ревностное исполненіе возложенныхъ должностей, Іеромонахъ Платонъ, по Именному повелѣнію, посвященъ былъ въ архимандрита троицкой лавры.

Дворъ для Платона былъ новымъ училищемъ, гдѣ онъ почерпнулъ важныя для проповѣдника познанія о свѣтѣ и людяхъ, замѣтныя въ его проповѣдяхъ. Тамъ онъ окруженъ былъ разными людьми, особенно учеными иностранцами, съ которыми любилъ бесѣдовать для пользы испытательнаго ума своего. Вредъ проникшаго тогда въ Россію ученія энциклопедистовъ онъ первый понялъ и въ письмѣ графу Остерману, между прочимъ, сказалъ: „Вновь проникшія философскія правила, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всеприлежной осторожности.“

На 30 году своей жизни Платонъ наименованъ былъ членомъ Св. Синода, въ 1770 г. нареченъ архіепископомъ тверскимъ съ оставленіемъ за нимъ званія архимандрита троицкой лавры. Въ 1775 г. онъ былъ переведенъ въ московскую епархію. Тяжело было Платону разстаться съ тверскою епархіей, составлявшею предметъ его попеченій; онъ сокрушался душею и горько плакалъ. Къ его прискорбію объ этой разлукѣ присоединился страхъ—вступить на іерархическій престолъ, обагренный кровію Амвросія, который сдѣлался жертвою своей сильной ревности по истинѣ, въ борьбѣ

съ суевѣріемъ, предразсудками и злоупотребленіями; также извѣстно было разстройство дѣлъ епархіальныхъ въ многолюдной столицѣ. Все это заставило Платона просить Императрицу объ увольненіи его отъ московской епархіи; но Государыня возвратила эту просьбу съ собственноручною надписью: «Держусь моего указа». Занимаясь въ Москвѣ устройствомъ дѣлъ епархіальныхъ и учебныхъ, какъ директоръ славяно-греко латинской академіи, Платонъ исполнялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разныя порученія Императрицы Екатерины II. Такъ онъ пересматривалъ напечатанныя въ типографіи извѣстнаго масона Новикова книги и далъ о нихъ Императрицѣ свой отзывъ. Безъ его „цензуры и аппробаціи“ ни одно сочиненіе Волтера не печаталось, продолжалъ бороться съ раскольниками. За всѣ труды и заслуги свои Платонъ въ одномъ 1775 году получилъ 20 Высочайшихъ наградъ, которыя всѣ записаны въ его памятной книжкѣ. Утомленный дѣлами, Платонъ нѣсколько разъ просилъ Императрицу и великаго князя уволить его отъ епархіи и дозволить жить въ Троицкой лаврѣ на покоѣ; но просьба не исполнялась и Императрица на его просьбу отвѣтила, что онъ и безъ увольненія можетъ быть свободнымъ и предоставила его волѣ пребываніе въ троицкой лаврѣ, а управленіе епархіею предоставить викарію. Между тѣмъ какъ Платонъ озабоченъ былъ устроеніемъ себѣ временнаго и вѣчнаго пріюта, въ 1787 году, во время Божественной литургіи въ большомъ московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ присутствовала Государыня съ двумя своими внуками, Платонъ былъ провозглашенъ митрополитомъ московскимъ. Живя въ лаврѣ митрополитъ Платонъ не переставалъ заниматься важнѣйшими дѣлами по епархіи; не пропускалъ случая и проповѣдывать, поражая словомъ буйное невѣріе и своеволіе, заражавшее тогда умы современниковъ. Такъ жилъ Платонъ во время царствованія Павла и частію Благословеннаго Александра. Короновалъ послѣдняго; при короновании перваго только участвовалъ, по случаю болѣзни. Сказалъ, при коронованіи Благословеннаго знаменитую рѣчь, которая, по Высочайшему повелѣнію, была переведена на языки: латинскій, греческій, италіанскій, французскій и нѣмецкій и которую прочла вся Европа. Остатокъ своей жизни онъ провелъ частію въ путешествіи по Россіи; частію въ келейной жизни на Перервѣ, занимаясь обработываніемъ сада и ведя самую простую жизнь. Но при всемъ

томъ онъ не переставалъ заботиться о благѣ отечества, скорбѣлъ душей о постигшемъ Россію несчастіи, велъ съ Государемъ переписку, въ которой съ честною смѣлостію высказывалъ свои взгляды на тильзитскій миръ съ Франціей и находилъ нужнымъ войну съ французами. Въ 1811 году митрополитъ Платонъ былъ уволенъ отъ епархіи; но онъ доживалъ послѣдній годъ своей жизни, годъ тяжелый для всей Россіи и также для него. Онъ постоянно скорбѣлъ и плакалъ о несчастіи народномъ и, когда 11 октября 1812 года получилъ извѣстіе объ изгнаніи враговъ изъ древней столицы, отъ радости заплакалъ и перекрестясь сказалъ: «Слава Богу, Москва свободна и я умру теперь спокойно». 12 ноября онъ скончался. Такова была многотрудная и многоплодная жизнь Платона, митрополита Московскаго!

Въ добавленіе этого очерка жизни Платона скажемъ нѣсколько словъ о его духовныхъ качествахъ и стремленіяхъ, которыя отразились какъ на всей его дѣятельности, такъ и на дѣятельности проповѣднической. Главная добродѣтель, которая освѣщала всю его жизнь и дѣятельность—было благочестіе и набожность. Воспитанный отъ младенчества на этихъ твердыхъ правилахъ, онъ всю жизнь свою былъ вѣренъ апостольскому православію безъ примѣси суемудрія и во всю жизнь былъ проповѣдникомъ истиннаго благочестія и блюстителемъ чистоты вѣры. Смѣло опровергая вольнодумство и кощунство, возставалъ противъ суевѣрія и ханжества, полагая, что «ничѣмъ столько не унижается истина вѣры, какъ примѣсью лжей суевѣрныхъ», внутреннюю же свою набожность, сколько возможно, скрывалъ, дабы она извѣстна была единому сердцевѣдцу, вѣруя, что „во всѣхъ искушеніяхъ и превратностяхъ ничто столь человѣка не можетъ утѣшить, какъ простое и чистосердечное упражненіе въ благочестіи.“ При Богослуженіи онъ былъ примѣромъ благочестія: самъ читывалъ на первой недѣли кононъ покаянный, нерѣдко пареміи въ великую субботу каѳизмы за всенощною и утренею, часы и апостолы за обѣднею; часто пѣвалъ съ монахами на клиросѣ. Почти всякій разъ при пѣніи Символа Вѣры и молитвы Господней заливался слезами отъ душевнаго умиленія. Столь глубоко проникнутъ былъ его духъ священными и высокими истинами христіанскаго исповѣданія и молитвы Спасителя.(*)

(*) Жизнь митр. Платона Н. М. Снегирева.

Памятникомъ церковнаго краснорѣчія Платона служатъ катихизическія поученія, проповѣди поучительныя, привѣтственныя и надгробныя рѣчи, которыя, вмѣстѣ съ другими его разными сочиненіями, составляютъ двадцать томовъ.

Катихизическая дѣятельность Платона относится къ самому раннему періоду его жизни, когда онъ былъ учителемъ піитики въ московской славяно-греко-латинской академіи. Дѣятельность эта была непродолжительна, (съ сентября 1757 по 15 іюля 1758 года), но чрезвычайно плодотворна, какъ мы уже имѣли случай замѣтить при описаніи его жизни. Въ катихизическихъ поученіяхъ онъ раскрываетъ всю полноту догматическаго православнаго ученія, поучая вѣрныхъ и предостерегая ихъ отъ господствующихъ тогда лжеученій. Во вступительномъ словѣ своемъ къ поученіямъ Платонъ самъ опредѣляетъ двоякую задачу своихъ поученій. «Хотя я еще молодъ, но промыслу Божію угодно, чтобы я на сѣдалищѣ старцевъ сидѣлъ, возвѣщалъ имя Господне братіи моей, и посредѣ церкви воспѣвалъ Его». „Таинства, открывшіяся намъ вѣрою Христовою, плотскому міру кажутся или безуміемъ, или за соръ вмѣняются, или, по крайней мѣрѣ, за такое, что не согласно съ ихъ собственными понятіями и не нравится имъ“.... „Говорятъ, будто бы смерть Христова для насъ не полезна, будто бы заслуги Христовы не дѣйствительны, будто бы инаго намъ надобно искать Искупителя. Намъ сіе не только что принять, но и анаѳемою съ Павломъ отразить будетъ надобно. Намъ смерть Іисусова есть первая похвала и мы паче египетскихъ сокровищъ почитаемъ поношеніе Христово.“ (*).

Порядокъ изложенія предметовъ въ катихизическихъ поученіяхъ Платона слѣдуетъ порядку членовъ символа вѣры; но прежде изъясненія символа, онъ рѣшаетъ нѣкоторые общіе вопросы о церкви, какъ религіозномъ единеніи людей, излагаетъ ученіе церкви о христіанскихъ догматахъ, опредѣляетъ, что такое катихизизъ, почему его нужно знать и въ заключеніе рисуетъ картину состоянія человѣка прежде паденія,—состояніе грѣховное послѣ паденія, говоритъ объ избавленіи рода человѣческаго отъ грѣховнаго состоянія чрезъ

(*) Т. 8, стр. 3—8,

Христа, о нашемъ оправданіи чрезъ вѣру, о договорѣ, данномъ между Богомъ и человѣкомъ послѣ оправданія.(*) При объясненіи символа вѣры, проповѣдникъ доказываетъ бытіе Божіе противъ нѣкоторыхъ безбожниковъ, которые не признаютъ Бога и говорятъ, что міръ сдѣлался, безъ всякаго художника, изъ первобытной матеріи—Хаоса;—о единствѣ Божіемъ противъ язычниковъ, многобожниковъ и еретиковъ манихеевъ, признающихъ два начала (доброе и злое);—о непостижимости Бога по существу Его и о возможности познать Его свойства, сколько Онъ самъ открылъ о Себѣ въ Своемъ словѣ. Подробно говоритъ проповѣдникъ о свойствахъ Божіихъ и переходитъ къ изложенію ученія о Святой Троицѣ, отвѣчая на вопросъ: какъ Богъ есть единъ, и въ трехъ лицахъ? Изложивъ православное ученіе о Богѣ едином по существу, но троичномъ въ лицахъ, и сдѣлавъ назиданіе слушателямъ, что о Божіихъ вещахъ плотскимъ умомъ разсуждать нельзя, а надобно особое имѣть понятіе, и духовнаго держаться разума, катихизаторъ говоритъ о сотвореніи Богомъ міра, опровергая мнѣніе о вѣчности міра, между прочимъ тѣмъ, что сколько ни есть исторій, нѣтъ ни одной, которая бы выше семи тысячъ лѣтъ восходила. Далѣе излагается ученіе о Промыслѣ Божіемъ и любви Божіей къ намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, опровергается и мнѣніе древнихъ эпикуровъ и новыхъ натуралистовъ, что промысла нѣтъ. Такъ ведетъ свои объясненія катихизаторъ до конца символа, излагая ученіе церкви, низлагая противниковъ этого ученія и дѣлая назиданія слушателямъ.

Въ своихъ поучительныхъ словахъ Платонъ говорилъ болѣе всего о различныхъ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ Богу, къ церкви и къ ближнимъ. Его наставленія касались тѣхъ обязанностей, которымъ должны слѣдовать люди въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; его совѣты, предостерегая добродѣтель отъ претkновеній и соблазновъ, подавали къ достиженію ея благоуспѣшныя средства. Основу для личнаго и общественнаго благополучія онъ поставляетъ единственно въ вѣрѣ въ Бога и добрыхъ дѣлахъ, не придавая почти никакого значенія всякимъ изобрѣтеніямъ ума человѣче-

(*) 2 Кор. гл. 6 ст. 16; гл. 7, ст. 1.

скаго, не просвѣщеннаго свѣтомъ христіанской религіи, невѣрующаго въ духовный міръ и слѣдующаго однимъ законамъ естества. Дѣйствительно, когда невѣріе въ западной Европѣ довело натуралистовъ и атеистовъ до явнаго возстанія противъ добродѣтелей, предписанныхъ словомъ Божіимъ; когда во имя равенства, братства и свободы, подъ предлогомъ возстановленія правъ человѣчества, полились потоки крови человѣческой во Франціи; когда алтарь Христовъ и престолъ Государевъ были низпровергнуты,— тогда проповѣднику необходимо было, главнымъ образомъ раскрывать высоту нравственнаго ученія, вникать въ жизнь человѣческую и разнообразныя ея отношенія, согрѣть невѣрующее сердце къ добру, которое составляетъ цѣль жизни, и такимъ путемъ подавить сѣмена лжемудрованія. Поэтому Платонъ въ своихъ поученіяхъ обличаетъ всѣхъ, кто бѣгаетъ за благами міра сего: ищетъ чести, богатства, патроновъ, удовольствій и т. п., называя все это не прочнымъ, не могущимъ доставить спокойствія душѣ и полное блаженство поставляетъ въ познаніи Бога, любви и въ добродѣтели. «Одна только добродѣтель не оставляетъ любителя своего; она съ нимъ въ морѣ плаваетъ, въ странствованіи путешествуетъ, въ темницѣ утѣшаетъ, ободряетъ въ напастяхъ. Когда другіе волнуются, съ верху въ низъ опровергаются, сокрушаются, добродѣтельный въ тихомъ своемъ пристанищѣ спокоенъ, и въ сладкихъ ея нѣдрахъ опочиваетъ».(*)

Воздавъ хвалу добродѣтели, проповѣдникъ обращается къ своимъ современникамъ и не находитъ въ нихъ этого неоцѣненнаго дара. Главнымъ двигателемъ въ современномъ ему обществѣ былъ эгоизмъ; каждый заботился только о своихъ личныхъ благахъ, не помышляя о нуждахъ ближняго. Безцѣльное накопленіе богатствъ, неправосудіе въ судахъ, недобросовѣстное исполненіе обязанностей, пиры и забавы и совершенное хладнокровіе къ положенію несчастныхъ, —вотъ пороки, которыхъ не касается вождь благочестія въ рѣдкомъ изъ своихъ поученій. „Прошли тѣ златыя времена, въ которыя не было во употребленіи сихъ словъ, „мое да твое,“

(*) Поуч. слов. т. 1 стр. 139—149. Слово въ недѣлю 5 поста изъ текста: „не вѣте чего просите.“ – т. 4, стр. 54.

но было все общее, да еще и единая душа оживотворяла всѣхъ. Изсякла любовь, которая есть союзъ совершенства.(*) Проповѣдникъ не щадитъ и высокопоставленныхъ лицъ, онъ обличаетъ ихъ, на равнѣ съ другими за ихъ холодное отношеніе къ подчиненнымъ и за дурную жизнь. Въ словѣ, говоренномъ на освященіе храма, въ присутствіи Императрицы Екатерины II и придворныхъ изъ текста: «Господи! кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ» (Пс. 14, 1), сказавъ о томъ, что человѣкъ только съ чистою совѣстію можетъ дерзновенно приступать къ престолу благодати, продолжаетъ: „но когда совѣсть зазираетъ намъ, когда обиженные нами проливаютъ предъ Богомъ цѣлые источники слезъ, когда за большее почитаемъ прибытокъ и чревоугожденіе, нежели сохраненіе правды, то какъ дерзнемъ войти въ священное мѣсто сіе и приступить къ трапезѣ, на которой мирная совершается жертва, и при которой молимся о мирѣ всего міра?.. Мы говоримъ къ Отцу небесному: Отче нашъ, остави долги наша; но обиженные съ другой стороны вопіютъ: чтобъ долги наши намъ были удержаны, пока мы не оставимъ своихъ должникомъ нашимъ." Въ томъ же словѣ проповѣдникъ говоритъ: „Какой тотъ будетъ поклонникъ, который въ увеселеніяхъ день и ночь проводитъ, у котораго на языкѣ не слышно любезное имя Господне, но скверныя имена забавныя Венеры, гремящаго Юпитера, которому благочестивый человѣкъ есть суевѣръ, а пустыхъ разговоровъ ненавидящій—лицемѣръ."(**).

Во многихъ своихъ поученіяхъ проповѣдникъ борется съ этимъ опаснымъ для общественнаго благосостоянія порокомъ, указываетъ его вредъ и приглашаетъ всѣхъ къ братскому единству. «Человѣкъ одинъ безъ помощи другихъ жить не можетъ. Такое состояніе было бы состояніе дикихъ. Наше благополучіе состоитъ въ томъ, чтобы другіе споспѣшествовали нашимъ недостаткамъ и нуждамъ, какъ и мы имъ взаимно» (***). Отсюда является необходимымъ общество, соединенное единствомъ вѣры, любви и закономъ гражданскимъ. Не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи

(*) Т. 1, стр. 74, изъ слова въ нед. 25 по сошеств. Св. Духа.
(**) Т. 1, стр. 26—30.
(***) Т. 4, стр. 360.

богопочтенія; не можетъ быть гражданинъ, чтобы не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія; не могутъ общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсть и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отдать отчетъ не человѣку только, но и Богу.... Въ союзѣ общества потребно, чтобы всѣ члены его считали себя обязанными другъ другу помогать, чтобъ одни къ другимъ были искренни, чтобы ложь не служила покрываломъ къ закрытію вредныхъ намѣреній, чтобъ хранимы были правила совершенной справедливости, чтобъ въ случаѣ выбора собственной пользы и общественной, общественная собственной предпочитаема была, и общему благу всякъ бы преданъ былъ съ искренностію и ревностію. Вѣра предписываетъ, чтобы человѣкъ заботился больше объ интересахъ ближняго, нежели своихъ, при томъ такъ, чтобы, въ случаѣ нужды, человѣкъ готовъ былъ положить жизнь за братію свою. „Сіи то суть златые узы, которыми общество всякое связуется; сіи то суть божественныя жилы, по коимъ течетъ священная кровь, хранящая въ себѣ жизнь и благосостояніе общества...“(*)

Отсюда видимъ, что обязанности гражданина и христіанина должны быть тѣсно соединены между собою. Одно другому служитъ основаніемъ: и не возможно, чтобъ кто нибудь былъ добродѣтельнымъ гражданиномъ, когда сердце его не управляемо благочестіемъ. Страшенъ для насъ будетъ такой другъ, товарищъ, сосѣдъ, сотрудникъ, котораго совѣсть страхомъ Божіимъ не обуздана. Мы должны быть увѣрены, что когда насъ въ чемъ обманутъ, или причинятъ намъ вредъ, будутъ имѣть мстителями не насъ только, но и того, который испытуетъ сердца и утробы (Пс. 7 ст. 10)(**). «Неосновательно и смѣха достойно умствованіе мудрецовъ вѣка сего, «что какъ бы ни думать, хорошо ли, худо ли, только поступай хорошо, будь хорошимъ исправнымъ гражданиномъ». Такое мнѣніе раздѣляетъ на двѣ части человѣка и предполагаетъ, что будто онъ можетъ что нибудь по наружности дѣлать, въ чемъ внутреннее чувство не будетъ принимать

(*) Т. II, стр. 361—375.
(**) Слово въ день царевича Димитрія. Т. 4, стр. 362.

никакого участія. Но такое дѣйствіе не будетъ человѣческое, какъ не имѣющее разумнаго основанія; да и никакимъ дѣйствіемъ почесться не можетъ, а будетъ только одна тѣнь дѣйствія, ничего не означающая.... Не основательно и тѣ думаютъ, которые говорятъ, что можно дѣлать добро безъ всякаго закона откровеннаго, а на основаніи законовъ естественныхъ, присущихъ человѣческой природѣ. Но законъ естественный не иное что утверждаетъ, какъ-то, что дѣла наши не могутъ быть не порочны. Исторія(*), которая подала случай къ праздничественному воспоминанію нынѣшняго дня представляетъ множество примѣровъ этому. Дерзнули бъ когда нѣкоторые изверги быть предателями отечества, если бъ въ сердцѣ ихъ былъ страхъ Божій? Были законы гражданскіе, которые все то воспрещали подъ смертною казнію; но ни мало сіе не удержало порочнаго стремленія, когда «не искусиша Бога имѣти въ разумѣ». (Римл. гл. 1 ст. 28)(**).

Такимъ образомъ проповѣдникъ,—признавая необходимость жизни общественной, вытекающую изъ нуждъ, опредѣляющихъ личное состояніе каждаго, отдѣльно взятаго человѣка,— основою и сущностію этой жизни признаетъ взаимную, безкорыстную и самоотверженную христіанскую любовь. Всякая другая любовь, основанная на естественномъ влеченіи человѣка къ человѣку, не прочна; «потому что страсти, воюющія въ насъ, раздираютъ человѣка на двѣ противоположныя части, такъ что принуждены бываемъ съ Павломъ вопить: «Не еже хощу, сіе творю, но еже не навижу, то содѣловаю: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю». (Римл. 7, 18) (***).

Такъ искусно направляетъ проповѣдникъ свое слово противъ деистовъ, которые, хотя признавали нужду добрыхъ дѣлъ и любили добродѣтель, какъ нравственную красоту; но добродѣтель ихъ основывалась не на требованіяхъ откровеннаго закона, а только на коренныхъ началахъ нашего естества. Энциклопедистамъ и матеріалистамъ, отвергавшимъ вѣчную жизнь, а потому естественно полагавшимъ все благо своей жизни въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не обращая вниманія на нужды

(*) Убіеніе царевича Димитрія.
(**) Т. 4, стр. 364, 365.
(***) Т. 1, стр. 89.

другихъ, проповѣдникъ даетъ совѣты сообразно ихъ точки зрѣнія, чтобы доказать имъ нелѣпость ихъ возрѣній. „Общее добро нужно почитать паче собственнаго своего. Ибо мы всѣ союзомъ общества связаны, и на семъ основано благополучіе наше: почему, когда общую пользу не сохранимъ, то и свою потеряемъ.“ «Когда человѣкъ, занимаясь собою, не уважаетъ союза,— разстроиваетъ твердость зданія и теряетъ свою пользу; при разстройствѣ цѣлаго состава, часть не останется цѣлою и человѣкъ вредитъ себѣ».(*)

Вообще митрополитъ Платонъ въ своихъ поученіяхъ началамъ деизма противополагаетъ истину откровенной религіи, законамъ естества — пути провидѣнія, матеріалистическому взгляду на мораль, приводимую въ движеніе единственно эгоизмомъ,— строгость христіанской морали, основанной на самоотреченіи.

Чтобы предостеречь вѣрныхъ отъ увлеченія ложными ученіями и искоренить зло, начавшее проникать почти во всѣ слои русскаго общества, митрополитъ Платонъ прибѣгаетъ для этой цѣли къ различнымъ средствамъ. Онъ поставляетъ ложь передъ истиною, указываетъ признаки мудрости плотской, мірской и мудрости духовной; увлекательными чертами изображаетъ послѣднюю, чтобы заставить слушателей полюбить ее и въ такомъ некрасивомъ видѣ представляетъ мудрость плотскую, отвергающую откровеніе, что въ слушателяхъ должно было явиться къ ней недовѣріе. «Плотская мудрость, говоритъ проповѣдникъ, во многихъ умствованіяхъ не полезныхъ упражняется, и въ нѣкоторыя входитъ тонкости, которыя настоящую истину только что потемнять способны... Но премудрость духовная дѣлами, а не словами философствуетъ. Она тогда почитаетъ, что рѣшила труднѣйшій вопросъ, когда успокоитъ смущеніе совѣсти нашей и покажетъ дорогу изъ лабиринта страстей, насъ выводящую. Плотская мудрость не имѣетъ твердаго основанія, и на подобіе трости колеблется; но духовная премудрость тверда, несомнительна, закрѣпленная свидѣтельствомъ совѣсти. Плотская мудрость высокомѣрна, надменна и презрительна; ду-

(*) Слово въ день Казанскія Божія матери. Т. III, стр. 115, и—въ день Св. царевича Димитрія стр. 35.

ховная же премудрость кротка и человѣколюбива. Плотская мудрость малодушна и лицемѣрна; но такое ли дѣйствіе премудрость духовная имѣла въ своихъ христіанахъ? лицемѣрили ли они, когда приводимы были предъ тираномъ? Показавъ различіе между мудростію плотскою и духовною, проповѣдникъ говоритъ: «отсюда мы можемъ заключить, слушатели, сколь одна премудрость человѣку полезна, а другая суетна и вредна; ибо какая польза человѣку, ежели онъ будетъ только прилежный испытатель натуры, искуснѣйшій наблюдатель теченій небесныхъ, и высоковитійствующій словесникъ; но со всѣмъ тѣмъ не почерпнетъ живой воды богопознанія изъ источниковъ Израилевыхъ, и не будетъ знать тѣхъ таинъ, которыя показываютъ путь къ вѣчному счастію? Сколь мы блаженны, что намъ, вѣрующимъ во Іисуса Христа, сія божественная мудрость всегда въ Евангеліи благовѣствуется, и оную дражайшій нашъ учитель намъ дать обѣщаетъ. «Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ» (Лук. 21, 15). (*) Указавъ различіе истинной мудрости и ложной, проповѣдникъ въ другихъ словахъ(**) совѣтуетъ слушателямъ удаляться отъ иноплеменниковъ, «яко вредныхъ и мерзкихъ членовъ общества, не слушать ихъ разговоровъ, соблазна исполненныхъ, не читать сочиненій и стишковъ развратомъ, а иногда и хуленіемъ на вѣру дышущихъ, а возымѣть святое честолюбіе, возгорѣть огнемъ ревности, изобличить вредную ложь, постыдить наглость и сохранить честь своей вѣры, ея святую древность и ея св. законы, чтобы не иноплеменники намъ были наставниками, а у насъ бы научились вѣрѣ въ Бога и добрымъ дѣламъ.

Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для уничтоженія въ Россіи „иноплеменнаго“ зла, разрушавшаго православную вѣру и колебавшаго основы нравственности, митрополитъ Платонъ находитъ нравственное воспитаніе, и изъятіе русскихъ юношей изъ рукъ европейскихъ выходцевъ, вводившихъ въ систему воспитанія разрушительныя начала. Нуж-

(*) Т. 1, стр. 48. Также: поучит. слова при Высочайш. дворѣ учит. іеромон. Платона (особое изданіе 1764 г.), стр. 3—15.
(**) Т. 1, стр. 73. Т. 12, стр. 18—19.

но замѣтить, что митрополитъ Платонъ не былъ одинокъ въ своемъ желаніи. Желаніемъ Императрицы Екатерины II и всѣхъ лучшихъ людей ея времени было положить нравственное воспитаніе въ основу гражданскаго устройства, создать чрезъ такое воспитаніе новую породу людей, которая бы соединяла въ себѣ ученость съ добродѣтелію. Эта мысль высказана ею и въ „Наказѣ.“ Митрополитъ Платонъ въ своихъ поученіяхъ весьма часто проводитъ въ сознаніе общества это желаніе лучшихъ людей, говоритъ о необходимости воспитанія, его значеніи и характерѣ. Въ словѣ на день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы(*) проповѣдникъ примѣромъ Іоакима и Анны,—которые, когда ихъ дочери было только три года, приводятъ ее въ храмъ и вручаютъ воспитателямъ, въ благоразуміи и благонравіи просвѣщеннымъ учителямъ, чтобъ посѣяли на сердце ея сѣмена добродѣтели, насадили бъ въ ней страхъ Божій, научили бъ ее правиламъ честности,—убѣждаетъ родителей заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей также съ раннихъ лѣтъ и вселять въ нихъ чрезъ воспитаніе добрые нравы; обличаетъ ихъ за то, что они не имѣютъ радѣнія о дѣтяхъ своихъ, подобнаго радѣнію Іоакима и Анны: поручаютъ любезный залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, никакихъ въ себѣ слѣдовъ честности не имѣющимъ; и чему они обучаютъ? Говорить иностранными языками, плясанію, какъ обращать мечь, чтобъ въ случаѣ страстнаго жара могъ его употребить на пронзеніе другаго. А обученіе закону гдѣ? А изъясненіе существенныхъ понятій добра и зла гдѣ? А выразумѣніе настоящаго человѣческаго благополучія и несчастія гдѣ? Сіе предоставляется судьбѣ. А въ домахъ родительскихъ что увидятъ дѣти, что услышатъ? Увидятъ роскошь безпредѣльную, праздность всегдашнюю, ревнованіе, какъ одному другаго превзойдти въ мотовствѣ. Услышатъ разговоры безбожіемъ смердящіе. А гдѣ дѣти насъ видятъ, гдѣ находятъ?... На зрѣлищахъ, на конскихъ ристаніяхъ, или охотахъ, въ сборищахъ нечестіемъ прикрытыхъ и подозрительныхъ». Подобную же заботу о воспитаніи дѣтей митрополитъ Платонъ внушаетъ въ „Словѣ въ недѣлю четвертую великаго по-

(*) Т. 4, стр. 163—167.

ста.(*) Здѣсь онъ совѣтуетъ начинать воспитаніе младенца, когда онъ еще въ колыбели. Надобно стараться ничего предъ нимъ не дѣлать и не говорить, чтобъ могло дать худое впечатлѣніе его мысли. Надобно ихъ предостерегать потомъ отъ содружества съ дурными. Находить благоразумныхъ и честныхъ учителей, которые бы дѣтямъ открыли истинное просвѣщеніе: да и добрымъ примѣромъ, то бы утвердили. Здѣсь же онъ рѣшаетъ вопросъ, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе? Узнать Бога и себя, знать, что есть общество и связь его, въ чемъ состоитъ истинная слава, что есть честность и какъ ее къ себѣ приводить, чтобы корысть оную не преодолѣла. Такъ заботливо проводилъ Платонъ между своими современниками мысль о необходимости воспитанія, и при этомъ онъ вездѣ опредѣлялъ, въ чемъ состоитъ существенная сила воспитанія, какой долженъ быть характеръ его.

«Воспитаніе есть приготовленіе къ добродѣтели, говоритъ Платонъ въ словѣ о воспитаніи при заложеніи императорской академіи художествъ (1765 г. іюля 7 дня); (**) и потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. А состоитъ оно, чтобы познать Создателя своего, познать себя и конецъ созданія своего. На семъ незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ приготовить, чтобъ полюбить благочестіе, снискать къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ низшимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила.

Въ томъ же словѣ проповѣдникъ указываетъ и способы, какими можно достигнуть такого идеала воспитанія. Первый и наилучшій, по его мнѣнію, способъ въ воспитаніи есть добрый примѣръ. Онъ всегда дѣйствителенъ для всѣхъ; а

(*) Т. 4, стр. 298—305.
(**) Т. 1, стр. 343.

въ особенности для младенческаго возраста. Младенцы управляются почти одними чувствами; и ежели, что видятъ, что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко напечатлѣваютъ въ памяти. Сіи укрѣпленныя въ младенчествѣ добрыя или худыя впечатлѣнія во все будущее время будутъ имъ служить основаніемъ во всякихъ дѣлахъ... Поэтому если не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ, не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему онъ подражать долженъ. Сія, можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе той многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ; а сердце имѣть привязано къ страстямъ земнымъ?

Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностію дѣлъ не будутъ препровождаемы." Въ словѣ „о пользѣ ученій", сказанномъ въ придворной церкви 1765 г. сентября 20 дня, митрополитъ Платонъ говоритъ о различныхъ плодахъ образованія и обученія наукамъ; но въ заключеніи слова все таки напоминаетъ, что лучшій плодъ всѣхъ ученій есть честность и добродѣтель(*).

Вообще митр. Платонъ хотѣлъ, чтобы благочестіе проникало во всю частную и общественную жизнь русскаго народа: и въ дѣла общенародныя, (земледѣліе, торговля и другія работы), и въ дѣла духовныя и дѣла гражданскія, военныя и въ занятія наукою.

Въ рѣчахъ привѣтственныхъ митр. Платонъ былъ высокимъ безъ напыщенности и трогательнымъ безъ притворства. Изъ нихъ превосходнѣйшею считается «рѣчь по совершеніи коронованія Александра I-го.» Въ напоминаніе священныхъ обязанностей повелителя народа, Платонъ между прочимъ сказалъ: „Предстанетъ лицу твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ

(*) Т. 1, стр. 357, 358.

Судіи неба и земли: „да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ тебѣ народамъ. Достигнутъ бо Престола твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, стѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ, мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную Державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ общій Отецъ, на права человѣчества! мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ, благочестію Твоему предстанетъ и церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная во одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія, и къ тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко первородному Сыну своему, простретъ руки свои, и ими объявъ твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія!“

Лучшею изъ его надгробныхъ рѣчей признается рѣчь, сказанная въ вѣчную память Петра 1. Рѣчь эта заслужила благоволеніе Императрицы, удивленіе Двора и народа. Одержавши надъ турецкимъ флотомъ блистательную побѣду, Императрица Екатерина повелѣла совершить поминовеніе въ Петропавловскомъ соборѣ при гробѣ основателя Россійскаго флота. По окончаніи заупокойной литургіи, Платонъ съ каѳедры произноситъ въ вѣчную память Петра 1-го слово, въ которомъ, исчисливъ труды и побѣды Преобразователя Россіи, вдругъ неожиданно сходитъ съ каѳедры, приближается къ его гробницѣ, и коснувшись покрова ея, восклицаетъ: «Возстань теперь, великій Монархъ, отечества нашего Отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе Твое: оно не истлѣло отъ времени и слава его не помрачилася. Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ! флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ черномъ, не на океанѣ сѣверномъ. Но гдѣ? онъ на морѣ средиземномъ, въ странахъ

восточныхъ, въ архипелагѣ, близъ стѣнъ константинопольскихъ, въ тѣхъ, то есть, мѣстахъ, куда ты не рѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревалъ смирить Порту. О какъ бы Твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши! мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ; слыши, флотъ твой въ архипелагѣ, близъ береговъ азійскихъ, оттоманскій флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы торжествуя, именемъ твоимъ весь востокъ наполняютъ и стрѣмятся предстать предъ стѣны византійскія.

Столь внезапный переходъ рѣчи, столь смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразили слушателей изумленіемъ и даже невольнымъ страхомъ; стоявшій близъ гробницы правнукъ Петра 1-го Павелъ испугался, какъ онъ самъ сказалъ послѣ Платону, что «прадѣдушка встанетъ».

Построеніе проповѣдей митрополита Платона самое простое, не замысловатое. Онъ беретъ текстъ, коротко разъясняетъ смыслъ его, или всего евангелія, когда это нужно, и потомъ краткою молитвою къ Богу или обращеніемъ къ слушателямъ переходитъ къ раскрытію самаго предмета. Заключеніе краткое, иногда не больше 4 или 5 строкъ. Вообще для читающаго проповѣди Платона не представляютъ никакого затрудненія, чтобъ сразу понять ихъ содержаніе и ходъ мыслей.

Рѣчь его поученій простая, ясная; слогъ представляетъ средину между славянскимъ и русскимъ языкомъ. Рѣчи привѣтственныя отличаются большимъ краснорѣчіемъ и настроены на возвышенный тонъ; но этого требовали всѣ обстоятельства, при которыхъ произносились эти рѣчи: отборные слушатели, торжественная обстановка. Самъ Платонъ смотрѣлъ на „витійственный и испещренный слогъ,“ какъ на не приличный для церковной каѳедры. „Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна.“ Особенно находилъ Платонъ не умѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго словолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ. „Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишне, но и вредно.

Излишне: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ побѣждаетъ, можетъ быть не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только тономъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія.(*)" Прочитавъ проповѣди одного изъ проповѣдниковъ, Мельхиседека Заболоцкаго, Платонъ писалъ къ преосв. Августину: „Скажите, чтобъ онъ ѳеоретическихъ и догматическихъ мыслей подалѣе себя велъ, чтобъ не заблудиться, а болѣе держаться нравоученія."

О вліяніи проповѣди Платона на его современниковъ можно судить уже по тому сочувствію, какое оказывали его торжественнымъ рѣчамъ государи и придворные; но есть факты, которые говорятъ, что не одни торжественные рѣчи производили удивленіе въ слушателяхъ, а всѣ его слова безъ исключенія,—и не одно только удивленіе; но умиленіе и слезы. Однажды Императрица Екатерина, внимая поученію законоучителя въ день рожденія и причащенія св. тайнамъ великаго князя, разстрогалась до слезъ и сказала послѣ: «Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали—мы плачемъ». А вотъ отзывъ старожиловъ о проповѣди Платона: „Бывало, какъ взойдетъ онъ на амвонъ,—собою такой лѣпообразный, среброволосый, съ лицемъ сіяющимъ добротою, кротостію, мудростію и умиленіемъ; да какъ окинетъ всѣхъ своимъ умнымъ и проницательнымъ взоромъ, тутъ изъ глазъ его такъ струею и побѣжитъ какая-то обаятельная, притягивающая и располагающая къ нему сила. Вотъ и заговоритъ онъ—святитель нашъ—сначала тихо, но слышно было ясно каждое его слово, такъ ужъ умѣлъ онъ говорить. Тогда всѣми слушателями овладѣвало какое-то неизъяснимое благоговѣйное состояніе, и мы, съ трепетомъ сердечнымъ ловили каждое слово его. Наконецъ святитель начинаетъ мало по малу возвышать свой голосъ, (а онъ у него былъ звучный, полный, серебряный), и заговоритъ такъ складно, такъ убѣдительно, съ такою силою, съ такимъ одушевленіемъ, что глаза его вдругъ заблестятъ священнымъ огнемъ, лице горитъ не земнымъ восторгомъ,

(*) Т. V, стр. 172.

рѣчь, какъ потокъ лавы, льется съ необыкновенною силою, и въ это время онъ весь пылаетъ вдохновеніемъ пророка. Тутъ, кажется, всю жизнь слушалъ бы его!... И воспомянутся, бывало, всѣ прегрѣшенія, нажитыя нами въ омутѣ житейскомъ, и станетъ горько, больно сердцу; грустно потупишь глаза, и готовъ бы, кажется, тутъ же броситься къ ногамъ святителя, покаяться искренно ему во всѣхъ прегрѣшеніяхъ, и дать клятвенное слово не грѣшить болѣе, и наплачемся-то, бывало мы до сыта, слушая его поученія, и молимся послѣ поученія умильнѣе и горячѣе, и какъ будто перерождимся отъ его благодатнаго слова въ новую жизнь свѣтлую и отрадную... Великій человѣкъ былъ митрополитъ Платонъ, истинный архипастырь, высокопочтенный мужъ.

Анастасій Братановскій.

Его жизнь и общественная дѣятельность. Поучительныя слова Анастасія Братановскаго, говоренныя въ С.-Петербургѣ при Высочайшемъ Дворѣ и другихъ мѣстахъ, въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ и въ Астрахани. Направленіе и характеръ его проповѣдничества. Главное содержаніе словъ: указаніе источниковъ невѣрія; доказательства безсмертія души; обличеніе невѣрія въ Промыслъ Божій. Обличеніе эгоистическихъ стремленій вѣка и ученіе о необходимости общественной жизни съ верховною властію. Рѣшеніе вопроса о счастіи. Замѣчаніе о степени вліянія поученій Братановскаго на его современниковъ.

Въ то время, когда раздавалось могучее пастырское слово митрополита Платона, когда вся Москва стремилась услышать изъ устъ знаменитаго пастыря слово назиданія,—въ уединенныхъ стѣнахъ вологодской семинаріи скромно подвизался на поприщѣ проповѣдничества новый Платонъ. Это былъ извѣстный впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, а потомъ астраханскій Анастасій Братановскій. Родился онъ 16 октября 1761 года въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Барышевкѣ,(*) гдѣ родитель его Симеонъ Кондратьевичъ былъ

(*) Полт. губ. Переясл. у.

протоіереемъ церкви Рождества Богоматери. Для образованія въ наукахъ Андрей(*) отданъ былъ родителемъ въ переяславскую семинарію. Хорошіе успѣхи и честное его поведеніе пріобрѣли ему вскорѣ благосклонность начальниковъ и учителей. По окончаніи ученія въ переяславской семинаріи, Андрей Братановскій приглашенъ былъ въ 1782 году учителемъ въ сѣвскую семинарію, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ въ низшихъ классахъ. По вызову дяди своего, преосвященнаго Вологодскаго Иринея, Андрей Братановскій изъ Сѣвска перешелъ въ Вологду, гдѣ опредѣленъ былъ учителемъ семинаріи сначала по предметамъ поэзіи и ариѳметики, а потомъ риторики, исторіи и географіи. Ученики его вспоминали послѣ о своемъ учителѣ съ глубокимъ чувствомъ благодарности. Въ Вологдѣ онъ прожилъ пять лѣтъ отъ 1784 до 1789 года. Въ это время Андрей почувствовалъ желаніе къ жизни тихой и спокойной — къ монашеству и заявилъ объ этомъ своему дядѣ. Дядя, видя еще незрѣлыя лѣта своего племянника, не одобрялъ его намѣренія и подъ разными предлогами отклонялъ его отъ исполненія этого намѣренія. Съ этою цѣлію, между прочимъ, онъ отпустилъ его для преподаванія во вновь устроившуюся тогда семинарію при Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Новг. губ.), надѣясь, что, перемѣнивъ мѣсто и занявшись дѣлами во вновь устроенной семинаріи, племянникъ перемѣнитъ принятое намѣреніе. Но здѣсь тишина и спокойствіе, окружающія уединенный монастырь, обращеніе съ людьми, которыхъ единственное наслажденіе состояло въ жизни безмятежной, бесѣда умнаго и добродѣтельнаго старца, архимандрита Іоакинѳа, которому принадлежитъ честь устройства семинаріи и по желанію котораго былъ присланъ учителемъ въ эту семинарію Андрей Братановскій, развили въ послѣднемъ до крайней степени желаніе поступить въ монашество. По прошествіи года, дядя опять потребовалъ его къ себѣ въ Вологду для преподаванія въ семинаріи риторики и кромѣ того возложилъ на него обязанность изъяснять въ церкви по воскреснымъ днямъ Священное Писаніе, а иногда и сказывать проповѣди. Здѣсь онъ имѣлъ случай въ первый разъ

(*) Мірское имя Анастасія

обнаружить свои проповѣднические дарованія, которыя доставили ему удивленіе и почтеніе отъ всего города. Онъ былъ любимъ учениками, потому что много трудился надъ ихъ просвѣщеніемъ и образованіемъ; любимъ былъ и обществомъ, потому что, при посредствѣ своего дяди, часто дѣлалъ добро людямъ, дѣлалъ то, чего умъ и знаніе были достойны. Но никогда онъ не гордился своими преимуществами; въ немъ не было надменности; а это то и привлекало къ нему сердца всѣхъ. Преосвященный Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, узнавшій о дарованіяхъ Братановскаго, упросилъ Иринея отпустить опять своего племянника въ его епархію для преподаванія въ Кирилло-Бѣлозерской семинаріи. Съ прискорбіемъ выѣхалъ Андрей изъ Вологды въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, потому что дядя его сталъ слабъ силами и находилъ въ немъ хорошаго себѣ помощника. Въ Бѣлозерскомъ монастырѣ Андрей Братановскій не пробылъ и года; митрополитъ Гавріилъ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ учителемъ въ александроневской семинаріи. Здѣсь онъ принялъ монашество; руководимый митрополитомъ Гавріиломъ, и наименованъ былъ «Анастасіемъ». Это было въ 1790 г. 26 іюня.

Кромѣ учительства въ невской семинаріи и произношенія катихизическихъ поученій по воскреснымъ днямъ, онъ въ субботу, послѣ обѣда, преподавалъ Законъ Божій юнымъ питомцамъ гвардіи измайловскаго полка; 28 января 1792 года опредѣленъ былъ въ Шляхетный Кадетскій корпусъ законоучителемъ. Любовь и уваженіе вездѣ слѣдовали за нимъ. Ученики обожали своего учителя за его прекрасныя нравственныя наставленія, за его обхожденіе съ ними; начальство почитало его за отличный умъ, прилежаніе и за его добродѣтели. Возвышаясь въ своихъ іерархическихъ степеняхъ, Анастасій въ 1792 г. 8 сентября возведенъ былъ въ санъ архимандрита. Въ этомъ санѣ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ (1793, 94, 95) исправлялъ въ Петербургѣ чреду священнослуженія и сказывалъ при Дворѣ и въ другихъ мѣстахъ „Слова поучительныя,“(*) Эти поученія и составили, главнымъ образомъ, славу Анастасія. Великія нравственныя

(*) Печатаны въ I и II т. его проповѣдей.

истины, которыми наполнены онѣ, убѣдительное краснорѣчіе и искусный выборъ матерій, пріобрѣли ему славное имя россійскаго массильона. Великая Екатерина неоднократно изъявляла ему свое особенное благоволеніе за его проповѣди; изъ нихъ нѣкоторыя были перечитываемы, по ея желанію, въ другой разъ въ ея кабинетѣ, и она произнесла о проповѣдяхъ Анастасія такое сужденіе: „Анастасію или должно подражать, или превзойдти его: но то и другое невозможно.“ Въ 1794 году Анастасій приглашенъ быть членомъ Императорской Россійской Академіи. Въ 1796 году назначенъ настоятелемъ первокласснаго Ставропигіальнаго московскаго Ново-Спасскаго монастыря и выѣхалъ въ Москву; въ томъ же году указомъ Павла 1 пожалованъ въ члены Святѣйшаго Синода и опять вызванъ былъ въ Петербургъ съ возвращеніемъ ему законоучительской должности въ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1797 году Анастасій пожалованъ во епископа Бѣлорусскаго и Могилевскаго. По прибытіи изъ Петербурга въ Могилевъ 31 января 1798 года, онъ встрѣченъ былъ всѣмъ обществомъ съ усердіемъ и любовію, которыя выразились въ привѣтственной рѣчи, сказанной отъ лица всей Бѣлорусской церкви. Бѣлорусская епархія была въ то время еще крайне разстроенною. Георгій Конисскій успѣлъ возстановить права Бѣлоруссовъ и многихъ изъ нихъ возвратить въ лоно православной церкви; но не успѣлъ еще сообщить вновь образовавшейся церкви внутренняго порядка, единства и спокойствія. Въ епархіи происходили постоянныя ссоры между духовенствомъ разныхъ вѣроисповѣданій и производили великій безпорядокъ во всѣхъ частяхъ епархіальнаго управленія. Анастасій Братановскій съ тактомъ и умомъ взялся за дѣло устройства внутренняго порядка: обличая неправыхъ, онъ мирилъ стороны, поселялъ между ними согласіе и терпимость своею кротостію и справедливостію рѣшеній. Устроивъ дѣла епархіи Анастасій обратилъ вниманіе и на устройство семинаріи. Онъ далъ ей новый видъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вызвалъ лучшихъ учителей изъ разныхъ мѣстъ, далъ имъ хорошее жалованье, увеличилъ число научныхъ предметовъ. Кромѣ того онъ увеличилъ число казенныхъ воспитанниковъ, — и бѣдные священно-церковно-служители имѣли утѣшеніе видѣть дѣтей своихъ пользующимися и ученіемъ и содержаніемъ. На свой счетъ онъ воспитывалъ четы-

рехъ лучшихъ учениковъ изъ духовнаго званія и десять молодыхъ бѣдныхъ людей не изъ духовнаго званія. Онъ давалъ имъ содержаніе, квартиру, одежду, учителей и, по окончаніи ихъ образованія, опредѣлялъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Онъ учредилъ при семинаріи больницу, чего прежде не было. Убѣдилъ могилевское общество учредить общественную больницу и самъ помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ дѣлъ благотворительности, Анастасій говорилъ поученія въ праздничные дни(*), онъ всякій воскресный день толковалъ въ церкви евангеліе; въ свободные же дни занимался сочиненіями и переводами.

1801 года сентября 15 дня, во время коронаціи Александра 1, Анастасій былъ пожалованъ въ архіепископы; а въ 1805 году вызванъ изъ Могилева въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. По прибытіи въ Петербургъ, онъ написалъ планъ для преобразованія духовныхъ училищъ, за что награжденъ былъ панагіей, осыпанной бриллiантами.

Отъ усиленныхъ трудовъ и отъ простуды въ Анастасіѣ показались признаки наслѣдственной въ его родѣ болѣзни — чахотки. Это заставило его перейдти изъ Могилева въ Астрахань для поправленія въ тепломъ климатѣ разстроеннаго своего здоровья. 1806 года 7 февраля онъ прибылъ въ Астрахань, а 9 декабря того же года скончался. Въ короткое время управленія астраханскою паствою Анастасій пріобрѣлъ любовь и уваженіе не только духовныхъ, но и свѣтскихъ особъ. При всемъ упадкѣ силъ, онъ успѣлъ сказать одиннадцать поученій въ соборѣ и другихъ приходскихъ церквахъ(**).

Анастасій былъ человѣкъ простой, благодѣтельный. Никогда не заставлялъ онъ долго ждать себя въ передней. Разговаривалъ съ ввѣренными пастырству его не голосомъ гордаго начальника, но голосомъ дружества, снисходительности, или, когда требовалъ случай, голосомъ увѣщанія, затрогивающимъ сердца. Въ бесѣдѣ друзей онъ былъ другъ въ полномъ смыслѣ этого слова: его умные, живые разговоры и

(*) Печатаны въ III т. его проповѣдей.
(**) Напечатаны въ IV томѣ.

остроты возбуждали удовольствіе и радость въ дружескомъ обществѣ. Отъ природы былъ онъ нрава веселаго, и хотя заботы, сопряженныя съ его званіемъ, уменьшали его веселость, однако лице его никогда не показывало угрюмости и важности, которыя производятъ въ другихъ непріятныя чувствованія. Благотворительность была отличительною чертою его характера; никогда бѣдный не отходилъ отъ него безъ удовольствія, никогда не оставлялъ онъ страждущаго человѣка, не подавъ ему помощи.

Съ живою вѣрою въ искупителя, въ сладостной надеждѣ на будущую жизнь, Анастасій предалъ свою душу въ руцѣ Бога живаго. Уже когда глаза его закрывались, члены холодѣли, онъ не переставалъ поучать окружающихъ его смертный одръ; онъ говорилъ имъ о тѣхъ истинахъ, о которыхъ проповѣдывалъ во всю свою жизнь: объ искупителѣ, о вѣрѣ, о жизни будущей.... Предстоящіе рыдали... Но Анастасій замолкъ.

Отъ Анастасія Братановскаго дошло до насъ нѣсколько оригинальныхъ сочиненій и переводныхъ съ французскаго; но славу его составляютъ: „Поучительныя слова," говоренныя имъ въ Петербургѣ при Дворѣ и другихъ мѣстахъ, Москвѣ, въ Могилевѣ и Астрахани. Всѣхъ проповѣдей его дошло до насъ 74. Онѣ сказаны были въ промежутокъ времени отъ 1792 г. до 1806 включительно.

По своему главному направленію Анастасій принадлежитъ къ категоріи проповѣдниковъ разсматриваемой нами эпохи. Онъ также, какъ и его предшественники, въ своихъ проповѣдяхъ воспроизводитъ нравы современниковъ и съ пастырскою ревностію обличаетъ тѣ крайности въ умственномъ и особенно въ нравственномъ направленіи, которыя шли въ разрѣзъ съ евангельскимъ ученіемъ. Онъ говоритъ „о подчиненіи разума вѣрѣ и обузданіи чувственности," „о безсмертіи души, о промыслѣ Божіемъ" и т. п. Невѣріе представляется у Анастасія плодомъ естественной испорченности человѣческаго разума и гордаго, самолюбиваго желанія ограничиться въ жизни руководствомъ этого, по выраженію проповѣдника «малонадежнаго орудія».

„Безвѣрный, говоритъ Анастасій, опираясь всею крѣпостію ума и сердца своего на естество природы, хочетъ разить однимъ ударомъ всѣ обличенія, дѣлаемыя противъ

его.(*) „Но что твой умъ,“ восклицаетъ проповѣдникъ, между милліонами умовъ только превосходнѣйшихъ тебя? Что твои свѣдѣнія правъ Божественныхъ, естественныхъ и политическихъ? Что твое ученіе предъ облакомъ, засвидѣтельствовавшимъ всю ученость громомъ и молніею славы.(**)

Но излишняя вѣра въ разумъ—не единственный источникъ невѣрія. Вторымъ источникомъ, пораждающимъ его, служатъ плотскія стремленія, какъ силы, заглушающія внутренній голосъ души. Необходимымъ результатомъ такого направленія жизни является въ болѣе или менѣе сознательномъ человѣкѣ желаніе оправдать свое поведеніе посредствомъ придуманной теоріи, отрицающей всякое значеніе духовныхъ потребностей, прикрыть безнравственность маскою научнаго принципа и убѣжденія. «Начало и основаніе всему нравственному злу есть развращенное человѣческое сердце... Развратный и невѣрующій человѣкъ подобенъ гордому тщеславцу, старающемуся прикрасить безобразное пятно на лицѣ своемъ, обмануть зрителей и себя самаго; тако безвѣрный тщится оправдать растлѣніе своего сердца фальшивыми средствами и отвергаетъ спасительное врачество.(***) „Ни разсудокъ, ни совѣсть, ни стыдъ не полагаютъ предѣловъ въ стремленіяхъ невѣрующаго къ удовлетворенію страстей, и привязанный къ разнаго рода удовольствіямъ, роскоши и сладострастію, онъ безбоязненно проповѣдуетъ, будто вѣра, евангеліе и законъ связываютъ человѣческую свободу и дѣлаютъ его невольникомъ и рабомъ.“(****)

Гдѣ жъ причина невѣрію и нечестію? «Въ худомъ воспитаніи,—отвѣчаетъ проповѣдникъ.(*****) Мысль о дурномъ воспитаніи и послѣдствіяхъ его развивается во многихъ проповѣдяхъ Анастасія. «Наставники, наставники! ежели вы напечатлѣнное самимъ Богомъ въ сердцахъ человѣческихъ желаніе познать истиннаго Бога изглаживаете своимъ небреженіемъ, или своемудріемъ,—то вы Богоубійцы. Учители, учители! ежели вы естественный законъ,—дѣйствующій въ

(*) Т. 2, стр. 6.
(**) Т. 4, стр. 69. Здѣсь изображаются явленія природы, среди которыхъ Богъ начерталъ законъ Израилю.
(***) Т. 2. стр 5.
(****) — 10.
(*****) Ibid.

совѣстяхъ человѣческихъ къ добротворенію, къ Богослуженію,—развращаете или суетными преданіями, или закоренѣлыми привычками; вы человѣкоубійцы».(*) Послѣдствія дурнаго воспитанія проповѣдникъ изображаетъ такимъ образомъ: «Невѣрующій еще отрокъ сый, но уже старческимъ нечестіемъ зараженный, оную кротость и смиреніе, которыя для родителей составляютъ наипріятнѣйшее удовольствіе, имѣетъ обращенными въ буйство вольнодумства, и тѣми нѣжными устами, на которыхъ не изсякло еще матернее млеко, уже отрыгаетъ богохульство, то имя Божіе въ клятвахъ скверномсловныхъ безчестя, то ругаясь надъ ученіемъ вѣры, то все Божественное отвергая».(**) Въ виду этого не нормальнаго строя въ воспитаніи, Анастасій рекомендуетъ полагать въ основу его страхъ Божій. «Безъ страха Божія искусный математикъ есть наибольшій безбожникъ; глубокій историкъ есть дерзостнѣйшій безвѣръ; а тонкій литераторъ есть распутнѣйшій нечестивецъ. И для сего ли воздвигаются святилища наукъ? На каждомъ изъ таковыхъ храмовъ должно положить сію надпись: «Начало премудрости есть страхъ Господень». Надпись должна быть напечатлѣна въ умахъ и сердцахъ учащихъ и учащихся».(***) Нѣтъ надобности доказывать, что эти обличенія и наставленія имѣли почву въ системѣ тогдашняго воспитанія, которымъ заправляли французскіе педагоги и гувернеры.

Въ другихъ словахъ Анастасій полемизируетъ противъ общаго современнаго направленія чрезъ раскрытіе тѣхъ истинъ христіанства, авторитетъ которыхъ подвергался сомнѣнію. Онъ говоритъ о безсмертіи души, о промыслѣ, о высшемъ благѣ, или истинномъ счастіи и т. п. Образцемъ разсужденій Анастасія въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи души могутъ служить слова его, сказанныя при погребеніи Бецкаго(****) и Шувалова.(*****) Представивъ въ первомъ изъ нихъ образъ добродѣтельнаго человѣка и указавъ на то, что добродѣтель, по самому свойству своему, не имѣетъ ничего

(*) Т. 4, стр. 5. См. т. 2, стр. 9.
(**) Т. 4, стр. 34.
(***) Т. 4, стр. 93. Изъ слова при открытіи астраханской гимназіи. См. также слово въ великій пятокъ. Т. 1, стр. 44.
(****) Т. 1, стр. 194. (*****) Т. 2, стр. 187.

соотвѣтствующаго, что бы могло служить для нея достаточною наградою въ здѣшней жизни. проповѣдникъ приходитъ къ заключенію о безсмертіи человѣка. Доказывая свое основное положеніе, Анастасій отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположныя ему понятія. Какъ проповѣдникъ нравственно-практическій, Анастасій, при выборѣ доказательствъ, избѣгаетъ отвлеченныхъ разсужденій, а обращается къ нравственному чувству и здѣсь находитъ подтвержденіе того, что цѣль человѣка заключается въ небѣ. Нравственное чувство не можетъ быть удовлетворено никакими земными удовольствіями, значитъ «не для земли,—для неба, не для тварей,—для Бога сотворенъ человѣкъ. Богъ его есть и желаній конецъ и любви предметъ».(*)

Невѣріе въ промыслъ Божій Анастасій обличаетъ слѣдующимъ образомъ: «Я изъ бѣднаго и низкаго рода пробиваюсь сквозь толпу неизвѣстности, выхожу на театръ просвѣщеннаго свѣта, сыскиваю друзей и благодѣтелей, поступаю на степени чести, получаю уваженіе и довѣренность, слава и богатство текутъ ко мнѣ рѣкою, и—кажется, все убѣждаетъ меня признать преображеніе предо мною промысла Божія. Но тутъ же и осѣняетъ облако самохвальства, облако величанія, облако гордости, облако презрѣнія другихъ, облако дерзости гремящія: гдѣ есть Богъ? Не азъ ли градъ мой соорудихъ сею хитростію ума моего, сею крѣпостію руки моея».(**)

Направляетъ Анастасій свое слово и противъ эгоистическихъ стремленій, доказываетъ необходимость взаимныхъ услугъ и общественности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его слова: въ день рожденія Императрицы Екатерины, въ который кадетскій корпусъ праздновалъ 25 лѣтній юбилей(***) и слово въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.(****) Противъ мнѣнія политиковъ, которые основываютъ начало обществъ на насиліи, хитростяхъ, обманѣ и корысти, Анастасій выводитъ, подобно Платону, необходимость общества изъ природы человѣка, изъ его внѣшнихъ и

(*) Т. 1, стр. 15—17.
(**) Т. 4, стр. 78.
(***) Т. 1, стр. 1—10
(****) Т. III, стр. 111.

внутреннихъ потребностей. Основу и сущность общественной жизни поставляетъ въ пожертвованіи личными благами благу общества.(*) Жизнь, основанная на такихъ началахъ, говоритъ проповѣдникъ, будетъ подобна жизни людямъ во дни Соломона. «И поживетъ кійждо подъ смоковницею (3 пар. 4, 25) своихъ благословенныхъ трудовъ, и подъ виноградомъ удовольствія, какое получаетъ сердце творящее другому добро».(**) Порукою прочности такого общества и надеждъ на всегдашнее общее благоденствіе онъ признаетъ Монарха, въ которомъ живетъ Духъ Божій(***) и который совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели истиннаго христіанина. Идеалъ такого монарха онъ указываетъ обществу въ Государѣ Александрѣ Благословенномъ, котораго называетъ мудрымъ законодателемъ, начертавшимъ законы съ мудрымъ пониманіемъ человѣчества во всѣхъ его способностяхъ и недостаткахъ, совершенствахъ и слабостяхъ, нуждахъ и избыткахъ,—праведнымъ судіею, суды котораго истинные, не по общей только идеѣ законовъ, но и по вниканію въ разбирательство самыхъ началъ, причинъ, побужденій человѣческихъ, дѣяній, подвергающихся суду,—патріотомъ, любовь котораго всеобъемлющая, для просвѣщенія умовъ, сердецъ, нравовъ, онъ съ пламенною ревностію вездѣ ищетъ людей и нося въ сердцѣ своемъ незыблемость и совершенства общаго благоденствія, всего себя для него истощаетъ. Его престолъ составленъ изъ сердецъ вѣры и любви; Его величество—милость и судъ, истина и мудрость, кротость и великодушіе; царствованіе Его есть царствованіе не страха, но совѣстей; есть царствованіе радостей каждаго о состояніи своемъ и къ присному объ общемъ благоденствіи радованію незыблемыхъ надеждъ порука».(****)

Такимъ образомъ проповѣдникъ, хотя и признавалъ нравственныя христіанскія начала необходимою основою общественнаго единодушія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо понималъ, что пока человѣкъ находится въ здѣшней жизни, онъ не можетъ достигнуть полнаго совершенства въ своихъ

(*) Т. 3, стр. 177—190.—Т. 1, стр. 1—10.
(**) Т. 3, стр. 115.
(***) Т. 4, стр. 116.
(****) Т. 3, стр. 174.

добродѣтеляхъ; страсти подъ различными условіями здѣшней жизни должны будутъ пробуждаться въ однихъ и возбуждать ихъ въ другихъ, нарушая миръ и спокойствіе; поэтому онъ считаетъ необходимымъ, чтобы надъ всякимъ обществомъ царилъ помазанникъ Божій, который бы, наставляемый и подкрѣпляемый силою Духа Божія, соблюдалъ самъ завѣщанныя ему отъ Бога добродѣтели, и поддерживалъ ихъ въ другихъ, усмиряя страсти и награждая добродѣтель.

Въ словахъ и рѣчахъ къ могилевской паствѣ «по полученіи извѣстія о коронованіи Императора Александра 1-го» и «при возстановленіи въ бѣлорусскомъ Могилевѣ губерніи» и другихъ Анастасій, во имя Бога и во имя любви къ государству, старается внушить своимъ слушателямъ любовь и полную преданность своему Государю и подражать его дѣламъ: «Истинные любители государства! вы нынѣ не имѣете потребы, да кто учитъ васъ священному долгу вашему. Самъ помазанникъ Божій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Александръ 1-й высокомонаршими доблестями учитъ, како любити государство». Проповѣдникъ указываетъ тѣ доблести, которыя указаны выше.(*)

Въ неразрывной связи съ вопросомъ объ обществѣ и общественномъ благосостояніи стоитъ вопросъ и о личномъ счастіи человѣка и причинахъ неравномѣрнаго распредѣленія благъ земныхъ. Вопросъ этотъ одинъ изъ неотвязчивыхъ человѣческихъ вопросовъ. Въ немъ заключается тревожная задача для нашего сознанія: ища удовлетворительнаго рѣшенія его, человѣкъ ищетъ разгадки своего существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ возможнаго утѣшенія, такъ необходимаго для него среди тревогъ и печалей настоящей жизни. Этимъ объясняется то, почему еще въ древнія времена философы предлагали посильное утѣшеніе человѣку, невидѣвшему въ жизни исполненія своихъ желаній и не могущему согласовать съ своими требованіями печальную картину нашего существованія.

Въ XVIII вѣкѣ рѣшала этотъ вопросъ философія деистическихъ оптимистовъ, господствовавшая въ то время въ Ев-

---

*) Т. 3, стр. 164 – 190.

ропѣ и имѣвшая не мало послѣдователей у насъ въ Россіи. Въ связи съ этимъ стоятъ и проповѣдническія разсужденія о счастіи—у Анастасія. Но рѣшеніе этого вопроса въ проповѣди Анастасія не совпадаетъ съ рѣшеніемъ его философами. Тогда какъ философія пыталась достигнуть этого рѣшенія путемъ теоретическихъ изслѣдованій и обосновать счастіе человѣка на его естественныхъ силахъ, проповѣдникъ рѣшаетъ его положительно съ точки зрѣнія нравственно-христіанской. По мнѣнію Анастасія, философія не даетъ никакихъ прочныхъ основъ для счастія, такъ что одинъ слабый ударъ несчастія можетъ разбить въ дребезги эту шаткую теорію: «Разумъ никогда не перестаетъ искать счастія, но онъ, не будучи воскрешенъ вѣрою, носится токмо надъ поверхностію земною, и далѣе чувственныхъ благъ взоръ его не устремляется...

Когда не управляетъ дѣйствіями его небесная мудрость, онъ изъ одной крайности повергается въ другую. Скоро чувственныя прелести возлагаютъ оковы на всѣ его желанія. Онъ дѣлается плѣнникомъ страстей. Въ такомъ усыпленіи постигнувъ его несчастія громъ, вдругъ и устрашаетъ, и разитъ, и убиваетъ... Такимъ образомъ, онъ въ счастіи есть трость, колеблемая вѣтромъ противодѣйствующихъ страстей, а въ несчастіи—прахъ, восхищаемый отчаянія вихремъ»...(*) «Что можетъ утѣшить въ прискорбныхъ случаяхъ того, который никогда не полагалъ Бога помощникомъ себѣ? Терпѣніе, мужество, великодушіе, надежда. Вотъ щиты, которыми философія противу превратностей и бѣдствій вооружаетъ человѣка! Тщетныя вооруженія, слабыя защиты, если онѣ не укрѣплены твердымъ упованіемъ на провидѣніе и порученіемъ себя правленію Божію... Такой безбожный мудрецъ будетъ оплакивать безутѣшно судьбу свою, и прерывающимися смертными воздыханіями гласомъ вопить: «Обыде мя послѣдняя бездна, и нѣсть избавляяй мя».(**) «Счастливъ только истинный христіанинъ, который не плѣняется совершенствами своего ума и сердца, и во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ полагается на промыслъ Божій,—который

(*) Т. 1, стр. 119—120.
(**) Т. 1, стр. 57.

предань добродѣтели, съ готовностію исполняетъ всѣ возложенныя на него нравственныя и общественныя обязанности» (*)

Таковъ характеръ міровоззрѣнія Анастасія Братановскаго и другихъ проповѣдниковъ второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Они не подчиняли христіанскія истины контролю холоднаго разсудка; но съ ораторскимъ одушевленіемъ, съ глубокимъ чувствомъ вѣры въ эти истины и любви къ нимъ раскрывали значеніе ихъ въ настоящей жизни человѣка. Эти качества проповѣдей были тѣми могущественными орудіями, при посредствѣ которыхъ проповѣдники увлекали своихъ слушателей и вызывали у нихъ слезы сердечнаго сокрушенія (**) Натуры цѣльныя и даже увлеченныя потокомъ общаго крайняго направленія, но еще сохранившія въ себѣ задатки нравственнаго чувства и душевной теплоты, не могли устоять противъ обаятельнаго вліянія проповѣдниковъ. Человѣкъ же односторонне развитый, привыкшій всякое непосредственное убѣжденіе чувства подчинять контролю холоднаго разсудка, могъ спорить съ проповѣдниками нравственнаго направленія и не убѣдиться ихъ доводами. Въ слѣдствіе этого въ исторіи русскаго проповѣдничества должна была появиться новая проповѣдническая эпоха, представители которой опровергали теоретическія заблужденія современниковъ строго-логическимъ путемъ.(***)

(*) Т. 1, стр. 59—60.

(**) Отзывъ Импер. Екатер. II о проповѣдяхъ Платона.

(***) Источники: Поучит. слова преосв. Анастасія 4 тома; изд. 1814 г. съ приложеніемъ къ первому тому начертанія жизни преосв. Анастасія. Странникъ 1876 г. т. 1, статья Н. Покровскаго.

Эпоха созерцательно-богословскаго направленія въ проповѣди, отъ конца прошедшаго до половины настоящаго вѣка.

Причины появленія этого направленія.

Хотя проповѣдники нравственнаго направленія успѣли сдѣлать многое для искорененія господствующаго невѣрія въ нашемъ отечествѣ, но они искоренили его тамъ, гдѣ атеизмъ не свилъ еще себѣ прочнаго гнѣзда, гдѣ идеи запада были однимъ только увлеченіемъ, а не сознательнымъ усвоеніемъ разума. Что же касается такъ называемаго высшаго общества, то оно, живя умственною, разсудочною жизнію, не могло удовлетвориться отвѣтами проповѣдниковъ предшествующаго періода; въ ихъ мысли происходило постоянное броженіе, и они спрашивали о всемъ: такъ ли это, почему такъ, точно ли это есть основаніе? и т. д. Такими вопросами задавалась тогда большая часть цивилизованнаго русскаго общества. Нужно было отвѣчать на эти вопросы; но отвѣчать такъ, какъ отвѣчала на подобные же вопросы проповѣдь предшествущей эпохи,—добрыми совѣтами и наставленіями, проникнутыми горячимъ религіознымъ чувствомъ, изложеніемъ одного нравственнаго христіанскаго ученія и указаніемъ его превосходства въ жизни предъ ученіемъ естественнымъ,—теперь было нельзя. Такими разъясненіями умилялось сердце, но умъ не удовлетворялся. Ему хотѣлось понять основу, сущность всего, что такъ привлекательно рисуется проповѣдниками; слѣдовательно нужно было говорить разсудку отъ разсудка, а не отъ сердца. Теоретическому убѣжденію, хотя бы основанному на ложномъ философскомъ принципѣ, нужно было противопоставить другой философскій принципъ, основанный на истинѣ, поразить ихъ тѣмъ же орудіемъ, которымъ они боролись, опровергнуть философское невѣріе путемъ строго логическаго разоблаченія его несостоятельности. Представителями новаго направленія въ проповѣди были: Ѳеофилактъ Русановъ, Экзархъ Грузіи, Филаретъ, митрополитъ московскій и херсонскій архіепископъ Иннокентій.

Θеофилактъ Русановъ, Экзархъ Грузіи.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Θеофилакта Русанова. Обзоръ проповѣдей Θеофилакта. Ученый характеръ ихъ. Способъ рѣшенія вопросовъ объ источникахъ невѣрія и послѣдствіяхъ его. Отношеніе Θеофилакта къ мистицизму. Рѣшеніе вопросовъ о соціальныхъ отношеніяхъ членовъ общества. Историческій элементъ въ проповѣди Θеофилакта и ея вліяніе на слушателей.

Θеофилактъ Русановъ, землякъ Ломоносова, дѣлается извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ 1788 году въ число учениковъ С.-Петербургской Александроневской семинаріи, гдѣ, окончивъ курсъ, поступилъ въ монахи и сталъ заниматься преподаваніемъ Закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ. Здѣсь только, когда Θеофилактъ имѣлъ возможность сблизиться съ свѣтскимъ обществомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости дополнить свое скудное семинарское образованіе. Тогдашнее образованіе въ семинаріяхъ подчинено было схоластическому методу; свѣтскія науки — математика исторія, географія и новые языки совсѣмъ не входили въ программу семинарскаго образованія. Θеофилактъ понялъ недостаточность подобнаго образованія и принялся за изученіе новыхъ языковъ, и особенно французскаго, который въ то время былъ гораздо употребительнѣе въ обществѣ, чѣмъ другіе языки и имѣлъ обширную литературу. Благодаря этому средству, Θеофилактъ изучилъ свѣтскія науки въ томъ видѣ, какъ они существовали тогда въ Европѣ; особенно изучилъ философію, эстетику и исторію. Умѣнье правильно говорить по французски обратило на него вниманіе свѣтскаго общества и Императора Павла. Въ 1795 году онъ сталъ архимандритомъ; чрезъ три года, будучи еще въ санѣ архимандрита, онъ назначенъ былъ членомъ Св. Синода; въ 1799 году посвященъ былъ въ санъ епископа калужскаго. Въ Калугѣ онъ обратилъ вниманіе на образованіе духовенства и устроилъ семинарію, произнесъ съ каѳедры нѣсколько замѣчательныхъ проповѣдей. Скоро онъ вызванъ былъ въ Петербургъ для принятія участія въ коммиссіи по составленію «плана къ усовершенію духовныхъ училищъ и содержанія духовнаго причта». Здѣсь онъ окончилъ дѣло, — начатое прежде его, — по учебной и административной части духовныхъ училищъ; а сторона экономическая этого дѣла, разработанная Анастасіемъ Братановскимъ, исправлена была Сперанскимъ.

По рекомендаціи Сперанскаго, бывшаго товарищемъ по школѣ Ѳеофилакту и Галицына, Императоръ Александръ оказывалъ Ѳеофилакту знаки особеннаго благоволенія. Уставъ духовныхъ училищъ утвержденъ Императоромъ 26 іюня 1808 года, а въ 1809 году начато было его введеніе въ петербургскомъ учебномъ округѣ. Прежде другихъ преобразована была с.-петербургская духовная академія: открытіе ея послѣдовало 17 февраля того же 1809 года.

Въ преобразованной академіи Ѳеофилактъ Русановъ былъ сдѣланъ профессоромъ словесности. Періодъ академической дѣятельности Ѳеофилакта былъ блестящимъ періодомъ въ его жизни: онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и въ академіи, и въ Синодѣ, и при Дворѣ и въ обществѣ: въ академіи онъ славился, какъ хорошій профессоръ, въ Синодѣ, какъ дѣятельный и энергическій членъ, при Дворѣ, какъ умный человѣкъ, въ обществѣ, какъ отличный проповѣдникъ. Но этотъ же самый періодъ былъ вмѣстѣ и началомъ паденія Ѳеофилакта. Причина этого паденія заключалась въ измѣнившихся къ нему личныхъ отношеніяхъ Сперанскаго, Голицына и митрополита Амвросія и ближайшій толчекъ къ этому былъ данъ извѣстною исторіею съ Фесслеромъ. Преподаваніе еврейскаго языка въ академіи, за недостаткомъ хорошихъ преподавателей въ Россіи, шло весьма неудовлетворительно. Вслѣдствіе этого рѣшено было пригласить на каѳедру этого языка кого нибудь изъ за границы. По рекомендаціи одного профессора академіи Лодія,—изъ австрійскихъ славянъ,—вызванъ былъ Сперанскимъ на каѳедру еврейскаго языка извѣстный оріенталистъ, докторъ философіи Игнатій Фесслеръ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Фесслеръ немедленно завелъ у себя домашнюю масонскую ложу. Сперанскій былъ принятъ въ эту ложу, но посѣтилъ ее только два раза. Съ перваго раза личность эта возбудила подозрѣніе въ Ѳеофилактѣ и подозрѣнія его оправдались. Фесслеръ, пользуясь авторитетомъ европейскаго ученаго, сталъ вмѣшиваться въ занятія студентовъ, не относящіяся къ области его преподаванія, и проводилъ въ среду студентовъ свои собственныя философскія воззрѣнія. Митрополитъ Амвросій, изъ угожденія Сперанскому и Голицыну, терпѣлъ Фесслера и даже предложилъ ему преподаваніе философіи. Ѳеофилактъ вооружился противъ этого и представилъ фактическія осно-

ванія, по которымъ Фесслеръ не долженъ былъ считаться человѣкомъ, годнымъ для воспитанія духовнаго юношества. Онъ указалъ во первыхъ на разборъ одного изъ сочиненій Фесслера, подъ заглавіемъ «Терезія», гдѣ сказано было, что авторъ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній, потерялъ первую, отринулъ послѣднія и сдѣлался идеалистомъ; а во вторыхъ—на составленную Фесслеромъ для академическихъ чтеній програму философіи, начала которой Ѳеофилактъ называетъ разрушительными, а не созидательными. Онѣ подрываютъ религію и совершенно ниспровергаютъ самую философію. Цѣль Ѳеофилакта была достигнута: Фесслеръ удаленъ изъ академіи.

Но устранивъ Фесслера, Ѳеофилактъ самъ подвергся опалѣ. Фесслеръ былъ вызванъ въ академію по инициативѣ Сперанскаго и сверхъ того онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ какъ со стороны Сперанскаго, такъ и Голицына за свои масонскія убѣжденія, которыхъ держались оба названныя лица. Такимъ образомъ, налагая тѣнь подозрѣнія на личность Фесслера и его религіозныя убѣжденія, Ѳеофилактъ затронулъ и убѣжденія представителей гражданской и духовной власти; Сперанскій и Голицынъ разошлись съ нимъ. Въ то же время и митрополитъ Амвросій, держась партій Голицына и находясь въ частыхъ столкновеніяхъ съ Ѳеофилактомъ по дѣламъ академіи, подалъ противъ него свой голосъ. Участь Ѳеофилакта была рѣшена. Оставалось найти благовидный предлогъ, чтобы удалить его на всегда изъ Петербурга. Случай скоро представился. Ѳеофилактъ, занимаясь съ студентами словесностію, знакомилъ ихъ и съ иностранною литературою и по временамъ рекомендовалъ имъ дѣлать переводы лучшихъ изъ иностранныхъ сочиненій. Въ 1811 году, студенты подъ его руководствомъ сдѣлали переводъ одного сочиненія Ансильона, подъ заглавіемъ: «эстетическія разсужденія Ансильона». Переводъ признанъ былъ не православнымъ; Ѳеофилактъ обвиненъ въ вольномысліи и въ 1813 году отправился въ свою рязанскую епархію, куда онъ назначенъ былъ еще въ 1809 г., состоя членомъ Св. Синода.

Главнымъ предметомъ его дѣятельности въ Рязани, также какъ и въ Калугѣ, была семинарія. До него рязанская семинарія не имѣла порядочнаго помѣщенія. Воспитанники

жили въ грязныхъ и душныхъ конурахъ, гдѣ на ряду съ классною мебелью помѣщались рукомойники и лохани. Въ учебномъ отношеніи семинарія представляла смѣсь схоластики и суевѣрія. Въ административномъ отношеніи — грубый деспотизмъ, соединенный съ истязаніями учениковъ. Такъ было вездѣ; такъ было и въ рязанской семинаріи. Преосвященному Ѳеофилакту много предстояло трудовъ, чтобы сколько возможно поднять умственный и нравственный уровень семинаристовъ. Онъ началъ съ того, что построилъ для семинаріи удобное помѣщеніе, воспользовавшись для этого богатыми средствами мѣстныхъ монастырей; за тѣмъ положилъ конецъ суровой семинарской дисциплинѣ. Онъ былъ далекъ отъ того суроваго аскетизма, которымъ проникнута была система тогдашняго воспитанія; онъ смотрѣлъ на жизнь, не какъ не юдоль страданія и слезъ, а какъ на поприще нравственной дѣятельности, гдѣ на ряду съ потребностями духа стоятъ потребности тѣла, въ качествѣ необходимыхъ условій для цѣлей духовныхъ. Это начало цѣльности Ѳеофилактъ старался внести и въ воспитаніе семинаристовъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ ними предпринималъ прогулки, рекомендовалъ имъ гимнастическія упражненія и разрѣшалъ игру на музыкальныхъ инструментахъ, которая до него преслѣдовалась, какъ нѣчто непозволительное. Разсказываютъ, что онъ самъ нерѣдко приходилъ въ комнаты семинаристовъ для того, чтобы принять участіе въ ихъ музыкальныхъ увеселеніяхъ и былъ при этомъ на столько простъ, что заставлялъ ихъ играть народныя пѣсни. «Сыграйте-ка что нибудь повеселѣе», говаривалъ преосвященный, когда семинаристы по старой привычкѣ затягивали въ присутствіи его какую-нибудь монотонную церковную мелодію, — и веселая стройная пѣсня одушевляла все собраніе молодежи. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ, какая искренность и любовь къ ученикамъ семинаріи проглядывали въ душѣ Ѳеофилакта.

Та же искренность и любовь проглядывали въ его отношеніяхъ къ духовенству и обществу. Онъ любилъ принимать у себя гостей и самъ охотно ѣздилъ въ гости. Каждое воскресенье и праздникъ публика толпами стремилась въ покои гостепріимнаго владыки; оживленная бесѣда, которую всегда съ тактомъ могъ поддерживать гостепріимный хозяинъ, считалась лучшимъ времяпрепровожденіемъ для рязанскихъ горожанъ.

Но недолго пользовалось рязанское духовенство такимъ мудрымъ, полезнымъ и добрымъ начальникомъ, а общество пріятнымъ и вмѣстѣ полезнымъ собесѣдникомъ. Внѣ всякаго ожиданія, Θеофилактъ назначенъ былъ экзархомъ Грузіи. Тяжело было ему разставаться съ любимою паствою, а еще тяжелѣе было для паствы лишиться такого архипастыря. Слезы ручьями текли изъ глазъ Θеофилакта, когда онъ прощался съ рязанцами; плакали и рязанцы, провожая его съ городской площади.

Новую среду, новыя лица, новые нравы и обычаи, новый климатъ нашелъ Θеофилактъ, прибывъ въ Грузію. Полный произволъ грузинскихъ архіереевъ при опредѣленіи кандидатовъ на священническія мѣста, нерадѣніе о своихъ прямыхъ обязанностяхъ всѣхъ вообще священно-церковно-служителей, недостатокъ образованія,—все это съ перваго же раза обратило на себя вниманіе Θеофилакта, и онъ съ обычною энергіею принялся за исправленіе порядковъ края. Стоило ему большаго труда подчинить своей власти мѣстное духовенство, которое привыкло, вдали отъ начальства, жить и дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію; но рѣшимость Θеофилакта и здѣсь одержала верхъ: дисциплина введена, вакантныя каѳедры замѣщены отчасти болѣе или менѣе образованными туземцами, отчасти—прибывшими съ Θеофилактомъ изъ Рязани семинаристами.

Не смотря, однакожъ, на обширное поприще, которое представляла для дѣятельности Θеофилакта Грузія, онъ чувствовалъ себя здѣсь не особенно хорошо. Ему не доставало общества, не доставало образованныхъ людей, которые бы могли понять и оцѣнить его. Почти единственнымъ развлеченіемъ его была бесѣда и игры съ маленькими пѣвчими, прибывшими съ нимъ сюда изъ Рязани. Къ скукѣ присоединились еще климатическія неудобства. Рѣзкая смѣна жаркой температуры дня—холодною ночью вредно подѣйствовала на его тучную натуру. Θеофилактъ началъ болѣть, и во время обозрѣнія своей епархіи въ 1821 году онъ получилъ сильную простуду, и 9 іюля того же года скончался къ общей горести всѣхъ знавшихъ его.

Проповѣдническая дѣятельность Θеофилакта началась въ С.-Петербургѣ и продолжалась въ Калугѣ. Результатомъ этой дѣятельности былъ одинъ томъ его проповѣдей, раздѣлен-

ный на двѣ части. Въ составъ этого тома вошли проповѣди, говоренныя въ Петербургѣ и Калугѣ на одни праздничные, высокоторжественные и на особенные случаи (отъ 1796—1806 г.). Отъ времени его остальной жизни въ Рязани и Грузіи не осталось памятниковъ его проповѣднической дѣятельности, отъ того ли, что онъ дѣйствительно не проповѣдывалъ въ этихъ мѣстахъ, или отъ небрежности издателей его проповѣдей,—рѣшить трудно.

Въ выборѣ предметовъ для своей проповѣди Θеофилактъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ проповѣдниками предшествующей эпохи. Онъ такъ же, какъ и они, любилъ обращаться къ современному философскому направленію съ его безусловнымъ довѣріемъ къ разуму, и онъ также, даже съ большею охотою, занимается рѣшеніемъ соціальныхъ вопросовъ. Но какъ человѣкъ, отлично знакомый съ требованіями вѣка, онъ старается дѣйствовать на него его же оружіемъ. «Разсмотримъ,—говоритъ онъ нерѣдко въ началѣ проповѣди,—сію истину очами *здраваго разсудка*».(*) Такой способъ доказательствъ Θеофилакта былъ особенно пригоденъ для тѣхъ слушателей, которые индефферентно, или даже враждебно относились къ религіи не по причинѣ увлеченія чувственностію, но во имя философскаго принципа, во имя знанія.

Соотвѣтственно такому характеру доказательствъ Θеофилакта, невѣріе разсматривается въ его проповѣди не какъ плодъ увлеченія чувственностію, не какъ плодъ страсти, а какъ результатъ стремленія ума преступить свои естественные предѣлы, включить въ тѣсныя рамки естественнаго пониманія то, что по самой природѣ своей стоитъ выше разума, какъ плодъ пристрастія къ выводамъ, основаннымъ на очевидности. «Откуда,—спрашиваетъ проповѣдникъ,—происходитъ въ людяхъ гордое безвѣріе, невоздержанное любытство?—Отъ того, что, желая переступить предѣлы, кои Богъ положилъ изслѣдованіямъ человѣческимъ, предаются они, по писанію, въ неискусенъ умъ творити неподобная (Римл. 1, 28);—отъ того, что у разума требуютъ больше, нежели что можетъ имъ дать»...(*) Величайшій умъ, равно какъ и са-

(*) Ч. 2, стр. 52. Изд. 1823 г.
(**) Ч. 1, стр. 100.

мый обыкновенный, имѣетъ свои предѣлы, коихъ преступить никакъ не можетъ... Познанія наши суть тоже, что слабые огни среди густаго мрака.(*)

Разсуждая такъ, Өеофилактъ не отрицаетъ однако же значенія разума въ дѣлѣ вѣры и спасенія; онъ только благоразумно относится къ этому вопросу, желая ограничить излишнюю пытливость современниковъ, отвергающихъ все, что для нихъ не понятно, признающихъ только то, что имѣетъ такую же очевидность, какъ дважды два=четыре и высшіе вопросы нашего духа, признающіе достояніемъ однихъ скудо-умныхъ людей.(**) «Я не хочу,—говоритъ проповѣдникъ,—поселять въ васъ недовѣрчивость къ уму. Сію отличительную способность человѣка приводящіе въ безславіе сами себя безславятъ. Напротивъ того желать и молиться надобно, чтобы милліоны людей, стенающихъ подъ игомъ чувствъ, воображенія и страстей, были по крайней мѣрѣ здравому смыслу послушны. Это необходимо, когда нѣтъ лучшаго руководителя, а гдѣ и есть онъ, по благодати Господней, то и тамъ всегда надлежитъ совѣтоваться съ здравымъ смысломъ въ вещахъ, принадлежащихъ къ его вѣдомству.(***) Указавъ на значеніе разума въ дѣлѣ спасенія, онъ признаетъ его не нужнымъ и даже опаснымъ въ этомъ дѣлѣ, если не будетъ участвовать здѣсь другая существенная способность нашего духа—чувство, сердце, если вѣрованіе сердца человѣкъ не можетъ согласить съ разумомъ.(****) «Одинъ разумъ необходимъ только въ наукахъ естественныхъ». О значеніи разума въ наукѣ говорятъ въ проповѣди Өеофилакта тѣ картины, въ которыхъ проповѣдникъ изображаетъ плоды человѣческаго просвѣщенія: «Сколь ни длинна цѣпь вѣковъ прошедшихъ, но человѣка умъ вдругъ обозрѣваетъ ее, и сколь ни мрачна будущность, а любопытное око его предвидитъ судьбы наиотдаленнѣйшаго потомства. Природа, кажется, совершенно возбранила ему касаться крайностей ея, но онъ чрезъ искусство свое, подобно отважнымъ мореходцамъ, до-

---

(*) Ч. 1, стр. 81.
(**) Ч. 1, стр. 158.
(***) Ч. 1, стр. 206. Ср. стр. 170.
(****) Ч. 1, стр. 158. Ч. 2, стр. 47—48.

стигъ до береговъ невидимыхъ и видимыхъ ужасно отдаленныхъ міровъ».(*)

Въ доказательство того, что для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ Ѳеофилактъ признавалъ необходимыми два начала, лежащія въ существѣ человѣческаго духа: разумъ и чувство, и не давалъ никакого значенія первому, дѣйствующему въ разладѣ съ чувствомъ и послѣднему, полагающему себя въ основу всего, чего не можетъ анализировать разумъ, мы укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ проповѣдяхъ Ѳеофилакта, гдѣ его взглядъ на этотъ предметъ высказывается очень ясно. Такъ, характеризуя матеріализмъ, онъ указываетъ на его внутреннее противорѣчіе съ влеченіями сердца, безплодность его изслѣдованій и сопоставляетъ его съ доктриной древнихъ еретиковъ. «Патріархъ нынѣшнихъ вольнодумцевъ—знаменитый Баиль (+ 1706 г.) гораздо откровеннѣе своихъ послѣдователей: дарованіе мое, говоритъ онъ, состоитъ только въ томъ, чтобы производить сомнѣнія, и они остаются для меня не болѣе, какъ сомнѣніями же. Модные философы! рѣдкіе и высокіе умы, кои нарицаете себя свѣтильниками, солію земли! вотъ на что разрѣшаются всѣ ваши изслѣдованія, всѣ ваши мудрованія! вы не согласуетесь ни другъ съ другомъ, ни съ самими собою... Матеріалистъ никакъ не можетъ вѣрованіе своего сердца согласить съ разумомъ».(**) Въ другомъ мѣстѣ, показавъ безбожія въ древнемъ мірѣ и прослѣдивъ кратко его исторію, проповѣдникъ говоритъ: «и вотъ нынѣшніе матеріалисты всѣ не больше значатъ, какъ ученики языческой школы... Нисходя къ первымъ временамъ христіанства, раскрываемъ писанія церковныхъ учителей и усматриваемъ, что они на всякой почти страницѣ занимались или опроверженіемъ заблужденій ересеначальниковъ, посрамленіемъ невѣрцевъ. Такимъ образомъ нынѣшніе изувѣры и вольнодумцы принадлежатъ или къ сумасброднымъ сектамъ Марціоновъ, Цельсовъ, Парфиріевъ, или къ злодѣйскимъ вертепамъ Іуліановъ Спинозъ, Баилей, которыхъ мрачныя системы праведно могутъ назваться по-

(*) Ч. 1, стр. 146—147.
(**) Ч. 2, стр. 47—48.

гребалищемъ—какъ для здраваго смысла, такъ и для благонравія».(*)

Изображая шаткость и непослѣдовательность системы невѣрія и матеріализма, проповѣдникъ указываетъ средства, которыми пользовались атеисты для униженія вѣры христіанской. И хотя эти средства, по видимому, ничтожны, пусты и не заслуживаютъ никакого вниманія, тѣмъ не менѣе проповѣдникъ даетъ имъ значеніе. «Возмутители прошедшаго вѣка»,—говоритъ онъ,—«распростерли такое мрачное покрывало сомнѣнія на всѣ начала христіанства, что истина казалась быть изгнанною изъ свѣта. Сихъ возмутителей народнаго спокойствія отличительное свойство есть—осмѣивать все святое, несчастныхъ лишать послѣдняго утѣшенія въ ихъ горестяхъ, съ сильныхъ и богатыхъ снимать единственную узду прещенія небесъ и въ тоже время выдавать себя за просвѣтителей и друзей человѣчества! Посрамленіе святыни есть для христіанина гоненіе, опаснѣйшее всякаго притѣсненія. Когда Юліанъ говорилъ безъ шутокъ, тогда св. Кириллъ торжествовалъ надъ нимъ, но коль скоро Государь начиналъ изъясняться языкомъ ироніи, то патріархъ терялъ(?) уже плоды своея бесѣды. Юліаны снова возродились въ прошедшемъ столѣтіи, которые еще полновластнѣе господствовали надъ умарасположеніемъ народа. И мущины, и женщины, и просвѣщенные, и невѣжды учредили при себѣ училища безвѣрія; за стыдъ почитали быть и называться христіанами и ублажали участь свою, что родились въ вѣкъ безбожниковъ деистовъ, которые мечтали всю мудрость букварнымъ порядкомъ сгромоздить въ энциклопедіи».(**) Изъ приведенныхъ словъ нельзя не видѣть, что Өеофилактъ понималъ смыслъ и опасность тогдашняго невѣрія для полуобразованнаго, и невѣжественнаго русскаго общества, когда указывалъ на саркастическій характеръ невѣрія. Такое общество, не имѣющее никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, мало мыслящее, а принимающее на вѣру все, что ему говорятъ люди больше его развитые, очевидно, не могло устоять, когда стали издѣваться надъ его вѣрованіями, освященными вѣка-

(*) Ч. 2, стр. 262—263.
(** Ч. 2, стр. 175—176.

ми, и рѣшилось лучше отказаться отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ.

Вредъ деистическаго направленія Ѳеофилактъ доказываетъ живымъ, совершившимся у всѣхъ на глазахъ, фактомъ французской революціи: «мы видѣли, и теперь еще видимъ,— въ какую бездну злоключеній,—низпала и какими злодѣйствами обезславила себя просвѣщенная нація, какъ скоро предпочла обманчивый блескъ философіи свѣту ученія Христова. Мы видѣли опытное подтвержденіе сей истины, что превращеніе въ нравственномъ мірѣ неизбѣжно влечетъ за собою превращеніе и въ политическомъ, и что безвѣріе рано, или поздно,—но всегда оканчивается паденіемъ царствъ земныхъ и погашеніемъ моральнаго чувства. Время, наконецъ, время, слушатели, изъ чуждыхъ бѣдствій познать, ежели кто имѣлъ несчастіе сомнѣваться доселѣ, что съ христіанскими правилами и земная жизнь счастлива» и т. д.(*)

Ѳеофилактъ, обличая безусловное невѣріе, возстаетъ также противъ убѣжденія относительно равноправности религій;(**) опровергаетъ воззрѣніе на религію, какъ на фактъ, имѣющій свое основаніе въ естественныхъ силахъ человѣка,(***) и наконецъ порицаетъ индифферентизмъ и холодное равнодушіе къ религіи, страсть къ роскоши, забавамъ, баламъ, небрежность въ воспитаніи дѣтей, поручаемыхъ обыкновенно наемнымъ наставникамъ.(****)

Обращаемся къ другому роду проповѣдей Ѳеофилакта,— гдѣ онъ трактуетъ о соціальныхъ и нравственныхъ вопросахъ. Большая часть проповѣдей падаетъ на высокоторжественные дни, когда всего естественнѣе было говорить объ условіяхъ благоденствія общества или государства, о взаимныхъ отношеніяхъ властей и подчиненныхъ и т. п. И здѣсь ясно высказывается критическій тактъ проповѣдника и его тонкое наблюденіе надъ идеалами либеральныхъ современниковъ. Онъ знакомъ былъ съ соціальными теоріями, развившимися въ его время на западѣ, особенно въ эпоху революціи, зналъ, что онѣ стояли въ тѣснѣйшей связи со всею

(*) Ч. 2, стр. 176—177.
(**) Ч. 2, стр. 48.
(***) Ч. 1, стр. 71, 160—161.
(****) Ч. 1, стр. 67.

системою тогдашней философіи и что, съ перенесеніемъ на русскую почву этихъ философскихъ началъ, проникли въ нее и западно-европейскія соціальныя тенденціи. Такое положеніе дѣла вызывало проповѣдника на сравненіе началъ общественной жизни—по евангелію съ началами, предлагаемыми философіей.

Говоря о существенной основѣ общественной жизни, Ѳеофилактъ указываетъ на нравственныя начала христіанства, которыя служатъ краеугольнымъ камнемъ общественнаго блага и которыя не только не налагаютъ никакихъ стѣснительныхъ узъ на естественныя стремленія людей къ наукѣ, искусству и т. п., но на оборотъ возвышаютъ эти стремленія.(*) Благочестіе и общественное благоденствіе такъ тѣсно связаны между собою, какъ душа и тѣло. «Нѣтъ такой въ христіанство обращенной страны, гдѣ бы не болѣе благоденствовали люди и не болѣе отличались общественными дѣяніями, нежели у самыхъ знаменитыхъ народовъ языческихъ, кои по временамъ блистали добрыми гражданами, но скоро и теряли сей блескъ своею несправедливостію и непризнательностію къ ихъ заслугамъ».(**) На ряду съ своими убѣжденіями проповѣдникъ ставитъ убѣжденія «мірскихъ нравоучителей», которые важнѣйшимъ двигателемъ общественнаго благостоянія признаютъ страсти, и разбирая этотъ принципъ, доказываетъ его несостоятельность. «Страсти въ человѣкѣ или низки и подлы, или законопреступны: каковы—ненависть, гнѣвъ, честолюбіе, любостяжаніе.(***) Отъ чего вражда, хищеніе, грабежи, убійство? – Отъ соударенія страстей и слабости. Отъ чего междоусобныя войны, потрясенія алтарей Господнихъ и престоловъ царскихъ? Отъ того, что одни, стеня подъ бременемъ властолюбія и корыстолюбія, силятся поработить своимъ страстямъ страсти другихъ».(****) Фактическое подтвержденіе этой мысли Ѳеофилактъ видитъ во французской революціи(*****). Совершенно ясно, что Ѳеофилактъ выясняетъ идеалъ общественнаго благоденствія, имѣя

(*) Ч. 1, стр. 41—43.
(**) Ч. 2, стр. 153—154.
(***) Ч. 1, стр. 36—46.
(****) Ч. 1, стр. 77.
(*****) Ч. 2, стр. 117.

въ виду опровергнуть ложное понятіе объ источникахъ этого благоденствія.

Общество, построенное на началахъ христіанскихъ, необходимо предполагаетъ равенство членовъ, исключаетъ всѣ проявленія эгоизма, проглядывающаго въ тѣхъ обществахъ, которыя не нравственными началами евангелія одушевляются, а сплачиваются при посредствѣ внѣшней силы или придуманныхъ теорій.(*) Но говоря о равенствѣ членовъ, Өеофилактъ разумѣетъ только одно равенство нравственное, а отнюдь не политическое. Такое нравственное равенство не исключаетъ отношеній подчиненности между членами общества, не исключаетъ, и скорѣе требуетъ признанія власти Государя, въ лицѣ котораго сливаются и находятъ свой центръ частные интересы членовъ государства.(**) На этотъ разъ мы находимъ у Өеофилакта стройную схему управленія, построенную на подчиненіи низшихъ властей высшимъ, на взаимномъ довѣріи и любви начальствующихъ и подчиненныхъ— въ противоположность идеѣ о республиканской формѣ управленія.(***)

Перенося, въ противоположность философамъ теоретикамъ, вопросъ объ общественномъ благоустройствѣ на почву христіанскую—практическую и вполнѣ понимая духъ этого учрежденія, Өеофилактъ не позволялъ себѣ того,—простирающагося не рѣдко до аскетизма,—увлеченія, которое замѣтно у проповѣдниковъ моралистовъ, обыкновенно разсыпающихъ громы на все, что только ведетъ къ внѣшнему благополучію человѣка, или общества. Өеофилактъ смотритъ на общество прежде всего, какъ на организмъ, въ которомъ весьма важную роль играетъ и его внѣшняя сторона. Онъ не переноситъ человѣка прямо на небо, не хочетъ видѣть въ немъ безстрашнаго, безплотнаго духа, равнодушнаго ко всѣмъ благамъ земли, но, вполнѣ понимая смыслъ тѣснаго соединенія души съ тѣломъ, даетъ надлежащую оцѣнку и земному поприщу человѣка. Проповѣдникъ отрицаетъ ту, излюбленную столь многими моралистами мысль, «что мы должны непрестанно думать о смерти и такъ бы поступать и дѣй-

(*) Ч. 2, стр. 282—283. Ч. 1, стр. 77.
(**) Ч. 2, стр. 105.
(***) Ч. 2, стр. 94, 133 и др.

ствовать, какъ бы ежеминутно мы готовились умирать.— «Нѣтъ», говоритъ онъ, «таковая мысль, если будетъ не отлучна отъ насъ, отравитъ всѣ невинныя удовольствія жизни, поселитъ въ насъ пагубную безпечность объ успѣхѣ общественныхъ обязанностей»...(*)

Наконецъ къ характеристикѣ проповѣдей Ѳеофилакта можно прибавить, что онъ не рѣдко въ нихъ любилъ выказать свою обширную эрудицію. Разсуждая объ истинахъ, представляющихъ живой интересъ и прибѣгая для подкрѣпленія ихъ къ разсудочнымъ соображеніямъ, онъ въ тоже время обращался къ даннымъ исторіи древней и новой и отсюда почерпалъ новыя доказательства и разъясненія своихъ положеній. У него находятся такія проповѣди, которыя представляютъ громадный подборъ историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ древности, такъ что проповѣдь его въ такомъ видѣ является ученымъ историческимъ изслѣдованіемъ. Образцами въ этомъ родѣ могутъ служить слова его: «на день Рождества Пресв. Богородицы;(**) на день Вознесенія Господня;(***) на день преподобнаго Алексія—человѣка Божія и др. Нѣтъ у Ѳеофилакта глубокаго чувства, нѣтъ у него той энергіи и воодушевленія, которыми отличались проповѣдники—моралисты; но за то у него—глубокая мысль, изслѣдованная со всѣхъ сторонъ. Само собою понятно, что проповѣдь съ подобными свойствами дѣйствуетъ прежде всего на мыслительную способность слушателей и только путемъ логическаго убѣжденія вліяетъ на нравственное существо человѣка, на его практическую дѣятельность. Но проповѣди эти произносились не предъ простыми слушателями, а или при Императорскомъ Дворѣ, или въ невской лаврѣ, или же въ соборной церкви въ Калугѣ; поэтому пріемы Ѳеофилакта можно назвать цѣлесообразными. Къ этому еще нужно прибавить отсутствіе искусственнаго построенія, чистый русскій языкъ, почти безъ всякой примѣси славянизмовъ, и тогда понятно будетъ то дѣйствіе, какое производила эта проповѣдь на слушателей. По крайней мѣрѣ из-

(*) Ч. 1, стр. 49, 86 и др.
(**) Ч. 1, стр. 58. (***) Ч. 1, стр. 171.

вѣстно, что въ Петербургѣ народъ толпами собирался на набережной Васильевскаго острова, гдѣ было калужское подворье, и ожидалъ проповѣди этого ученаго проповѣдника.(*)

Филаретъ, митрополитъ Московскій.

(1782 г. 26 декабря—1867 г. 19 ноября).

Рожденіе, воспитаніе и служеніе въ званіи учителя троицкой семинаріи; первые проповѣднические опыты. Принятіе монашества. Переходъ Филарета въ С.-Петербургъ; его служеніе тамъ при семинаріи, духов. академіи и александроневскомъ училищѣ. Слава Филарета; какъ проповѣдника. Приглашеніе ко Двору; впечатлѣніе, произведенное словомъ во второй день праздника Р. Христова на Импер. Марію Θеодоровну. Борьба съ іезуитами; богословско-литературная дѣятельность Филарета. Епископское служеніе Филарета въ Петербургѣ, Твери, Ярославлѣ, Москвѣ; возведеніе въ санъ митрополита московскаго. Занятія митр. Филарета въ Москвѣ: устройство академіи, дѣла епархіальныя и проповѣдничество. Участіе въ рѣшеніи вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасались съ дѣлами государства. 50-ти лѣтній юбилей епископскаго служенія митр. Филарета. Его кончина.

Святитель московскій Филаретъ родился въ г. Коломнѣ 1782 г. 26 декабря. Въ крещеніи дано ему имя Василій. Отецъ его Михаилъ Θеодоровичъ Дроздовъ былъ тогда діакономъ, потомъ сдѣланъ былъ священникомъ. Въ домашнемъ кругу особенно благодѣтельно было для Василія вліяніе его доброй и благочестивой матери. Въ 1791 году, девяти лѣтъ отъ роду, послѣ домашняго воспитанія, онъ отданъ былъ въ коломенскую семинарію. Озадаченный варварскими пріемами школьныхъ учителей того времени, онъ долго не могъ привыкнуть къ школѣ и часто роднымъ приходилось его отыскивать скрывшагося гдѣ нибудь въ баркахъ на рѣкѣ Окѣ. По упраздненіи въ 1799 г. коломенской семинаріи, Василій Дроздовъ перешелъ въ троицкую лаврскую семинарію и поступилъ въ философскій классъ. Скоро въ лаврской семинаріи онъ обратилъ на себя доброе вниманіе начальства, и, по окончаніи богословскаго курса, сдѣланъ былъ въ 1803 г. учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Въ январѣ 1806 г. Василій Михайловичъ Дроздовъ пріобрѣтаетъ извѣ-

---

(*) Смотри статью: „Экзархъ Грузіи, Θеофилактъ Русановъ и его проповѣди." Н. В. Покровскаго. Странникъ 1877 г. январь и мартъ.

стность и какъ проповѣдникъ. 12 января, на день освобожденія обители преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ (поляковъ и литовцевъ) онъ сказалъ проповѣдь, которая по распоряженію митр. Платона была напечатана. Потомъ онъ говорилъ, по назначенію Платона, и еще проповѣди, которыя произвели такое впечатлѣніе на митрополита, что онъ отдалъ молодому проповѣднику первенство надъ собою. Въ августѣ 1806 года Василій Михайловичъ былъ опредѣленъ учителемъ поэзіи и назначенъ быть проповѣдникомъ при троицкой лаврѣ, съ тѣмъ, чтобы говорить проповѣди въ воскресенье и въ праздники. Продолжительная разлука съ семьею и сосредоточенныя занятія Св. Писаніемъ и отцами церкви, расположили его къ отреченію отъ міра – къ монашеству. Въ 1808 году 16 ноября Василій Михайловичъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Филарета, а 21 ноября Платонъ посвятилъ его въ іеродіакона. Въ концѣ того же года, когда предположено было открыть петербургскую академію, Филаретъ вызванъ былъ въ наставники академіи къ великому огорченію Платона. Платонъ скорбѣлъ о разлукѣ съ Филаретомъ и просилъ Св. Синодъ возвратить его въ троицкую семинарію, гдѣ онъ можетъ лучшій успѣхъ оказать для общей пользы. Но Св. Синодъ отказалъ Платону въ его просьбѣ и свой отказъ объяснилъ тѣмъ, что Филаретъ предназначенъ въ академію баккалавромъ богословскихъ наукъ и вслѣдствіе назначенія къ такой важной должности уволенъ быть не можетъ.

Въ Петербургѣ новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Это время посвящено было имъ здѣсь, главнымъ образомъ, на образованіе духовнаго юношества и ученымъ занятіямъ богословскою наукою. За всѣ свои труды онъ быстро возвышался по лѣстницѣ іерархическихъ степеней и разныхъ почетныхъ должностей: 23 февраля 1809 г. Филаретъ опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и профессоромъ философскихъ наукъ, съ званіемъ академическаго баккалавра; 28 марта того же года былъ рукоположенъ въ іеромонаха и назначенъ ректоромъ александроневскаго училища, съ оставленіемъ въ прежней должности. При всей многосложности и трудности служебныхъ обязанностей Филаретъ не оставлялъ

здѣсь и дѣла проповѣди слова Божія. Съ этого времени начинается громкая извѣстность его, какъ проповѣдника. Какъ проповѣднику, выдававшемуся изъ другихъ своими дарованіями, ему назначали въ Петербургѣ говорить проповѣди при какихъ либо особенныхъ случаяхъ. Такъ слово его раздается при освященіи Казанскаго собора, при погребеніи первыхъ государственныхъ лицъ—графа А. С. Строганова, графа П. В. Завадовскаго, князя Кутузова-Смоленскаго. Его на перерывъ приглашаютъ для служенія и проповѣди въ домовыхъ церквахъ знатнѣйшіе вельможи и оберъ-прокуроръ Св. Синода. 30 іюня 1811 г. Филаретъ получаетъ отъ Государя наперстный крестъ съ драгоцѣнными камнями, а 8 іюля возводится въ санъ архимандрита и получаетъ должность ректора академіи. Въ 1813 году онъ сопричисленъ къ ордену св. равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста «за неусыпные труды въ образованіи духовнаго юношества и за назидательныя поученія». Слава Филарета открыла ему путь къ каѳедрѣ придворной церкви. Однажды, въ отсутствіе Императора Александра, Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила Филарета сказать слово въ придворной церкви на второй день праздника Рождества Христова 1814 г. Филаретъ сказалъ вдохновенно суровое и обширное слово о любви къ міру. Начертанная въ этомъ словѣ смѣлою рукою животрепещущая картина придворнаго быта вообще не понравилась Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ, вѣроятно потому, что она приписывала Филарету намѣреніе изобличить придворную суету сует̃ъ. Тотъ часъ, послѣ богослуженія, Государыня подошла къ князю А. Н. Голицыну и, какъ будто требуя у него отчета въ подозрѣваемомъ умыслѣ, сказала: «Я право, не знаю, чего хотѣлъ о. Филаретъ. Не можете ли вы объяснить мнѣ, къ чему клонилось его слово»? «Неизвѣстно»,—отвѣтилъ ей оберъ-прокуроръ. Но послѣ этого Филаретъ во Дворцѣ уже не проповѣдывалъ. Конечно, это не печалило его и не ослабляло его энергіи и усердія, которыя такъ необходимы были ему для исполненія своихъ многосложныхъ обязанностей.

Въ то время проникли въ Россію іезуиты и явились крайне вредными для православія. Не успѣвъ склонить Императора Павла на соединеніе церквей, они скоро пустили въ ходъ обыкновенную свою мѣру,—предложили свои услуги

при воспитаніи дѣтей, проникли въ лучшіе дома и очутились воспитателями нашего барства; ловко посѣянные ими плевелы стали оказывать и плоды. Начались явныя совращенія нашихъ боярычей, питомцевъ іезуитской коллегіи; во всѣхъ гостиныхъ смѣло витійствовали въ пользу латинства. Синодъ, Дворъ и оберъ-прокуроръ встрепенулись. Обратились къ архимандриту Филарету и предложили ему написать поскорѣе полное опроверженіе латинскихъ притязаній и догматовъ, что и выполнилъ онъ превосходно въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной, греко-россійской церкви».(*) Немедленно сочиненіе это было напечатано по распоряженію Св. Синода. Но этого было недостаточно для противодѣйствія іезуитамъ, которые распространяли свои заблужденія вездѣ, гдѣ только представлялась возможность къ тому, и Филаретъ выступилъ противъ нихъ съ живымъ устнымъ словомъ. Въ 1816 году іезуитовъ выслали изъ Петербурга, а потомъ въ 1820 году совсѣмъ изъ Россіи. 1816 годъ является годомъ усиленной литературной дѣятельности о. Филарета. Такъ въ этомъ году выходитъ въ свѣтъ «начертаніе церковно-библейской исторіи», «записки на книгу бытія». Кромѣ этого онъ назначается однимъ изъ первыхъ членовъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Но главное и неусыпное вниманіе его было обращено на ввѣренную ему академію. Онъ заботился о лучшей постановкѣ учебнаго курса; зорко слѣдилъ за дѣятельностію самихъ наставниковъ и дѣлалъ имъ замѣчанія, хотя между ними были и епископы. Таковы были труды Филарета въ теченіе семи лѣтъ его служенія въ академіи до каѳедры епископской. Митрополитъ петербургскій Амвросій, любившій о. Филарета, какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощника епископскаго служенія. Ученость, дарованія и неутомимое трудолюбіе Филарета хорошо были извѣстны вниманію Императора, и онъ 23 іюля 1817 г. утвердилъ его избраніе въ званіе викарія с.-петер. епархіи, съ наименованіемъ епископомъ ревельскимъ и съ оставленіемъ въ долж-

(*) Подъ испытующимъ разумѣется молодой Голицынъ, совращенный въ латинство, а подъ увѣреннымъ самъ Филаретъ, обращавшій Голицына въ православіе.

ности ректора академіи. 13 марта 1819 года, Филаретъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа тверскаго и въ томъ же году назначенъ членомъ Св. Синода. Только годъ управлялъ преосв. Филаретъ тверскою епархіею; въ 1820 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Ярославль; въ слѣдующемъ году былъ возведенъ на каѳедру первопрестольной Москвы съ саномъ же архіепископа и священно-архимандрита троицкой сергіевой лавры. Съ этихъ поръ святитель до конца дней своихъ оставался въ Москвѣ, отправляясь въ Петербургъ только въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Въ Москвѣ онъ обращалъ особенное вниманіе на воспитаніе и образованіе духовенства, занимался вмѣстѣ съ другими переводомъ св. писанія на русскій языкъ, составилъ катихизисъ. Къ этому же времени его жизни относится знаменательный фактъ написанія проекта манифеста о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. Когда онъ находился въ Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ, ему было передано письмо цесаревича Константина Павловича къ Императору, отъ 14 января 1822 г., содержащее въ себѣ торжественное отреченіе отъ престола, и повелѣно было, на основаніи этого письма, написать означенный проектъ, что и было исполнено. Объ этомъ секретѣ знали въ то время только пять человѣкъ: Аракчеевъ, Голицынъ, Карамзинъ съ женой и преосв. Филаретъ. Во всемъ этомъ сильно сказалось и довѣріе и высокое вниманіе Императора къ преосв. Филарету. Въ 1826 году преосв. Филаретъ привѣтствовалъ Императора Николая рѣчью при вступленіи въ Успенскій соборъ для совершенія коронованія, и въ этотъ день былъ возведенъ въ санъ митрополита московскаго. Въ Москвѣ онъ занимался устройствомъ духовной академіи, дѣлами епархіальными и проповѣдничествомъ. Всѣ важнѣйшіе вопросы о преобразованіяхъ не только по духовному вѣдомству, но даже въ государствѣ, всегда были провѣряемы его сознаніемъ, какъ духовнаго представителя православной Россіи. И пастырь стада Христова являлся мужемъ государственнымъ, когда былъ призываемъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасались съ дѣлами государства, или когда довѣріемъ самодержцевъ русскихъ поручаемы были ему особенно важныя дѣла. Его могущественному вліянію и заботамъ Россія обя-

зана водворенiемъ начала мира и единенiя московскихъ старообрядцевъ съ православною церковiю. Въ 1854 г. на рогожскомъ кладбищѣ были освящены часовни въ единовѣрческiе храмы. Его рукою писанъ былъ Высочайшiй манифестъ 19 февраля 1861 года, возвѣстившiй мiру о даровании свободы 23 милл. русскихъ людей. 5 августа 1867 г. минуло 50 лѣтъ служенiя его въ епископскомъ санѣ. И церковь православная, и государство русское почтили пастыря за долгую и великую службу его празднованiемъ 50-ти лѣтняго юбилея его епископскаго служенiя. Но вскорѣ послѣ этого юбилея, именно 19 ноября, въ день кончины Александра 1-го, митр. Филаретъ, послѣ литургiи, скончался.

Вотъ какiя мысли и чувства выразило общество при первой вѣсти о кончинѣ митр. Филарета. «Митрополита Филарета не стало!.. Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскiй мiръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтiя свѣтившiй на всю Россiю не оскудѣвая, не померкая... прервалось полустолѣтнее назиданiе всѣмъ русскимъ людямъ въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствовавшаго до конца духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка, и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россiи, то глубоко проникавшее въ тайны богопознанiя, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха»...(*)

Тр. К. Д. Акад. 1867 г. т. 4.

Проповѣдническая дѣятельность митрополита Филарета.

Проповѣдническая плодовитость Филарета. Случаи, по которымъ чаще говорилъ митр. Филаретъ. Характеристика жизни русскаго общества и народа въ періодъ его дѣятельности. Появленіе въ Россіи разныхъ системъ невѣрія, католичества и раскола. Чѣмъ опредѣляется содержаніе и характеръ словъ Филарета, говоренныхъ имъ въ С.-Петербургѣ. Проповѣди противъ невѣрія. Отрицаніе значенія одного ума въ познаніи высшихъ и тинъ христіанства. Проповѣди Филарета „о милосердіи,“—о разныхъ неблаговидныхъ обычаяхъ общества,—о необходимости образованія. Борьба съ католичествомъ и старообрядчествомъ. Ознакомленіе слушателей съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ государствахъ. Характеръ проповѣдей Филарета.

Широка и разностороння была литературная дѣятельность святителя московскаго; но мы остановимся на той части его дѣятельности, которая сдѣлала его извѣстнымъ и популярнымъ для всего русскаго общества, считавшаго его преимущественно проповѣдникомъ. Во всѣхъ трехъ томахъ словъ и рѣчей митрополита Филарета находится 371-но названіе. Въ первомъ томѣ 90 словъ; во второмъ 122 слова. Въ этихъ томахъ заключается слова и рѣчи, обнимающія періодъ въ 35 лѣтъ, отъ 1811 до 1846 года. Третій томъ, обнимающій періодъ въ 15 лѣтъ, отъ 1847—1861 заключаетъ въ себѣ 159 словъ и рѣчей; цифры очень краснорѣчивыя; онѣ говорятъ, что Филаретъ подъ старость проповѣдывалъ гораздо больше, нежели въ первое время своего служенія, что этотъ свѣтильникъ подъ конецъ своего горѣнія горѣлъ и свѣтилъ еще ярче, нежели въ началѣ. Кромѣ того въ изданіяхъ словъ митр. Филарета 1848 и 1861 годовъ пропущено 74 слова, которыя находятся частію въ рукописяхъ, частію въ отдѣльныхъ брошюркахъ, ходившихъ по рукамъ; стало быть, всего произнесено было высокопреосв. владыкою московскимъ 445 словъ, рѣчей и бесѣдъ.

Изъ обозначенія словъ, рѣчей и бесѣдъ его годами видно, что архипастырское слово его въ пятидесятые годы лилось обильнѣе, чѣмъ во всѣ другіе. Нельзя не замѣтить, что въ тоже время и самый характеръ проповѣди его становится проще, чѣмъ прежде; доселѣ преобладали слова, съ 1853 года являются преимущественно бесѣды, собственно же рѣчи не смолкаютъ во весь періодъ его московскаго святительствованія.

Присматриваясь къ случаямъ, по которымъ сказаны были слова и рѣчи митрополита Филарета, видимъ, что всего чаще говорилъ святитель при освященіи храмовъ (66) и на царскіе дни (57); потому что въ эти дни наиболѣе стекалось въ храмы все избранное и мыслящее общество, которое владыка питалъ словомъ о любви небесной. Далѣе святитель Алексѣй и преподобный Сергій каждый годъ возбуждали его святолюбивую душу къ высокой бесѣдѣ (22 слова до 1859 г.). За тѣмъ посѣщенія Москвы членами Царскаго Дома вызывали его на сжатыя и сильныя привѣтствія. Богородичные праздники служили для него почти всегдашнимъ вдохновеніемъ. Наконецъ слѣдуютъ бесѣды на разные случаи изъ жизни: рѣчи рукополагаемымъ епископамъ; слова во время губительной болѣзни; о разныхъ предметахъ ученія христіанскаго; на дни воскресные и праздники Господни и послѣ всего—слова надгробныя, которыя за все время своего служенія митрополитъ произносилъ очень рѣдко и (какъ самъ онъ говоритъ) только покоряясь необходимости: для усопшихъ нужны, по его слову, не повѣсть жизни ихъ и похвала, а исключительно - молитва; для окружающихъ же гробъ, смертные останки вразумительнѣе всякаго слова.

Жизнь русскаго общества и народа въ періодъ дѣятельности преосвященнаго Филарета обусловливала содержаніе и характеръ проповѣдей этого великаго учителя. Обладая обширнымъ умомъ и проницательностію, Филаретъ съ удивительною вѣрностію постигъ немощи народа своего времени, созналъ опасности, грозящія чистотѣ его вѣры, и выступилъ на помощь ему съ живымъ сильнымъ словомъ. Филаретъ касается различныхъ сторонъ жизни русскаго общества и народа, и въ особенности тѣхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ уклоненія отъ духа христіанскаго. Такъ какъ эти уклоненія были результатомъ непониманія христіанскихъ догматовъ, то само собою понятно, что нужно было ознакомить слушателей съ ученіемъ христіанскимъ, съ христіанскими догматами и нравственными истинами, а за тѣмъ, съ указаніемъ ихъ пороковъ и уклоненій, указать средства къ исправленію. Такъ дѣйствительно и дѣлалъ митр. Филаретъ. Раскрывая и изъясняя догматы православной вѣры, убѣждая умъ въ истинахъ священнаго писанія и приготовляя сердце слушателей къ принятію благодати, онъ прямо или косвенно об-

личаетъ современные ему пороки общества, предлагая средства къ искорененію ихъ.

Съ другой стороны чистотѣ православія русскихъ людей вредили тогда несогласныя съ духомъ православія идеи, разсѣваемыя на Руси, какъ отдѣльными личностями, такъ и цѣлыми обществами. Были тогда въ Россіи: деизмъ и натурализмъ, съ ихъ отрицаніемъ промысла Божія, необходимости молитвы, съ ихъ ученіемъ о самодвижномъ ходѣ міровой машины; масонство съ его индифферентизмомъ—«какую бы религію не исповѣдывать, лишь бы быть честнымъ, никого не обижать»; іезуиты и расколъ, которые терпѣлись во имя господствовавшаго тогда ученія о полной свободѣ мысли и просторѣ всякаго развитія; гегелизмъ, который, выходя изъ понятія о духовности религіи, не хотѣлъ подчиняться власти ея учрежденій; матеріализмъ съ его отрицаніемъ нетлѣнія мощей, загробной жизни, воскресенія мертвыхъ. Были и другія подобныя направленія. Филаретъ въ своихъ словахъ обличаетъ сѣятелей неправославныхъ идей и предостерегаетъ слушателей отъ увлеченія такими идеями, раскрывая всю опасность и пагубность ихъ.

Умственнымъ состояніемъ тогдашняго цивилизованнаго общества объясняется и самый характеръ проповѣдей митр. Филарета, большая часть которыхъ состоитъ изъ теоретическаго, философски-догматическаго раскрытія истинъ. Въ ту эпоху, въ которую проповѣдывалъ митр. Филаретъ, русское общество уже начало жить (со временъ Екатерины) умственною, разсудочною жизнію. Оно перестало теперь довольствоваться авторитетами, которымъ слѣдовало прежде безсознательно, автоматически. Все что прежде принимаемо было съ вѣрою, теперь подвергается изслѣдованію. Явились вопросы: такъ ли это? Почему это такъ? Вѣрно ли то, во что прежде вѣровали, что принимали за истину? «Въ наше время, говоритъ Филаретъ въ одной проповѣди,(*) когда люди болѣе прежняго *взыскаша помысловъ многихъ* (Екк. 7, 30), когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную дѣятельность, когда въ разнообразіи помысловъ многихъ ищутъ мнимаго образованія, изящества,

(*) Слова и рѣчи. Ч. 3, стр. 57.

удовольствія, корысти, славы, когда посему души ихъ такъ легко засѣваются мыслями плевельными,—особенно нужно воззывать людей къ размышленію основательному, чистому, возвышенному, благочестивому». Отсюда видно, что самъ проповѣдникъ характеристическою чертою своихъ проповѣдей ставитъ разсудочность; проповѣди свои онъ называетъ не иначе, какъ «разсужденіями», «изслѣдованіями», «размышленіями». Онъ приглашаетъ своихъ слушателей «вникнуть» въ его слова; «послѣдовать за нимъ окомъ ума» и т. д. Впрочемъ нужно замѣтить, что при такомъ своемъ характерѣ слова митр. Филарета не чужды и сердечности; а многія изъ нихъ совершенно лишены умозрительно-богословскаго характера. Все это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Изучая проповѣди митр. Филарета въ хронологическомъ порядкѣ, нельзя не замѣтить той особенности, что проповѣдникъ въ первую четверть настоящаго столѣтія—время преимущественнаго господства деизма, мистицизма, масонства и другихъ направленій, занимается преимущественно раскрытіемъ созерцательныхъ истинъ христіанскаго ученія и ведетъ слушателя къ самоуглубленію, самоиспытанію, самоусовершенію. Онъ любитъ часто говорить о молитвѣ, о промыслѣ Божіемъ, благодѣющемъ надъ вселенною и человѣкомъ, о необходимости благодати Божіей для нашего спасенія, о возможности воздѣйствія Божія на человѣка при существованіи въ немъ свободы, о неповинномъ страданіи, о счастіи, о нетлѣніи мощей, о воскресеніи мертвыхъ, о происхожденіи зла въ мірѣ, о необходимости священно-таинственныхъ установленій христіанской церкви, о томъ, что христіанство не есть сила, задерживающая истинное развитіе человѣчества. Откуда въ проповѣдникѣ предпочтеніе къ этимъ темамъ? Самъ проповѣдникъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «такъ учатъ наши запоздалые философы»,— «этого желаютъ сыны вѣка сего»,—«таковъ нынѣшній образъ мыслей» и т. п. Но и безъ этихъ замѣчаній преосвященнаго Филарета можно узнать въ избираемыхъ имъ темахъ тѣ модныя и довольно распространенныя въ нашемъ образованномъ обществѣ идеи, которыми увлекались и по сіе время увлекаются и старые и малые? Эти темы, очевидно для каждаго, направляются противъ деизма, фатализма, индифферентизма, гегелизма и матеріализма.

Почти во всѣхъ проповѣдяхъ своихъ, гдѣ говоритъ Филаретъ о догматахъ православной вѣры, онъ старается внушить своимъ слушателямъ, что для познанія этихъ истинъ недостаточно одного «естественнаго разума, безъ высшаго управленія откровеніемъ». «Пусть покажутъ, если могутъ, говоритъ проповѣдникъ, общественное дѣйствіе такого разума къ совершенству и блаженству рода человѣческаго... По истинѣ, довольно печальныхъ опытовъ для удостовѣренія, что самоспасеніе человѣчества естественными средствами и усиліями разума, есть не болѣе, какъ мечтаніе и болѣзненный бредъ духовно недугующаго человѣчества. Лучшій и дѣйствительно спасительный подвигъ разума человѣческаго къ совершенству и блаженству человѣчества можетъ состоять только въ томъ, чтобы безпристрастно извѣдать и измѣрить свои силы, средства, недостатки, для сей великой цѣли; понять возможность, признать потребность откровенія свыше».(*)

Въ словѣ въ недѣлю шестую по 50-цѣ,(**) митр. Филаретъ характеризуетъ свое время, сравнивая его съ обстоятельствами событія, случившагося во время жизни І. Христа на землѣ, когда Онъ сначала простилъ грѣхи разслабленному, а потомъ исцѣлилъ его. Указавъ на это событіе, проповѣдникъ обращаетъ вниманіе слушателей на различныя сужденія людей о дѣйствіяхъ Христа Спасителя. Одни изъ народа, «видѣвше это, чудишася, и прославиша Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ». Другіе говорили: «сей хулитъ». И чье жъ это сужденіе? Книжниковъ, людей, которыхъ, по нынѣшнему, надлежало бы назвать образованными, просвѣщенными, учеными?.. Не могутъ ли встрѣтиться и нынѣ люди, которые не называются, правда, и, вѣроятно, не пожелали бы назваться книжниками, но которые, надъ какою нибудь темною книгою, въ туманѣ воображенія, увидѣвъ призракъ истины, вслѣдствіе того почитаютъ себя способными произносить судъ надъ таинствами вѣры, надъ мудростію церкви, надъ дѣлами провидѣнія Божія въ родѣ человѣческомъ?—Что подобныя опасенія не излишни, и внушаемая ими осторожность благопотребна, въ томъ увѣряетъ

(*) Ч. 1, стр. 152.
(**) Ч. 1, стр. 105.

меня апостольское слово. Не къ іудейскимъ книжникамъ, но къ христіанскимъ уже мудрствователямъ, слѣдственно и ко мнѣ и къ вамъ, простираетъ апостолъ увѣщаніе: *глаголю благодатію, давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, то есть, съ благоразумною осторожностію, не выходя изъ предѣловъ смиренномудрія, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры* (Римл. 12, 3).

Доказывая недостаточность одного, такъ называемаго, свѣтскаго образованія для достиженія познаній высшихъ религіозныхъ истинъ, проповѣдникъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ безсиліе такого образованія доставить человѣку помощь и утѣшеніе въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. «Утверждаю, говоритъ Филаретъ, что какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастьяхъ никакія средства и пособія недостаточны безъ религіи. Одна религія, и при томъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Когда бѣда и зло у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ, одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце... Если трудно быть зрителемъ дѣйствій, то, конечно, еще труднѣе испытывать оныя на самомъ себѣ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ, то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними... Изыщите же средства утѣшенія. Здѣсь то желалъ бы я испытать сію гордую философію, которая думаетъ не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ сдѣлать человѣка благополучнымъ, независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее напр. въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? «Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звѣномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ»... Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли онъ, напротивъ, себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ?.. Что еще можетъ сказать страждущему философія? «Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ твои страданія». Но если на семъ она остановится,— а она принуждена остановиться на семъ; потому что не видитъ далѣе: то скорѣе при-

зоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, мудрость Божія; помоги божественная религія».(*)

Раскрывая истины христіанской церкви противъ невѣрія, проповѣдникъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на ихъ отношеніе къ ближнимъ и выясняетъ имъ эти отношенія. Особенно любимыми темами для него дѣлаются темы «о человѣколюбіи, о милосердіи, о справедливости, преимущественно же о любви къ бѣднымъ, больнымъ, обиженнымъ».(**) Проповѣдникъ любилъ говорить объ этихъ предметахъ особенно въ царскіе дни, когда, почти обязательно, слушаетъ его вся интеллигенція столицы. Мы хорошо поймемъ проповѣдника и значеніе его проповѣдей, если всмотримся въ эпоху 20 и 30 годовъ. Либерализмъ и религіозная экзальтація временъ Александра Благословеннаго въ ту пору уже достаточно были придавлены, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Стѣснена была свобода печати, появилась строгая цензура, умолкли въ печати голоса, не довольные дѣйствіями разныхъ властей, крѣпостнымъ правомъ и т. п. Одинъ былъ въ то время классъ, которому не оставалось желать ничего лучшаго,—это наша интеллигенція и бюрократія. Для прочихъ классовъ общества это время было временемъ опеки и бюрократическихъ притѣсненій. Вотъ откуда въ проповѣдникѣ особенная любовь въ это время къ проповѣди о человѣколюбіи и вообще о христіанскомъ отношеніи къ ближнимъ, при томъ о человѣколюбіи въ проповѣдяхъ, говоренныхъ преимущественно въ царскіе дни. Такимъ чувствомъ любви къ ближнимъ и угнетеннымъ проникнуты, напримѣръ, три слова митр. Филарета при избраніи судей. Въ одномъ изъ нихъ онъ примѣромъ Моисея, просившаго Господа послать другаго для изведенія Израиля изъ Египта, учитъ искателей права начальствовать, чтобы они заботливо подумали, способны ли они начальствовать, или судить; а также внушаетъ благороднымъ людямъ, что неприлично, неблагородно предпочитать свои личные инте-

(*) Ч. 2, стр. 28.

(**) См., напр. слова: ч. 2, стр. 154, 158, 160 и другія, говоренныя при открытіи богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній.

ресы интересамъ общественнымъ и убѣгать отъ дѣлъ общественныхъ къ своимъ личнымъ и домашнимъ. Избирателямъ проповѣдникъ внушаетъ узнать между избираемыми Моисея и отличить отъ него Корея. Въ другомъ словѣ по тому же случаю на текстъ: *руки скоро не возлагай ни на кого же*, проповѣдникъ также совѣтуетъ избирателямъ быть осторожными въ избраніи должностныхъ лицъ и не руководиться въ этомъ дѣлѣ ни желаніемъ, чьимъ нибудь, ни знакомствомъ, а единственно общественною пользою. «Если потомъ, говоритъ проповѣдникъ, вслѣдствіе невнимательнаго и небезпристрастнаго избранія, избранный вами служитель правосудія возмятетъ правду и судъ, станетъ оправдывать неправды богатыхъ и сильныхъ; а не будетъ внимать суду вдовицъ и сирыхъ; блюститель земскаго порядка и спокойствія, вмѣсто того, чтобы облегчать и разрѣшать затрудненія смиренныхъ земли, сдѣлается для нихъ ярмомъ связующимъ и гнетущимъ...; то позвольте вамъ сказать, что въ такомъ случаѣ ваши гладкіе избирательные шары превратятся въ рукахъ вашихъ въ острыя стрѣлы, которыя уязвятъ общественное благосостояніе». Третье слово проповѣдникъ обращаетъ къ новоизбраннымъ судьямъ и рѣшаетъ вопросъ: чѣмъ главнымъ образомъ должны руководствоваться новоизбранные судьи при исполненіи своихъ судебныхъ обязанностей? Указавъ на законы и здравый разумъ, какъ на ближайшіе источники для руководства при исполненіи обязанностей, проповѣдникъ находитъ, однакожъ, что эти источники не могутъ избавить судью отъ погрѣшности и только постоянная мысль о Богѣ, о томъ, что онъ взыщетъ за неправые суды, можетъ предохранить судію отъ неправыхъ рѣшеній и приговоровъ.(*)

Проповѣди Филарета знакомятъ читателя и съ разными другими сторонами жизни его современниковъ, — съ ихъ обычаями, правилами приличій, или, какъ самъ проповѣдникъ называетъ, съ ихъ «нездравыми понятіями и неправыми правилами». Проповѣдникъ говоритъ, что многіе изъ его слушателей не благовременно являются къ богослуженію потому только, что отнятое у богослуженія время «посвящали тѣлу, изъ котораго въ это время творили «кумиръ», что для

(*) Ч. 2, стр. 222, 225, 227.

многихъ храмъ не мѣсто молитвы, а мѣсто «свиданій, разговоровъ, даже распрей», такъ что «грѣховный шумъ празднословія нерѣдко сражается съ церковными звуками церковнаго чтенія и пѣнія».(*) Онъ вооружается противъ обычая устроять около церквей въ дни храмовыхъ праздниковъ балаганы — «оныя не добрыя скиніи, приготовляемыя для служенія лакомству или піянству, для суетныхъ зрѣлищъ, для игръ, свойственныхъ дѣтямъ, но которыя не дѣти учреждаютъ, и которыми не дѣти занимаются». «Если въ день праздничный церковь пуста, домы пусты, улица и торжище безмолвствуютъ: вотъ прекрасный видъ христіанскаго града»(**) Филаретъ въ своихъ словахъ доказываетъ святость и необходимость посѣщенія храма, безполезность занятій во дни, посвященные исключительно на служеніе Богу (***). Онъ обличаетъ заботы мужей, которые большую часть времени проводятъ въ томъ, чтобы пріобрѣсть себѣ тѣмъ или другимъ путемъ тысячи, которыя ихъ жены тратятъ на украшенія къ вечеру. Ему непріятно смотрѣть, какъ многіе люди зрѣлаго возраста, оставляя своихъ дѣтей на попеченіе наемщиковъ — наставниковъ, посвящаютъ время «мірскимъ зрѣлищамъ, гдѣ игрушка - вещь, или игрушка — человѣкъ играютъ вниманіемъ ихъ ума и движеніями сердца, гдѣ разновидно олицетворенныя страсти и пороки оспариваютъ у нихъ похвалы, берутъ у нихъ деньги, — можетъ быть, — тѣ деньги, въ которыхъ отказано бѣдному».(****) Онъ осуждаетъ христіанъ и христіанокъ, идущихъ на поприще искусства танцованія, уже по тому одному воспоминанію, непріятному для размышляющаго, что это искусство награждено нѣкогда въ лицѣ Иродіады усѣченною главою проповѣдника покаянія и цѣломудрія, и вообще искусство, не заслуживающее уваженія, какъ игра недружная съ тихимъ и безмолвнымъ житіемъ»... «Почтенный въ обществѣ званіемъ начальника, или судіи, нерѣдко потому только, чтобы міръ не уничтожилъ его благородной бѣдности, отверзаетъ свою руку для даровъ благо-

(*) Слово по освящ. храма Іоанна Богослова. Ч. 2, стр. 73.
(**) Слово по освящ. градо-клинскаго собора храма пресв. Троицы. Ч. 2, стр. 44.
(***) Тамъ же т. 2.
(****) Т. 1, стр. 47—48.

дарности, а за сим трудно ручаться и за то, что онъ не отверзаетъ ее для мзды неправедной». (*)

Считая причиною всѣхъ неурядицъ въ Россіи недостатокъ правильнаго воспитанія, Филаретъ принималъ горячее участіе въ устройствѣ дѣла улучшенія образованія и, сколько возможно, помогалъ ему. Образованіе русскаго общества въ концѣ прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія основывалось на самыхъ шаткихъ началахъ. Общество получало образованіе не въ правильно организованныхъ школахъ, а посредствомъ переводной литературы. Послѣдняя не столько удовлетворяла любознательность, сколько любопытство, сообщая свѣдѣнія сбивчивыя и смѣшанныя, она налагала тѣнь сомнѣнія на Божественное откровеніе, располагала къ неуваженію правилъ христіанской нравственности и установленій церковныхъ. Такое образованіе, такая литература вносили разладъ не только въ нравственную и религіозную жизнь, но и въ общественную, государственную жизнь русскаго народа. Образованіе, состоявшее въ автоматическомъ усвоеніи иностранныхъ идей, не могло доставить Россіи хорошихъ общественныхъ дѣятелей, которые бы дѣйствовали приспособительно къ нуждамъ и условіямъ ея. Безполезность и даже пагубность такого образованія вполнѣ была сознана лучшими людьми своего времени еще до дѣятельности Филарета, но старанія такихъ людей на первыхъ порахъ мало могли помочь дѣлу. Впослѣдствіи, особенно въ царствованіе Александра 1, приняты были болѣе рѣшительныя мѣры къ улучшенію образованія. Начали умножаться училища, въ которыхъ положено было воспитывать юношество въ духѣ евангельскомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ увеличены были средства для содержанія этихъ училищъ; способнымъ людямъ поручено было приготовить учебныя книги, применительно къ новому характеру образованія. Филаретъ вполнѣ сочувствовалъ дѣлу улучшенія образованія и составленіемъ хорошихъ руководствъ для изученія Закона Божія помогалъ этому дѣлу. Кромѣ того въ своихъ словахъ и бесѣдахъ Филаретъ опровергаетъ мысль, что воспитаніе исключительно должно быть направлено къ образованію ума, къ обогащенію его людски-

(*) Ч. 1, стр. 245.

ми мудрованіями, не основывающимися на словѣ Божіемъ. Усиленные укоры невѣжеству и похвалы неопредѣленно понятому просвѣщенію посѣяли въ нѣкоторыхъ людяхъ односторонніа мысли, что воспитаніе, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать, значитъ преподавать науки, что воспитаннымъ надо почитать того, кто прошелъ нѣсколько поприщъ уроковъ. Это значитъ воспитывать болѣе голову, нежели сердце и всего человѣка. Счастливъ воспитываемый, если наставникъ въ ученіи вѣры умѣетъ глубже посѣять въ немъ сѣмя духовнаго ученія, нежели другіе наставники сѣмена мірскихъ ученій. Ученіе божественное очиститъ, утвердитъ, освятитъ ученія человѣческія и сдѣлаетъ ихъ употребительными на пользу частную и общественную. Но если благочестіе въ самой душѣ воспитываемаго не положится въ основаніе мірскихъ ученій, то они не будутъ истинно основательны; ученія неосновательныя не благоустрояютъ жизни, а между тѣмъ обыкновенно надмеваютъ; надменный мнимымъ знаніемъ и образованностію всего чаще ставитъ себя выше своего состоянія. Такъ происходятъ люди, которые не сохраняютъ умѣренности въ изобиліи, алчутъ возвышенія, блеска, наслажденія... Любятъ перемѣны и, преслѣдуя мечты, разстроиваютъ дѣйствительность настоящаго и будущаго» (сл. по осв. храма Маріи Магдалины). Много и другихъ словъ посвящаетъ митр. Филаретъ доказательству недостаточности, неприложимости къ жизни, неспособности принести пользу обществу и государству такого образованія, въ основѣ котораго не будутъ лежать истины религіи. «Нашъ умъ требуетъ познанія истины... Что жъ, удовлетворяетъ-ли природа требованію нашей разумной природы? Спросимъ основательныхъ искателей знанія, спросимъ любомудрствующихъ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ довѣрія между ними признался, что усиленіемъ любомудрствованія онъ достигъ одного только познанія,—что «ничего не знаетъ». Если же такъ, то благоразуміе требуетъ, чтобы мы, какъ можно дѣятельнѣе, какъ можно вѣрнѣе послѣдовали воззванію Христову: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ*. И такъ, души жаждущія пріидите ко Христу. Онъ одинъ можетъ утолить вашу жажду истины; ибо самъ есть истина».(*)

(*) Слово по освящ. храма Пр. Богородицы.

Не менѣе атеистовъ тревожили Россію іезуиты и раскольники. Вызванные въ Россію еще въ царствованіе Екатерины, іезуиты прочно утвердились въ ней, и стали ревностно дѣйствовать въ пользу папскаго престола. Они завели училище, въ которое всѣми мѣрами стали привлекать русское юношество. Знатнѣйшіе и богатѣйшіе дворяне и даже князья отдавали въ іезуитское училище своихъ дѣтей, откуда эти послѣднія выходили болѣе склонными къ латинству, нежели къ православію. Филаретъ весьма хорошо зналъ силу вліянія на юношество іезуитскаго образованія, тѣмъ болѣе, что ему приходилось возстановлять въ православіи одного изъ воспитанниковъ іезуитской школы — Голицына, совращеннаго въ латинство. Занявшись перевоспитаніемъ этого юноши въ духѣ православномъ, по просьбѣ дяди его, Филаретъ написалъ: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной греко-россійской церкви» въ опроверженіе заблужденій латинянъ. Но этого было недостаточно для противодѣйствія іезуитамъ, и Филаретъ выступилъ противъ нихъ съ живымъ устнымъ словомъ. Какъ ревностные слуги и поклонники папы, іезуиты, прежде всего, старались навязать догматъ о главенствѣ папы тому, кого надѣялись совратить въ латинство. Несостоятельность этого догмата и раскрываетъ Филаретъ въ одномъ изъ своихъ словъ.(*) Здѣсь онъ опровергаетъ ученіе запада о видимой главѣ церкви и словомъ Божіимъ, и ученіемъ церкви, и путемъ историческимъ. Обличаетъ Филаретъ заблужденіе латинянъ и относительно причащенія мірянъ и въ частности младенцевъ, вѣроятно, оставшееся не безъ вліянія на русскій народъ. «Господь не сказалъ о таинственномъ хлѣбѣ ядите вси, ибо нѣкоторые не могутъ ясти, напр. младенцы. Но о таинственной чашѣ сказалъ: піите отъ нея вси. Примѣчайте же, какъ отступаютъ отъ точности заповѣди тѣ, которые не допускаютъ до св. таинъ младенцевъ и малолѣтнихъ до извѣстнаго возраста».(**)

Впрочемъ у митрополита Филарета не много словъ направлено къ обличенію латинянъ: іезуиты скоро были изгнаны изъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилась и опасность ув-

(*) Слово по освящ. храма Благов. Пр. Богоред., въ каѳедр. Чуд. мон. Ч. 2, стр. 96.
(**) Ч. 2, стр. 49.

леченія православныхъ латинскимъ ученіемъ. Къ болѣе сильной дѣятельности вызывалъ Филарета расколъ. Преосвященный Филаретъ предпринялъ всѣ мѣры, чтобы предохранить православныхъ отъ уклоненія въ расколъ и самихъ раскольниковъ возвращать въ лоно церкви. Съ этою цѣлію написано имъ сочиненіе, извѣстное подъ именемъ: «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу». Доказывая въ немъ зыбкость и недостаточность тѣхъ основъ, которыми защищали раскольники свои заблужденія, авторъ раскрываетъ неистинность ихъ новой вѣры, которую они считаютъ за старую и исторически доказываетъ древность православной вѣры. Кромѣ этого онъ обличенію раскола посвящаетъ большинство своихъ проповѣдей, произнесенныхъ при освященіи храмовъ. Проповѣдникъ въ своихъ словахъ опровергаетъ мнѣніе раскольниковъ объ оскудѣніи въ церкви благодати,—основанное на томъ, что теперь нѣтъ чудесъ въ церкви и говоритъ, что „отсутствіе чудесныхъ знаменій" еще нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу раскольническаго мнѣнія объ оскудѣніи въ церкви благодати. „Не то уже время, говоритъ проповѣдникъ, когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранить и оживить силою внѣшнихъ чудесъ; въ наше же время нужно вѣрѣ живой въ І. Христа укрѣпляться и производить чудесные плоды безъ внѣшнихъ подпоръ."(*) Проповѣдникъ убѣждаетъ далѣе, что благодать не только не оскудѣла, а напротивъ преизбыточествуетъ въ каждомъ христіанскомъ храмѣ. Заблужденія раскольниковъ, судя по проповѣдямъ Филарета, состояли въ удаленіи ихъ отъ церкви и ея пастырей, въ отверженіи или искаженіи ими таинствъ вообще и въ особенности брака и евхаристіи. Источникомъ всѣхъ заблужденій раскольниковъ митр. Филаретъ признаетъ ихъ невѣжество.(**)

Слѣдя за теченіемъ жизни своихъ соотечественниковъ, Филаретъ касался въ своихъ словахъ событій и вообще положенія дѣлъ и въ другихъ государствахъ, сосѣднихъ Россіи и не безъизвѣстныхъ ей. Дѣлалъ онъ это для того, чтобы, чрезъ сравненіе положенія Россіи въ гражданскомъ

(*) Т. 2, стр. 15, сл. по освящ. храма Св. Троицы.
(**) Т. 2, стр. 112, 113.

и церковномъ отношеніяхъ съ другими государствами и народами, возбудить въ слушателяхъ любовь къ Богу и внушить имъ благодарность къ своимъ правителямъ. Онъ сравниваетъ состояніе православной русской церкви съ другими церквами, особенно восточными, и дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Тогда какъ иныя церкви и чада ихъ подвизаются въ скорбяхъ, въ тѣснотахъ и лишеніяхъ, намъ ничто не препятствуетъ совершать торжество вѣры, пользоваться открытыми сокровищами и утѣшеніями благодати.(*)

Наконецъ въ своихъ словахъ, произнесенныхъ при освященіи храмовъ, Филаретъ касался чисто политическихъ явленій не только отечественныхъ, но иностранныхъ, и выводилъ изъ нихъ приличныя назиданія для своихъ слушателей. Его время было временемъ страшныхъ смутъ и переворотовъ почти во всей западной Европѣ, произведенныхъ главнымъ образомъ французской революціей 1848 г. На такое состояніе западной Европы указываетъ Филаретъ въ бесѣдѣ своей, произнесенной при освященіи храма св. архистратига Михаила, вмѣстѣ съ открытіемъ втораго морскаго кадетскаго корпуса. Въ этомъ словѣ онъ возбуждаетъ въ слушателяхъ благодарность и любовь къ Императору, усиливающему средства общественной защиты и безопасности, раскрываетъ въ чемъ заключается сила войска христіанскаго и яркими красками рисуетъ воина христіанина.(**)

Такимъ образомъ преосв. Филаретъ по содержанію своихъ проповѣдей былъ «всѣмъ вся».

Что касается способа раскрытія истинъ, то и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ удовлетворялъ потребностямъ и стремленіямъ общества своего времени. Съ одной стороны: точность, отчетливость, основательность,—съ другой: простота и ясность суть основныя, характеристическія черты проповѣдей митр. Филарета.

Отличительную черту словъ митрополита Филарета составляетъ глубокомысліе въ изъясненіи св. писанія, сколько развитое обширною богословскою эрудиціей, столько и обличающее природную глубокость ума его. Въ подтвержденіе это-

---

(*) Слово по освящ. храма св. Филиппа на іерусал. въ Москвѣ подворьѣ. Ч. 3, стр. 153.
(**) Т. 3. 143.

леченія православныхъ латинскимъ ученіемъ. Къ болѣе сильной дѣятельности вызывалъ Филарета расколъ. Преосвященный Филаретъ предпринялъ всѣ мѣры, чтобы предохранить православныхъ отъ уклоненія въ расколъ и самихъ раскольниковъ возвращать въ лоно церкви. Съ этою цѣлію написано имъ сочиненіе, извѣстное подъ именемъ «Бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу». Доказывая въ немъ зыбкость и недостаточность тѣхъ основъ, которыми защищали раскольники свои заблужденія, авторъ раскрываетъ неистинность ихъ новой вѣры, которую они считаютъ за старую и исторически доказываетъ древность православной вѣры. Кромѣ этого онъ обличенію раскола посвящаетъ большинство своихъ проповѣдей, произнесенныхъ при освященіи храмовъ. Проповѣдникъ въ своихъ словахъ опровергаетъ мнѣніе раскольниковъ объ оскудѣніи въ церкви благодати,—основанное на томъ, что теперь нѣтъ чудесъ въ церкви и говоритъ, что „отсутствіе чудесныхъ знаменій“ еще нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу раскольническаго мнѣнія объ оскудѣніи въ церкви благодати. „Не то уже время, говоритъ проповѣдникъ, когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранить и оживить силою внѣшнихъ чудесъ; въ наше же время нужно вѣрѣ живой въ І. Христа укрѣпляться и производить чудесные плоды безъ внѣшнихъ подпоръ.“(*) Проповѣдникъ убѣждаетъ далѣе, что благодать не только не оскудѣла, а напротивъ преизбыточествуетъ въ каждомъ христіанскомъ храмѣ. Заблужденія раскольниковъ, судя по проповѣдямъ Филарета, состояли въ удаленіи ихъ отъ церкви и ея пастырей, въ отверженіи или искаженіи ими таинствъ вообще и въ особенности брака и евхаристіи. Источникомъ всѣхъ заблужденій раскольниковъ митр. Филаретъ признаетъ ихъ невѣжество.(**)

Слѣдя за теченіемъ жизни своихъ соотечественниковъ, Филаретъ касался въ своихъ словахъ событій и вообще положенія дѣлъ и въ другихъ государствахъ, сосѣднихъ Россіи и не безъизвѣстныхъ ей. Дѣлалъ онъ это для того, чтобы, чрезъ сравненіе положенія Россіи въ гражданскомъ

(*) Т. 2, стр. 15, сл. по освящ. храма Св. Троицы.
(**) Т. 2, стр. 112, 113.

и церковномъ отношеніяхъ съ другими государствами и народами, возбудить въ слушателяхъ любовь къ Богу и внушить имъ благодарность къ своимъ правителямъ. Онъ сравниваетъ состояніе православной русской церкви съ другими церквами, особенно восточными, и дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Тогда какъ иныя церкви и чада ихъ подвизаются въ скорбяхъ, въ тѣснотахъ и лишеніяхъ, намъ ничто не препятствуетъ созерцать торжество вѣры, пользоваться открытыми сокровищами и утѣшеніями благодати.(*)

Наконецъ въ своихъ словахъ, произнесенныхъ при освященіи храмовъ, Филаретъ касался чисто политическихъ явленій не только отечественныхъ, но иностранныхъ, и выводилъ изъ нихъ приличныя назиданія для своихъ слушателей. Его время было временемъ страшныхъ смутъ и переворотовъ почти во всей западной Европѣ, произведенныхъ главнымъ образомъ французской революціей 1848 г. На такое состояніе западной Европы указываетъ Филаретъ въ бесѣдѣ своей, произнесенной при освященіи храма св. архистратига Михаила, вмѣстѣ съ открытіемъ втораго морскаго кадетскаго корпуса. Въ этомъ словѣ онъ возбуждаетъ въ слушателяхъ благодарность и любовь къ Императору, усиливающему средства общественной защиты и безопасности, раскрываетъ въ чемъ заключается сила войска христіанскаго и яркими красками рисуетъ воина христіанина.(**)

Такимъ образомъ преосв. Филаретъ по содержанію своихъ проповѣдей былъ всѣмъ для всѣхъ.

Что касается способа раскрытія истинъ, то и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ удовлетворялъ потребностямъ и стремленіямъ общества своего времени. Съ одной стороны: точность, отчетливость, основательность,—съ другой: простота и ясность суть основныя, характеристическія черты проповѣдей митр. Филарета.

Отличительную черту словъ митрополита Филарета составляетъ глубокомысліе въ изъясненіи св. писанія, сколько развитое обширною богословскою эрудиціей, столько и обличающее природную глубокость ума его. Въ подтвержденіе это-

(*) Слово по освящ. храма св. Филиппа на іерусал. въ Москвѣ подворьѣ. Ч. 3, стр. 153.
(**) Т. 3. 143.

го приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ словъ митр. Филарета. Вотъ какъ глубокомысленно митр. Филаретъ объясняетъ текстъ св. писанія: *она же абіе оставльше корабль и отца своего, по немъ идоша.* «Чего долженъ былъ ожидать Іисусъ, призывающій Петра и Андрея? Если не отказа, то раздумья, нерѣшимости, колебанія, борьбы между необыкновеннымъ призваніемъ и привязанностію къ обыкновенному быту, между желаніемъ неизвѣстнаго, великаго и опасностію потерять извѣстное малое. Что же вышло? готовность полная, послѣдованіе неотразимое. Призываемые не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти; они ихъ просто бросили! Подобнымъ образомъ Іисусъ зоветъ Іакова и Іоанна; дѣйствіе оказывается еще болѣе удивительное, призываемые должны оставить отца, что дороже рыболовныхъ сѣтей, — но и любовь къ отцу, съ прочими естественными привязанностями, не устояли противъ зова Спасителя. Что же это за сила, которая дѣйствуетъ такъ побѣдоносно надъ всѣми привязанностями человѣческими? Сила божества, сотворившая міръ. Она призываетъ, и тварь неудержимо движется по гласу Творца, человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ, рыбарь дѣлается апостоломъ».(*)

Но есть и цѣлыя слова, поражающія читателя глубокомысліемъ; лучшее изъ нихъ самое богатое мыслями, есть слово на благовѣщеніе, изъ текста: *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.* Въ этомъ словѣ раскрыта оригинальная мысль, что безпрекословная вѣра Богоматери удивительной вѣсти архангела о рожденіи отъ нея Сына, безъ мужа, составляетъ необыкновенный нравственный подвигъ, потому что и великіе праведники не сразу вѣрили удивительнымъ вѣстямъ отъ Бога; за тѣмъ проповѣдникъ объясняетъ причину поздняго пришествія Спасителя въ міръ; причина та, что міръ въ пять тысячъ лѣтъ не могъ дождаться дѣвы, достойной необыкновенной вѣсти о рожденіи Спасителя въ міръ.(**)

Такимъ же разсудочнымъ и аналитическимъ характеромъ запечатлѣна и другая половина содержанія проповѣдей прео-

(*) Слово въ недѣлю 2-ю по 50 цѣ.
(**) Ч. 1, стр. 177.

священнаго Филарета, когда онъ обращается къ своимъ слушателямъ къ ихъ недостаткамъ. У него нѣтъ общей морали. Онъ подробно старается разобрать то или другое нравственное состояніе слушателя, старается разъяснить откуда возникло оно и чѣмъ поддерживается, старается осмыслить такія состоянія, которыя часто каждымъ чувствуются только, но ясно не сознаются. Мы не станемъ приводить на это особыхъ подтвержденій. Ихъ можно найти въ каждой проповѣди митр. Филарета.

Это одна изъ главныхъ чертъ, характеризующихъ раскрытіе содержанія проповѣдей митр. Филарета. Она въ высокой степени рекомендуетъ умственную сторону личности проповѣдника. Это умъ высокій, смѣлый, мощный, гибкій, развитый, обладающій богатствомъ свѣдѣній. Проповѣдникъ является въ своихъ проповѣдяхъ знаменитымъ богословомъ, проповѣди котораго заключаютъ въ себѣ полноту русской богословствующей мысли о всѣхъ существенныхъ предметахъ христіанскаго ученія,—психологомъ, прекрасно понимающимъ сердце человѣческое, богатымъ душевными опытами, глубокимъ экзегетомъ, философомъ.

Отсюда однако не слѣдуетъ заключать, будто въ проповѣдяхъ митр. Филарета нѣтъ сердечности, что называется — души, теплоты чувства. Разсудочный характеръ его проповѣди вовсе не въ ущербъ сердечности и чувства. Правда, при чтеніи проповѣдей митр. Филарета не бываетъ того быстро возникающаго и еще быстрѣе исчезающаго чувства, которое источникомъ своимъ имѣетъ громкія фразы и чувствительныя тирады, возбуждающія, но не питающія сердце слушателя. Чувство, выражающееся въ самыхъ проповѣдяхъ митр. Филарета, имѣетъ своимъ источникомъ тотъ тонкій анализъ, то глубокое и основательное пониманіе христіанскихъ истинъ, словомъ ту разсудочность, о которой мы и говорили выше. «Убѣжденіе ума проповѣдника», употребимъ его выраженіе, «само собою перерождается въ немъ въ живое чувство сердца, и по той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце».(*) Въ его словѣ, слышится краснорѣчіе сердца,

(*) Сл. и р. Ч. 1, стр. 292.

искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея божественную силу. Умъ и сердце проповѣдника, дѣйствуютъ гармонично, взаимно питаясь одно другимъ. Каждый моментъ въ исторіи домостроительства человѣка вызываетъ глубокое, живое чувство проповѣдника. Такъ напр., упомянувъ о благовѣщеніи пресвятой Дѣвѣ архангеломъ Гавріиломъ о зачатіи Ею отъ Духа Св.—Спасителя міра, онъ невольно останавливается надъ этимъ важнымъ моментомъ, надъ *«главизною»*—началомъ нашего спасенія: перенесясь мыслію къ тому времени, онъ самъ хочетъ какъ бы пережить его, прочувствовать его за тогдашній безчувственный, растлѣнный міръ... «Дивны Твоя тайны, Богородице»! восклицаетъ проповѣдникъ. Кто слышитъ Твой тихій глаголъ въ Твоей затворенной молитвенной храминѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою Твое малое слово? Міръ ощущаетъ ли сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую измѣняются отношенія между небомъ и землею? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нѣкая Дщерь царей, называющая Себя рабою Господнею, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излетѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и кумирницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на власъ еврейянки сходитъ съ неба невѣдомая до тѣхъ поръ премудрость, которая *обуитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергнетъ* (1 Кор. 1, 19), но младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя. (Мат. 11, 25)? Что я говорю. Іерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и безпрестанно *день и нощь служаще надѣются доити* (Дѣян. 26, 7) до исполненія,—дослужились ли они до познанія, что, пройдя обширную область обѣтованія, въ сей день, или въ сію ночь, внезапно приближались они къ предѣлу исполненія, и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книж-

ники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исаiи (7, 14): *се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ,* и едва ли не столько же разъ недоумѣвали о семъ, думаютъ ли они, что провидѣнная Дѣва, и уже уразумѣла сiе пророчество и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Iосифъ, уже не совсѣмъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившiй Ее себѣ съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть Дѣвою,—знаетъ ли, что въ слѣдъ за симъ Она обручается Духу Святому, чтобы содѣлаться Матерiю Господа? Въ цѣломъ мiрѣ никому, кромѣ единыя, невѣдомо благовѣщенiе Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствуетъ огласить весь мiръ, когда совершится. И услышавъ рано простыя, по видимому, слова благовѣщенiя Марiина: *се раба Господня; буди мнѣ по глаголу твоему,*— кто исчерпалъ бы весь ихъ разумъ, ощутилъ бы всю ихъ силу? А ихъ разумъ сливается съ бездною разума Божiя, и объемлетъ время и вѣчность; ихъ сила сопрягается съ силою Вышняго, и преобразитъ землю и наполнитъ небо»...(*) Это живой голосъ сердца, у проповѣдника *отъ избытка сердца и уста глаголютъ:* это ораторство сердца.

Благодаря этимъ характеристическимъ чертамъ, которыми запечатлѣно раскрытiе предмета проповѣдей митр. Филарета, благодаря этому гармоническому ихъ сочетанiю, проповѣди преосвящ. Филарета производятъ неотразимое сильное влiянiе на слушателя, особенно читателя ихъ. Начавшiй слушать или читать проповѣдь митр. Филарета не можетъ оставить ее, не выслушавъ или не дочитавъ всего до конца. Умъ его невольно слѣдитъ за смѣлымъ полетомъ мысли проповѣдника и покоряется ей. Сердце его таетъ и услаждается созерцанiемъ небесной истины.

Въ заключенiе отдѣла о характерѣ раскрытiя митрополитомъ Филаретомъ предмета своихъ проповѣдей мы должны сказать, что у него не всѣ проповѣди проникнуты богословско-созерцательнымъ характеромъ. Таковы его слова: «во время губительной болѣзни», «противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ», «Бесѣда на сырной недѣли противъ невоздержанiя» и другiя. Въ нихъ нѣтъ ни богословскихъ, ни фи-

(*) Сл. и р. Т. 1, стр. 154.

искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея божественную силу. Умъ и сердце проповѣдника дѣйствуютъ гармонично, взаимно питаясь одно другимъ. Каждый моментъ въ исторіи домостроительства человѣка вызываетъ глубокое, живое чувство проповѣдника. Такъ напр., упомянувъ о благовѣщеніи пресвятой Дѣвѣ архангеломъ Гавріиломъ о зачатіи Ею отъ Духа Св.—Спасителя міра, онъ невольно останавливается надъ этимъ важнымъ моментомъ, надъ «*главизною*» — началомъ нашего спасенія; перенесясь мыслію къ тому времени, онъ самъ хочетъ какъ бы пережить его, прочувствовать его за тогдашній безчувственный, распущенный міръ. «Дивны Твоя тайны, Богородице»! восклицаетъ проповѣдникъ. Кто слышитъ Твой тихій глаголъ въ Твоей затворенной молитвенной храминѣ? Кто провидитъ, какія огромныя дѣла ведетъ за собою Твое малое слово? Міръ спитъ ли въ сію минуту, въ которую дѣлается переломъ всецѣлой судьбы его, въ которую измѣняются отношенія между небомъ и землею? Знаетъ ли мечтающій о всемірномъ владычествѣ Римъ, что въ одной изъ дальнихъ областей его, нѣкая Дщерь царей, называющая Себя рабою Господнею, изрекла приговоръ, который готовитъ міру новаго, лучшаго, высочайшаго Владыку, а Риму разрушеніе гордаго и своенравнаго владычества? Гадаютъ ли славныя прорицалища языческихъ народовъ, что изъ устъ безвѣстной Дѣвы излетѣло прорицаніе, которое заставитъ ихъ умолкнуть, низринетъ кумиры и кумирницы, прекратитъ кровавыя жертвы, уничтожитъ кровожадныхъ жрецовъ? Домышляются ли мудрецы міра, что на класъ еврейки сходитъ съ неба невѣдомая до тѣхъ поръ премудрость, которая *обуитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвержетъ* (1 Кор. 1, 19), но младенцамъ откроетъ тайны, для мудрецовъ непостижимыя. (Мат. 11, 25)? Что я говорю? Іерусалимъ и колѣна Израилевы, которыя отъ дальнихъ предковъ знаютъ и хранятъ обѣтованіе Божіе о великомъ Избавителѣ и Умиротворителѣ, и безпрестанно *день и нощь служаще надѣются достигнути* (Дѣян. 26, 7) до исполненія,—дослужились ли они до познанія, что, пройдя обширную область обѣтованія, въ сей день, или въ сію ночь, внезапно приближались они къ предѣлу исполненія, и что предѣлъ сей поставленъ въ Назаретѣ? Книж-

ники, которые столько разъ читали въ книгѣ Исаіи (7, 14): *се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*, и едва ли не столько же разъ недоумѣвали о семъ, думаютъ ли они, что провидѣнная Дѣва, и уже уразумѣла сіе пророчество и готовится исполнить оное? Знаетъ ли хотя праведный Іосифъ, уже не совсѣмъ чуждый тайнамъ Приснодѣвы, какъ обручившій Ее себѣ съ тѣмъ, чтобы Ей пребыть Дѣвою,—знаетъ ли, что въ слѣдъ за симъ Она обручается Духу Святому, чтобы содѣлаться Матерію Господа? Въ цѣломъ мірѣ никому, кромѣ единыя, невѣдомо благовѣщеніе Архангелово, когда оно совершается: а оно долженствуетъ огласить весь міръ, когда совершится. И услышавъ рано простыя, по видимому, слова благовѣщенія Маріина: *се раба Господня; буди мнѣ по глаголу твоему*,—кто исчерпалъ бы весь ихъ разумъ, ощутилъ бы всю ихъ силу? А ихъ разумъ сливается съ бездною разума Божія, и объемлетъ время и вѣчность, ихъ сила сопрягается съ силою Вышняго, и преобразитъ землю и наполнитъ небо»...(*) Это живой голосъ сердца, у проповѣдника *отъ избытка сердца и уста глаголютъ*: это ораторство сердца.

Благодаря этимъ характеристическимъ чертамъ, которыми запечатлѣно раскрытіе предмета проповѣдей митр. Филарета, благодаря этому гармоническому ихъ сочетанію, проповѣди преосвящ. Филарета производятъ неотразимое сильное вліяніе на слушателя, особенно читателя ихъ. Начавшій слушать или читать проповѣдь митр. Филарета не можетъ оставить ее, не выслушавъ или не дочитавъ всего до конца. Умъ его невольно слѣдитъ за смѣлымъ полетомъ мысли проповѣдника и покоряется ей. Сердце его таетъ и услаждается созерцаніемъ небесной истины.

Въ заключеніе отдѣла о характерѣ раскрытія митрополитомъ Филаретомъ предмета своихъ проповѣдей мы должны сказать, что у него не всѣ проповѣди проникнуты богословско-созерцательнымъ характеромъ. Таковы его слова: «во время губительной болѣзни», «противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ», «Бесѣда на сырной недѣли противъ невоздержанія» и другія. Въ нихъ нѣтъ ни богословскихъ, ни фи-

(*) Сл. и р. Т. 1, стр. 154.

лософскихъ созерцаній. Это простыя, теплыя, общія наставленія и убѣжденія слушателей къ добродѣтели, нравственности, покаянію. Проповѣдникъ не приглашаетъ своихъ слушателей «послѣдовать за нимъ окомъ ума». Онъ ясно видитъ, что теперь не кстати богословствовать; что онъ и не способенъ теперь богословствовать, а слушатели неспособны внимать богословствованію. «И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ», говоритъ онъ, «не свободно богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби. и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова».(*) Отсюда ясно, что если проповѣдникъ въ другое время старается богословствовать въ своихъ проповѣдяхъ, то очевидно, онъ дѣлаетъ это не по привычкѣ только разсуждать, изслѣдовать, но по сознанію настоятельной необходимости разсуждать со слушателями о христіанскомъ ученіи... Такимъ образомъ, какъ въ выборѣ предметовъ для своихъ проповѣдей, такъ и въ характерѣ раскрытія ихъ, митр. Филаретъ является проповѣдникомъ въ высокой степени современнымъ.

Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

(1800 – 1857 г.).

Первоначальное образованіе Иннокентія. Высшее образованіе въ кіевской дух. академіи и самообразованіе. Поступленіе на службу въ Петербургѣ. Переходъ въ Кіевъ на должность ректора академіи. Оживленіе богословской науки. Награды и повышенія. Назначеніе епископомъ Вологодскимъ и архіепископомъ Харьковскимъ и Херсонскимъ.

Иннокентій въ мірѣ назывался Иваномъ Борисовымъ; онъ былъ сынъ священника города Сѣвска, орловской епархіи, Алексѣя Борисова; родился въ 1800 г. Первоначальное образованіе Иванъ Борисовъ получилъ въ воронежскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ перешелъ въ орловскую семинарію, находившуюся тогда въ Сѣвскѣ. Уже тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе товарищей и профессоровъ своими сочиненіями. Высшее образованіе Иванъ Борисовъ получилъ въ кіевской духовной академіи, гдѣ онъ преимущественно зани-

(*) Ч. 2, стр. 119.

мался чтеніемъ и проводилъ надъ книгами цѣлыя ночи. Обладая блестящими способностями, онъ не довольствовался лекціями профессоровъ и развивался не столько въ классѣ, сколько собственно чтеніемъ, размышленіями о прочитанномъ и наконецъ практическими упражненіями; изъ прочитанныхъ книгъ онъ дѣлалъ извлеченіе. Весьма часто, окруженный товарищами, онъ разсказывалъ о томъ, что читалъ, и не рѣдко излагалъ имъ цѣлую систему какого нибудь философа. Классные уроки Иванъ Борисовъ обыкновенно прочитывалъ передъ экзаменомъ и отвѣчалъ всегда лучше всѣхъ. Способностями и знаніями превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей. На 23 году онъ окончилъ курсъ съ ученою степенью магистра и тогда же былъ опредѣленъ профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка и вмѣстѣ инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи; а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ— ректоромъ с.-петерб. александроневскаго училища, и здѣсь въ декабрѣ 1823 г. принялъ монашество, съ именемъ Иннокентія. 10 декабря 1824 года отецъ Иннокентій назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ и чрезъ семь мѣсяцевъ инспекторомъ въ петербургскую академію, гдѣ Филаретъ былъ нѣкогда ректоромъ (съ 1812—1819). Какъ профессоръ богословія, онъ затмилъ всѣхъ своихъ товарищей; записки, составляемыя студентами съ его устныхъ лекцій, разошлись во множествѣ по семинаріямъ. Тогда издавался журналъ «Христіанское Чтеніе», который уже падалъ; Иннокентій своимъ участіемъ, при сотрудничествѣ двухъ достойнѣйшихъ сотоварищей своихъ (Г. П. Павскаго и В. Б. Бажанова), поддержалъ его; онъ сталъ печатать въ немъ свои превосходныя историческія сочиненія: «Жизнь св. Апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» и другія. Благодаря появленію этихъ и другихъ статей Иннокентія въ «Христіанскомъ Чтеніи», журналъ этотъ началъ быстро распространяться. Въ 1830 г. Иннокентій былъ переведенъ ректоромъ въ кіевскую духовную академію, нѣкогда воспитавшую его. Понятно, что онъ обратилъ на нее все свое вниманіе; десять лѣтъ (отъ 1830—1840 г.), которыя онъ пробылъ въ ней ректоромъ, считаются лучшимъ періодомъ въ исторіи этого учебнаго заведенія. Иннокентій преобразовалъ его, оживилъ и далеко подвинулъ его впередъ. Онъ ввелъ въ академію преподаваніе новыхъ

наукъ и, чтобы поддержать энергію профессоровъ, весьма часто посѣщалъ ихъ лекціи и не рѣдко самъ излагалъ предметъ, о которомъ говорилъ профессоръ. Во время экзаменовъ Иннокентій говорилъ неумолчно, предлагалъ студентамъ цѣлый рядъ вопросовъ, бесѣдовалъ съ ними и такимъ образомъ оживлялъ скучные часы экзамена. Темы для сочиненія давалъ съ разборчивостію, бралъ для нихъ самые занимательные предметы. Особенное вниманіе онъ обращалъ на проповѣди студентовъ; послѣ прочтенія профессоромъ, самъ разсматривалъ ихъ, призывалъ къ себѣ проповѣдника и нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о предметѣ его сочиненія, о важности проповѣданія, и тотъ выходилъ отъ ректора совершенно обновленнымъ.—Въ отношеніи къ студентамъ Иннокентій былъ ласковъ, благороденъ, вѣжливъ, снисходителенъ къ ихъ проступкамъ, если они происходили не отъ злонамѣренности, а вслѣдствіе увлеченій, столь свойственныхъ молодости; исправлялъ онъ ихъ не угрозами и наказаніями, а увѣщаніями, кроткими словами. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь; его называли незабвеннымъ отцемъ ректоромъ.

Въ то же время Иннокентій самъ занимался ораторствомъ, самъ произносилъ проповѣди въ Кіево Софійскомъ соборѣ, въ кіево-печерской лаврѣ и училищномъ кіево-братскомъ монастырѣ, и своимъ краснорѣчіемъ привлекалъ несмѣтныя толпы: онъ говорилъ всегда на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ сильно дѣйствовалъ на слушателей и приводилъ ихъ въ восторгъ. Въ это-то время были имъ произнесены и потомъ напечатаны «Страстная» и «Свѣтлая седмица». Тѣ, которые были современниками появленія ихъ на свѣтъ, помнятъ, съ какою нетерпѣливою жадностію ожидали они выхода въ печать или произнесенія новыхъ произведеній проповѣдника, который сдѣлался извѣстнымъ во всей Россіи.

Иннокентій трудился съ необыкновенною ревностію, какъ педагогъ и какъ ораторъ. Однажды онъ невольно сознался въ этомъ студентамъ: «Я удивляюсь», сказалъ онъ имъ, «какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю Великаго поста я написалъ около 80 листовъ». Чтобы дать больше развитія религіозному образованію русскаго народа, Иннокентій сталъ издавать

духовный журналъ «Воскресное Чтеніе», который имѣлъ такъ много читателей, что вскорѣ потребовалось второе изданіе, и до сихъ поръ тѣ номера журнала, которые вышли при ректорѣ Иннокентіѣ, считаются самыми интересными.

За труды по образованію въ академіи и вообще за свою дѣятельность Иннокентій былъ награжденъ не бывалымъ до того времени отличіемъ. «Во вниманіе къ отличнымъ трудамъ,—сказано въ Указѣ Св. Синода, отъ 27 января 1836 г.—присвояется ему лично степень первокласснаго архимандрита, съ первостояніемъ предъ всѣми прочими архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся въ вѣдомствѣ кіевскаго учебнаго округа.(*) 3 октября того же 1836 г. Иннокентію Высочайше повелѣно было быть викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ Чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Къ началу 1837 г. Иннокентій возвратился въ Кіевъ. Теперь обязанности его усложнились; оставаясь ректоромъ и профессоромъ, онъ долженъ былъ заниматься дѣлами по званію викарнаго архіерея. Впрочемъ скоро Иннокентій сложилъ съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ, поселился въ кіево-михайловскомъ монастырѣ и сталъ заниматься учено-литературными трудами. 10 октября 1839 г. Иннокентій получаетъ увольненіе отъ должности ректора академіи; а 1 марта 1841 г. назначается епархіальнымъ архіереемъ въ Вологду.

Въ томъ же году онъ переведенъ былъ въ Харьковъ, гдѣ оказалъ много услугъ, такъ напр.: возобновлялъ монастыри, устроивалъ крестные ходы и поучалъ паству. Послѣднее время своей жизни онъ былъ архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, жилъ въ городѣ Одессѣ; во время войны Россіи съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею, онъ явился пламеннымъ патріотомъ и великимъ пастыремъ церкви. Когда въ великую субботу (10 апрѣля 1854 г.) архипастырь совершалъ литургію, французы и англичане бомбандировали Одессу. Богослуженіе приходило къ концу;... вдругъ страшный взрывъ! крѣпкія соборныя стѣны поколебались, стекла задрожали, хвалебное пѣніе умолкло и изумленный и

(*) Истор. Кіевск. Дух. Акад., стр. 152.

наукъ и, чтобы поддержать энергію профессоровъ, весьма часто посѣщалъ ихъ лекціи и не рѣдко самъ излагалъ предметъ, о которомъ говорилъ профессоръ. Во время экзаменовъ Иннокентій говорилъ неумолчно, предлагалъ студентамъ цѣлый рядъ вопросовъ, бесѣдовалъ съ ними и такимъ образомъ оживлялъ скучные часы экзамена. Темы для сочиненія давалъ съ разборчивостію, бралъ для нихъ самые занимательные предметы. Особенное вниманіе онъ обращалъ на проповѣди студентовъ: послѣ прочтенія профессоромъ, самъ разсматривалъ ихъ, призывалъ къ себѣ проповѣдника и нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о предметѣ его сочиненія, о важности проповѣданія, и тотъ выходилъ отъ ректора совершенно обновленнымъ. — Въ отношеніи къ студентамъ Иннокентій былъ ласковъ, благороденъ, вѣжливъ, снисходителенъ къ ихъ проступкамъ, если они происходили не отъ злонамѣренности, а вслѣдствіе увлеченій, столь свойственныхъ молодости: исправлялъ онъ ихъ не угрозами и наказаніями, а увѣщаніями, кроткими словами. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь: его называли незабвеннымъ отцемъ ректоромъ.

Въ то же время Иннокентій самъ занимался ораторствомъ, самъ произносилъ проповѣди въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ кіево-печерской лаврѣ и училищномъ кіево-братскомъ монастырѣ, и своимъ краснорѣчіемъ привлекалъ несмѣтныя толпы: онъ говорилъ всегда на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ сильно дѣйствовалъ на слушателей и приводилъ ихъ въ восторгъ. Въ это-то время были имъ произнесены и потомъ напечатаны «Страстная» и «Свѣтлая седмица». Тѣ, которые были современниками появленія ихъ на свѣтъ, помнятъ, съ какою нетерпѣливою жадностію ожидали они выхода въ печать или произнесенія новыхъ произведеній проповѣдника, который сдѣлался извѣстнымъ во всей Россіи.

Иннокентій трудился съ необыкновенною ревностію, какъ педагогъ и какъ ораторъ. Однажды онъ невольно сознался въ этомъ студентамъ: «Я удивляюсь», сказалъ онъ имъ, «какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете: прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю Великаго поста я написалъ около 80 листовъ». Чтобы дать больше развитія религіозному образованію русскаго народа, Иннокентій сталъ издавать

духовный журналъ «Воскресное Чтеніе», который имѣлъ такъ много читателей, что вскорѣ потребовалось второе изданіе, и до сихъ поръ тѣ номера журнала, которые вышли при ректорѣ Иннокентіѣ, считаются самыми интересными.

За труды по образованію въ академіи и вообще за свою дѣятельность Иннокентій былъ награжденъ не бывалымъ до того времени отличіемъ. «Во вниманіе къ отличнымъ трудамъ,—сказано въ Указѣ Св. Синода, отъ 27 января 1836 г.— присвояется ему лично степень первоклассного архимандрита, съ первостояніемъ предъ всѣми прочими архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся въ вѣдомствѣ кіевскаго учебнаго округа.(*) 3 октября того же 1836 г. Иннокентію Высочайше повелѣно было быть викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ Чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Къ началу 1837 г. Иннокентій возвратился въ Кіевъ. Теперь обязанности его усложнились; оставаясь ректоромъ и профессоромъ, онъ долженъ былъ заниматься дѣлами по званію викарнаго архіерея. Впрочемъ скоро Иннокентій сложилъ съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ, поселился въ кіево-михайловскомъ монастырѣ и сталъ заниматься учено-литературными трудами. 10 октября 1839 г. Иннокентій получаетъ увольненіе отъ должности ректора академіи; а 1 марта 1841 г. назначается епархіальнымъ архіереемъ въ Вологду.

Въ томъ же году онъ переведенъ былъ въ Харьковъ, гдѣ оказалъ много услугъ, такъ напр.: возобновлялъ монастыри, устроивалъ крестные ходы и поучалъ паству. Послѣднее время своей жизни онъ былъ архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, жилъ въ городѣ Одессѣ; во время войны Россіи съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею, онъ явился пламеннымъ патріотомъ и великимъ пастыремъ церкви. Когда въ великую субботу (10 апрѣля 1854 г.) архипастырь совершалъ литургію, французы и англичане бомбандировали Одессу. Богослуженіе приходило къ концу;... вдругъ страшный взрывъ! крѣпкія соборныя стѣны поколебались, стекла задрожали, хвалебное пѣніе умолкло и изумленный и

(*) Истор. Кіевск. Дух. Акад., стр. 152.

устрашенный народъ повалился на церковный помостъ.... моментъ былъ роковой: всѣмъ казалось, что громадный куполъ собора отъ сильнаго сотрясенія рушится... Одинъ архипастырь среди подобной катастрофы остался непоколебимымъ; терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ пришелъ къ чувству самосознанія, онъ, исполненный молитвы и крѣпкой вѣры, вышелъ изъ алтаря и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ началъ бесѣду слѣдующими словами: «Вы устрашились сего браннаго звука, произведеннаго враждебной рукой и, стоя на молитвѣ, не устыдились по своему маловѣрію, пасть на землю; но какой страхъ и ужасъ объиметъ грѣшную душу, когда архангельскій звукъ трубы воззоветъ насъ на всеобщій судъ»!.. Народъ въ безмолвіи слушалъ любимаго своего святителя; на колокольнѣ пробило пять часовъ, но громъ пушекъ, взрывъ гранатъ и бомбъ все еще продолжались и многія изъ нихъ ложились у самыхъ дверей церковныхъ. Наконецъ божественная служба кончилась; народъ крестясь и молясь спѣшилъ подъ кровъ простреленныхъ своихъ домовъ. 14 числа, въ 7 часовъ утра, флотъ снялся съ якоря и ушелъ въ открытое море; народъ съ отраднымъ взоромъ слѣдилъ за уходившимъ непріятелемъ, отъ души желая, чтобъ онъ не возвращался... Иннокентій по этому поводу произнесъ въ церкви проповѣдь и примѣнилъ къ состоянію жителей Одессы церковный стихъ: «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ». Не довольствуясь проповѣдями въ Одессѣ, онъ отправился на самое мѣсто побоища русскихъ съ непріятелями и совершалъ богослуженіе въ лагерной церкви, во время пушечной пальбы, укрѣпляя своимъ великимъ словомъ защитниковъ Севастополя.—На обратномъ пути Иннокентій тяжко заболѣлъ и въ Симферополѣ служилъ послѣднюю литургію. Въ Одессу возвратился онъ уже совершенно изнуренный болѣзнію. Предъ смертію Иннокентій любилъ слушать чтеніе духовныхъ книгъ, а въ особенности проповѣдей московскаго митр. Филарета и жизни митр. Платона.

Иннокентій умеръ въ 1857 году въ Одессѣ, въ день сошествія Св. Духа, въ тотъ самый праздникъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ въ первый разъ совершалъ здѣсь литургію. Смерть застигла его среди заботъ и трудовъ. Онъ далеко не все сдѣлалъ, чего желалъ. Онъ думалъ собрать

древности Крыма; имѣлъ намѣреніе отправиться въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню, заботился объ изданіи церковнаго архива, т. е. древнихъ документовъ, касающихся православной церкви.

Проповѣдническая дѣятельность Иннокентія.

Перечень проповѣдей Иннокентія. Планъ богословской системы, котораго онъ держался. Взглядъ его на значеніе проповѣди. Оригинальность темы. Ораторскіе пріемы. Красота и художественность слова. Содержаніе проповѣдей Иннокентія. Признаки общественнаго элемента въ проповѣдяхъ его. Обстановка при произношеніи. Дѣйствіе проповѣдей его на слушателей и читателей.

Проповѣди, дошедшія до насъ отъ преосвященнаго Иннокентія, носятъ разныя названія: 1) Слова и бесѣды на праздники Господни (съ нами Богъ!) и на воскресные дни; 2) Слова на Богородичны праздники, на дни святыхъ, на разные случаи и на высокоторжественные дни; 3) Бесѣды на св. четыредесятницу. Великій постъ.—Изъясненіе великопостной молитвы св. Ефрема Сирина: Господи и Владыко живота моего! О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ.—О смерти; 4) Первая седмица великаго поста.—Страшная седмица.—Свѣтлая седмица; 5) Слова при посѣщеніи паствъ.—Слова и рѣчи при избраніи въ общественныя должности, при открытіи общественныхъ учрежденій, надгробныя и къ отдѣльнымъ лицамъ; 6) Три слова о веснѣ.

Въ своихъ лекціяхъ и проповѣдяхъ Иннокентій не отступалъ отъ плана богословской системы, прежде начертаннаго митрополитомъ Филаретомъ; но онъ сосредоточивалъ свое главное вниманіе на такихъ вопросахъ, которые открывали поле для свободныхъ построеній мысли и для сужденій естественнаго соображенія. При разборѣ такихъ вопросовъ, благодаря широкимъ и остроумнымъ аналогіямъ и сближеніямъ, предъ слушателями открывался новый горизонтъ; они знакомились съ результатами современной науки и увлекались картинностію представленій, какими разсыпалась предъ ними роскошная мысль, всегда ведшая за собою игривое воображеніе. Все это возбудительно дѣйствовало на умы, и прола-

гало пути для болѣе широкаго воздѣлыванія науки и сердечной нивы: сила возбужденія—главное, что отличаетъ и возвышаетъ Иннокентія предъ другими дѣятелями науки и церковнаго слова.

Слово Иннокентія отличается и по характеру своему отъ слова Филарета. Иннокентій желаетъ затронуть проповѣдью чувство слушателей, а Филаретъ дѣйствуетъ преимущественно на разумъ. Иннокентій самъ опредѣляетъ характеръ своего слова, при вступленіи на харьковскую паству, говоря, «что *слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы: да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ* (1 Кор. 2, 1, 2, 4, 5). «Горе было бы. братіе мои, и вамъ и намъ, если бы св. вѣра наша не имѣла другаго основанія и опоры, кромѣ ума и мудрости человѣческой! Тогда и она подлежала бы тѣмъ же жалкимъ превратностямъ, коимъ всегда подлежали и всегда будутъ подлежать произведенія дѣятельности человѣческой. Тогда вмѣсто того, чтобы служить незыблемою опорой и успокоеніемъ для души нашей во всѣхъ искушеніяхъ жизни, св. вѣра сама была бы непрестанно обуреваема недоумѣніями, колеблема возраженіями и спорами, и имѣла бы нужду въ защитѣ отъ навѣтовъ того же разума, который и во всѣхъ случаяхъ, тѣмъ паче въ дѣлахъ вѣры, гораздо способнѣе сомнѣваться и вопрошать, нежели отвѣчать и рѣшать сомнѣнія. Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно, вспомнимъ судьбу вѣры въ древнемъ мірѣ языческомъ.—Велемудрая Греція, съ ея Сократами и Платонами, основывала, какъ извѣстно, свою религію на умѣ человѣческомъ: и, не смотря на всю образованность свою, многаго ли достигла?—Того, что среди столицы тогдашняго всемірнаго просвѣщенія явился алтарь «невѣдомому Богу»!—Гордый Римъ, съ его Катонами и Цицеронами, клалъ въ основаніе своихъ вѣрованій умъ и краснорѣчіе; и что вышло изъ сего? то, что въ римскомъ Пантеонѣ оказалось наконецъ столько же боговъ, сколько страстей въ сердцѣ человѣческомъ. И, вотъ почему премудрость Божія, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, видя, что міръ не только ничего не успѣваетъ въ дѣлахъ вѣры посредствомъ своей мудрости, а напротивъ, обольщаясь ею, превращаетъ и губитъ все благое въ сердцахъ человѣче-

скихъ,—положила спасти людей уже не премудростію слова, а буйствомъ проповѣди; и чтобы первая, по сродной ей самонадѣянности и страсти всюду мѣшаться, снова не покусилась на владычество и распоряженіе въ дѣлахъ вѣры, положила отвергнуть и погубить ее. *Погублю*, сказано, *премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну;* и что сказано, то и сдѣлано: *гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего»* (1 Кор. 1, 2)?...(*) Да, братіе мои, когда вы видите предъ собою проповѣдника христіанскаго, то не мните, чтобы онъ вѣщалъ къ вамъ одинъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ всегда присутствуетъ невидимо и дѣйствуетъ другой, высшій наставникъ—самъ Духъ Святый. Безъ него все наше краснорѣчіе и всѣ наши убѣжденія были бы *яко мѣдь звѣнящая и кимвалъ звяцаяй* (1 Кор. 13, 1); а съ Нимъ самая простота и безъискусственность—всесильны. Кромѣ сего въ самыхъ истинахъ и таинствахъ вѣры христіанской заключается такая внутренняя мощь и жизнь, что онѣ вполнѣ могутъ замѣнить собою всякое искусство проповѣдника, тогда какъ ихъ ничто замѣнить не можетъ».(**)

Вотъ въ чемъ заключалась сила проповѣдническаго таланта архіепископа Иннокентія; онъ не надѣялся на мудрость человѣческую въ рѣшеніи истинъ и таинствъ вѣры христіанской, а на силу и мудрость Духа Божія, Который устами проповѣдника возвѣщалъ тайны религіи христіанской всему міру и дѣлалъ эти тайны понятными и обаятельными для чувства,—сердца человѣческаго. Только натуры, богато надѣленныя духовными дарами, способны дѣйствовать на другія менѣе сильныя личности, въ своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ ними. Это богатство живой натуры дѣлало преосв. Иннокентія чуждымъ всякаго рода схоластики. Вотъ первое качество, которое встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ Иннокентія! Въ лучшихъ своихъ проповѣдяхъ онъ никогда не довольствуется просто однимъ изложеніемъ христіанскихъ истинъ, которыхъ область ему была вполнѣ извѣстна, какъ отличному богослову своего времени. Какъ богослову, ему,

(*) Т. 5, стр. 84—85.
(**) 16, стр. 87.

безъ сомнѣнія, онѣ были хорошо извѣстны и теоретически имъ изучены, но, можетъ быть, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ были ему доступны, какъ вообще человѣку. Схоластика въ проповѣдяхъ именно тѣмъ и обнаруживается, что иной берется говорить о предметахъ, не справившись предварительно съ своимъ умомъ, и особенно сердцемъ, въ какой мѣрѣ ему доступно жизненное ихъ разумѣніе. Отъ этого проповѣдь иногда не болѣе, какъ отдѣлъ изъ догматическаго, или нравственнаго богословія, только разжиженный въ потокѣ школьнаго краснорѣчія. Этотъ недостатокъ не въ характерѣ дарованій преосв. Иннокентія. Почва, на которой движется его мысль,—это сама жизнь съ ея неизбѣжными требованіями. То, что онъ говоритъ о христіанскихъ обязанностяхъ и самыхъ догматахъ, является на этой почвѣ необходимымъ дѣломъ человѣческой жизни. Отсюда тонъ живой бесѣды, который не оставлялъ архипастыря и на церковной каѳедрѣ и въ обыковенныхъ разговорахъ, когда ихъ содержаніемъ были христіанскія истины.

По требованію таланта преосвященнаго Иннокентія, непремѣнно надобно было какое-либо опредѣленное положеніе, данное въ жизни, или только возможное въ ней,- случай, дѣйствительно готовый, или же случай въ раскрытіи и ходѣ духовно-нравственной жизни человѣка—христіанина. До тѣхъ поръ, пока чувство его не ощутитъ и не найдетъ среди всеобщихъ истинъ такого положенія, со всею его жизненною обстановкою,—мысль его не развивается. Такое исканіе почвы помогаетъ ему устанавливать тему, задавать вопросъ, который онъ и рѣшаетъ въ проповѣди. Въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, проповѣдникъ начинаетъ: «На самой срединѣ жизни, проводимой въ строжайшемъ исполненіи Закона Божія, предъ самымъ пришествіемъ царствія Божія въ силѣ, для коего всѣ ветхозавѣтные праведники готовы были возстать изъ гробовъ, вдругъ лишиться жизни и проч.» Положеніе—способное возбудить рядъ въ высокой степени важныхъ вопросовъ. Еще примѣръ въ словѣ въ день архистратига Михаила: «на праздникахъ обыкновенно предлагается посѣтителямъ какое либо утѣшеніе отъ празднующихъ. На праздникъ въ честь безплотныхъ силъ должно быть и утѣшенію не плотяному, а духовному».... За тѣмъ слѣдуетъ проповѣдь весьма любопытная, кромѣ содержанія, и по своей

формѣ. Самыя обыкновенныя мысли и замѣчанія при этомъ кажутся новыми, поразительными, особенно для слушателей. Таково положеніе, которое онъ создалъ для своей второй проповѣди къ паствѣ вологодской; послѣ перваго своего служенія въ вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ, онъ для втораго служенія своего избираетъ кладбищенскую церковь, и начинаетъ слово такъ: «Можетъ быть для нѣкоторыхъ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ, что мы не осмотрѣвшись еще, такъ сказать, на мѣстѣ новаго служенія нашего въ градѣ семъ, поспѣшили на служеніе сюда къ послѣднему мѣсту всѣхъ и каждаго: но для насъ это было естественно. Ибо на пастырѣ церкви лежитъ долгъ пещись не о живыхъ только, но и объ умершихъ»(*). Здѣсь этотъ проповѣдническій пріемъ достигаетъ полнаго совершенства, степени,на которой проповѣдничество и пастырство совпадаютъ не раздѣльно. Здѣсь верхъ его искусства. Не можемъ не указать на другой подобный случай, произведшій необыкновенно сильное впечатлѣніе своею жизненною обстановкою, и вмѣстѣ показывающій даровитость проповѣдника, который въ самомъ обыкновенномъ обстоятельствѣ умѣлъ усмотрѣть стороны, дающія ему особенный высшій смыслъ. Такова проповѣдь преосв. Иннокентія въ великій пятокъ, въ которой онъ воспользовался священнымъ церковнымъ обыкновеніемъ поставлять среди храма въ этотъ день плащаницу и на ней евангеліе. Проповѣдь начинается такими мыслями: надо узнать послѣднюю волю умершаго, какъ то всегда дѣлаютъ. Онъ оставилъ намъ завѣщаніе. «Дерзнемъ же разгнуть сію священную книгу, которая заключаетъ въ себѣ это завѣщаніе». Проповѣдникъ раскрываетъ евангеліе и читаетъ: «миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ».... Впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣйствіемъ, говорятъ, было удивительно сильное(**).

Изъ того, что сказано о характерѣ почвы, на которой раскрывался талантъ Иннокентія, можно видѣть, что она не могла быть мѣстомъ для преобладающаго дѣйствованія силы разсудочной, для которой стѣснительна такая сфера. У преосвященнаго Иннокентія, какъ проповѣдника, мы не находимъ того глубокомыслія, какое встрѣчаемъ въ произведеніяхъ великихъ учителей церкви, раскрывавшихъ противъ ере-

(*) Т. 5, стр. 10.
(**) Т. 4, стр. 243.

тическихъ мудрованій тайны божественной мудрости въ искупленіи человѣка. Онъ любитъ схватывать самыя характерныя отношенія и свойства предметовъ,—дѣлать остроумныя сближенія; впечатлѣніе умной остроты усиливается неожиданностію. Удачное сближеніе фактовъ, подобно молніи, часто однимъ словомъ освѣщаетъ предметъ размышленія. Оно встрѣчается почти во всѣхъ проповѣдяхъ преосвященнаго Иннокентія, хотя иногда въ цѣлой проповѣди бываетъ одинъ такой блестящій оборотъ, одинъ громовый ударъ въ началѣ, или въ концѣ проповѣди, какъ лучшее ея украшеніе. Таковы начала многихъ его проповѣдей: «Наконецъ братіе мои, насъ всѣхъ учитъ само небо»!(*) Слышали ль вы громъ? видѣли ль молнію? Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ»—разумѣется слово апостола: «аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ (1 Кор. 16, 22). «Развращенное и не раскаянное сердце есть такая тяжесть, которой и всемогущество не можетъ поднять на высоту»! Обращаемъ вниманіе на эти замѣтки, поражающія неожиданностію и остроуміемъ, не ради ихъ внѣшнихъ достоинствъ, а потому, что онѣ дѣйствительно заставляютъ задумываться надъ сочетаніемъ понятій. Вполнѣ понятнымъ дѣлается, при этомъ, какое дѣйствіе производили проповѣди Иннокентія на людей хотя и образованныхъ, мыслящихъ, но не направлявшихъ своихъ мыслей къ предметамъ религіознымъ. Кто хочетъ возбудить въ себѣ чувство покаянія, пусть читаетъ слово преосв. Иннокентія во вторникъ 1-й недѣли великаго поста изъ текста: «помилуй мя, Боже, помилуй мя». Здѣсь вы увидите и почувствуете не учителя, а такого же грѣшнаго человѣка, какъ и всѣ люди.

Что касается плана и расположенія поученій преосв. Иннокентія, то во многихъ изъ нихъ нѣтъ надобности искать строгаго аналитическаго раскрытія мыслей. Умъ его далекъ отъ подобныхъ склонностей къ систематическому строю и ладу, отличающему многихъ даровитыхъ проповѣдниковъ; тѣмъ не менѣе проповѣдь его всегда представляетъ одно законченное цѣлое. Онъ убѣждаетъ слушателя не силою и достоинствомъ неумолимой логики, предъ которою разлетают-

(*) Т. 1. стр. 653.

ся въ прахъ возраженія и предубѣжденія. Сила его—въ обаяніи живой правды, непосредственно дѣйствующей на душу. Онъ не философъ, а художникъ въ дѣлѣ проповѣди. Часто, поэтому, проповѣди его представляютъ рядъ художественныхъ картинъ, тѣмъ болѣе увлекательныхъ, что онѣ посвящаютъ читателя въ тайны духовной жизни. Таковы его проповѣди въ недѣлю св. праотецъ и св. отецъ. Это рядъ мастерскихъ, хотя и краткихъ, біографій; сюда же должны быть отнесены многія проповѣди историческаго содержанія изъ собранія проповѣдей: «съ нами Богъ» и др. Есть слова, отличающіяся образцовою выдержанностью. Таковы слова, помѣщенныя въ «Седмицахъ». Три седмицы—первая великаго поста, страстная и свѣтлая—изложены въ стройномъ порядкѣ, какъ нѣчто цѣлое, выражающее наше спасеніе. Рядомъ одушевленныхъ словъ первая седмица выражаетъ нашу временную жизнь, какъ приготовленіе къ смерти и вѣчности, при чемъ нашъ духъ наиболѣе освящается исповѣдію и причастіемъ. «Въ суды мірскіе, говоритъ проповѣдникъ, являются для того, чтобы оправдаться; и кто больше устранилъ обвиненій, тотъ болѣе правъ. Здѣсь, въ судъ духовный, являются для того, чтобы обвинить себя, и кто болѣе призналъ свою виновность, тотъ наиболѣе свободенъ». Страстная седмица выражаетъ страданіе Господа, открывающее намъ доступъ къ вѣчности, при чемъ семь словъ со Креста символически указываютъ на наше соединеніе съ Богомъ. Въ первомъ словѣ выражено прощеніе врагамъ и намъ всѣмъ; во второмъ—утѣшеніе матери и любимому ученику; въ третьемъ словѣ изображено принятіе въ рай разбойника и съ нимъ всего кающагося человѣчества; въ четвертомъ—томленіе Спасителя отъ жажды,—духовной жажды нашего спасенія; въ пятомъ выражено духовное страданіе—оставленіе Спасителя Отцемъ небеснымъ за наше недостоинство; шестое слово заключается въ одномъ словѣ: «совершилось» и одна вѣчность раскроетъ смыслъ этого слова, содержащаго всю будущность христіанства; въ седьмомъ словѣ раскрыто соединеніе Сына съ Отцемъ и соединеніе съ Отцемъ всего человѣчества. Показывая силу этихъ словъ, проповѣдникъ научаетъ насъ жертвовать всѣмъ для Господа, жить и умирать для него. Свѣтлая седмица—пасха—есть осуществленіе нашихъ надеждъ, нашей вѣры и нашей любви. Одни мы

несемъ Крестъ и празднуемъ воскресеніе. Гдѣ столько жизни, какъ въ христіанствѣ? Какое великое счастіе быть христіаниномъ»!

Какія истины любилъ особенно проповѣдывать преосвящ. Иннокентій? Искупленіе человѣка, спасительная сила страданій Сына Божія, ставшаго Сыномъ человѣческимъ, приведеніе человѣка отъ тьмы къ свѣту, отъ жизни по духу міра къ святости. Въ чемъ состоитъ спасеніе наше? Что нужно для того, чтобы спастись? Вотъ вопросы, которые онъ выбиралъ изъ круга догматическихъ истинъ, и разсматривалъ въ своихъ проповѣдяхъ, тѣ именно вопросы, которые пригодны были для современнаго общества. Понимая современное положеніе религіозныхъ вопросовъ и ихъ рѣшеніе въ Германіи, онъ часто направлялъ свои проповѣди противъ бродившихъ и въ нашемъ обществѣ, заимствованныхъ оттуда, мнѣній, чтобы представить православное ученіе въ его превосходствѣ предъ ними. Въ словахъ его на великіе, такъ называемые, праздники господскіе, особенно Рождества Христова, легко различать, какія лжеученія проповѣдникъ имѣлъ въ виду, излагая противъ нихъ ученіе православной церкви(*). Онъ однако жъ не столько вдается въ изслѣдованія теоретическія, сколько занимается практическою стороною догмата, показывая его соотвѣтствіе съ нашими духовными нуждами(**). Живое пониманіе христіанскихъ истинъ сказалось какъ въ академическихъ лекціяхъ, такъ и въ проповѣди преосв. Иннокентія, и его имя занимаетъ въ этомъ отношеніи почетное мѣсто въ числѣ лицъ, которыя своими произведеніями могутъ служить руководителями въ новѣйшемъ періодѣ духовной литературы. У преосвященнаго Иннокентія можно встрѣчать превосходныя замѣтки касательно внутренней христіанской жизни, ея начала и преспѣянія; его нравоученіе постоянно оживлено психологическимъ анализомъ. «Начните чаще думать о какомъ угодно предметѣ, говоритъ проповѣдникъ, этотъ предметъ будетъ все ближе и ближе къ вамъ; потомъ онъ взойдетъ въ вашу душу, наполнитъ ее собою, вытѣснитъ всѣ прочіе предметы, обратится въ управляющее начало всѣхъ вашихъ дѣйствій»...

(*) Т. 1, стр. 78, 79.
(**) Т. 1, стр. 82, 84, 85, 89, 90.

Сфера слушателей дѣло весьма важное для проповѣдника. Надобно близко изучать ту среду, въ которой проповѣдникъ поставленъ дѣйствовать, смотрѣть на нее, какъ на ту почву, которая должна принимать сѣемое слово. Иннокентій угадалъ среду, въ которой онъ дѣйствовалъ; поэтому слово его было плодотворное.

Прибавимъ къ этому отличное знакомство преосв. Иннокентія съ предметами общаго образованія, которое дѣлало его интереснымъ собесѣдникомъ для людей самаго разносторонняго развитія и спеціальной учености(*). По роду своего дарованія онъ умѣлъ въ каждомъ тѣсномъ кругѣ знанія указывать общезанимательныя стороны и задавать вопросы не только любопытные для каждаго, но и способные возбуждать умъ указаніемъ для него новыхъ задачъ и идей.— Къ такимъ словамъ, гдѣ проповѣднику приходилось пользоваться громаднымъ запасомъ научно естественныхъ знаній, относятся: три слова его о веснѣ, слово по случаю землетрясенія въ Кіевѣ, (бывщаго 1838 года), слова о громѣ, молніи, электричествѣ,— особенно нѣкоторыя изъ произносимыхъ имъ въ минувшую войну, которая, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ предѣлахъ его паствы. Во всѣхъ этихъ словахъ проповѣдникъ развернулъ свой талантъ во всемъ его блескѣ, обрисовывая предметы кистію живописца и сообщая имъ краски своего роскошнаго воображенія. Въ словахъ о веснѣ(**) проповѣдникъ съ необыкновеннымъ остроуміемъ провелъ параллель между днями творенія міра и днями весенняго обновленія природы. Какъ тамъ, говоритъ онъ, свѣтъ былъ, такъ сказать, главною причиною организаціи міра и развитія безконечной цѣпи существъ, такъ и здѣсь. Сначала солнце увеличиваетъ свѣтъ и теплоту, бросая лучи на землю почти вертикально; вслѣдствіе этого таютъ снѣга, и воды уходятъ въ океанъ; земля, освободившись отъ водъ, произращаетъ всякую траву, а вода и воздухъ наполняются безчисленными обитателями. Все въ природѣ возрождается,

(*) Онъ зналъ, кромѣ богословскихъ предметовъ, анатомію, военное искусство, политическую экономію, былъ не только богословъ, но и просвѣщенный человѣкъ, стоявшій на равнѣ съ вѣкомъ. Одесск. Вѣстн. ст. Погодина.

(**) Воскр. Чт. 1843—44 г.

вездѣ, на поляхъ, въ лѣсу, на водѣ и въ воздухѣ проявляется жизнь, все движется, поетъ, радуется, даже камни безчувственные орошаются и украшаются мхомъ; не достаетъ только господина, для котораго приготовлена разнообразная природа, какъ сцена его дѣйствія и развитія. Наконецъ, какъ бы въ заключеніе творенія, появляется среди природы и человѣкъ, вышедши изъ заключенія въ четырехъ стѣнахъ и сбросивъ съ себя звѣриныя кожи, въ которыхъ прятался отъ стужи». Поученія преосв. Иннокентія о веснѣ представляютъ образецъ общехристіанскаго созерцанія природы и возвышеннаго, духовнаго наслажденія ея красотами и измѣненіями. По случаю землетрясенія въ Кіевѣ Иннокентій задавалъ вопросы на каѳедрѣ: «откуда подана жалоба на нашъ городъ? въ какомъ мѣстѣ переполнилась мѣра беззаконія, что земля трясется, не можетъ вынести гнѣвнаго взора Владыки»? Или, по случаю грома: «слышали вы громъ? видѣли вы молнію»? При описаніи жизни преосв. Иннокентія мы видѣли, что онъ, во время осады Одессы союзными войсками въ великую субботу (10 апрѣля 1854 г.), находился въ церкви и проповѣдывалъ, убѣждая слушателей быть мужественными въ настоящей опасности и не бояться смерти; говорилъ проповѣдь по удаленіи флота союзниковъ, укрѣплялъ своимъ словомъ защитниковъ Севастополя(*). Здѣсь мы приведемъ еще одинъ отрывокъ изъ его слова, говореннаго въ церкви во время осады Одессы. «И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ главами вашими. Привѣтствуемъ васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ мироносицъ, кои также, среди не малыхъ страховъ и опасеній отъ іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. Вы не оставили Его теперь; Онъ, преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя небеса *мимо идутъ съ шумомъ*, самыя *стихіи*, *сжигаемы*, *раззорятся*, *а земля и, яже на ней, дѣла сгорятъ*. Но будемъ ли мы унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ! у живоноснаго гро-

(*) Слова эти помѣщены въ 5 т. сочиненій Иннокентія на стр. 257—272

ба Спасителя для христіанина не страшенъ самый адъ; а это развѣ одна слабая тѣнь его. Если же необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ у Его животворящаго Креста и живоноснаго гроба. *Аще бо*, говоритъ апостолъ, *съ нимъ умрохомъ, то съ нимъ и оживемъ: аще терпимъ съ нимъ, воцаримся.* Въ такомъ случаѣ, хотя бы кто изъ насъ лишился нынѣ самой жизни, то при живой вѣрѣ въ силу Креста Христова, онъ ничего не потеряетъ; ибо и ему будетъ сказано: *«днесь со мною будеши въ раи»!*

Находимъ мы въ проповѣдяхъ преосвящ. Иннокентія рѣзкія, хотя вполнѣ справедливыя, обличенія своей паствы. Для примѣра стоитъ указать на извѣстное всѣмъ слово въ недѣлю православія о почитаніи святыхъ иконъ (къ харьковской паствѣ), гдѣ проповѣдникъ обличаетъ моду, по которой многіе стыдятся оставить иконы въ домахъ, а вмѣсто иконъ украшаютъ стѣны портретами знаменитыхъ людей. Еще лучше слово, сказанное противъ ушедшихъ на зрѣлище на канунѣ Св. Троицы (въ Одессѣ). Это слово слишкомъ напоминаетъ собою знаменитое слово св. Златоуста противъ ушедшихъ на зрѣлище въ великій пятокъ, которое начинается словами: «можно ли это снести? Можно ли стерпѣть? Подобное же начало имѣетъ слово Иннокентія и показываетъ сродство таланта его съ талантомъ св. Златоуста, которому онъ часто подражалъ въ своихъ проповѣдяхъ. Упреки, которые проповѣдникъ влагаетъ въ уста иностранцевъ артистовъ, и дѣйствія, которыя имъ приписываетъ, до того наглядны и естественны, что лучше ничего нельзя сказать. «Были мы въ странѣ, славящейся православіемъ, видѣли нравы ея жителей, и не знали, что подумать о нихъ! Что есть худаго, отъ чего мы стараемся освободиться, то все есть у нихъ и считается за совершенство. Въ высшемъ классѣ особенно трудно узнать, какой они вѣры? Ибо судите, что случилось въ одномъ изъ знаменитыхъ городовъ. Наступалъ праздникъ св. Троицы; церковь употребила все съ своей стороны, чтобы собрать ихъ на вечернее богослуженіе, отличающееся торжественностію. Мы съ своей стороны не употребили особенныхъ средствъ, а только разбросали, по обыкновенію, нѣсколько объявленій, что въ сей же вечеръ будетъ игра и пѣніе. Въ нашихъ странахъ мы остались бы безъ слушателей и принуждены бы пѣть однимъ стѣнамъ; у нихъ —

напротивъ. Не знаемъ, много ли было въ церкви, но нашъ домъ, не смотря на обширность, до того былъ полонъ, что намъ было совѣстно, что мы отняли столько людей у храма Божія. Намъ не пришло бы и на мысль спорить съ церковію, если бы нѣкоторые изъ нихъ же не указали на это время и не взялись помогать намъ. Мы увлеклись мнѣніемъ ихъ, благородныхъ людей»(*).

Приведемъ еще одинъ образчикъ его манеры въ обличеніи. «Недугующіе расколомъ чада церкви ревнуютъ конечно не по разуму, прививая спасеніе къ кресту осьмиконечному; но не хорошо и то, что у нѣкоторыхъ христіанъ крестъ сдѣлался, можно сказать, вовсе безконеченъ, такъ что не знаешъ, какое дать названіе той несчастной линіи, которую они чертятъ на себѣ вмѣсто знаменія крестнаго». Всѣ указанныя качества его проповѣдей дѣлали его популярнымъ въ образованномъ кругу нашего общества; проповѣди его отличались живымъ и жизненнымъ характеромъ; общественный элементъ не чуждъ былъ имъ, но только этотъ элементъ, по обстоятельствамъ тогдашняго времени, не могъ получить въ нихъ полнаго своего раскрытія. Тогда вообще мало или совсѣмъ не занимались въ литературѣ общественными вопросами. Честь и слава преосвящ. Иннокентію, что онъ все-таки любилъ затрогивать ихъ, хотя общественное значеніе его проповѣдей точно такое же, какъ и догматическое. Какъ тамъ, въ догматическомъ отношеніи, его богословскія умосозерцанія не раскрылись въ полноту богословской науки, а ограничились отдѣльными очерками, такъ и здѣсь у него нѣтъ цѣльнаго воззрѣнія на общественныя отношенія христіанина. Однакожъ и въ этомъ отношеніи наша новѣйшая духовная литература, обращающая особенное вниманіе на общественный элементъ въ жизни религіозной, можетъ считать преосвящ. Иннокентія своимъ предшественникомъ и отчасти руководителемъ: слово «современность» не было чуждо для Иннокентія: умѣнье нашего проповѣдника удовлетворять потребностямъ и ожиданію слушателей вызывало безусловныя похвалы и изумленіе.

(*) Т. 1, стр. 195—196.

При произношеніи слова, Иннокентій всегда наблюдалъ торжественность: діаконъ предносилъ евангеліе. при осѣненіи налоя рипидами; изъ евангелія проповѣдникъ прочитывалъ текстъ, чтобы показать предстоящему народу, что проповѣдь составлена на основаніи слова Божія, а не человѣческихъ умствованій. Этими необыкновенными качествами слова, затрогивающими чувство чудеснаго, Иннокентій произвелъ громадное впечатлѣніе на Россію и другія націи. Слова архіепископа Иннокентія стали выписывать, читать и заучивать во всѣхъ концахъ Россіи, и вся Россія единогласно признала Иннокентія славянскимъ Златоустымъ; духовно-учебныя заведенія признали его слова за образецъ церковнаго краснорѣчія, которому подражали; академія наукъ и разныя ученыя общества признали Иннокентія своимъ членомъ; Греція перевела слова Иннокентія на свой языкъ и въ благодарность за художественное изложеніе ихъ удостоила проповѣдника ордена Спасителя первой степени. Французская и другія литературы украсились переводами словъ Иннокентія. Такою авторитетностію преосвящ. Иннокентій возбудилъ дарованія проповѣдниковъ и, хотя самъ онъ не произвелъ эпохи въ наукѣ и проповѣди, за то далъ сильный толчекъ новому пластическому, жизненному направленію въ проповѣди(*).

Много было отзывовъ о проповѣдническомъ талантѣ архіепископа Иннокентія нашихъ ученыхъ іерарховъ и свѣтскихъ людей; одни изъ этихъ отзывовъ были вполнѣ сочувственные, другіе менѣе сочувственны; но всѣ почти отзывы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, согласны въ томъ, что Иннокентій былъ человѣкъ геніальный: «высокій, свѣтлый, проницительный умъ, всегда неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова—все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ преосв. Иннокентіѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе,—зналъ весьма многія свѣтскія науки и былъ геніаль-

---

(*) Вѣнокъ на могилу преосв. Иннокентія. Біограф. записки преосвящ Макар. Дух. Бес. 1858 г., № 21.

(**) Обзоръ Дух. Лит. Ч. II, стр. 283 - 284.

ный ораторъ на церковной каѳедрѣ. Но по самому складу своихъ способностей онъ не могъ произвести эпохи въ наукѣ, которую преподавалъ»(*).

Подобный же отзывъ сдѣлалъ о «седмицахъ» Иннокентія И. В. Кирѣевскій. «Читая преосв. Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безъизвѣстны ваши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще не знакомаго его многопотрудившейся мысли, еще не побѣжденнаго вѣрою въ глубинѣ внутренняго сознанія. Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія, оторвавшейся отъ неба науки»(**).

Совершенно противные отзывы о талантѣ Иннокентія мы встрѣчаемъ въ обзорѣ рус. дух. литерат. преосв. Филарета Чирниговскаго и другаго Филарета, митрополита московскаго. Первый осуждаетъ Иннокентія за многословіе; а вторый, прочитавъ «Страстную Седмицу», хотя и отозвался объ авторѣ ея, что «въ немъ отлично много способности»; но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, «чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло». Особенно не понравилась ему коротенькая проповѣдь, произнесенная въ пятницу страстной недѣли, гдѣ высказана мысль, что при распятіи І. Христа на Голгофѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23, 48); поэтому,—подражая одному благочестивому пустыннику (Макарію велик.), который своей братіи, ожидавшей отъ него наставленія, сказалъ: «Братіе, станемъ плакать», и всѣ пали на землю и пролили слезы,—и мы начнемъ молиться и плакать». Филаретъ осуждаетъ Иннокентія за то, что не вѣрно и не полно пересказана проповѣдь пустынника и что на Голгофѣ не было проповѣди. «Какъ

(*) Отзывъ архіеп. Макар. привед. въ „Русск. проповѣдн." изд. 1871 г., стр. 258.

(**) Полн. собр. сочин. Кирѣевскаго 1861 г. Т. 2, стр. 205 и слѣд.

легко остроуміе убиваетъ истину! — восклицаетъ Филаретъ и, съ примѣсью нѣкоторой ироніи, доказываетъ, что на Голгофѣ была проповѣдь: «И сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «воистину Божій Сынъ бѣ сей». Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ потому только не проповѣдь, что сотникъ не былъ докторъ богословія и произнесъ ее безъ аналоя и каѳедры(*).

Напрасно великій мыслитель и богословъ указываетъ Иннокентію на то, что на Голгофѣ была проповѣдь. Семь словъ на крестѣ, которыя такъ картинно и плодотворно раскрылъ Иннокентій въ той же страстной седмицѣ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Иннокентій зналъ о проповѣди на Голгофѣ; только въ данномъ случаѣ онъ не хотѣлъ повторять ихъ, а какъ изобрѣтательный художникъ хотѣлъ подѣйствовать на сердца своихъ слушателей другимъ способомъ. Слушатели пустынника всѣ пали ницъ и пролили слезы, того же хотѣлось въ данномъ случаѣ и Иннокентію.

Иннокентій, подобно многимъ лицамъ, возвышающимся надъ уровнемъ обыкновенной среды, служилъ предметомъ споровъ и пререканій. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что онъ, какъ церковный ораторъ, преимущественно предъ всѣми заставлялъ современное ему русское общество полюбить свою русскую проповѣдь и шире всѣхъ распространилъ просвѣтительное вліяніе ея на общество.

Эпоха жизненно-практическаго направленія въ проповѣди.

Характеристическія черты этого направленія сравнительно съ предшествующею формально-догматическою проповѣдію: рѣшеніе вопросовъ текущей общественной жизни; направленіе ложной и ненормальной жизни на путь истинный, христіанскій; черты индивидуальности, по которымъ можно опредѣлить: гдѣ, при какихъ условіяхъ произнесена была проповѣдь. Предшественники этого направленія проповѣди и главный творецъ, создавшій эпоху жизненно-практическаго направленія въ проповѣди.

Характеристическія черты новаго направленія проповѣди касаются, прежде всего, выбора предметовъ для проповѣди. Проповѣдники новаго направленія взглянули гораздо шире

(*) См. письма митр. Филар. къ А. Н. Муравьеву, 1869 г. стр. 21—22

на проповѣдь, нежели ихъ предшественники. Они поняли, что нельзя ограничивать ее кругомъ предметовъ отвлеченнаго міросозерцанія, кругомъ догматическихъ и общихъ христіанскихъ истинъ, въ большей части своей съ дѣтства уже извѣстныхъ слушателямъ образованнымъ изъ катихизисовъ и библейской исторіи. Они взглянули на проповѣдь, какъ на общественную силу, захватывающую и нравственно регулирующую весь строй общественной, государственной, личной и домашней жизни. Современная проповѣдь, сблизившись съ дѣйствительною жизнію во всѣхъ сферахъ ея направленія, ставитъ задачей своей, разоблачивъ несостоятельность, ненормальность ложнаго направленія жизни, указать путь истинный, какимъ можно спастись, и въ средѣ бытовой-общественной жизни, показать и научить, какъ должно и какъ можно жить по христіански и въ той самой обстановкѣ, при тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ, силою естественнаго хода вещей, поставлены слушатели. Всѣ эти особенности современной проповѣди въ своей сложности сообщаютъ ей тотъ жизненный колоритъ, ту особенную печать, по которымъ всегда можно узнать: гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ была произнесена проповѣдь.

Жизненный элементъ сказался, — какъ мы видѣли, — прежде другихъ въ проповѣдяхъ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, производившаго художественностію слова громадное впечатлѣніе на своихъ современниковъ; но, подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій жизни, элементъ этотъ не получилъ въ проповѣдяхъ Иннокентія надлежащаго развитія. Иннокентій одною стороною примыкаетъ къ господствующему въ то время формально-догматическому направленію проповѣди, съ другой онъ оживляетъ ее своими ораторскими пріемами и практическими вопросами. Поэтому Иннокентій стоитъ, какъ бы на срединѣ, между двумя направленіями, но не создаетъ новой эпохи. Онъ служитъ, вмѣстѣ съ другими нѣкоторыми проповѣдниками, только предшественникомъ того жизненно-практическаго направленія, которое во всей широтѣ сказалось въ проповѣдяхъ Іоанна, епископа Смоленскаго.

Послѣ Иннокентія замѣчателенъ по своему практическому направленію въ проповѣди архіепископъ Парѳеній Иркутскій, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ преосвященному Ин-

нокентію, какъ ученикъ его, какъ служившій подъ его начальствомъ и пользовавшійся его личными указаніями и руководствомъ. Горячее усердіе въ проповѣданіи слова Божія, глубокое всестороннее знаніе св. писанія, серьезное изученіе современнаго движенія науки и жизни, живость чувства и драматичность изложенія, поставляютъ преосв. Парѳенія въ рядъ лучшихъ современныхъ намъ проповѣдниковъ. Какъ на образцовыя, можно указать здѣсь на слѣдующія его слова: на слово, сказанное имъ по случаю землетрясенія, бывшаго въ Иркутскѣ. Въ этомъ словѣ, вопреки обычнымъ взглядамъ изслѣдователей природы, объясняющихъ всѣ явленія ея дѣйствіемъ физическихъ законовъ, проповѣдникъ доказываетъ, что одними физическими законами нельзя объяснить несчастій, причиняемыхъ намъ природою; ибо физическіе законы созданы для порядка и счастія человѣка, а потому, если они обнаруживаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ безпорядокъ и вредъ, то намекаютъ на нравственные безпорядки, которыхъ не терпитъ высшій разумъ(*). Въ другомъ словѣ — о вліяніи моды на воспитаніе, сказанномъ въ институтѣ, проповѣдникъ въ чрезвычайно живыхъ чертахъ изобразилъ деспотизмъ и насиліе моды въ цивилизованномъ мірѣ. Онъ доказываетъ въ немъ, что мода, сдѣлавшись рычагомъ, приводящимъ въ движеніе плантаціи, фабрики, магазины, общества, журналы, животныхъ, стихіи и сокровенныя силы природы, и обратившая все вниманіе на одну внѣшнюю обстановку и удобство жизни, тѣмъ самымъ разстроиваетъ нравственно-религіозное воспитаніе(**). Въ третьемъ словѣ — противъ цирка, воздвигнутаго въ городѣ однимъ французомъ въ неурожайный годъ, проповѣдникъ съ неотразимою силою доказываетъ всю пустоту развлеченій, доставляемыхъ циркомъ, когда нужда страны, голодъ и вопіющіе недостатки города указываютъ на болѣе лучшее употребленіе денегъ и лошадей. По мастерству изложенія и драматической формѣ, слово это заслуживаетъ особеннаго вниманія.

«Вотъ у насъ на площади нарочно выстроено огромное зданіе, для какой то особенной цѣли, для чего? А это,

(*) Иркутск. Епарх. Вѣд. 1863 г., № 5.
(**) Иркутск. Епарх. Вѣд. 1862 г., № 52.

говорятъ, прибыла издалека, изъ страны передовой по цивилизаціи, труппа людей искусниковъ; и эта труппа привела къ намъ особаго рода лошадей, какихъ у насъ нѣтъ, и съ которыми можно дѣлать удивительныя вещи. Великій трудъ и внимательность къ нашей отдаленной странѣ, нуждающейся въ цивилизаціи, показала эта труппа людей искусниковъ и великія понесла издержки. Какое же эта труппа съ лошадьми предпринимаетъ сдѣлать для насъ одолженіе? Не выдумано ли въ цивилизованной странѣ, откуда прибыли наши гости, какого облегчительнаго способа перевозить на этихъ лошадяхъ тяжести по нашимъ городамъ; въ чемъ наша страна, далекая отъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, великую имѣетъ нужду, особенно по дороговизнѣ провоза? Нѣтъ, говорятъ, не то! вы не о томъ говорите. Такъ что же? Не придумано ли въ странахъ, гдѣ въ такомъ ходу попечительные комитеты о животныхъ, гуманнаго способа облегчать труды человѣка, пробѣгать на этихъ лошадяхъ наши сибирскія неизмѣримыя пространства, легкимъ способомъ взбѣгать на горы, переноситься по тундрамъ, безъ изнуренія силъ, безъ ослабленія животныхъ? Нѣтъ, говорятъ, вы совсѣмъ не съ той стороны смотрите на предметъ! Такъ для чего же предприняла такую дорогу изъ цивилизованной страны эта труппа людей искусниковъ, съ животными, на которыя мы смотримъ, какъ на полезныя существа, на созданія, приготовленныя на службу человѣка? Какая, говорятъ, тамъ служба! Эта труппа прибыла совсѣмъ не для службы, а просто давать представленія, да сбирать деньги со всего города. И эти господа разсчитываютъ получить съ нашего города тысячи, даже десятки тысячъ, по самому умѣренному счету. Тысячи? десятки тысячъ? Да у насъ нынѣ всѣ жалуются на оскудѣніе денегъ, на нужды, на голодъ; такъ что и пожертвованія на храмы нынѣ стали уже не такъ щедры, какъ это прежде бывало. Вѣрно же городъ нашъ разсчитываетъ получить отъ этихъ представленій великую пользу для улучшенія общественной жизни! Какая, говорятъ, тамъ польза! пользы нѣтъ! Эта труппа не научилась приносить пользу, и дѣлать что либо полезное; а просто будетъ давать представленія въ циркѣ, да деньги собирать со всего города. Только! А можно бы кажется принести нашему городу пользу, хотя не большую, при множествѣ искусниковъ и удивитель-

ныхъ лошадей. Если бы эта труппа помогла намъ перевести дрова и камни для общественныхъ построекъ, чѣмъ нашъ городъ нынѣ озабоченъ! Можно бы еще съ большею пользою вывести подалѣе отъ города разныя нечистоты, которыхъ такъ много скопляется къ веснѣ, и которыя вредно дѣйствуютъ на здоровье жителей»(*).

Слово это произвело сильное впечатлѣніе на иркутское начальство, и, по его распоряженію, циркъ былъ закрытъ.

Гораздо больше находятъ общественнаго элемента въ проповѣдяхъ Григорія, митрополита с. петербугскаго. Онъ прежде всѣхъ сталъ проповѣдывать противъ вреднаго направленія цивилизаціи и излишнихъ заботъ о земныхъ интересахъ и удовольствіяхъ. Этотъ положительный умъ съ сильнымъ характеромъ вступилъ на первопрестольную каѳедру въ то время, когда литература наполнялась разнаго рода потѣшными журналами и иллюстраціями, съ цѣлію развлечь публику во время постовъ. Какъ ревностный пастырь, онъ счелъ обязанностію вооружиться противъ потѣшныхъ журналовъ и иллюстрацій и сталъ проповѣдывать объ этомъ съ каѳедры. Своимъ вѣскимъ словомъ онъ убилъ сразу многіе забавные журналы и иллюстраціи: ихъ перестали выписывать. Приведемъ отрывокъ изъ одного его слова по этому предмету: «Братъ и сестра! помните, что время жизни безцѣнно и старайтесь употреблять его во благо. Стараніе нужно тѣмъ сильнѣе, что теперь очень многіе злоупотребляютъ временемъ. Ибо злой духъ времени подвигнулъ многихъ тратиться и печатать такія изданія, каковы: Весельчакъ, явившійся на первой недѣлѣ великаго поста,—смѣхъ, явившійся на крестопоклонной недѣлѣ, пустозвонъ, явившійся на страстной недѣлѣ, потѣха, явившаяся на святой недѣлѣ и проч. Таковыя изданія явно разстроиваютъ умъ, развращаютъ волю, искореняютъ христіанскія чувствованія и производятъ забвеніе обязанностей св. вѣры. Да еще явились въ такое время, когда св. церковь старается наиболѣе просвѣтить умъ, исправить волю, возбудить христіанскія чувства, направить всѣхъ къ усердному исполненію добродѣтелей. Будемъ всевозможно стараться проводить жизнь земную не

(*) Иркут. Епарх. Вѣд. 1869 г., № 1.

такъ, какъ провождаютъ многіе, но какъ располагаетъ апостолъ: «не якоже не мудри, т. е. глупо или безумно, но якоже премудри»(*).

Но особенно проповѣдникъ обратилъ свое вниманіе на общее направленіе столичной жизни, на равнодушіе къ вѣрѣ и дѣлу спасенія, на погоню за одними удовольствіями земными, съ полнымъ забвеніемъ о будущей жизни... Слово о суетѣ земной, о ничтожествѣ наукъ и искусствъ сдѣлалось всегдашнею любимою темою проповѣдника. Онъ сводилъ свое слово при всякомъ случаѣ на эту тему. Вотъ, напр., говоритъ онъ слово въ великій вторникъ «о самопознаніи» и въ этомъ словѣ обличаетъ художниковъ, которые доводятъ свое художество до изумительнаго искусства, между тѣмъ о душѣ своей ничего не знаютъ. Посмотрите на ученыхъ: иной занимается астрономіей, предметъ которой: солнце, луна, звѣзды; иной физикою, химіею, механикою, медициною, изслѣдываетъ силы натуры, соединяетъ и раздѣляетъ ихъ, ослабляетъ и усиливаетъ, чтобы лучше удовлетворить житейскимъ потребностямъ. Иные занимаются геометріею, алгеброю и другими простѣйшими науками, каковыхъ въ наше время очень много. Занимаются они очень ревностно, но своею душою не занимаются и не стараются узнать, что они сами? Не близки ли къ порчѣ и чѣмъ отвратить порчу? Они изобрѣтаютъ философскія системы, сочиняютъ разныя статьи для журнала, пишутъ какой-нибудь романъ, составляютъ какіе-нибудь стихи, способствующіе къ развращенію нравовъ, къ погибели времени; но чтобы подумать о себѣ, къ этому они не способны, да на это у нихъ нѣтъ времени. Романисты прекрасно отгадываютъ сердце человѣка, а въ отношеніи себя они невѣжественны и другихъ ведутъ къ невѣжеству сочиненіями(**).

Но болѣе другихъ находятъ практическаго элемента въ проповѣди епископа смоленскаго Іоанна, котораго всѣ единогласно признаютъ творцемъ жизненно-практическаго направленія въ проповѣди, новаторомъ церковнаго слова, основателемъ новой эпохи. Іоаннъ первый съ блистательнымъ

(*) Дух. Бес. 1858 г. № 19.
(**) Дух. Бес. 1858 г. № 11.

успѣхомъ привилъ нашей церковной проповѣди публицистическій элементъ; вдунулъ въ нашу проповѣдь дыханіе жизни, влилъ въ нее струю свѣжей силы, полноты жизни и духа. По его уже почину, по его слѣдамъ наша церковная проповѣдь стала болѣе и болѣе оживляться, вслѣдствіе сближенія ея съ явленіями дѣйствительной жизни и мысли, вслѣдствіе стремленія къ удовлетворенію современныхъ потребностей общества. Всѣ лучшія проповѣди, которыя стали появляться у насъ съ начала 60 годовъ съ новымъ болѣе свѣжимъ жизненнымъ направленіемъ, могутъ считаться прекрасными отзвуками на тотъ проповѣдническій тонъ, который данъ былъ преосвященнымъ Іоанномъ; поэтому мы и остановимъ на немъ свое главное вниманіе.

Преосвященный Іоаннъ, епископъ Смоленскій.

Его происхожденіе и образованіе. Прохожденіе различныхъ ученыхъ и начальническихъ должностей; ученые труды его. Назначеніе епископомъ на смоленскую каѳедру. Смерть его. Характеръ его обширнаго ума и личный характеръ по отношенію къ подчиненнымъ и обществу.

Іоаннъ, епископъ Смоленскій, былъ сынъ московскаго священника и, до постриженія въ монашество, назывался Владиміромъ Соколовымъ. По окончаніи курса въ московской духовной семинаріи въ 1838 г., онъ поступилъ въ московскую духовную академію. Предъ окончаніемъ академическаго курса въ 1842 г., онъ постриженъ въ монашество. Въ томъ же году онъ опредѣленъ баккалавромъ въ московскую, а черезъ два года въ с.-петербургскую духовную академію на каѳедру „церковнаго законовѣдѣнія.“ Въ томъ же году опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго въ С.-Петербургѣ для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ. Въ 1850 г., указомъ Св. Синода, назначенъ для занятій по предмету переводовъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, а вмѣстѣ и членомъ особаго комитета для разсмотрѣнія программы философскихъ и богословскихъ наукъ для высшихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1851 г. утвержденъ въ должности инспектора с.-петербургской дух. академіи и

сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 степ. Въ томъ же году возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго, а въ 1852 г., въ званіе ординарнаго профессора академіи. Въ 1853 г., за изданное имъ сочиненіе «опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» возведенъ на степень доктора богословія. Въ 1855 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ с.-петербургской дух. семинаріи. Въ 1856 г. былъ членомъ синодальной конторы, по случаю отбытія членовъ Св. Синода въ Москву (съ 25 іюля по 18 сент.). Въ 1857 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ казанскую духовную академію и въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. Въ 1860 г., по представленію синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Государю Императору его сочиненія „о монашествѣ епископовъ", онъ награжденъ изъ кабинета Его Величества наперстнымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Въ 1864 г. перемѣщенъ на должность ректора с.-петербургской дух. академіи. Въ 1865 г. хиротонисанъ въ епископа выборскаго, викарія с.-петербургскаго. Въ 1866 г. назначенъ епископомъ въ смоленскую епархію, въ которой онъ прослужилъ два года и три съ половиною мѣсяца и 1869 г. 17 марта скончался(*).

Преосвященный Іоаннъ Смоленскій замѣчателенъ, прежде всего, какъ человѣкъ, въ высшей степени, даровитый: глубокій, свѣтлый, проницательный и гибкій умъ, богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, тонкій и правильный художественный вкусъ, удивительная сила творчества, изобрѣтательности и оригинальности, — все это счастливымъ образомъ, въ чудной гармоніи, совмѣщалъ въ себѣ покойный Іоаннъ Смоленскій, что выпадаетъ на долю слишкомъ не многихъ выдающихся талантовъ. Ему принадлежитъ заслуженная слава знаменитаго русскаго ученаго творца системы церковнаго законовѣдѣнія, блестящаго, и неподражаемаго церковнаго оратора, талантливѣйшаго публициста и глубокаго мыслителя(**).

Что касается личнаго характера преосвященнаго Іоанна Смоленскаго, то онъ, съ этой стороны, представляетъ собою

(*) Странн. 1869 г. Апрѣль.
(**) Христ. Чт. 1876 г., ч. 1, стр. 541.

замѣчательный, своеобразный типъ. Онъ, большею частію, былъ сухъ и даже суровъ въ оффиціальныхъ своихъ отношеніяхъ. Онъ подъ часъ не былъ многорѣчивъ даже тамъ, гдѣ нужно было его слово. Такъ однажды, онъ, въ бытность ректоромъ семинаріи, представляя въ первый разъ молодаго наставника воспитанникамъ, ограничился только слѣдующими словами: „вотъ вамъ новый наставникъ; онъ будетъ вамъ говорить, а вы будете его слушать“, и за тѣмъ вышелъ изъ класса. Впрочемъ, сколько извѣстно, онъ не слишкомъ и домогался чужихъ симпатій: прощаясь, напримѣръ, съ студентами с.-петербургской духовной академіи, при отправленіи своемъ на смоленскую епископію, онъ сказалъ имъ слѣдующее: „я, господа, составилъ себѣ самое хорошее понятіе о васъ; а какъ вы будете думать обо мнѣ, — для меня все равно; надѣюсь, что вы извините моимъ слабостямъ“. Нѣкоторые любили Іоанна за его умъ и любезность. Въ Смоленскѣ любили его исключительно какъ проповѣдника. Имя Іоанна было для смольнянъ синонимомъ ихъ знаменитаго церковнаго оратора. Сила привычки въ смольнянахъ видѣть въ лицѣ Іоанна прежде всего и главнымъ образомъ своего любимаго проповѣдника ярко обнаружилась въ томъ, что даже его бѣлой съ золотой сѣткой митрѣ, въ которой онъ неизмѣнно являлся на церковной каѳедрѣ, простодушіе смольнянъ усвоило названіе „шапка говорунъ.“ (*)

Проповѣдническая дѣятельность Іоанна Смоленскаго.

Іоаннъ Смоленскій былъ всесторонній человѣкъ, обладающій глубокимъ, всепроникающимъ умомъ и тонкимъ чувствомъ: онъ былъ и ученый мужъ и полезный, увлекательный, а вмѣстѣ и осторожный профессоръ; но для насъ онъ важенъ, какъ проповѣдникъ, создавшій новую эпоху въ проповѣди, проложившій новый путь для назиданія общества истинами вѣры, заставившій краснѣть и стыдиться общество своихъ грѣховъ; поэтому мы и остановимся на этой его послѣдней

(*) См. предисловіе къ 1 изданію проповѣдей Іоанна, 1871 г.

дѣятельности, какъ могущей служить, лучше всякихъ руководствъ, руководствомъ для проповѣдника, поставленнаго не только среди образованнаго общества, но и среди народа.

Къ сожалѣнію, не всѣ труды Іоанна собраны въ одно полное изданіе: проповѣди, говоренныя имъ въ Петербургѣ и Казани, разсѣяны по разнымъ духовнымъ журналамъ, и только тѣ, которыя говорены въ Смоленскѣ и печатались первоначально въ тамошнихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, собраны однимъ уважающимъ Іоанна лицомъ и изданы подъ именемъ: „Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго". Этотъ сборникъ изданъ въ первый разъ въ 1871 г., съ предисловіемъ издателя, потомъ въ 1876 г., безъ предисловія.

Въ первомъ изданіи помѣщено 28 словъ; а второе изданіе дополнено двумя проповѣдями, произнесенными—одна въ Смоленскѣ („Бесѣда въ день Рождества Христова, 25 декабря 1866 года"),—другая въ С.-Петербургѣ (Слово, сказанное при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ, 27 февраля 1866 г."). Такимъ образомъ въ новое изданіе вошло только 30 проповѣдей. Кромѣ того извѣстны слѣд. проповѣди Іоанна: „слово въ недѣлю православія и на день торжественнаго вступленія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича", произнесенное въ Казанскомъ соборѣ 24 февраля 1856 года, въ бытность Іоанна ректоромъ с. петербургской семинаріи. Это былъ первый опытъ проповѣди Іоанна въ томъ родѣ, какой впослѣдствіи составилъ его славу; слово объ освобожденіи крестьянъ, произнесенное имъ въ Казани 19 февраля 1859 г., напечатанное въ Православн. Собесѣдникѣ того же года т. 1; наконецъ такъ называемое «загородное поученіе», которое произнесено имъ было въ селѣ Гостилицахъ С.-Петербургской губерніи.

Проповѣди преосвященнаго Іоанна знакомятъ насъ съ духомъ современной мысли и жизни, съ болѣе или менѣе рельефными оттѣнками религіознаго сознанія и настроенія общества, съ его выдающимися нравственными недугами и недостатками, съ господствующими литературными и научными вкусами, съ современнымъ просвѣщеніемъ и дѣлами. Проповѣдникъ съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ проникаетъ во внутреннюю жизнь современнаго общества,—въ со-

стояніе его духа, опредѣляемое характеромъ современныхъ лжеученій, отрицающихъ значеніе и цѣль жизни, и говоритъ объ условіяхъ истиннаго счастія, о законахъ нравственной жизни человѣка. Какъ проповѣдникъ—публицистъ, Іоаннъ разсуждаетъ о разныхъ вопросахъ государственной и общественной жизни, о просвѣщеніи народа, о злоупотребленіи цивилизаціей, о свободѣ политической и гражданской, о свободѣ совѣсти и мысли, о женской эманципаціи и т. п. Мало того, Іоаннъ даже историческія истины христіанства, ограниченныя предѣлами одного только извѣстнаго времени, съ удивительнымъ тактомъ, находчивостію и остроуміемъ воплощаетъ въ духъ, нравы и лица своего времени и выражаетъ въ формахъ современной жизни.

Рѣшая въ своихъ проповѣдяхъ тотъ или иной общественный или соціальный вопросъ, Іоаннъ исчерпываетъ его вполнѣ, не оставляя ничего недосказаннаго и невыясненнаго не порождая въ умѣ слушателей никакихъ недоумѣній и сомнѣній. Близко знакомый съ современными интеллектуальными и соціальными интересами, онъ какъ бы чутьемъ отгадываетъ потребность раскрытія слушателямъ въ данную минуту именно тѣхъ мыслей, которыя только находятся въ умахъ слушателей лишь въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ понятій, не имѣющихъ формы, но ожидающихъ, чтобы кто нибудь нашелъ приличное слово для ихъ выраженія и уяснилъ ихъ сознанію слушателей. Преосвященный Іоаннъ не только даетъ этимъ неопредѣленнымъ понятіямъ опредѣленную форму, облекаетъ ихъ въ точное слово, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, при помощи тонкаго психологическаго анализа выясняетъ слушателямъ ихъ собственное душевное состояніе, и за тѣмъ указываетъ исходъ и направленіе ихъ дальнѣйшаго пути по руководству церкви и по началамъ христіанскаго ученія. Такимъ образомъ проповѣдникъ является по отношенію къ своей паствѣ не обличителемъ, а руководителемъ, предостерегающимъ паству отъ увлеченій западными теоріями отрицанія и невѣрія. И всѣ укоры и рѣзкія обличенія его касаются общаго направленія интеллигентнаго общества, а не его паствы, среди которой, безъ сомнѣнія, были интиллигентные люди, и, можетъ быть, увлекались западными идеями; но, во всякомъ случаѣ, не до такой степени, въ какой пред-

ставляетъ это увлеченіе проповѣдникъ и мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что проповѣдникъ клеймитъ въ своихъ проповѣдяхъ, главнымъ образомъ, западъ и отчасти интеллигентное русское общество, съ которымъ онъ познакомился въ Петербургѣ. Выборъ же предметовъ для проповѣдей къ смоленской паствѣ опредѣляется, съ одной стороны, наплывомъ съ запада всевозможныхъ теорій отрицанія и невѣрія, съ другой—цѣлымъ рядомъ введенныхъ у насъ государственныхъ реформъ, направляющихъ русскую жизнь на новую, лучшую дорогу. Чтобы предохранить общество отъ увлеченія современными соблазнительными теоріями, враждебными духу христіанства Іоаннъ, Смоленскій счелъ необходимымъ коснуться въ проповѣдяхъ самыхъ основъ этихъ теорій, показать ихъ шаткость и несостоятельность и раскрыть тѣ вредныя послѣдствія, которыя неизбѣжно влекутъ за собою эти ученія. Съ другой стороны Іоаннъ, какъ проповѣдникъ - публицистъ, счелъ своимъ долгомъ раскрыть и уяснить сознанію народа истинный смыслъ и значеніе благихъ реформъ, съ тѣмъ, чтобы привить ихъ къ жизни.

Любимымъ предметомъ проповѣдника была характеристика современнаго общества и тѣхъ заблужденій, которыми оно увлекается.

„Наше время, говоритъ проповѣдникъ, такое время,—когда умы свободно мыслящіе, съ своимъ отрицаніемъ вѣковыхъ идей и самыхъ священныхъ убѣжденій человѣчества въ вопросахъ вѣры, жизни, духа, въ вопросахъ о началѣ, существѣ и концѣ всего существующаго, сами наконецъ не знаютъ, куда идти и чѣмъ замѣнить эти убѣжденія,- когда даже умы серьезно мыслящіе въ проницаніи этой тьмы и въ борьбѣ со всѣми заблужденіями вѣка какъ бы теряютъ собственныя силы и, останавливаясь въ изумленіи передъ непрестанно возрастающею силою лжи, готовы придти въ отчаяніе, гдѣ найдти свѣтъ, откуда провести путеводный лучъ въ этотъ мракъ и борьбу умовъ? чѣмъ поддержать надежду добраго ума и сердца, что истина еще не потеряна въ человѣчествѣ, что она всегда жива, тверда и неизмѣнна, что ложь и заблужденіе не восторжествуютъ?(*) На эти воп-

(*) Бес., поуч. и рѣчи, стр. 10.

росы, пришедшихъ въ отчаяніе современниковъ проповѣдника, отъ безсилія рѣшить высшіе вопросы человѣческаго духа и сознанія, проповѣдникъ отвѣчаетъ, что «одна только истина Христова одолѣваетъ, покоряетъ, плѣняетъ человѣческій разумъ, какъ скоро онъ возвышается надъ сферою временности и чувственныхъ предметовъ; она дѣйствуетъ въ мірѣ убѣжденіемъ сердецъ, противъ которыхъ всякія умозаключенія безсильны, открываетъ совсѣмъ особый, необыкновенный для естественныхъ познаній путь просвѣщенія нравственный, нравственнымъ возвышеніемъ и очищеніемъ человѣка, очищая и возвышая его разумъ, который наконецъ приведетъ человѣка къ ясному и полному сознанію истины Христовой». „Современныя же лжеученія – все это понятія частныя, идеи измѣнчивыя, умозаключенія поверхностныя, ограниченныя тѣснымъ кругомъ преходящей видимости и временной жизни человѣка“... „Ихъ безумство только закрываетъ, но не уничтожаетъ истины, и показываетъ только, что самъ человѣкъ еще не вошелъ въ полный свѣтъ истины; они совершатъ свой кругъ, созрѣютъ и перезрѣютъ и отпадутъ сами собою“.(*)

Вотъ въ какомъ отношеніи стояло современное образованное общество, по изображенію проповѣдника, къ основнымъ существеннымъ вопросамъ нашего сознанія, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ все направленіе нашей жизни, вся наша практическая дѣятельность. Это было колебаніе изъ стороны въ сторону, бѣганіе за вѣтромъ и не имѣвшее въ себѣ ничего прочнаго, ничего стойкаго, на чемъ бы можно основать свою дѣятельность. При такомъ отсутствіи началъ для жизни, при открытой враждѣ человѣка съ Богомъ и явнаго попранія людьми всѣхъ законовъ Божескихъ, при отрицаніи догматическаго ученія церкви, понятно, современное общество не можетъ быть нравственнымъ. „Злой духъ времени думаетъ восторжествовать надъ церковію, раздѣливъ ея силы; онъ отдѣляетъ ея догматическое ученіе отъ нравственнаго ученія христіанства, и повидимому благоговѣя предъ послѣднимъ, отрицаетъ первое. Но онъ ошибается: нравственность христіанства есть выводъ изъ его вѣрованій. Отни-

(*) Б, П и Р. стр. 11—12.

мите догматы—и останется нравственность какая нибудь языческая, можетъ быть мусульманская, и во всякомъ случаѣ житейская, только не христіанская. Увы, даетъ себя знать эта новая нравственность безъ вѣры, отъ нея плачутъ семейства, страдаютъ общества, бѣдствуютъ въ своей гражданской жизни народы. Въ наше время на верху самыхъ развитыхъ обществъ, въ полномъ цвѣтѣ современной образованности, въ прекраснѣйшихъ, по видимому, созданіяхъ просвѣщеннаго вѣка, являются такъ не рѣдко образцы дикой безнравственности. Значитъ нѣтъ въ душѣ идеала чистой нравственности, нѣтъ на совѣсти узъ высшей правды, нѣтъ другихъ глубочайшихъ основъ добродѣтели, кромѣ мірскихъ измѣнчивыхъ понятій".(*)

Еще картиннѣе и грустнѣе изображаетъ проповѣдникъ нравственную физіономію современнаго образованнаго общества въ другомъ мѣстѣ. «Пусть соберутся, говоритъ проповѣдникъ, теперь всѣ мудрецы вѣка, оптимисты, прогрессисты, всѣ болѣе вѣрующіе въ человѣчество, чѣмъ въ Бога, и пусть докажутъ намъ и всѣмъ имѣющимъ очи видѣти и умъ разумѣти, что мы не видимъ, не слышимъ, не знаемъ, не понимаемъ того, что дѣлается нынѣ въ мірѣ, что мы смотримъ на него неправильно; иначе и яснѣе сказать: пусть убѣдятъ насъ, что видимое нами въ мірѣ беззаконіе есть законность, безсовѣстность—совѣстность, вопіющая неправда—справедливость, эгоизмъ—самоотверженіе, жестокосердіе—любовь, низость и безчестіе—благородство и честность, развратъ—цѣломудріе, распущенность нравовъ въ семейной и общественной жизни—скромность и благоприличіе; словомъ, пусть докажутъ, что зло есть добро, порокъ—добродѣтель, полная безнравственность—чистая нравственность.... Всѣ ухищренія современной образованности, все искусство вѣка направляется нынѣ уже не къ тому, чтобы прикрыть безобразіе нравственной жизни, а напротивъ, чтобы разукрасить, не скрывая его, чтобъ сдѣлать порокъ болѣе привлекательнымъ для глазъ, для чувства, для воображенія; и всякое зло, всякая мерзость является незастѣнчиво, во очію всѣхъ и каждаго, во всей наготѣ, во всемъ своемъ отвратительномъ ви-

(*) Бес., поуч. и рѣчи, стр. 53.

дѣ, даже съ нахальствомъ, даже съ самохвальствомъ. Можно ли идти далѣе? Нельзя, отвѣчаетъ чистое христіанское чувство; можно, отвѣчаетъ духъ времени: можно, напримѣръ, явное и самое тяжкое преступленіе извинить состояніемъ духа преступника; можно предоставить ему самому защищать себя откровеннымъ заявленіемъ, что онъ преступленіе по своему разуму и совѣсти не признаетъ преступленіемъ; можно гласно защищать его мнѣніемъ, что и другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. И это называется уваженіемъ къ свободѣ убѣжденій и къ праву защиты. Довольно! право можно подумать, что міръ какъ будто наконецъ отчаявается за самаго себя, какъ будто уже самъ не надѣется и не желаетъ себѣ лучшаго".(*)

Вотъ какими печальными и грустными чертами изображаетъ проповѣдникъ нравственную испорченность современно-общественныхъ вкусовъ и стремленій. Но можетъ быть мы найдемъ отраду и утѣшеніе въ области современной науки, въ состояніи нынѣшняго просвѣщенія, хотя еще несовершеннаго, но представляющаго задатки всего лучшаго въ будущемъ? На этотъ вопросъ проповѣдникъ отвѣчаетъ. «Наше время такъ высоко цѣнитъ свое просвѣщеніе, такъ много полагается на него, что во имя его готово отрицать самую искупительную жертву Богочеловѣка за міръ.(**) Но я уже не говорю о томъ, что никакое человѣческое просвѣщеніе не спасаетъ отъ ошибокъ и заблужденій, что всякія ошибки и заблужденія требуютъ для своего исправленія жертвъ. Наше ли время не требуетъ очистительной жертвы? Это стремленіе основать всякое познаніе разума на началахъ физическихъ, опытныхъ, даже вещественныхъ, помимо началъ вышечувственныхъ, это направленіе всякаго научнаго познанія къ отрицанію чисто духовныхъ сторонъ въ существѣ и бытіи міра и человѣка, это намѣреніе затемнить, спутать, сгладить, и наконецъ какъ бы вовсе исторгнуть изъ сознанія человѣческаго самую идею Верховнаго существа и Его вседержительныхъ отношеній къ міру, это усиліе все важ-

(*) Бес., поуч. и рѣч., стр. 155—6.
(**) Стр. 145.

нѣйшіе вопросы духа и жизни рѣшать безъ участія религіи и самую религію подчинять свободѣ человѣческаго ума и совѣсти, эта соединенная работа современныхъ умовъ, явная и тайная, надъ предположенною задачею переработать основныя, самыя жизненныя убѣжденія цѣлаго человѣчества, религіозныя, нравственныя; и въ замѣнъ ихъ положить новыя, совсѣмъ другія, ужъ вовсе не религіозныя основы для его нравственнаго развитія и дѣятельной жизни; пройдетъ ли все это даромъ? Не вызоветъ ли рано или поздно, въ наше время или послѣдующее, сильныхъ потрясеній въ жизни обществъ и народовъ»?(*)

Изобразивъ нравственность и просвѣщеніе современнаго общества, проповѣдникъ находитъ нужнымъ сказать и о дѣлахъ человѣческихъ. «Да не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ, сказалъ бы я теперь, и мысль о нихъ скрылъ бы въ душѣ своей, чтобы горечи мысли и чувства не увеличивать еще горечью слова. Но въ виду страданій Спасителя, можно ли не говорить о дѣлахъ человѣческихъ, которыя вызвали всю жестокость этихъ страданій»?(**). «При тѣхъ нравственныхъ понятіяхъ нашего времени, о которыхъ мы говорили, и которыя, какъ мы видѣли, далеко не проникнуты чистымъ, строгимъ духомъ истиннаго христіанства, что сказать о дѣлахъ? Каковы дѣла нашего времени»? «Вотъ мы проповѣдуемъ Евангеліе язычникамъ и магометанамъ. Лучшіе изъ нихъ научаются изъ Евангелія цѣнить и чтить дивную личность нашего Спасителя. Оставался бы имъ одинъ шагъ къ христіанству; но они останавливаются и говорятъ намъ: „Покажите вашу вѣру въ дѣлахъ вашихъ; покажите намъ ту чистоту сердца, ту правду, ту любовь, то милосердіе, то смиреніе, то самоотверженіе, словомъ тѣ высокія добродѣтели, которымъ такъ хорошо училъ вашъ Іисусъ; покажите тѣ совершенства, какихъ нѣтъ и не можетъ быть у язычниковъ и магометанъ; докажите у себя отсутствіе тѣхъ недостатковъ, страстей и пороковъ, какіе господствуютъ у нихъ. А вотъ мы видимъ у васъ все тоже, что и у насъ; ваше ученіе лучше нашего, но жизнь не лучше.

---

*) Бес., поуч. и рѣч., стр. 140.
(**) Бесѣда на утрени вел. пятницы, при чтеніи XII Евангелій, стр. 151.

И если мы не спасемся въ своей религіи, то спасемся ли съ вами? Ясно, что ученіе и жизнь у васъ не одно и то же, что Евангеліе не сильно въ васъ дѣйствуетъ: что же спасетъ васъ самихъ»?—Что намъ сказать на все это? Неправда? Но дѣла говорятъ сами за себя, жизнь рѣшаетъ вопросы этого рода лучше всякихъ словъ»(*).

И такъ картина современно общественной жизни, даже въ лучшихъ ея сферахъ не утѣшительна. Посмотримъ какими выдающимися чертами характеризуется личная жизнь нашего времени? Существуетъ ли по крайней мѣрѣ въ душѣ современнаго человѣка спокойствіе, счастіе и благополучіе? Проповѣдникъ усматриваетъ въ душѣ частнаго человѣка ту же нестройность, ту же дисгармонію, какъ и въ цѣлой общественной жизни. «Такъ какъ внутренняя жизнь современныхъ людей характеризуется отсутствіемъ мысли въ головѣ, чувства въ сердцѣ, дѣла въ рукахъ, самосознанія въ духѣ, убѣжденія въ характерѣ, религіи въ совѣсти, правилъ въ нравственности, цѣли въ жизни»(**), и такъ какъ «наше время всецѣло предается одной всепоглощающей неограниченной потребности внѣшняго, вещественнаго благосостоянія и ей подчиняетъ всѣ другія и важнѣйшія заботы и цѣли жизни»(***), то какова можетъ быть гармонія, каково благополучіе въ душѣ такого человѣка. «Когда бываютъ въ жизни такого человѣка тяжелыя минуты,—минуты душевнаго разлада, когда душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое значеніе; онъ самъ себя спрашиваетъ: «зачѣмъ дана ему жизнь? ужели только на муку и казнь»? Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое это ужасное состояніе! Тогда адъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ—нравственною и физическою»(****). «Сообразите,—въ под-

(*) Стр. 153.
(**) Стр. 32.
(***) Стр. 165—6.
[****] Стр. 31.

твержденіе своихъ словъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ проповѣдникъ, — сообразите нынѣшнее болѣе и болѣе усиливающееся равнодушіе къ жизни и смерти, это, въ продолженіе всей жизни, почти совершенное отсутствіе думы о смерти, это повсюду увеличивающееся въ страшныхъ размѣрахъ число самоубійствъ, это крайнее ослабленіе въ умахъ идеи безсмертія, вѣры въ будущее воскресеніе, страха или надежды вѣчной жизни: не замѣчаете ли вы, что это послѣдніе шаги заблуждающаго человѣка надъ пропастію, гдѣ онъ долженъ пасть и погибнуть безвозвратно(*). Что можетъ спасти тогда человѣка? Вспомни тогда, что онъ христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души; тамъ скрытъ забытый въ суетахъ жизни, заслоненный лживыми образами міра, подавленный страстями, но никогда не угасающій, мирный, благодатный свѣтъ христіанства. Внеси въ этотъ свѣтъ свои думы, свои чувства и страданія; тогда освѣтится все, и душа и жизнь; тамъ примиришься съ жизнію и поймешь ея высокій смыслъ и назначеніе»(**).

Характеризуя внутренній духовный строй жизни высшихъ слоевъ общества и въ смѣлыхъ, энергичныхъ выраженіяхъ обличая нравственно-религіозные недостатки въ убѣжденіяхъ, взглядахъ и практической жизнедѣятельности людей этихъ классовъ, проповѣдникъ совершенно въ другомъ тонѣ, съ иной точки зрѣнія и другимъ языкомъ обращается въ своихъ проповѣдяхъ къ низшимъ, необразованнымъ сословіямъ— простолюдинамъ. Изображая жизнь образованныхъ людей зараженною нравственно-разрушительною болѣзнію „злаго духа времени", Іоаннъ обращается къ средѣ простыхъ людей, крестьянъ, и въ чистой и пламенной вѣрѣ и религіи этихъ людей онъ видитъ какъ бы отрадный якорь спасенія среди опасныхъ волнъ современнаго невѣрія и крайняго религіознаго индеферентизма. И потому, насколько строго, смѣло и энергично его слово обличенія къ первымъ, настолько же нѣжно, кротко и любвеобильно его слово назиданія къ простолюдинамъ. По своему тону и характеру проповѣди Іоанна къ простолюдинамъ напоминаютъ чисто-семейныя, искрен-

(*) Стр. 168.
(**) 31 стр.

нія наставленія отца—христіанина своимъ дѣтямъ, наставленія простыя, безъискуственныя, но полныя крѣпкой любви и отеческихъ благожеланій, и потому наставленія трогательныя, убѣдительныя, глубоко западающія въ душу и сердце. Видно, что проповѣди этизнаменитаго оратора какъ бы невольно изливались изъ его духа и сердца. „Утѣшительно для меня, братія мои, начинаетъ проповѣдникъ одну изъ бесѣдъ своихъ съ простолюдинами—утѣшительно видѣть васъ собранными въ храмѣ Божіемъ, къ которому и я, по крайней мѣрѣ на это лѣто, принадлежу какъ вашъ соприхожанинъ(*); съ душевною радостію участвую въ вашемъ храмовомъ праздникѣ памяти св. князя Владиміра, и дорого цѣню ваше усердное желаніе почтить этотъ праздникъ архіерейскимъ священнослуженіемъ; спокойно отдыхаю духомъ и тѣломъ... около вашего селенія, въ которомъ вижу тишину, миръ, добрый порядокъ жизни. Теперь, братія мои, если вы ожидаете отъ меня поученія, то откуда я могу взять лучшее поученіе, какъ не изъ жизни того св. князя, котораго память мы нынѣ празднуемъ?.. Жизнь его, сама по себѣ весьма поучительная, должна быть хорошо извѣстна и памятна всякому русскому человѣку, потому что онъ сдѣлалъ великое, во вѣки незабвенное благодѣяніе всей Руси, просвѣтивъ ее вѣрою Христовою. Владиміръ былъ великимъ княземъ Руси въ самое древнее время, когда она еще не была святою, т. е. христіанскою, православною. Русскіе люди жили тогда въ язычествѣ, яснѣе сказать, Бога истиннаго не знали, а покланялись идоламъ, истуканамъ: каменнымъ, деревяннымъ и всякимъ другимъ. Такъ и великій князь Владиміръ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ русскимъ былъ язычникъ, покланялся идоламъ, даже оказывалъ имъ особое усердіе, умножалъ ихъ на землѣ русской, украшалъ золотомъ и серебромъ и приносилъ имъ всякія жертвы, даже готовъ былъ приносить въ жертву и самыхъ людей. Не страшно ли это? И жилъ онъ также по язычески, предавался самымъ грубымъ страстямъ, любилъ плотскія наслажденія, любилъ веселья... Но отъ природы онъ былъ умный князь

(*) Бесѣда эта произнесена въ сельской церкви на Дреснѣ, гдѣ преосвящ. Іоаннъ жилъ лѣтомъ 1867 г., стр. 197.

и имѣлъ душу добрую и не долго онъ проводилъ жизнь въ такихъ страстяхъ и наслажденіяхъ.... Умомъ и сердцемъ князь понялъ, что нѣтъ у него свѣта и добра, оттого, что онъ и всѣ русскіе люди еще не знаютъ истиннаго Бога, что идолы нелѣпость, что все язычество—одно заблужденіе и зло. И въ самомъ дѣлѣ, братіи мои, какой же свѣтъ, какое утѣшеніе, какое добро можетъ быть тамъ, гдѣ люди не знаютъ истиннаго Бога? Вѣдь душа наша создана по образу и подобію Божію: поэтому она можетъ быть свѣтла, т. е. можетъ познавать истину.... быть довольна и счастлива, когда знаетъ Бога.... И сталъ Владиміръ думать крѣпкую думу, какъ ему познать истиннаго Бога и гдѣ и какъ найти правую вѣру? Разные народы имѣютъ разныя вѣры, которая же лучше?... Владиміру не полюбилась вѣра ни жидовская, ни магометова, ни латинская, ложно толкующая ученіе Евангелія.... Только когда ученые греки изложили ему свое вѣроученіе, то Владиміръ принялъ это къ сердцу и подумалъ: не это ли и есть истинная вѣра? Вотъ, братіе, и здѣсь есть урокъ; напр. хотя вы и исповѣдуете христіанскую православную вѣру, но и къ вамъ могутъ приходить разные учители съ разными ученіями и станутъ говорить одинъ то, другой другое о вѣрѣ и спасеніи души. Не слушайте всѣхъ и каждаго, а испытывайте, какъ говоритъ св. писаніе, „*аще отъ Бога суть*“.... И если бы случилось, что они стали бы вамъ говорить что нибудь несогласное съ словомъ Божіимъ, съ ученіемъ нашей православной вѣры, выдавать себя за учителей, лучше вашихъ законныхъ пастырей и учителей, то не слушайте ихъ и объясняйте имъ рѣшительно, что вы не будете слѣдовать ихъ ученію“.

Такою же простотою и теплотою чувства, такимъ же неподражаемымъ умѣньемъ приспособить предметъ своего поученія къ потребностямъ и степени пониманія своихъ слушателей- простолюдиновъ отличаются и другія проповѣди Іоанна къ простымъ, необразованнымъ слушателямъ. Въ доказательство этому приведемъ выдержку изъ другой проповѣди Іоанна, подъ заглавіемъ: „*загородное поученіе*“, которое произнесено имъ было въ одномъ селѣ (Гостилицахъ) С.-Петербургской губ. «Если такой роскошный городъ, какъ Петербургъ,—говоритъ Іоаннъ—ищетъ себѣ лѣтомъ отрады и въ такой не роскошной природѣ, какъ петербургская, то

не истинно ли даръ Божій у васъ, владѣтели этой прекрасной мѣстности? Необыкновенная въ нашемъ краѣ свѣжесть и пріятность воздуха, зеленѣющая, густая, вѣковая растительность съ тѣнистыми аллеями, обиліе самой чистой, прозрачной воды, которая бьетъ живыми ключами и разливается потоками, шумными каскадами, фонтанами, рѣчками и озеромъ, давая въ себѣ приволье множеству рѣзвящейся рыбы, живописныя возвышенности съ широкими и разнообразными видами, наконецъ на всемъ этомъ—характеръ самой естественной простоты, чуждой всякой искусственности.... Не сокровище ли это для духа и тѣла, въ особенности изможденныхъ городскою жизнію. Какая восхитительная картина, скажетъ всякій, смотря на это мѣсто. Нѣтъ, скажу я: это еще не картина; это только рама, а настоящая картина—внутри. Здѣсь, среди этой прекрасной природы, живетъ еще прекраснѣйшій духъ, которому я не найду лучшаго имени, какъ духъ—*христіанскій*. Ахъ, съ какою любовію и утѣшеніемъ сердца описалъ бы я всѣ свѣтлыя черты этого духа, если бы не боялся нарушить почтительной скромности предъ самымъ лицомъ его, въ сію минуту такъ просто сердечно ко мнѣ обращеннымъ, если бы передъ глубиною смиренія, которое есть по истинѣ вѣнецъ его, не сдерживались самые сильные порывы моего слова.... Здѣсь жаждутъ *поученія*, и среди всѣхъ удовольствій привольной жизни здѣсь не хотѣли оставить случайнаго появленія пастыря безъ того, чтобы не получить отъ него назиданія. Вотъ она настоящая почва для духовнаго сѣянія: она сама о себѣ скажетъ; лишь не будь лѣнивъ сѣятель".(*)

Задачей и существеннымъ мотивомъ простонародныхъ бесѣдъ Іоанна служитъ его истинно пастырское стремленіе оградить отъ зараженія болѣзнію духа времени и сохранить во всей евангельской чистотѣ и невинности простыя, часто не сознаваемыя отчетливо, но тѣмъ не менѣе въ основѣ глубоко-религіозныя убѣжденія простаго народа. Эта основная точка зрѣнія, характеризующая отношеніе Іоанна, какъ проповѣдника, къ простолюдинамъ, всецѣло проникаетъ его проповѣди къ простому народу, даже подъ часъ съ оттѣн-

(*) См. Христ. Чтеніе, 1866 г. ч. 1 стр. 489.

комъ легкой ироніи на счетъ религіознаго легкомыслія образованныхъ классовъ общества. Вотъ, напр. одна изъ самыхъ типичныхъ, въ этомъ отношеніи, бесѣдъ Іоанна, бесѣда, произнесенная имъ въ Смоленскѣ въ день явленія иконы Смоленской Божіей Матери—Одигитріи. «Нынѣшній праздникъ нашъ принадлежитъ къ числу мѣстно-народныхъ. Здѣсь не церковная только святыня, а и народная, здѣсь не церковь только празднуетъ, а и народъ. Какое поучительное зрѣлище представляетъ въ православной Россіи почитаніе народной святыни, усердіе къ ней народа, его молитвы предъ нею! Пройдите по всѣмъ концамъ Россіи: въ рѣдкомъ городѣ и селеніи не найдете вы исторической или чудотворной святыни, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ и признаваемой непосредственнымъ его покровомъ и прибѣжищемъ. Вы увидите, какъ въ дни празднованія этой святыни поднимается все населеніе мѣстное и окрестное и даже отдаленное, и толпами, какъ волнами приливаетъ къ ней; какъ сельскіе жители несутъ свои послѣдніе трудовые гроши или скудныя домашнія издѣлія своихъ рукъ, чтобы положить ихъ къ подножію святыни. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ? Какое чувство и стремленіе движетъ тутъ духомъ народнымъ? Тотъ ошибется, кто припишетъ это только силѣ преданія, обычая, духу стариннаго воспитанія, еще болѣе ошибется тотъ, кто все это отнесетъ къ одному народному суевѣрію. Мало ли въ народѣ преданій, обычаевъ, своеобразныхъ правилъ воспитанія? Да нѣтъ въ нихъ той души, какая видна въ усердіи народа къ святынѣ. Мало ли въ народѣ суевѣрій? Да нѣтъ въ нихъ той, душу успокоивающей, силы, какая здѣсь открывается. Скажите вы, люди образованные и несуевѣрные, что заставляетъ васъ съ вопросами вашей души и жизни обращаться помимо чистой, прямой вѣры въ Бога къ искусственнымъ средствамъ, чтобы вызвать какія то таинственныя откровенія, или мнимочудесныя силы? Скажите также и то, что вы тогда чувствуете?... Вотъ оно чистое суевѣріе... А посмотрите на душу простую, необразованную, когда она спѣшитъ къ своей родной святынѣ и передъ ней изливаетъ свои чувства и желанія, вы увидите тутъ ясность мысли, спокойствіе преданнаго Богу сердца, твердость убѣжденія, безбоязненное упованіе.... Нѣтъ, это не суевѣріе. Это глубокая сила духа,

сила нравственная, столько же религіозная, сколько и народная, народная не потому только, что принадлежитъ массѣ народа, но и потому, что основана на народной совѣсти, на убѣжденіяхъ народнаго духа».(*)

Подъ этимъ же характернымъ угломъ зрѣнія Іоанна, съ одной стороны, на образованные классы общества, какъ на печальное изображеніе отрицательнаго духа времени, съ другой—на простой народъ, какъ на представителя въ настоящее время нравственно-религіозной силы, какъ на *ниву Божію*, обильную здоровыми соками для воспитанія въ себѣ плодовъ христіанской вѣры, Іоаннъ, какъ проповѣдникъ—публицистъ, обсуждалъ въ свое время и такъ называемый „крестьянскій вопросъ".

Нужно замѣтить, что Іоаннъ зорко слѣдилъ за всѣми новыми, выдающимися явленіями и движеніями въ литературѣ и жизни русскаго общества, уже при немъ пережившаго тревожное время разнаго рода реформъ въ области государственной и общественной жизни. И вотъ, когда «крестьянскій вопросъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ разрѣшенъ Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля, едва лишь зарождался въ правительственныхъ сферахъ и когда въ обществѣ существовало лишь смутное предчувствіе близкой реформы; Іоаннъ, по поводу этого вопроса о новомъ преобразованіи, произнесъ блестящее энергичное слово, обнаружившее благородную рѣшимость проповѣдника сказать отъ имени церкви съ каѳедры свое смѣлое, правдивое слово по самому жгучему и щекотливому вопросу времени. Слово это, подъ заглавіемъ: „слово въ недѣлю крестопоклонную и предъ началомъ выборовъ въ дворянствѣ С.-Петербургской губ." произнесено было Іоанномъ, въ бытность его ректоромъ с.-петербургской семинаріи, въ Казанскомъ соборѣ (въ Петербургѣ) 10 марта 1857 года. Приводимъ изъ него выдержку: „Прекрасная и добрая мысль просвѣтить тьму невѣдѣнія, предразсудковъ, въ которыхъ представляется погруженнымъ простонародный бытъ. Но какъ просвѣтить? Теменъ для него умозрительный свѣтъ науки: ему нуженъ дѣятельный свѣтъ жизни. Гдѣ же проводникъ для него такого свѣ-

(*) Стр. 208.

та? Безъ сомнѣнія въ свѣтильникѣ его,—въ лицѣ и жизни владѣльца. А если бы еще возникъ вопросъ—какъ и владѣльцу просвѣтить подвластныхъ, то на это отвѣтъ простой: какъ свѣча освѣщаетъ домъ. Она сама горитъ. Пусть же благородство происхожденія и званія соединяется съ ревностію о собственномъ просвѣщеніи, только истинномъ, а не ложномъ, основательномъ, а не поверхностномъ; пусть благородное сословіе не лишнимъ для себя считаетъ тверже, яснѣе и полнѣе усвоить себѣ тѣ познанія, особенно близкія къ уму и сердцу поселянъ, изъ которыхъ они съ дѣтства привыкаютъ почерпать все свое просвѣщеніе,—именно познанія своей вѣры и церкви; глубже, глубже надобно черпать въ этомъ источникѣ, въ немъ жизнь и сила русскаго народа!... *Вы свѣтъ* своему *міру! Аще же*, скажемъ словами Спасителя, *свѣтъ тьма есть, то тьма кольми.* Если свѣтъ просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и требовать отъ людей, которые въ свое оправданіе называютъ сами себя темными. Не правду ли мы скажемъ, что все образованіе поселянина должно заключаться въ сердцѣ его? На что ему высокое образованіе ума, широкія познанія, глубокія идеи? Онъ долженъ быть развитъ нравственно»(*). Какъ ни отрывочна эта выдержка, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть изъ нея, какъ вѣренъ и строго послѣдователенъ Іоаннъ своей основной, характерной точкѣ зрѣнія на высшіе классы общества съ одной стороны и на простой народъ—съ другой. Съ большимъ сочувствіемъ и радостію относясь къ самой *идеѣ* новой реформы о народномъ образованіи, Іоаннъ съ нѣкоторою, по своему основанію и причинамъ уже понятнымъ намъ, недовѣрчивостію, съ нѣкоторою колеблемостію, опасеніемъ и даже съ нѣкоторой дозой замѣтнаго сожалѣнія относится къ самымъ *средствамъ* осуществленія этой реформы, находя эти средства не совсѣмъ благонадежными, «Прекрасная и добрая мысль просвѣтить народъ, но *какъ просвѣтить?*» какъ бы недоумѣвая, спрашиваетъ Іоаннъ. „Если *свѣтъ просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и тре-*

(*) См. Христ. Чтеніе, 1870 г. ч. 1 стр- 561.

бовать отъ простыхъ людей?“ За тѣмъ, когда крестьянскій вопросъ сдѣлался уже фактомъ, Іоаннъ въ послѣдующихъ проповѣдяхъ своихъ на тему о народномъ образованіи продолжалъ развивать туже основную мысль, что для благоденствія недостаточно успѣховъ цивилизаціи, а нужна христіанская вѣра и добрая нравственность. Такъ въ одной изъ самыхъ блестящихъ ораторскихъ проповѣдей своихъ,—въ проповѣди, надѣлавшей много шума въ свое время, подъ заглавіемъ: «слово при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ», (27 февраля 1866 г.), Іоаннъ со всею широтою своего сильнаго и оригинальнаго богословско-философскаго ума, со всею энергичностію и смѣлостію въ выраженіяхъ и съ свойственнымъ ему искусствомъ въ діалектикѣ, раскрываетъ мысль о злоупотребленіи цивилизаціей. «Преобразованія, говоритъ проповѣдникъ, конечно должны вести народъ къ лучшему. Но что такое это *лучшее?* Какія тутъ идеи, какія начала, какія цѣли? Какой духъ и силы тутъ дѣйствуютъ? Вы укажете на народное просвѣщеніе, цивилизацію, силу общественнаго мнѣнія, свободу мысли и слова, развитіе народной самодѣятельности и т. д.; а мы скажемъ: если все оно не основано на началахъ строго-нравственныхъ, не проникнуто чистымъ духомъ нравственнымъ, если при этомъ не имѣется въ виду нравственная жизнь народа, съ ея потребностями и законами, тогда все это пустоцвѣтъ, гниль; скажемъ болѣе - все это легко обращается въ ложь и зло. Неужели же безнравственность можетъ быть добромъ и къ добру? А нравственности нѣтъ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога. Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать, какъ машину. Только нравственною силою, нравственными средствами, при нравственныхъ цѣляхъ и можно дѣйствовать на него къ лучшему. Никакія мѣры улучшенія не будутъ успѣшны и плодотворны, если не сопровождаются развитіемъ нравственнаго сознанія въ народѣ, если не будутъ имѣть корня и силы въ народной нравственности... Что сдѣлала Европейская цивилизація съ первобытными народами, необразованными, но патріархальными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности? Она ихъ погубила. Есть въ жизни народной стороны, не подлежащія преобразованію. Это именно христіанская вѣра и нравственность. Но духъ времени посягаетъ и на это. Ему

кажется, что люди будутъ умнѣе и просвѣщеннѣе, если не будутъ обязаны вѣровать въ Бога и Христа, что народы будутъ счастливѣе, если не религія, а что нибудь другое напр. соціализмъ, будетъ опредѣлять для нихъ правила нравственности... И увы! это у насъ въ Россіи нынѣ проповѣдуется и печатается. Нѣтъ! Не дастъ русскій народъ преобразовать свою вѣру, вѣру православную и соединенное съ нею ученіе нравственное. Это его духовная сила; это корень его внутренней жизни и духъ его жизни исторической. И горе тому, кто посягнулъ бы на эту святыню народа! Народъ русскій не можетъ быть не православнымъ, иначе онъ пересталъ бы быть русскимъ; отнять у него вѣру, въ которой онъ и одной буквы перемѣнить не позволяетъ, значило бы со дна возмутить всю его жизнь, значило бы отнять у него душу. Кто отважится на такое душегубство?»(*) Къ этому же разряду проповѣдей относится и знаменитое слово Іоанна объ освобожденіи крестьянъ, произнесенное имъ въ Казани 19 февр. 1859 г. Основною мыслію, предметомъ и задачею этого, весьма обширнаго по объему, слова служитъ раскрытіе съ религіозно-христіанской точки зрѣнія смысла и значенія понятія *свободы*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой проповѣди, для характеристики ея. „Мы слышимъ разсужденія о новомъ устройствѣ крестьянскаго быта. Разсужденія касаются обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ. О выгоды! все выгоды и выгоды! А помнится ли самая главная выгода, основаніе и залогъ всѣхъ другихъ: благо нравственное? Какъ бы утвердить новый бытъ крестьянъ на началахъ строго-нравственныхъ? Какъ бы оградить свободу ихъ предѣлами нравственными, не нарушающими, а охраняющими свободу истинную? Какъ бы новыя отношенія самихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ опредѣлить не въ полицейскихъ только, а преимущественно нравственныхъ видахъ?.. Надобно, надобно думать объ этомъ и думать много, серьезно. Иначе, мимо началъ нравственныхъ, или при слабости этихъ началъ, великій государственный вопросъ рѣшится только въ половину, или рѣшится на началахъ только преходящихъ, измѣнчивыхъ, не вѣрныхъ, каковы начала исклю-

(*) Бес., поуч. и рѣч. Іоанна (2 изд.), стр. 236.

чительно—житейскія. А если мы думаемъ, что свобода крестьянъ сама собою разовьетъ въ нихъ всѣ добродѣтели, это ошибка!... Можетъ ли быть благонадежна свобода, предоставленная самой себѣ?... Будемъ помнить, что свобода есть древо добра и зла: изъ него можетъ выйти равно и то и другое, смотря по тому, какъ человѣкъ къ нему относится: а чтобы онъ относился къ этому древу вѣрно и безопасно, нужна *заповѣдь*, строгая, точная, положительная заповѣдь.» Въ этомъ же словѣ Іоаннъ раскрываетъ смыслъ и значеніе свободы въ практической жизни. «Новое состояніе ваше,—обращается Іоаннъ къ людямъ, ожидавшимъ свободы,—принесетъ вамъ новыя заботы и обязанности. Трудитесь! трудитесь тѣмъ съ большею охотою, что будете трудиться свободно, для себя. Свобода безъ труда есть только лѣность и праздность, предосудительная, вредная, грѣшная. Только трудомъ нелѣностнымъ, трезвымъ, разумнымъ вы сдѣлаете свободное состояніе свое благополучнымъ, безъ нуждъ и скорбей, отъ праздности происходящихъ. Если даруется вамъ свобода, это не значитъ, что вы уже не обязываетесь никому служить. И своя нужда заставитъ служить другимъ. А въ общежитіи человѣческомъ необходимы слуги, и всегда были и будутъ на свѣтѣ люди богатые и бѣдные, высшіе и низшіе, образованные и необразованные, и послѣдніе всегда были и будутъ слугами первыхъ. И Божіе слово, хотя и учитъ, что во Христѣ по благодати всѣ равны, но не отрицаетъ служенія однихъ людей другимъ, а еще утверждаетъ это, какъ обязанность, и повелѣваетъ служить по совѣсти, Господа ради, даже не кроткимъ только людямъ; но и строптивымъ»(*).

Мы нарочно остановились съ такою подробностію на самой существенной части въ проповѣдяхъ Іоанна Смоленскаго—ихъ публицистическомъ элементѣ, чтобы вмѣстѣ съ однимъ, главнымъ и преобладающимъ признакомъ современной практической проповѣди—пластичной характеристикой нравственной физіономіи общества, подмѣтить и прослѣдить, въ тѣсной связи съ первымъ стоящій признакъ новаго направленія проповѣди—особенную постановку нравственно-рели-

(*) Правосл. Собесѣдн. 1859 г. ч. I, стр. 351.

гіозныхъ вопросовъ въ органически—живомъ соотношеніи съ вопросами и явленіями действительной жизни на всѣхъ ступеняхъ ея развитія и во всѣхъ сферахъ ея направленія. Изъ представленныхъ нами выдержекъ изъ проповѣдей Іоанна можно видѣть, какою удивительною владѣлъ проповѣдникъ способностію формулировать религіозно-догматическіе вопросы въ связи съ современными задачами чисто-практической жизни, какимъ замѣчательнымъ отличался онъ умѣньемъ въ приспособленіи и примѣненіи вѣчныхъ идей христіанства и истинъ Евангелія къ тѣмъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ, фактамъ и явленіямъ, въ которыхъ выражалась жизнь именно современнаго проповѣднику общества, которыми характеризуется именно настоящій вѣкъ, духъ нашего времени. Поднимается ли государственно-реформенный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, Іоаннъ устанавливаетъ истинную точку зрѣнія на свободу, раскрываетъ и уясняетъ смыслъ и значеніе свободы на ея настоящей почвѣ нравственно-духовной; обосновываетъ понятіе свободы на началахъ нравственно-христіанскихъ, на Евангеліи, по которому «только усвоеніемъ духа Христова упрочивается свобода въ человѣкѣ: аще слово Мое соблюдете, сказано Спасителемъ, во истину будете Мои ученицы и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы». Заражается ли въ обществѣ и правительствѣ новый вопросъ о народномъ образованіи при главномъ участіи дворянскихъ сословій, Іоаннъ смѣло и обстоятельно обсуждаетъ съ церковной каѳедры мѣры и средства лучшаго и вѣрнѣйшаго достиженія цѣли этой благой реформы, указываетъ на различныя препятствія и злоупотребленія, которыя могутъ при этомъ встрѣтиться, помѣшать успѣху народнаго образованія и направить его на ложный путь, въ худую сторону; доказываетъ необходимость нравственнаго самообразованія для самихъ учительныхъ сословій—дворянъ, которымъ общество и правительство вручаетъ и довѣряетъ дѣло народнаго образованія. „Вы свѣтъ своему міру, говоритъ Іоаннъ словами Спасителя, выбраннымъ дворянамъ. *Аще же свѣтъ тьма есть, то тьма кольми.* Если свѣтъ просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и требовать отъ простолюдиновъ?„

Замѣчается ли въ образованныхъ слояхъ общества увлеченіе новомодною, выступившею на литературную очередь

доктриною о такъ называемой „женской эмансипаціи,“ о возвышеніи правъ и расширеніи свободы дѣятельности женской половины, Іоаннъ не стѣсняется говорить съ церковной каѳедры по поводу современнаго женскаго вопроса. Онъ указываетъ на самое начало и причины униженія и порабощенія женщины, разоблачаетъ всю ложность и неестественность положенія женщины въ высшихъ кругахъ современнаго общества. «Потерявъ, - говоритъ Іоаннъ о современной женщинѣ, - нравственную силу и въ ней залогъ своего высокаго достоинства и своей разумной свободы, и своевольно выступивъ изъ области сердца, въ которомъ чисто нравственнымъ союзомъ была соединена съ своимъ мужемъ и была столько же нравственно свободна и счастлива, сколько невинна, жена уже слишкомъ далеко зашла во внѣшній міръ, захотѣла войти и въ мужскіе нравы, стала раздѣлять ихъ грубыя или пожалуй утонченныя, но тѣмъ не менѣе испорченныя стремленія и прихоти, и потерявъ чистоту любви и искренность уваженія другаго пола, и полная страстей, стала игралищемъ страстей мужскихъ. Она порабощена, потому что поработила саму себя; она унижена, потому что унизилась; она стѣснена въ своихъ правахъ, потому что сама ими пожертвовала. И ѳиміамъ, по видимому воскуряемый предъ нею и въ образованномъ обществѣ, очень напоминаетъ тотъ ѳиміамъ, который язычники курили предъ своими обожаемыми статуями, обожая въ нихъ не ихъ самихъ и не воображаемыя въ нихъ вышнія существа, а собственныя страсти, въ нихъ олицетворенныя. Что же говорить о расширеніи свободы и возвышеніи правъ»?(*) За тѣмъ Іоаннъ представляетъ истинныя средства возвышенія женщины изъ созданнаго ею самою униженія, указывая на высочайшій идеалъ и первообразъ женщины въ христіанствѣ Пресвятую Дѣву Марію,—на совершенство ея нравственной чистоты.

Но мало того. - Не только идеи общерелигіозныя и истины отвлеченно-догматическія, но даже историческія истины христіанства,—истины ограниченныя предѣлами одного и только одного извѣстнаго времени и фактически уже не повторяющіяся ни въ какое другое время, Іоаннъ съ уди-

---

(*) „Бес., поуч. и рѣч. Іоанна“, стр. 194.

вительнымъ тактомъ, находчивостію и остроуміемъ воплощаетъ въ духъ, нравы и лица своего времени и выражаетъ въ выпукло опредѣленныхъ формахъ современной жизни. Читая или слушая его проповѣди, мы какъ бы самолично испытываемъ и переживаемъ тѣ отрадныя или потрясающія событія христіанской исторіи, которыя совершились уже болѣе 18-ти столѣтій назадъ. Вотъ напр. страшная картина голгоѳскихъ страданій Спасителя, со всѣми ужасами предварительнаго осужденія Христа на смерть! Что это за картина? Простое воспоминаніе о дѣлахъ и событіяхъ давно минувшихъ дней? Мысленное только представленіе историческаго факта осужденій Христа на смерть и—Его страданій? Или воображаемое только созерцаніе мрачныхъ сценъ и дѣйствій одной изъ самыхъ 'разительныхъ и ужаснѣйшихъ трагедій, когда либо отъ самаго сотворенія міра совершившихся на землѣ, отъ которой *вся тварь, видѣвше* виновника міра *на крестѣ висима, ужасомъ многимъ содрагашася?*—Нѣтъ, это не похоже на воспоминаніе и воображеніе. Проповѣдникъ не отсылаетъ нашихъ мысленныхъ взоровъ, нашихъ чувствъ и сердца къ началу христіанской вѣры, на самое мѣсто происшествія страшнаго событія, совершившагося уже почти 19 столѣтій назадъ. Напротивъ, съ чувствомъ переполненной тоски, съ трогательнымъ соболѣзнованіемъ любящаго сердца Іоаннъ въ самомъ началѣ проповѣди обращается къ намъ лично съ начальнымъ вопросомъ: „не были ли вы сами при страданіяхъ Спасителя? Не были ли при Его осужденіи, поруганіи и распятіи? «Мы сначала неудомѣваемъ, о чемъ спрашиваетъ насъ проповѣдникъ. Мысленно вдаемся въ различныя предположенія, уклоненія въ сторону, разъясняемъ себѣ вопросъ его метафорически. Іоаннъ проникаетъ въ нашу душу, слѣдитъ за процессомъ нашей мысли, обнаруживаетъ наше недоразумѣніе и выражаетъ свой вопросъ еще прямѣе и опредѣленнѣе. «Вы, конечно, скажете,—продолжаетъ Іоаннъ, — что слушая съ глубокимъ вниманіемъ и чувствомъ описаніе Христовыхъ страданій, мы можемъ такъ живо представить ихъ себѣ, какъ будто сами ихъ видѣли, и конечно при событіи и зрѣлищѣ, совершившемся почти за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, и можно присутствовать только мыслію, воображеніемъ, чувствомъ. О такомъ ли присутствіи вопросъ? —Нѣтъ, братія; я ставлю вопросъ

прямо и не только повторяю его определительно, но еще хочу усилить его другимъ вопросомъ: не участвовали ли вы въ осужденіи Спасителя? Да, скажете вы, всѣ мы своими грѣхами внесли горькія доли въ чашу скорбей Христовыхъ, всѣ мы повинны въ Его смерти. Но опять у меня не о томъ рѣчь. Я васъ спрашиваю, не были ли вы сами лично, дѣйствительнымъ образомъ, если не въ числѣ судей, то обвинителей или свидѣтелей противъ Христа, или наконецъ въ толпѣ народа, который кричалъ: „распни Его?"(*)

За тѣмъ кистью истинно геніальнаго художника и нераздѣльно мыслителя и богослова Іоаннъ изображаетъ новый процессъ суда надъ Христомъ, во всей его ужасающей полнотѣ, со всѣми его потрясающими подробностями. Іоаннъ выводитъ предъ нами новаго измѣнника и предателя Христа, показываетъ намъ новый современный синедріонъ и среди его лжесвидѣтелей противъ Спасителя, и наконецъ униженнаго и поруганнаго Христа предъ ожесточенною современною толпою, неистово испускающею дикій вопль: *«распять Его»!* «Едва Христосъ въ страдальческомъ, достойномъ слезъ, видѣ является предъ этою толпою, едва легкомысленные судьи Его высказываютъ мысль о возможности освободить Его, какъ существо безвредное, толпа мятется и раздражается, «освободить лучше разбойника! «кричитъ она въ безуміи и самозабвеніи.—«Но это учитель истины», возражаетъ судья разсѣянно, полусерьезно, полунасмѣшливо, это царь духовнаго царства»!—„Не нужно намъ никакого учителя истины, отвѣчаетъ толпа; нѣтъ истины безусловной, мы не знаемъ и не хотимъ никакого духовнаго царя и духовнаго царства. Мы граждане міра." „Что же дѣлать со Христомъ?"—Смятеніе увеличивается, бѣшенство толпы возрастаетъ.—„Смерть Ему! Конецъ христіанству!" вдругъ раздается возгласъ изъ толпы: „не нужно намъ Христа и христіанства и никакой религіи. Распять Его"!.. . И Христосъ распинается нынѣ среди образованнаго христіанскаго міра"(**).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о внѣшней формѣ проповѣдей Іоанна. Говоримъ: *нѣсколько словъ*, по-

---

(*) Стр. 105.
(**) Ibid. стр. 131.

тому что вопросъ о внѣшней формѣ проповѣдей преосв. Іоанна всего менѣе можетъ быть предметомъ серьезнаго сужденія, по крайней мѣрѣ по тому значенію, какое придавалъ самъ Іоаннъ внѣшней формѣ своихъ проповѣдей. Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что проповѣдники новаго направленія не стѣсняются внѣшними пріемами и формою проповѣди. И если нужно охарактеризовать публицистическую проповѣдь со стороны ея внѣшней формы, то мы должны назвать ее *смѣшанною*: въ ней найдемъ по частямъ всѣ виды прежнихъ формъ проповѣди—слова, поученія, бесѣды и рѣчи. Въ формѣ слова Іоанномъ написано только нѣсколько проповѣдей, произнесенныхъ имъ въ С.-Петербургѣ и Казани. Проповѣдь же его на Смоленской каѳедрѣ постоянно являлась въ формѣ бесѣды или поученія. Опытный ораторъ видѣлъ, что мысль его на укладывается въ тѣсную форму слова, требующаго по своему характеру раскрытія со всею полнотою и законченностію одного избраннаго предмета. Въ высокой степени проницательный и плодовитый умъ и богатое воображеніе Іоанна находили въ избранномъ предметѣ поученія нѣсколько сторонъ, изъ которыхъ каждая могла составить тему для отдѣльной бесѣды. Вслѣдствіе этого, смотря по тому какъ позволяло ему располагать своимъ матеріаломъ время, онъ или раскрывалъ на церковной каѳедрѣ свою тему со всѣхъ сторонъ или останавливалъ вниманіе слушателей на одной какой нибудь частной ея мысли, оставляя раскрытіе другихъ до другаго, удобнаго времени.

Въ первомъ случаѣ онъ говорилъ рядъ бесѣдъ, въ послѣднемъ одно поученіе или одну бесѣду на одну частную мысль(*).

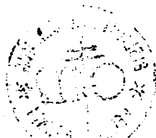
(*) Источники: Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна Смоленскаго. Изд. 2-е 1876 г., Странникъ 1869 г. т. 2. Апрѣль, стр. 43. Христ. Чтеніе 1872 г. т. 3, стр. 420. Русское Проповѣдничество. 1871. стр. 261 и 320. Воронежск. Епарх. Вѣдом. 1877 г., №№ 18 и 19.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строк.*		*напечатано:*	*должны быть:*
6	13	снизу	благопослужливости	благопослушливости
15	17	—	достоинъ	достоитъ
25	17	—	не	ни
24	5	сверху	не даетъ ли	не дастъ ли
32	17	—	рекше	рекшу
—	21	—	благословенію	благоволенію
65	2	снизу	тебѣ	тебе
—	16	—	удотворилъ	удовлетворилъ
66	11	сверху	государствѣ	Государѣ
108	18	—	пиршественные	торжественные
115	13	—	ослина	ослица
123	12	—	этой	синодальной
131	2	снизу	освѣщеніе	освященіе
—	17	сверху	истинною	истиною
147	1	снизу	веѣте	вѣсте
151	16	—	мирской	мірской
176	15	сверху	не	на
180	3	снизу	Парфиріевъ	Порфиріевъ
—	12	—	безбожія	безбожіе
184	6	—	безстрашнаго	безстрастнаго
186	13	—	дѣвяти	девяти
228	17	—	чирниговскаго	черниговскаго.

ZAVEDEEV
Istoriia russkago
propoviednichestva

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
11 581 752